

Московский государственный университет

имени М.В. Ломоносова

Высшая школа перевода

**II Международный научно-
практический форум
«Языки. Культуры. Перевод»**

1 – 9 июля 2014г.

Материалы

Издательство Московского университета

2014

УДК 81; 001.32; 81:005.745

ББК 81.2; 71

II Международный научно-практический форум «Языки. Культуры. Перевод». 01 – 09 июль 2014 г. материалы: электронное издание. - М.: Издательство Московского университета, 2014. – 292 с.

ISBN 978-5-9-01-0960-3

В сборник включены материалы докладов, представленных на **II Международном научно-практическом форуме «Языки. Культуры. Перевод»**. В опубликованных докладах освещаются различные аспекты современных научных исследований в области преподавания русского языка как иностранного, а также вопросы теории, истории и методологии перевода сравнительной культурологии и методики подготовки переводчиков.

Сборник представляет интерес для исследователей в области методики и практики преподавания русского языка как иностранного, теории, методологии и дидактики перевода, сопоставительной лингвистики, сравнительного литературоведения, культурологии и межкультурной коммуникации.

Материалы сборника будут полезны для преподавателей, аспирантов, студентов и всех, кому близка данная тематика.

Все материалы публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-9-01-0960-3 © Высшая школа перевода МГУ имени М.В.Ломоносова, - 2014 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

<i>Буржунова З.Г., Буржунова М.Г.</i> Лингвокультурологический аспект фразеологии при обучении русскому языку как иностранному.....	6
<i>Каджая Н.Д.</i> Усвоение сочетаемости русских лексем национальной аудиторией.....	12
<i>Кулибаба Н.В.</i> Использование электронных словарей на занятиях РКИ.....	19
<i>Мещерикова А.Ю.</i> Особенности использования видеоматериалов при обучении русскому языку как иностранному и при тестировании в киноузах.....	26
<i>Нетсика Д.</i> Политический дискурс на греческом языке и его особенности сквозь призму перевода на русский язык.....	34
<i>Островская Н.В.</i> Анализ дидактических особенностей вариантных форм современного русского языка.....	43
<i>Садыгова А.А.</i> Основные критерии составления учебного пособия с учётом профессиональной ориентации студентов.....	52
<i>Юсупова К.Т.</i> Методика преподавания художественного текста на занятиях русского языка как иностранного.....	61

ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

<i>Воложанин И.Н.</i> Китайская школа перевода: от традиции к инновациям.....	71
<i>Губина В.В.</i> Современный русскоязычный дискурс моды как проблема филологической топологии.....	80
<i>Косовцева Н.Н.</i> История переводческой деятельности в России.....	91
<i>Лаврентьева Е.С.</i> Переводческий аспект сопоставительного анализа текстов политического дискурса.....	102
<i>Лукина В.М.</i> Роль фигур речи в тексте художественной прозы и трудности их перевода (на материале перевода на английский язык повести К. А. Выборновой "Связь между мирами", выполненного Лукиной В.М.).....	113
<i>Налбандян А.Р.</i> Языковые аспекты национального и исторического колорита в переводе (на основе романа Раффи «Самвел» в оригинале (на армянском) и в русских переводах.....	124

<i>Пономарева А.В.</i> Официальная встреча сэра Чарльза с Онегиным.....	141
<i>Сотникова Е.С.</i> Стилистические несоответствия переводов русскоязычной литературы на английский язык на примере романа «Мы» Е. Замятина.....	150
<i>Томашева И.В., Ковалевич Е.П.</i> Политкорректность наименований профессий в английском, испанском и русском языках.....	156
<i>Ундрицова М.В.</i> Меню как текстовая разновидность гастрономического дискурса и особенности их регионально-переводческой адаптации.....	165
<i>Урсо Шнайдер Г.</i> Литературный перевод с русского в Бразилии: случай Набокова....	177
<i>Чугунова Е.Д.</i> Лингвокультурные особенности перевода правовой документации.....	191
<i>Швайко Я.В., Юсупова Ю.Р.</i> Когнитивные основания представления значения английских глаголов обучения в лексикографических источниках.....	201

КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

<i>Аллахвердиева Ф.Ш.</i> Концепт «животное» – как предмет сопоставления образов в этнокультурах.....	213
<i>Иманбердиева С.К.</i> Передача казахских слов-реалий на русском языке (на материале казахстанских газет).....	221
<i>Мартинович Е.А., Шабанова Т.Д.</i> Когнитивные основания семантических модуляций в императивных конструкциях рекламных слоганов.....	228
<i>Махнёва А.И.</i> Фразеологизмы с религиозным компонентом как отражение наивной картины мира (на материале немецкого языка).....	235
<i>Мусатаева М.Ш., Есенова П.С.</i> Теоретические основы составления двуязычного словаря наименований концептов.....	243
<i>Мусатаева М.Ш., Ташдемир О.П.</i> Цветообозначения как объект исследования в зарубежной лингвистике	251
<i>Папулова Ю.К.</i> О модели перевода в рамках теории интертекстуальности.....	261
<i>Федюнина И.Э.</i> Объективация успеха и материального благосостояния фразеологическими средствами английского и русского языков: когнитивно-прагматический аспект.....	273
<i>Хорошавина А.Г., Сулейманова А.А., Биккинина Л.А.</i> Некоторые замечания о проблеме перевода на русский язык заголовков китайских публицистических текстов.....	282

**РУССКИЙ ЯЗЫК В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ
СПЕЦИАЛИСТОВ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Буржунова З.Г.
Российский университет дружбы народов
г. Москва (Россия)

Буржунова М.Г.
Дагестанский государственный педагогический университет
г. Махачкала (Дагестан, Россия)

Burzhunova Zarema
Peoples Friendship University of Russia
Moscow (Russia)

Burzhunova Marina
Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala (Dagestan, Russia)

*ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФРАЗЕОЛОГИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ*

*LINGUOCULTURAL ASPECT OF PHRASEOLOGY IN TEACHING RUSSIAN AS A
FOREIGN LANGUAGE*

Статья посвящена проблеме изучения фразеологии в лингвокультурологическом аспекте в иностранной аудитории. Опираясь на результаты исследований известных специалистов в области преподавания русского языка как неродного и собственные наблюдения над речью учащихся, автор рассматривает особенности и трудности восприятия русских фразеологических единиц в иностранной аудитории. Рассмотрение и учёт этих проблем подтверждает необходимость лингвокультурологического анализа, семантизации и сопоставления иностранных и русских фразеологизмов.

The article is concentrated on the challenge of learning of the phraseology in linguocultural aspect among foreign students. Based on results of research of reputed experts in the field of teaching Russian as a second language and own observations over students' speech, the author considers special aspects and difficulties of perception of the Russian phraseological units by foreign students. Review and consideration of these problems confirms the necessity of the linguocultural analyse, semantization and comparison of the Russian and foreign phraseological units.

Ключевые слова: лингвокультурология, фразеологизм, семантизация, межъязыковая интерференция, фразеологический минимум, частотность, сопоставление, иностранные учащиеся.

Key words: linguocultural studies, phraseological unit, semantization, language contact, phraseological minimum, frequency, comparison, foreign students.

Взаимодействие и взаимовлияние языка и культуры отражается в функционировании языка. Это предполагает реализацию лингвокультурологического подхода к изучению языковых единиц. В.А. Масловой лингвокультурология определяется как наука, «возникшая на стыке лингвистики и культурологии и

исследующая проявление культуры народа, которая отразилась и закрепились в языке» [Маслова, 1997, с. 8].

Фразеологизмы являются наиболее ценными элементами языка с точки зрения лингвокультурологии. Поэтому объектом лингвокультурологических исследований часто становится фразеологический пласт языка.

Особую актуальность вопрос изучения фразеологии в лингвокультурологическом аспекте приобретает при обучении русскому языку иностранных учащихся.

Без практического усвоения фразеологии, без накопления достаточного количества лексико-фразеологического материала полноценное общение на русском языке, как в устной, так и в письменной форме затруднено.

Как справедливо отмечает Балыхина, «формирование фразеологического словаря на неродном языке идёт параллельно с формированием лексического запаса, но менее интенсивно, в основном за счёт тех устойчивых единиц, которые совпадают в родном и изучаемом языках по словарному составу, грамматической структуре, стилистической окраске» [Балыхина, 2007, с. 91].

Основной принцип обучения русскому языку – принцип коммуникативной направленности – предполагает введение фразеологической единицы в контексте. Контекст является важным условием реализации фразеологических единиц, поэтому целесообразно использовать их в предложениях, диалогах, беседах. Это, по мнению Быстровой, способствует практическому усвоению фразеологизмов, обеспечивает правильное употребление их в речи. [Быстрова, 1985, с. 78].

Большую помощь в формировании навыков употребления устойчивых сочетаний в различных речевых ситуациях оказывает систематическое использование фразеологических и толковых словарей.

Необходимым условием при изучении фразеологии является отбор фразеологического минимума, который основывается на частотности употребления фразеологизмов. Специальный лингвистический анализ фразеологизмов, входящих во фразеологический минимум для иностранных учащихся, позволяет выявлять и прогнозировать трудности усвоения устойчивых сочетаний, обусловленные имманентными свойствами самой фразеологической системы. Трудности, обусловленные межъязыковой интерференцией, выявляются при рассмотрении фразеологической единицы через призму родного языка. [Быстрова, 1985, с. 10].

Фразеологизмы любого языка отражают, сохраняют, воспроизводят и передают из поколения в поколение мудрость народа, его мироощущение и культуру, богатый исторический опыт, национальную специфику, уклад жизни, традиции и обычаи.

Поэтому во фразеологический минимум для иностранцев обязательно должны быть включены наиболее частотные фразеологизмы, требующие этимологического анализа, обращения к культуре и истории русского народа: *бить баклуши, у чёрта на куличках, во всю ивановскую, за тридевять земель, с три короба, семи пядей во лбу, несолоно хлебавши, косая сажень в плечах, пуд соли съесть, семь пятниц на неделе, лезть на рожон, засучив рукава, бить челом, куда Макар телят не гонял, мамеево нашествие.*

Наблюдения над русской речью иностранных учащихся показывают, что они редко используют фразеологизмы. В большинстве случаев иностранцы не понимают значения устойчивых сочетаний. А если и понимают, то не всегда могут употреблять их в речи, не отличают фразеологически связанное значение от прямого. Во многих учебниках по русскому языку как иностранному фразеологизмы не сопровождаются никаким лингвокультурологическим комментарием, что негативно отражается на формировании связной речи, так как невозможно овладеть языком без ознакомления с культурой, бытом носителей этого языка. Такой комментарий необходим ещё и потому, что он способствует повышению интереса учащихся к фразеологическим единицам. Нужно также учитывать, что нерусским учащимся очень сложно понять и научиться в дальнейшем употреблять русские фразеологизмы без осознания их семантики. Поэтому при изучении таких фразеологизмов, как *лезть на рожон, пуд соли съесть, бить баклуши, у чёрта на куличках, семи пядей во лбу, косая сажень в плечах* следует объяснить значение слов «рожон», «пуд», «баклуши», «кулички» «пядь», «сажень», иначе фразеологизмы не будут усвоены.

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров в книге «Лингвострановедческая теория слова» отмечают: «...фразеологизмы и афоризмы могут быть источниками информации о национальной культуре». [Верещагин, Костомаров, 1980, с. 303]. Действительно, ряд фразеологизмов содержит национально-культурный компонент. Например, о ремёслах, охоте, рыбалке и детских играх русского народа могут рассказать такие выражения, как *бить баклуши, вить верёвки, замечать следы, гоняться за двумя зайцами, забрасывать удочки, вывести на чистую воду, ловить рыбу в чистой водеиграть в бирюльки (в прятки, в кошки-мышки)*. Несколько фразеологизмов, в состав которых входит ставшее нарицательным имя собственное *Мамай*, отражают определённый этап русской истории: *мамаево нашествие* (о неожиданном появлении множества неприятных посетителей); *мамаево побоище* (о большой ссоре, драке); *как Мамай прошёл* (всё уничтожено, разорено). Конечно, нужно провести лингвоисторический анализ этих фразеологических единиц, рассказать иностранцам о

том, что Мамай – это один из правителей Золотой орды, татарский хан, организатор походов на русские земли.

Лингвокультурологический и этимологический анализ фразеологизмов не только знакомит со сведениями из русской истории, быта и культуры, но и способствует познавательной активности учащихся и повышению интереса к изучению русского языка. Так, студентам-иностранцам будет небезынтересно узнать, что в основе фразеологизма *положить в долгий ящик* (отложить какое-либо дело надолго) лежит такой исторический факт: у царя Алексея Михайловича был длинный ящик, куда клали жалобы, которые очень долго не рассматривались. А выражение *засучив рукава* (не жалея сил, много и усердно, старательно, энергично работать) связано с особым покроем одежды Руси. Верхняя одежда шилась с такими расширяющимися к концу рукавами, что они доходили до колен, а иногда и до самых пяток. Такая одежда была оправдана суровым русским климатом: длинные рукава в какой-то мере заменяли рукавицы, о которых древние письменные источники не упоминают. Делать что-либо со спущенными рукавами было невозможно, поэтому сначала их засучивали, т.е. поднимали на руки складками.

Эти примеры, несомненно, подтверждают, что знакомство с фразеологической единицей должно начинаться с выявления её семантики. Известны различные способы семантизации фразеологических единиц: подбор лексического синонима, подбор фразеологического синонима, использование контекста, наглядная семантизация, перевод на родной язык. Последний из перечисленных нами способов, способ переводной семантизации, достаточно широко используется, особенно на начальном этапе обучения, когда учащиеся ещё слабо владеют русским языком. Однако следует отметить, что перевод русских фразеологизмов фразеологическими сочетаниями родного языка связан с большими трудностями, поскольку случаи полного совпадения по семантике, структуре и образной основе фразеологизмов родного и русского языков крайне редки. Гораздо больше фразеологизмов, отражающих ситуации, по-разному осмысленные носителями русского и родного языков. Поэтому в большинстве случаев очень трудно, а порой невозможно перевести фразеологизмы на другой язык.

На это следует обратить внимание учащихся, объяснить, что во фразеологии контактирующих языков семантика устойчивых сочетаний, связанных с отдельными словами, может совпадать (но таких совпадений, как было отмечено выше, очень мало) и кардинально расходиться. Без учёта и объяснения подобных различий в семантике не могут быть сформированы навыки употребления фразеологизмов. В подобных случаях

невозможно обойтись также без лингвокультурологического комментария и сопоставления фразеологизмов взаимодействующих языков.

Сопоставление фразеологизмов, их лингвокультурологический анализ и толкование повышают интерес учащихся к русскому языку, так как при сопоставлении через призму родного языка и родной культуры иностранцы знакомятся с русской культурой.

Сопоставительный анализ английского и русского фразеологического материала позволяет выделить в нём три группы по степени трудности.

В первую группу входят абсолютно идентичные фразеологизмы, которые совпадают семантически, образно и в лексико-грамматической характеристике: *искать иголку в стоге сена – to look for a needle in a haystack*, *испить чашу до дна – to drink the cup to the end*, *красивый жест – a fine gesture*, *ловить кого-либо на слове – to take someone at his word*, *пройти сквозь огонь и воду – to go through fire and water*. Как уже отмечалось, такие совпадения в контактирующих языках крайне редки. Использование в речи подобных фразеологизмов затруднений у англоговорящих учащихся не вызывает.

Ко второй группе по степени трудности для англоговорящих учащихся относятся русские фразеологизмы, близкие английским семантически и частично структурно, но имеющие в основе другие образы. Обычно фразеологические единицы данной группы отражают культуру, быт и традиции народа. Например: *красный как рак – red as a lobster* (*красный как лобстер*), *как сельдей в бочке – packed like sardines* (*набито как сардин*), *купить кота в мешке – to buy a pig in a poke* (*купить поросёнка в мешке*), *обещать золотые горы – to promise the moon* (*обещать луну*), *похожи как две капли воды – as like as two peas in a pod* (*похожи, как две горошины в стручке*). Работать с этими устойчивыми сочетаниями труднее. Сначала учащиеся должны перевести каждое слово, а затем, сопоставив с соответствующими английскими устойчивыми сочетаниями, используя языковую догадку, осмыслить их переносное значение. Очень важно, чтобы учащиеся поняли, что русские и соответствующие им по смыслу английские фразеологизмы имеют лишь относительную эквивалентность. Иногда использование иностранными студентами русских фразеологизмов, близких английским по содержанию, но отличающихся от них добавочными эмоциональными и смысловыми оттенками, может приводить к ошибкам в их русской речи. Например, выражение *родиться в сорочке (рубашке)* означает «быть удачливым, везучим», английское же выражение *to be born with a silver spoon in one's mouth*, означает

«происходить из богатой семьи» и, таким образом, не может быть использовано в тех ситуациях, в которых употребляется русский фразеологизм.

В третью, самую трудную для иностранцев группу русских фразеологизмов, входят безэквивалентные слова и выражения, например: *во всю ивановскую, семи пядей во лбу, косая сажень в плечах, лыка не вяжет, лезть на рожон, ходить фертom, как аршин проглотил*. Во фразеологизмах данной группы особенно ярко отражается национальная культура, история, культура и быт русского народа. Подобные выражения трудно, а часто почти невозможно перевести, и поэтому для их семантизации необходим лингвокультурологический комментарий.

Таким образом, семантизация, сопоставление и лингвокультурологический комментарий русских фразеологизмов необходимы для их прочного усвоения иностранными учащимися.

Список литературы

Балыхина Т.М. Методика преподавания русского языка как неродного, нового. М., 2007.

Быстрова Е.А. Теоретические основы обучения русской фразеологии в национальной школе. М., 1985.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.

Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. М., 1997.

Надежда Каджая
доктор филологических наук,
ассоциированный профессор
департамента славистики ГУАЦ
г. Тбилиси (Грузия)

Nadezhda Kajaia
PhD, Associate Professor
Department of Slavic Philology, ATSU
Tbilisi (Georgia)

*УСВОЕНИЕ СОЧЕТАЕМОСТИ РУССКИХ ЛЕКСЕМ НАЦИОНАЛЬНОЙ
АУДИТОРИЕЙ*

*ON THE ISSUE OF COMPATIBILITY OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN LEXEMES
IN A DIFFERENT NATIONALITY AUDIENCE*

Вопрос усвоения иностранной аудиторией сочетаемости русских лексем в различного типа словосочетаниях был и остаётся актуальным. Своими корнями он уходит в историю зависимости, существующей между различными значениями слова и возможностями его связи с другими словами. Как видим, вопрос сочетания лексем в словосочетаниях различного типа для национальной аудитории осложняется вопросом полисемии слов, возможной свободой сочетаемости с одной или многими словоформами, грамматической принадлежностью слова к определённой категории и т.п. Акцент в этом процессе падает на значение слова, как отправную точку, базис восприятия от семантического к грамматическому, т. к. значение слова является диалектическим единством языкового и внеязыкового наполнения. Семантика вместе с фонетической оболочкой, звуковым комплексом, образуют слово, как единицу языка, связанную фонетически, грамматически и семантически с разными словоформами. Поэтому вопрос сочетаемости слов при изучении иностранного языка для нашей национальной аудитории остаётся сложным. Самой распространённой ошибкой иностранцев при коммуникации является форма сочетаемости слов в словосочетании, даже самых простых. И здесь необходимо выделить вопрос изучения сочетаемости слов в атрибутивных словосочетаниях в иностранной аудитории. Повсеместно мы слышим и исправляем ошибки сочетания русских лексем в словосочетаниях разного типа.

В данной статье рассматриваются отдельные аспекты изучения словосочетаний, в частности, атрибутивных, в процессе преподавания русского языка в иностранной аудитории. При определении зависимости семантического наполнения имени прилагательного и существительного в подобных сочетаниях, затрагивается вопрос категориального содержания имени прилагательного; его атрибутивной роли; лексических отношений на парадигматическом и синтагматическом уровнях; сущности ограниченного контекста.

The issue of combination of words in various phrases of a foreign audience has always been and still remains actual. Its roots goes into the history of dependence that exists between the different meanings of the word and the capabilities of its connection with other words. As we see, the question of a combination of lexemes in phrases of different type for national audience complicates the issue of polysemy of words, the possibility of freedom of compatibility with one or many word forms, grammatical words belonging to a certain category, and etc. The emphasis in this process falls on a word meaning, as a starting point, basis of perception from semantic to grammatical since the word meaning is dialectic unity of language and extra language filling. Semantics together with a phonetic cover, a sound complex form the word, as unit of language connected phonetic, grammatical and semantic with different word forms. Therefore the word compatibility issue of learning a foreign language for our national audience remains difficult. The

most widespread mistake of foreigners at communication is the word compatibility form in the phrase, even the simplest. And it is necessary to mark out word compatibility in attributive combinations in the foreign audience. We hear and we correct such type errors everywhere.

In this article separate aspects of studying of phrases, in particular, attributive, in the course of Russian teaching in foreign audience are considered. At determination of dependence of semantic filling of an adjective and a noun in similar combinations, the question of the categorial maintenance of an adjective is raised; its attributive role; the lexical relations on paradigmatic and syntagmatic at levels; essence of a limited context.

Ключевые слова: аспекты изучения, семантическое наполнение, категориальное содержание, атрибутивная роль, лексические отношения.

Key words: aspects of studying, semantic filling, categorial maintenance, attributive role, lexical relations.

Вопрос усвоения иностранной аудиторией (и, в частности, грузинской вузовской аудиторией) сочетаемости русских лексем в различного типа словосочетаниях был и остаётся актуальным. Своими корнями он уходит в историю зависимости, существующей между различными значениями слова и возможностями его связи с другими словами. Как видим, вопрос сочетания лексем в словосочетаниях различного типа для национальной аудитории осложняется вопросом полисемии слов, возможной свободой сочетаемости с одной или многими словоформами, грамматической принадлежностью слова к определённой категории и т.п. Акцент в этом процессе падает на значение слова, как отправную точку, базис восприятия от семантического к грамматическому, т. к. значение слова является диалектическим единством языкового и внеязыкового наполнения. Семантика вместе с фонетической оболочкой, звуковым комплексом образуют слово, как единицу языка, связанную фонетически, грамматически и семантически с разными словоформами. Поэтому вопрос сочетаемости слов при изучении иностранного языка для нашей национальной аудитории остаётся сложным. Самой распространённой ошибкой иностранцев при коммуникации является форма сочетаемости слов в словосочетании, даже самых простых. И здесь необходимо выделить вопрос изучения сочетаемости слов в атрибутивных словосочетаниях в иностранной аудитории. Повсеместно мы слышим и исправляем ошибки сочетания русских лексем в словосочетаниях разного типа.

В данной статье рассматриваются отдельные аспекты изучения словосочетаний, в частности, атрибутивных, в процессе преподавания русского языка в иностранной аудитории. При определении зависимости семантического наполнения имени прилагательного и существительного в подобных сочетаниях, затрагивается вопрос категориального содержания имени прилагательного; его атрибутивной роли;

лексических отношений на парадигматическом и синтагматическом уровнях; сущности ограниченного контекста.

Сочетаемость слов каждой части речи определяется свойствами её грамматических категорий, отражающихся также в семантике этих слов. Прилагательные – это морфологические образования со значением непроцессуального признака основы. Поэтому категориальным значением прилагательных является качественный, относительный или указательно-определятельный признак. Объектом данной статьи мы выбрали качественные и относительные имена прилагательные. Граница между ними неустойчива, что также вызывает трудности сочетаемости. Относительные прилагательные потенциально обладают признаком качества, и наоборот, в качественных прилагательных содержатся оттенки значений относительных. Например, употребление слов *сердечный*, *живой* в значении "устроенный, образуемый чем-нибудь или кем-нибудь одушевлённым": *сердечная аудитория* (გულითადად აუდიტორიას), *сердечный приём* (გულითადად მიღება), *сердечное слово* (გულითადად სიტყვა); *живой инвентарь* (ცოცხალი ინვენტარი), *живая сила* (ცოცხალი ძალა), *живая изгородь* (ცოცხალი ღობე).

Основными синтаксическими функциями имён прилагательных в современном русском языке являются атрибуция и предикация. Хотя главной из них остаётся функция определения. Имена прилагательные вступают в односторонние отношения с определяемым предметом, в отличие от глагольных словоформ со значением двусторонних семантических отношений к субъекту и объекту действия. Синтаксической моделью одностороннего отношения прилагательных в атрибутивных сочетаниях является "определение - определяемое слово", где лексическая сочетаемость с семантическими группами существительных широка. Причём употребление прилагательного в прямом или переносном значении зависит от семантики определяемого слова, поэтому с самого начала должно внимание уделять значению главного компонента атрибутивного словосочетания. Необходимо хорошо объяснить иностранной аудитории приоритеты семантики существительных в подобных сочетаниях.

Выявление сходства и различия в значениях разных лексем происходит в разнообразных контекстах: фразах, образующих эти тексты. При этом необходимо исходить из того, что семантические различия и сходства соответствуют и определяют синтаксические различия и сходства. Части речи, связанные с предикацией, обычно, рассматриваются в предложении. Прилагательные же рассматриваются в

микроконтексте, атрибутивном словосочетании, где первый член прилагательное, второй же существительное (ПС). Атрибуция изучается в подобных типичных ограниченных контекстах, атрибутивных словосочетаниях. Но не всегда подобный микроконтекст является достаточным. В этом случае необходимо выйти за пределы атрибутивного словосочетания. Например, прилагательное учебный, наряду с самыми обычными сочетаниями: учебный год (სასწავლო წელი), учебное время (სასწავლო დრო), учебная неделя (სასწავლო კვირა) и т. д. может вступать в атрибутивные отношения в менее типичных словосочетаниях, зависящих от более конкретных ситуаций, например: учебные деньги (სასწავლო ფული). Само атрибутивное словосочетание может иметь несколько разных значений: "деньги на оплату учебного процесса" (ფული, სასწავლო პროცესის გადასახადი), "деньги на расходы в учебном заведении" (სასწავლო პროცესში სახარჯო ფული), „деньги, выделенные на нужды учебного заведения“ (სასწავლო დაწესებულების საჭიროებისათვის გამოყოფილი ფული), „деньги, найденные в учебном заведении“ (სასწავლო დაწესებულებაში ნაპოვნი ფული) и т. п. Исходя из последнего примера неверно было бы думать, что прилагательные типа учебный имеют разные значения в сочетании с разными существительными. Необходимо объяснить, что прилагательные сами по себе, вне контекста, обозначают лишь общую идею атрибутивно выраженного отношения к предмету и лишь конкретизируются в сочетании с существительным. Значения прилагательных на синтаксическом уровне (синтаксических дериватов) отличаются от значения однокоренных им (лексических дериватов): глазной–თვალის ("относящийся к глазу"–"რომელიც თვალს მიეკუთვნება") и глазастый–თვალება ("с большими глазами"–"დიდთვალება"); вкусовой–გემოსი ("относящийся к вкусу"– „რომელიც გემოს მიეკუთვნება“) и вкусный–გემრიელი ("имеющий хороший вкус"–„რომელსაც კარგი გემო აქვს“).

Е.А. Земская делит словообразовательные типы на область синтаксической и лексической деривации [Земская, 1967, с. 32], соответственно все прилагательные современного русского языка возможно разделить на две группы: 1) образованные при помощи лексической деривации; 2) образованные при помощи синтаксической деривации. Первые изучаются в микроконтексте атрибутивного словосочетания, вторые - в более широком контексте речевой ситуации. Таким образом, необходимо пояснить иноязычной аудитории, что значение лексических единиц определяется парадигматическими и синтагматическими связями.

Значение лексемы меняется в зависимости от изменения семантических групп слов, с которыми данное слово сочетается, например: 1) *кислый (მჭავვე)* - лимон, вкус (*ლიმონი, გემო*) и 2) *кислый (მჭავვე)* - смех, улыбка (*სიცილო, ღიმილი*); 1) *мягкий (რბილი)* - диван, кресло, подушка (*დოვანი, სავარძელი, ბალიში*) и 2) *мягкий (რბილი)* - характер, человек, тон (*ხასიათი, ადამიანი, ტონი*). Сочетаемость прилагательного, как видим из примеров, зависит от наличия прямого и переносного значений. В первой группе словосочетаний прилагательное используется в прямом, номинативном значении, отсюда сочетаемость с существительным свободная, определяется внеязыковой реальностью. В словосочетаниях второго типа прилагательное употребляется в переносном (фразеологически связанном) значении, сочетаясь с закрытой группой существительных. В русском языке есть компактные группы прилагательных с определённым значением и ограниченной сочетаемостью. Например, лексемы семантического поля "цвет" со значением масти лошадей: *вороной (შავი, შავრა)*, *буланный, саврасый (ჩაღისფერი, ზერდავი)*, *гнедой (წაბლისფერი, წაბლა)*, *кауры (ღია წაბლისფერი, ჩაღის ფერი)*, *чалый (თრთვილა, სისვი)*, *пегий (ამლაკი)*,... Эти прилагательные сочетаются лишь с существительным *конь (ცხენი, რაში, ტაიჭი)*, *лошадь (ცხენი, ტაიჭი)*, в том числе со значением пола, возраста: *кобыла (ჭაკი, ხრდალი, ფაშატი)*, *жеребец (ულაყი, ურა, ახტა, აჯილა)*, *жеребёнок (კვიცი)*, *мерин (ლაფშა, იაზო, ტაიჭი)*.

Интересны также случаи обратной зависимости в сочетаемости, т.е. от существительного к прилагательному: *отчаяние (სასოწარკვეთილება)* – полное, глубокое (*სრული, ღრმა*); *слух (სმენა)* - тонкий, острый (*მახვილი*); *мороз (ყინვა)* - трескучий, лютый, свирепый (*მძაფრი, მძვინვარე*); *ошибка (შეცდომა)* – грубая, роковая (*უხეში, საბედისწერო*). И здесь важно учитывать семантический параметр лексической сочетаемости "очень, крайне, в высшей степени".

Объединяясь в лексико-семантические группы, существительные влияют на выбор значения прилагательного. Происходит взаимовлияние. Так, например, с существительными-названиями определённых предметов прилагательное *серый (ნაცრისფერი)* обозначает "цвет"(ფერი): *серый (ნაცრისფერი)* - карандаш, шарф, шаль, шляпа, облако (*ფანქარი, შარვი, შალი, მოსახვევი*); с существительными-названиями времени суток - обозначает "пасмурный" (*მოღრუბლული, ღრუბლიანი, მოქუშული, პირქუში*): *серый (ნაცრისფერი)* - день, утро, вечер (*დღე, დილა, საღამო*);

Список литературы

Земская Е.А. О семантике и синтаксических свойствах отсубстантивных прилагательных в современном русском языке.// Историко-филологические исследования. М., 1967.

Словарь сочетаемости слов русского языка. Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М.: Рус. яз., 1983. — 688 с.

Шмелёв Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.

Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1969.

რუსულ-ქართული ლექსიკონი. საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია. ტ. I-III. თბილისი: საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის გამომცემლობა. 1956, 1958, 1959 წ.

Кулибаба Н.В.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Kulibaba Natalya
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ СЛОВАРЕЙ НА ЗАНЯТИЯХ РКИ

THE USAGE OF ELECTRONIC DICTIONARIES IN RFL (RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE) CLASSES

В данной статье рассмотрена проблема использования электронных словарей на занятиях РКИ. В наши дни знание одного или более иностранных языков является нормой. С ростом межкультурной коммуникации в русский язык вливаются иностранные слова, которые уже не требуют перевода. Это происходит во всех сферах деятельности, начиная со школы и заканчивая миром высоких технологий. Язык это живое явление, он не стоит на месте, а постоянно меняется, старые слова исчезают, а вместо них приходят новые. Соответственно и словари должны идти «в ногу со временем». Поэтому в наши дни появляется огромное количество электронных словарей, помогающих быстро перевести слова и словосочетания или найти необходимое слово. Но до недавнего времени студенты пользовались бумажными словарями, и, хотя, работа с бумажным словарём отнимала гораздо больше времени, это никак не влияло на знание языков. Использование бумажного словаря достаточно неудобно, и студент часто вначале пытается поневоле вспомнить слово самостоятельно, прежде чем будет листать страницы и искать глазами нужное слово в словаре. Но в современном мире жизнь проходит в большом темпе, развиваются новые технологии, расширяется межкультурная коммуникация, старое сменяет новое. В век современных технологий и Интернета часто задаёшься вопросом, как организовать работу студентов на уроке, чтобы она была интересной, динамичной и полезной. Соответственно возникает вопрос, как её ускорить. Поэтому уметь пользоваться электронным словарём должен не только студент, но и преподаватель.

This article deals the problem of the use of electronic dictionaries in the Russian as a foreign language classes. Nowadays, the knowledge of one or more foreign languages is the norm. With the growth of cross-cultural communication in the Russian language infused foreign words that do not require translation. It occurs in all spheres of activity, from school and ending the world of high technology. Language is a living phenomenon, it is not static, but is constantly changing, the old words disappear, but instead they come new. Accordingly, dictionaries must go "up to date". Therefore, nowadays there is a huge number of electronic dictionaries that help to quickly translate words and phrases, or to find the desired word. But until recently, students used paper dictionaries, and although work with a paper dictionary took up much more time, it had no effect on language skills. Using a paper dictionary quite uncomfortable, and often the student first attempts to involuntarily recall the word yourself before turning the pages and will look around for the right word in the dictionary. But in today's world, life goes at a great pace, developing new technologies, expanding intercultural communication, the new replaces the old. In the age of modern technology and the Internet often wonders how to organize the work of students in the classroom, to be interesting, dynamic and useful. Accordingly, the question arises how to speed it up. Therefore be able to use the electronic dictionary must not only students but also the teacher.

Ключевые слова: бумажный словарь, электронный словарь, межкультурная коммуникация, современные технологии.

Key words: paper dictionary, electronic dictionary, intercultural communication, modern technology.

В составление электронного словаря нужно вложить не только душу, но и огромное количество времени. Необходимо собрать как можно больше слов и расположить в алфавитном порядке, а главное, предоставить к каждому слову словарную статью, где дан перевод и толкование с учётом всех возможных значений и способов употребления. Практикой и теорией составления словарей занимается лексикография (др.-греч. λεξικόν, lexikon – «словарь» и γράφω, grapho – «пишу»). Это раздел языкознания, занимающийся вопросами составления словарей и их изучения; наука, изучающая семантическую структуру слова, особенности слов, их толкование.

В России период развития лексикографии пришёлся на XIX век. Тогда были созданы словари разных типов – исторические, иностранных слов, двуязычные, толковые. Позже, в СССР, лексикография стала играть ведущую роль в отрасли прикладного языкознания. Это объяснялось необходимостью фиксировать современное состояние русского и других языков страны, закрепить языковые нормы для многих народов, не имеющих письменности. Так были созданы двуязычные словари для народов СССР – русско-национальные и национально-русские. Расширение переводческой деятельности и преподавания иностранных языков в учебных заведениях потребовало и новых русско-иностранных и иностранно-русских словарей. С 1918 по 1962 год в Советском Союзе было издано около 9000 разных словарей, в том числе и словари нового типа: словарь сочетаемости, словообразовательный, морфемный, фразеологический и другие.

С развитием компьютерных технологий в лексикографии появилась новая отрасль – электронная лексикография, занимающаяся созданием электронных словарей. Пользоваться таким словарём можно с помощью компьютера, загружая его с диска как обычное программное приложение или загружать данное приложение в телефоны, в различные гаджеты.

Часто считают, что словарь в компьютере – это просто электронный образ некоторого «бумажного» словаря, снабжённый удобным пользовательским интерфейсом и машинными средствами поиска. При описании электронных словарей уделяют много внимания их удобной «компьютерной» форме, а содержание словаря: лексика, структура словарной статьи, актуальность значений, — как правило, не анализируется. Получается, что создатели электронных словарей просто копируют информацию из бумажных словарей на электронные носители. Задача электронной лексикографии сводится тем самым лишь к точной передаче и тщательному сохранению начальных словарных текстов в новой «электронной» оболочке.

Однако такая точка зрения недооценивает всех возможностей компьютерных технологий. Новая форма словаря позволяет устранить многие неизбежные недостатки «бумажной» лексикографии и тем самым поднять её на качественно новый уровень.

Главная особенность электронного словаря – это возможность обойти противоречие «бумажной» лексикографии, состоящее в следующем: чем больше информации предлагает словарь, чем более развит его научный аппарат, тем сложнее им пользоваться.

По этой причине большинство «бумажных» словарей разделяется на две категории. Первая – популярные словари, относительно удобные, но довольно примитивные. Вторая – объёмистые профессиональные издания, непригодные для быстрого получения информации.

Электронные словари сочетают большой объем с удобством пользования. Достигается это, в первую очередь, благодаря машинному механизму поиска. Чтобы найти слово в электронном словаре, обычно достаточно просто напечатать его в командной строке словаря, нажать «Ввод» – и в отдельном окошке появится перевод.

К числу положительных сторон применения электронных словарей можно отнести экономию времени. С помощью таких словарей достигается большая скорость при поиске слов по сравнению с традиционным словарём. Следующим фактором, говорящим в пользу электронных словарей, является мобильность их использования, то есть возможность иметь такой словарь всегда под рукой и применять его на занятии и в дороге. За экономичность электронного словаря можно принять отсутствие необходимости носить с собой дополнительные громоздкие предметы. Достоинствами электронных словарей являются также их долговечность при использовании, они не рвутся, не изнашиваются. И кроме того у студентов есть склонность к применению электронной техники и сформированы навыки извлечения информации с электронных носителей.

Задача электронных словарей – удовлетворить нужды самой широкой аудитории, поэтому основными их качествами должны быть полезность и быстрота в использовании. Они должны отвечать на запросы пользователя с любым языковым опытом. Это достигается с помощью структурирования словарной статьи, позволяющего выделять в ней основные типы информации о слове (варианты перевода, фразеологизмы, идиоматические выражения, сокращения, использование в устойчивых словосочетаниях, синонимы, антонимы и прочее).

Очень важно, что структурирование позволяет формировать вид словарной статьи в соответствии с запросом.

Электронные словари могут «разговаривать». То есть, все слова или их часть – наиболее употребляемая лексика – могут быть озвучены «живым» или синтезированным звуком. Эта особенность полностью отсутствует в «бумажных» словарях и очень помогает тем, кто ещё учит иностранный язык.

Современная педагогика столкнулась с фактом, когда наряду с традиционными словарями на бумажном носителе широкое распространение получили электронные словари, и пользователи все чаще обращаются к их помощи. Молодое поколение и его часть студенчество свободно оперирует электронной техникой и имеет широкий доступ к базе электронных словарей. Нужно ли сегодня полностью отказаться от обычных печатных словарей и перейти на электронные? Ответ на этот вопрос однозначен: нет. Каждая из версий словарей имеет свои плюсы и минусы. Электронные словари не могут во всех отношениях заменить обычные словари, а традиционные книжные словари уже не в состоянии удовлетворить во всех отношениях притязательных пользователей. Рассмотрим более детально достоинства и недостатки тех и других словарей для того, чтобы выяснить, каким образом можно комбинировать использование электронных и традиционных словарей в преподавании иностранного языка.

В статье «Электронные словари и карманные переводчики» С. Зелинского автор обращает внимание ещё на один важный аспект – возможность осуществления машинного перевода текста. «Машинный перевод значительно дешевле и быстрее традиционного, хоть и уступает ему по качеству. Поэтому именно в тех областях, где важнее понять смысл того, о чем идёт речь, нежели перевести текст в соответствии с литературными или научными критериями, машинный перевод начинает играть все более заметную роль» [Зелинский, Эл. ресурс].

Однако можно обозначить и ряд негативных моментов при пользовании электронными словарями. Электронный переводчик смещает процесс перевода из мыслительной сферы в механическую плоскость, не заставляет думать. Недопустимо использование карманных переводчиков на экзаменах, зачётах, контрольных работах, поскольку вместо собственных знаний студент демонстрирует более или менее успешный перевод, выполненный машиной. Возможность получать при помощи электронного словаря готовый перевод текста в учебных целях нужно отнести к негативным факторам. В данном случае облегчение труда означает исключение необходимости выполнения набора обязательных мыслительных операций по технике перевода и, следовательно, процесс переводческой деятельности просто заменяется готовым продуктом. Электронный перевод сегодня не совершенен в такой степени,

чтобы дать безукоризненно точный перевод. Неточности и ошибки ведут при этом к искажению смысла.

Например, в русско-англо-китайских электронных словарях были замечены ошибки в ономастике, т.е. в неправильном образовании от полного имени множества необъяснимых и неупотребляемых вариантов уменьшительно-ласкательных имён. Русско-англо-китайский электронный словарь производства ООО «Электронно-информационная компания Русс-Кита» г. Харбин, составленный Научно-исследовательским центром русской филологии и культуры Хэйлунцзянского университета при Министерстве образования КНР предлагает следующие варианты уменьшительно-ласкательных имён:

- Наталья (Наталья): Натальюшка; Натала; Натаня; Натаха; Наташа; Таша; Наша; Ната; Натуля; Натуня; Натуся; Туся; Наля; Нала; Таля; Тала; Талюша; Тата; Татуся.
- Дарья: Дарьюшка; Даря; Дара; Дарюха; Дарюша; Дарёна; Дарина; Даруня; Дарёха; Дарёша; Даша; Дашуля; Дашуня; Дашура; Дашута; Дашуха; Даня.
- Мария (Марья): Марийка; Мариша; Маря; Мара; Марюня; Маруня; Маруля; Муля; Маруся; Муся; Мася; Масята; Марюра; Марюха; Маруха; Марюша; Маруша; Муша; Маня; Манюня; Манюра; Манюся; Манюта; Манюха; Манюша; Манятка; Мака; Маняша; Маша; Машаня; Машоня; Машутка; Машуня; Муня; Машура; Мура; Шура; Машара; Машута; Мута; Машуха; Моря.
- Елена: Еленка; Лена; Ленуша; Ленуся; Леся; Еленя; Еля; Ела; Елюша; Елюся; Люся.
- Анастасия: Анастасиюшка; Анастаска; Настася; Настя; Наста; Нася; Ната; Ная; Наюся; Нюся; Настёна; Тёна; Настёха; Настуся; Туся; Настюля; Настуля; Настюня; Настуня; Настюра; Стюра; Настюха; Настюша; Настяха; Стася; Тася; Тая; Ася; Асюша; Сюша; Асюта; Сюта.
- Николай (Николаевич, Николаевна): Николайка; Николаха; Николаша; Николя; Коля; Колюня; Колюся; Колюха; Колюша; Коляня; Коляха; Коляша; Кока; Нака; Накаха; Никаша; Никуся; Никуша.
- Иван (Иванович, Ивановна): Иванка; Иваня; Иванюха; Иванюша; Ивася; Ивасик; Иваха; Иваша; Иша; Ишута; Ваня; Ванюха; Ванюша; Ванюра; Ванюся; Ванюта; Ванютя; Ванята; Ива.

- Александр (Александрович, Александровна): Александрюшка; Алексаня; Саня; Санюра; Санюха; Санюша; Алексах; Алексах; Саша; Сашуха; Сашуля; Сашуня; Сашута; Сашура; Шура; Шуруня; Алекся; Алексюха; Алексюша; Аля; Ася.
- Сергей (Сергеевич, Сергеевна): Сергейка; Сергуля; Гуля; Сергуня; Сергуна; Гуня; Сергуся; Гуся; Сергуша; Гуша; Серёжа; Серж; Серёня.
- Константин (Константинович, Константиновна): Константинка; Костя; Коста; Костюха; Костюша; Костюня; Костюра; Костяня; Костяха; Костяша; Кося; Котя; Коташа; Кока.

Проанализировав десятки имён, следует сделать вывод о том, что составители данного электронного словаря не потрудились проконсультироваться с носителями языка о составлении уменьшительно-ласкательных имён, а взяли из учебных материалов всё уменьшительно-ласкательные суффиксы и во всевозможных вариантах изложили в словаре.

Тем не менее, нельзя оценивать роль электронного словаря однозначно негативно. Технический прогресс, как уже было сказано, позволяет ускорить процесс перевода. Кроме того машинный текст можно всегда доработать, если переводящий владеет знаниями грамматики и навыками перевода.

Работа с обычным бумажным словарём в свою очередь предполагает, что студент владеет знаниями алфавита, имеет представление о структуре словаря. Работа с традиционным словарём более трудоёмкая, она требует логического мышления. Можно быть однозначно уверенным, что перевод, выполненный с помощью книжного словаря, не списан, не скачан и является подлинным творением его автора. Поэтому следует рекомендовать книжный словарь для проведения контрольных мероприятий. Одновременно нельзя забывать, что работа с подобным словарём требует предварительной подготовки.

Кроме того, словарь как продукт печатной книжной продукции не способен угнаться за динамическими изменениями, происходящими в языке. В статье Э. М. Гринштейна «Использование словарей в работе переводчика» справедливо отмечается, что «Язык — отражение реальной жизни. А жизнь не стоит на месте: появляются новые отрасли производства, науки, бизнеса, культуры. В обычную разговорную речь приходят новые слова, термины, устойчивые словосочетания. Вся эта лексика не может быть адекватно отражена в «бумажных» словарях по той простой причине, что они слишком долго готовятся. Фактически многие словари, которые сформировались в языковой атмосфере середины века, сильно устарели. В них не указаны современные

значения старых слов, а многие новые слова просто отсутствуют. Буквальное перенесение таких словарей на компьютеры бесперспективно. Решить данную задачу под силу лишь электронным словарям» [Гринштейн, Эл. ресурс]

Таким образом, в современном веке без использования электронного словаря не обойтись, но и к работе с ним нужен особый подход. Преподаватель должен структурировать работу на занятиях так, чтобы студент обращался к словарю минимальное количество раз. Студенту, в свою очередь, следует научиться вычленять из текста не только слова, но и словосочетания и смотреть, как взаимодействуют данные словосочетания в контексте. Соответственно преподаватель должен контролировать этот процесс. Обращение к любому виду словаря должно быть самым последним вариантом для перевода слова на занятии, но при выполнении домашнего задания учащийся вполне может использовать любые средства перевода.

Список литературы

Гринштейн Э.М. Использование словарей в работе переводчика.// Преимущества электронных словарей [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-15362.html#546101>

Зелинский С. Электронные словари и карманные переводчики [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://infoenglish.info/publ/1-1-0-27>

Каменская Л.С. Новые возможности совершенствования управления самостоятельной внеаудиторной работой студентов// Сборник научных трудов выпуск № 454 «Профессиональная коммуникация как цель обучения иностранному языку в неязыковом вузе». М., 2000. С. 122.

Савина А., Типикина Т. Что внутри электронного словаря? // журнал «Наука и жизнь» №10, 1999. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.nkj.ru/archive/articles/9857/>

Шишлова А. Электронные словари на компакт-дисках / журнал «Наука и жизнь» №10, 1999. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.nkj.ru/archive/articles/9858/>

Мещерикова А.Ю.

Всероссийский государственный университет
кинематографии имени С.А.Герасимова (ВГИК)
г. Москва (Россия)

Meshcherikova Alina

All-Russian State University of Cinematography named after S.A.Gerasimov (VGIK)
Moscow (Russia)

*ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ И ПРИ ТЕСТИРОВАНИИ В
КИНОВУЗАХ*

*PECULIARITIES OF USING VIDEO MATERIALS FOR TRAINING RUSSIAN AS A
FOREIGN LANGUAGE AND FOR TESTING INFILMUNIVERSITIES*

Обучение русскому языку как иностранному в киноуниверситетах существенно отличается от традиционного обучения, то есть обучение студентов-иностранцев творческих специальностей сопряжено с целым рядом особенностей и специфических трудностей. То же можно сказать и об использовании видеоматериалов как способа предъявления задания как при обучении русскому языку как иностранному, так и при сертификационном тестировании. Профессиональная специализация студентов киноуниверситетов зачастую оказывает деструктивное (с точки зрения обучения русскому языку как иностранному) влияние на восприятие видеоклипов и отрывков из кинофильмов, поскольку они воспринимаются студентами не как языковой материал, не как задание по русскому языку, а как материал для профессионального анализа киноизображения. В статье рассматриваются некоторые из этих проблем.

Teaching Russian as a foreign language in Film universities is significantly different from traditional teaching, i.e. training foreign Art students involves a number of specific characteristics and difficulties. Using video materials as a method of giving the task for training Russian as a foreign language and for Certification testing has its peculiarities as well. Professional specializing of film students has a destructive (in terms of teaching Russian as a foreign language) effect on the perception of video fragments and excerpts from the film, since film students perceive them as materials for professional analysis of film image – neither as linguistic materials nor as a task of Russian. The article examines some of these issues.

Ключевые слова: киноуниверситеты, студенты творческих специальностей, видеоматериалы, тестирование, способ предъявления задания, видеозадания.

Key words: Film universities, Art students, video materials, testing, methods of giving the task, video tasks.

В преподавании иностранных языков использование фильмов уже давно стало привычным и занимает значительное место. Фрагменты из кинофильмов используются и при сертификационном тестировании по говорению на уровнях выше первого.

Однако при работе с фильмом в учебной аудитории и при тестировании мы преследуем разные цели, соответственно, и требования, предъявляемые к киноматериалам, не могут совпадать. Целью работы с видеоматериалами при обучении является активизация навыков аудирования и говорения, знакомство с лингвострановедческими реалиями, создание наглядности в процессе обучения, поэтому работа над фильмом в учебном процессе, как правило, длительная, кропотливая. Она предполагает поэтапное (преддемонстрационное, демонстрационное, последемонстрационное), многоуровневое, многоаспектное изучение, неоднократный просмотр фильма целиком и по фрагментам. Так, по мнению Л.В. Ершовой и Л.Н. Норейко, при работе по развитию речи «вначале необходимо охарактеризовать историко-культурную ситуацию, на фоне которой происходит действие фильма»; затем предполагается работа с прецедентными текстами (имена персонажей, географические названия, названия блюд, звучащие песни, поэтические тексты, включённые в фильм, и т.п.), причём страноведческая информация «работает» на создание художественного образа, то есть является неотъемлемым изобразительным средством. Далее возможен анализ особенностей речи персонажей, характеристика их личности, «дубляж» фильма, ролевые игры по сюжету фильма и т.д.

Однако при использовании видеоматериалов в обучении иностранных учащихся русскому языку в киноуниверситете преподаватель сталкивается с некоторыми специфическими проблемами. Поскольку студенты киноуниверситетов изучают такие учебные дисциплины, как «История кино», «Теория монтажа», «Кинокомпозиция», и целый ряд других специальных дисциплин, то зачастую преподаватель русского языка оказывается в ситуации, когда предложенные им видеоматериалы уже хорошо знакомы студентам и изучены ими на занятиях по другим предметам. Кроме того, часто сугубо кинематографические аспекты предложенного киноотрывка вызывают у студентов гораздо больший интерес, нежели языковой материал. Вследствие этого студенты начинают обсуждать способы съёмки, работу художника-постановщика или звукорежиссёра, зачастую переходя при этом на родной язык или на язык-посредник, чаще всего английский. Итак, преподаватель русского языка сталкивается с деструктивным влиянием профессиональной специализации студентов. К сожалению, в данной ситуации оказываются все без исключения преподаватели русского языка как иностранного в кинематографических вузах.

Следует сказать о том, что проблема эта универсальна для преподавания русского языка как иностранного студентам любых творческих специальностей, с ней поневоле сталкивается преподаватель, работающий в вузах искусств. Опыт показывает, что в большинстве групп, за очень редким исключением, все привычные виды работы,

направленные на активизацию учебного процесса (задания на развитие речи, ролевые игры и пр.), и даже инновационные формы и методы оказываются неэффективными. Причина опять кроется в том, что все те виды деятельности, которые призваны заинтересовать, увлечь студента не творческого вуза (в том числе использование отрывков из художественных фильмов как способа предъявления задания), находятся в сфере профессиональных интересов студента вузов искусств. Преподаватель русского языка как иностранного в вузе искусств оказывается в ситуации, когда невозможно использовать так любимые преподавателями других вузов виды работ. Студенты-режиссёры, например, будут смотреть художественный фильм только с точки зрения построения мизансцены и монтажа, а студенты-операторы будут оценивать ракурсы съёмки или световое решение кадра. Использование на занятиях со студентами-актёрами ролевых игр не приносит плодов, поскольку для них актуальными являются актёрские этюды, необходимые для занятий актёрским мастерством. Но часто для этих этюдов вовсе не требуется использование слов, то есть студент прибегает к невербальной тактике, и это, разумеется, не только не способствует развитию речи и активизации освоения русского языка в целом, а может даже помешать студенту в его изучении языка, замедлить темп усвоения учебного материала.

Следует упомянуть, однако, что актёрские этюды являются прекрасной формой предъявления задания. Эта форма предъявления задания особенно важна и полезна для занятий со студентами подготовительного факультета на самом начальном этапе, поскольку позволяет выразить интенцию и донести до студента смысл, когда «не хватает слов». Этюды могут быть и формой домашнего задания, и видом аудиторной работы, могут готовиться студентами как индивидуально, так и с участием одногруппников. Кроме того, в этом случае профессиональные кинематографические навыки студентов могут быть весьма полезны: студенты осуществляют видеозапись подготовленных этюдов с тем, чтобы потом использовать эти записи для обсуждения на занятиях. Это даёт возможность очень продуктивно проработать изучаемый лексический и грамматический материал. Таким образом, в данном случае раннее «профессиональное взросление» студентов не оказывает своего деструктивного влияния.

В качестве удачного примера использования видеоматериалов при обучении русскому языку иностранных студентов киноспециальностей можно привести следующий: студенты старших курсов должны снять курсовые работы, то есть короткометражные художественные или документальные фильмы, и это даёт огромные

возможности преподавателю русского языка как иностранного использовать различные виды заданий. Причём работа начинается ещё на уровне сценария будущего фильма.

Работа с текстом сценария предполагает несколько уровней (этапов) изучения.

1) Исправляются грамматические, синтаксические, лексические, стилистические, орфографические и пунктуационные ошибки в первоначальном тексте сценария, представленном студентом. Работа эта всегда осуществляется коллективно, всеми студентами в группе. Обсуждается выбор наиболее подходящих слов, уместных грамматических конструкций, которые наиболее полно смогут выразить психологическое состояние персонажей, передать атмосферу происходящего и решить художественную задачу в целом. Можно рассматривать этот этап освоения текста как работу над изучением русского языка общего владения.

2) Далее происходит профессиональное, то есть с точки зрения кинематографических задач, изучение и освоение текста: студенты предлагают варианты режиссёрского решения данного сценария, делают предложения по возможному визуальному и звуковому решению, обсуждают подбор актёров. На данном этапе преподаватель может позволить студентам-иностранцам даже перейти в обсуждении с русского языка на родной или на любой язык-посредник, например английский. Такой «методически неправильный» переход происходит практически всякий раз, поскольку для студентов в ходе профессионального обсуждения становится важным решить творческие и технические задачи, а русский язык и правильное его использование теряют свою актуальность.

3) На завершающем этапе освоения сценария преподаватель должен своей педагогической волей вернуть студентов к разговору на русском языке и перейти к определению и формулировке с учётом правил и норм русского языка всех необходимых творческих и технических задач. Таким образом, изучается лексика профессионального общения, а также неоднократно прорабатываются грамматические модели тех словосочетаний и предложений, которые помогут в этом профессиональном общении.

Преподаватель русского языка редко имеет возможность присутствовать на съёмочной площадке и участвовать собственно в процессе съёмок, однако готовый фильм, снятый студентами, становится прекрасным материалом и для процесса изучения русского языка, и для использования эпизодов из фильма как формы предъявления задания.

Как бы ни строилась работа с видеорядом при обучении русскому языку как иностранному, кинофильм рассматривается как единое целое, как законченное

художественное произведение, даже если он адаптирован или представлен фрагментами. Этим определяются и требования, предъявляемые к фильмам при обучении. Отбор фильмов осуществляется в этом случае с точки зрения их художественной ценности, популярности, актуальности, наличия ценной культурологической и страноведческой информации и пр. Немаловажно, что фильм должен создавать положительный образ страны изучаемого языка.

Но все эти требования необязательны или неприменимы вовсе, когда речь идёт о видеоматериалах как способе предъявления тестовых заданий. По существу, видеофрагмент при тестировании по говорению должен выполнять в идеале единственную задачу – быть стимулом к говорению, причём речевая деятельность испытуемого в данной ситуации лишь реакция на этот стимул. Следовательно, задачу составителей теста можно свести к следующему: сделать «дистанцию» между стимулом и реакцией минимальной, сократив по возможности все сопутствующие трудности.

Исходя из сказанного, можно сформулировать требования к видеоматериалам для тестовых заданий. Прежде всего, следует учитывать, что при тестировании мы имеем дело с изолированным фрагментом и именно он, а не весь фильм, должен представлять самостоятельную ценность и являться объектом нашего внимания. И первым вопросом, на который необходимо дать ответ, будет вопрос о наличии во фрагменте экстралингвистической информации. Один из ярких представителей британской (Эдинбургской) школы тестирования Алан Дэвис считал, что «экстралингвистические элементы являются необходимой составляющей любого теста по иностранному языку, однако, они ни в коей мере не должны стать ребусом для тестируемого, и невозможность разгадать этот ребус, в свою очередь, не должна стать причиной плохого результата по языковому тесту». Другими словами, во главу угла поставлен принцип «the matters of common experience only», то есть нельзя требовать демонстрации каких-либо специальных знаний (хотя творческое воображение студенты вузов искусств, и в частности киновузов, демонстрировать должны). Разумеется, в словах знаменитого учёного содержится скрытое противоречие, так как, с одной стороны, утверждается, что в тесте не должно быть никаких трудностей, требующих от тестируемого каких-либо специфических, специальных знаний помимо языковых, с другой – ни один тест не обходится без экстралингвистической информации. Тем не менее, существует возможность отобрать такие видеофрагменты, при просмотре которых будет сведена к минимуму необходимость демонстрировать прецедентные знания. И это можно назвать одним из основных требований.

Вторым, не менее важным требованием является независимость видеофрагмента (вырванного из художественной ткани кинопроизведения) от сюжета фильма и возможность понимания и толкования его вне контекста киноповествования.

Видеофрагмент должен содержать как можно меньше информации, выраженной вербально. В идеале это видеоряд без текста, но не без звука. Демонстрация видеоматериалов с выключенным звуком нередко создаёт дискомфорт и является искусственно созданной помехой для восприятия. Именно возможность отказаться от вербальной информации позволяет говорить о видео- и киноматериалах как об оптимальном способе предъявления задания по говорению, причём и при простом контроле уровня усвоения материала учащимися, и при сертификационном тестировании.

Очевидно, что условия тестирования должны быть равными для всех, кто его проходит. Но зачастую видеоматериалы, которые предлагаются в качестве тестового задания, хорошо известны определённой категории учащихся. Речь идёт, прежде всего, об отрывках из тех фильмов, которые по праву считаются киноклассикой и вошли в «золотой фонд» мирового кино, и о фильмах, которые многие годы использовались в качестве учебного материала на курсах русского языка как у нас в стране, так и за рубежом. Студенты киновузов оказываются в ещё более выигрышной ситуации, так как список фильмов, хорошо знакомых им, обычно очень длинный. Такая ситуация недопустима, если речь идёт о полноценном и качественном контроле. Поэтому фильм, фрагмент из которого предъявляется при тестировании, не должен быть популярным. И это является ещё одним важным требованием.

Вероятно, допустимо даже использовать отрывки из фильмов, снятых на иностранном языке, если фильм профессионально и качественно дублирован на русский язык, если он не содержит каких-либо экзотических реалий и особенно если отрывок не содержит вербальной информации, однако ясно передаёт событийный ряд.

Наконец, предъявляемый в тесте видеофрагмент должен помочь решить те задачи, которые автор теста поставил перед собой в соответствии со спецификацией, то есть проверить определённые разработчиком умения и навыки. Так, на 2 сертификационном уровне проверяется «способность тестируемого строить монологическое высказывание типа описания и повествования с элементами рассуждения с опорой на видеоряд, демонстрируя умение описывать ситуацию, действующих лиц, их поступки, мотивы их поведения, высказывать предположения о причинах возникновения данной ситуации в жизни героя», а на 3 уровне оценивается «умение строить монологическое высказывание в форме рассуждения на тему,

связанную с решением морально-этической проблемы, и адекватность выбора языковых и речевых средств», причём материал видеосюжета используется в качестве примеров и иллюстраций. Эти требования и должны определять отбор видеофрагментов, используемых в тестировании.

Чрезвычайно важно иметь банк кинофрагментов, которые отвечали бы указанным выше требованиям. Необходимо регулярно проводить своеобразный опрос (анкетирование) среди иностранных учащихся и коллег из-за рубежа с целью выяснить, какие российские фильмы получили широкую международную известность и/или используются при обучении на курсах русского языка в других странах. Этот список постоянно пополняется, поскольку все больше российских фильмов приобретают популярность.

Следует заметить, кроме того, что необходимо определиться с терминологией. Сейчас мы говорим о видеоматериалах, киноматериалах, кинофрагментах, видеоряде, кинокадрах, сценах из фильма, видеосюжетах и т.п. и используем их нередко как синонимы, что можно считать неправомерным. Существуют разные способы предъявления видеоизображения – от простой фотографии до кинофильма, поэтому важно различать видеоматериалы как способы предъявления задания. Тип видеозадания должен определяться поставленной задачей. Например, если от тестируемого на 3 уровне требуется рассуждение на морально-этическую тему, то разумным будет представление видеосюжета – некоей законченной проблемной «истории». Но не только при сертификационном тестировании, но и в процессе обучения русскому языку как иностранному не стоит ограничиваться рамками видеосюжета. Могут найти своё применение и такие видеоизображения, как коллаж, видеонарез, так называемый стоп-кадр (слайд), анимация и пр. Причём они могут быть, как связаны сюжетом, так и быть бессюжетными. Они лишь должны спровоцировать речевую деятельность учащегося (описание внешности персонажа, действия, места, времени, обстоятельств).

Список литературы

Ершова Л.В., Норейко Л.Н. Содержание курса по развитию речи с использованием киноматериалов при преподавании РКИ за рубежом // Тезисы докладов Международной научной конференции «Русский язык как иностранный: специфика описания, теория и практика преподавания в России и за рубежом». М., МГУ, 2001.

Кирейцева А.Н. Экстралингвистический компонент сертификационных тестов по русскому языку как иностранному // Материалы конференции РОПРЯЛ «Русский язык на рубеже тысячелетий», СПб., 1999.

Мещерикова А.Ю. Тактика преподавания русского языка как иностранного в вузах искусств: адаптивный подход. Круглый стол «Русский и иностранные языки в информационном образовательном пространстве»: сб. науч. тр. / Моск. гос. ун-т

экономики, статистики и информатики. Ин-т права и гуманитарного образования. М.: Изд-во МЭСИ, 2009.

Методические и психологические проблемы преподавания русского языка как иностранного в киноузе. Сборник научных трудов. М., 1971.

Типовой тест по русскому языку как иностранному. II сертификационный уровень общего владения русским языком. СПб: СПбГУ, 1999.

Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Третий сертификационный уровень. Общее владение// М. –СПб.: «Златоуст», 1999.

Davies, A. The construction of Language Tests. In: Testing and Experimental Methods: the Edinburg Course of Applied Linguistics. Vol. 4/ Edited by J.P.B. Allen and Alan Davies. London:Oxford University Press, 1977.

Нетсика Дафни
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Netsika Dafni
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

*ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС НА ГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК*

*POLITICAL DISCOURSE IN THE GREEK LANGUAGE AND ITS FEATURES THROUGH
THE PRISM OF THE TRANSLATION INTO RUSSIAN*

Данная статья посвящена методологическим различиям политического дискурса в греческом и русском языках и относительным особенностям, проявляющимся при их реализации. Мы сосредоточим наше внимание на греческом политическом дискурсе, который основывается на древней традиции, в которой важную роль играет ораторское искусство. Эта специфика определяет его собственную природу и во многом отличается от методологии и структуры русского политического дискурса. Эти различия приводят к появлению соответствующих переводческих сложностей, которые относятся к достижению задачи перевода. Таким образом, выделяется, во-первых, вопрос переводимости греческого политического дискурса на русский язык и способы его передачи и, во-вторых, сквозь призму перевода представляются собственный характер политического дискурса в каждом языке и их отношения.

This article is devoted to the differences of political discourse in Greek and Russian languages as it concerns their methodology and the relevant features they reflect. We focus on Greek political discourse, which is based on an ancient tradition, in which rhetoric plays key role to achieve the orator's goal. This defines its nature, which differentiates to a great extent from the methodology and structure of the Russian political discourse. These differences lead to the relevant translation difficulties that influence on the achievement of the translation goal. Thereby, in the first place arises the difficulty in translating the Greek political discourse to Russian language and the methods of its translation and secondly through the translation process are presented the special features of political discourse in both languages as well as their relation.

Ключевые слова: политический дискурс, русский язык, греческий язык, стратегия, национальная принадлежность, риторика, убеждение.

Key words: political discourse, Russian language, Greek language, strategy, national identity, rhetoric, persuasion.

Фундаментальным понятием данной работы является политический дискурс. Подход этого сложного и многоаспектного понятия опирается на теорию Н.Н. Мироновой, согласно которой, политический дискурс – это совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях [Миронова, 1997, с. 55]. По мнению Н.Н. Мироновой политический дискурс принадлежит к оценочным дискурсам, т.е.

совокупность текстов, в которых реализуются аксиологические макростратегии, а оценка этих текстов создаётся под влиянием разного рода экстралингвистических факторов: политических, идеологических, исторических, ментальных, культурологических, психологических и пр. Хотя и последний, но не менее важный, под политическим дискурсом понимается текст, отображающий политическую и идеологическую практику какого-то государства, отдельных партий и течений в определённую эпоху [Миронова, 1997, с. 57].

Мы не намерены представить разные теоретические подходы к политическому дискурсу, и поэтому мы сконцентрируемся на публичном политическом дискурсе и на раскрытии определённых аспектов этого явления, касающиеся его природы как в определённом языке, так и его особенности сквозь призму перевода.

Предметом данной статьи является политический дискурс в греческом языке и представление его основных особенностей. На втором этапе мы занимаемся вопросом переводимости политического дискурса с греческого языка на русский язык не только на уровне лексики, но главным образом на уровне стилистики и передачи используемых стратегий адресантом в исходящем языке.

Наш интерес к изучению политического дискурса объясняется, во первых, высокой значимостью политической коммуникации в современном обществе. Средством, эпицентром и вершиной ведения национальной и мировой политики является политический дискурс, который теперь обращается к глобальной аудитории и становится доступным для граждан всех стран. Таким образом, политический дискурс не предназначается только для одной монолингвальной аудитории, но участвует в глобальном коммуникативном пространстве и обращается к иноязычным и инокультурным аудиториям. В целом политический дискурс занимает всё более значительное место в глобальной политической коммуникации и деятельности. Во-вторых, мы выбрали исследование политического дискурса в греческом языке, который имеет древнюю традицию развития политического дискурса, и сравнить его с этим в русском языке, учитывая тесное отношение между Грецией и Россией, факт, который повышает требование к переводу в этой языковой паре.

В рамках международной межъязыковой коммуникации появляется требование представить основные сложности, с которыми сталкивается переводчик при переводе политического дискурса, относящиеся к достижению задачи перевода, т.е. предоставить полностью понятный текст и достичь определённой цели, т.е. цели политического дискурса, как она определяется в исходящем языке. Тем не менее, особенности, методология и основные принципы реализации политического дискурса

разнятся от общества к обществу, и он осуществляется собственными средствами выражения и осуществления тактик в каждом языке. Речь идёт о национальной принадлежности, которая выделяется как главный аспект политического дискурса и играет важнейшую роль в лингвистических и внелингвистических чертах политического дискурса. Национальная принадлежность рассматривается как явление национального менталитета и языка, определяемая данными социально-политическими обстоятельствами общества.

Национальная принадлежность определяет различия политического дискурса в русском и греческом языках. С одной стороны, политический дискурс в греческом языке основывается на древней традиции и был сформирован в соответствии с менталитетом и требованиями древней демократии Афин. С этого момента до сегодняшнего дня греческий политический дискурс развивается в рамках демократического режима и сохраняет его собственные особенности, которые составляют наследие в европейской политической культуре. Основой развития политического дискурса является риторика, которая родилась в древней Греции, и техники которой составляют сущность современного национального и европейского политического дискурса.

С другой стороны, русский политический дискурс основывается на другой модели и строится в соответствии с требованиями своей аудитории и политического режима. Его реализация диктуется собственными принципами, задачами и культурной и психологической средой, в которой он осуществляется.

Вопрос различия политического дискурса между этими языками и, следовательно, культурами, и на втором этапе проблема его переводимости является результатом глубокого исследования и выводов, проведённых при магистерской работе под названием «Структура политического дискурса в греческом языке и способы его передачи на русский язык». Это исследование включает в себя: 1) подробное представление политического дискурса в греческом языке и обществе, 2) анализ публичных выступлений перед народом и в парламенте¹ (в качестве типичных образцов политического дискурса) знаменитого политика современной Греции и 3) перевод политического дискурса на русский язык. Выводы этого исследования представляют собой начальную точку данной работы и одновременно вносят свой вклад в теорию политического дискурса и методологию перевода конкретной пары языков.

¹Официальный сайт партии ПА.СО.К:
<http://archive.pasok.gr/portal/resource/contentObject/id/a6a859aa-3035-4d45-a8c3-010de572f190>
<http://www.youtube.com/watch?v=SP9Fgnf-7G8>

Прежде всего, политический дискурс во многом зависит от национальной принадлежности, особенности адресата, риторической грамотности, выбора жанра, а также от тех или иных речевых средств и приёмов. Набор средств выражения и стилистические приёмы отражают интра- и экстралингвистические факторы, культуру и историю данного общества, тип социальных отношений, политические условия. Способ использования средств выражения скрывает намерения говорящего, психологическое состояние, цель речи, стратегии, культурную уровень, идеологию и также отражает политическую реальность в современном обществе, в котором он осуществляется.

Подробный анализ политических выступлений в греческом языке, особенно на материале публичного выступления перед народом, показывает особенности греческого политического дискурса и отражение политической реальности на языке политики. Языковые приёмы являются орудием говорящего, который прикладывает все усилия, чтобы убедить или полемизировать. Рациональная структура речи теряется, и информативность речи снижается. Относительно основных средств выражения и стилистических приёмов выделяются риторические вопросы, сложный синтаксис, архаичные типы кафаревусы², лозунги, эвфемизмы, обилие слов и выражений с эмоциональной и моральной окраской, смешение разговорного и высокого стиля речи, большое количество просторечий. Вместе с тем, политический дискурс характеризуется образностью. В нем изобилуют использованием образных средств, метафор, экспрессивно-выразительных средств, которые создают социальную реальность в языковой картине мира. Для политиков, характерны метафорические модели с негативной оценкой, принижающие политический статус противника. Другой яркой особенностью является широкое употребление основополагающих понятий, определённых слов-магнитов, которые привлекают внимание и относятся к наиболее острым темам, актуальным проблемам, существующим в обществе. Речь идёт о словах-ключях, которые так или иначе заставляют гражданина принять определённую позицию по конкретному вопросу. Данные слова затрагивают гражданина, и с их помощью осуществляется эмоциональное, психологическое давление.

Средства выражения и стилистические приёмы служат и используются для достижения определённых целей говорящего и таким образом манифестируются функции политического дискурса. Цель политического дискурса – убеждение адресата к

²Кафаревуса – это консервативная разновидность греческого языка, которая была широко использована в конце девятнадцатого и в начале двадцатого века. Он представляет собой тип греческого языка, намеренно воспроизводящего древние формы языка в противоположность димотике–разговорному языку.

действию. Эта цель достигается на основе определённых стратегий. Исследование речей на уровне стратегий и тактик речевого поведения позволяет говорить о том, что в качестве основных наиболее часто используемых стратегий являются самопрезентация, формирование эмоционального настроения для психологического воздействия, нападение противника. Вместе с тем, выделяются манипуляторская, агитационная и информационно-интерпретационная функция языка.

Говорящий стремится к запугиванию, привлечению внимания, критике противника и намерен вводить адресата в ступор. Речь определяется постоянной попыткой подчеркнуть превосходство своей партии и унижить противника, в то время, когда страна нуждается в конструктивном политическом диалоге и в эффективных решениях. Применение этих тактик объясняется отсутствием определённой программы для восстановления страны и волнением политиков из-за недоверия народа к политической власти. Таким образом, можно говорить о том, что на языке отражается «хаотичное» состояние греческого общества, факт, который свидетельствует о том, что дискурс – это не только речь или текст, он погружен в жизнь [Арутюнова, 1990, с. 136-137].

На втором этапе мы пытались перевести публичное выступление в парламенте Греции на русский язык. Сквозь призму перевода возникли переводческие сложности и также вопрос различия греческого политического дискурса от русского. Речь идёт о различиях по методологии, стратегиям, структуре, средствам выражения, типу адресата, менталитету аудитории и политической и социальной среде. Без сомнения политический дискурс имеет общие характеристики, которые отвечают более или менее в каждом языке, поскольку он является одним из главных составляющих политической деятельности: например, деревянный язык³ (язык административного и политического аппарата⁴), лозунги, эвфемизмы, слова с эмоциональной окраской, слова-ключи, экспрессивно-выразительные средства и также тактики убеждения адресата. Тем не менее, политический дискурс в русском языке отличается во многом от греческого, так на уровне лингвистических, фонетических и стилистических средств так и на уровне используемых тактик для достижения цели адресата.

Политический дискурс в русском языке более однозначный по сравнению с греческим политическим дискурсом. Политический дискурс в русском языке опирается на фиксированную структуру и рациональную связь мыслей. Он характеризуется высоким уровнем информативности, связности, целостности. Он не перегружен обилием образности, риторическими вопросами, обилием слов с эмоциональной и

³ Калька с французского термина «Languedebois».

⁴ См. Серио П., 1985 и Степанов Ю.С., 1995

моральной окраской. Кроме того, словарь этого типа речи принадлежит к официальному политическому языку высокого стиля и не теряет его статус из-за смешения со словами разговорного стиля. Метафорические и стилистические модели редко появляются и в этом случае они служат определённой задаче говорящего. Ораторские методы (например, апелляция к эмоциям, запугивание) имеют вторичную роль в речи, а главным образом манифестируют информационную и агитационную функции дискурса. Кроме того, русский политический дискурс включает в себя больше исторических приёмов и данных в сравнении с греческим, так как этот выбор несомненно оказывает большое влияние на русскую аудиторию. Этот факт поддерживается различиями, касающимися греческой и русской аудиторий. Греческий политический дискурс, предназначенный для греческой аудитории, характеризуется национальной однородностью (религия, история, культура), и в результате не требуются повторы напоминания общих характеристик этого народа. Тем не менее, стоит отметить, что русский политический дискурс обращается не к русской, но к российской аудитории, которая включает в себя людей разных национальностей, и благодаря грамотно построенной политической речи люди разных культур могут прийти к консенсусу.

В переводе и сравнении дискурса двух языков выделяется также особый способ понимания и осуществления убеждения адресата в греческом политическом дискурсе. В нём убеждение понимается как двухстороннее отношение между адресантом и адресатом. Говорящий не только обращается к аудитории, но он пытается ответить на ожидания аудитории и удовлетворить их, чтобы достичь своей цели. Речь идёт о ситуации конфликтности между адресатом и адресантом, когда оратор должен подчинить своей воле слушающих.

Анализ политического дискурса под призмой перевода даёт возможность иллюстрировать различия греческого и русского политического дискурса и также основные сложности, которые проявляются при переводе заранее подготовленной публичной политической речи между двумя языковыми системами. Этот этап нашего исследования привело к выделению 1) способов передачи политического дискурса с одного языка на другой и 2) особенностей греческого политического дискурса, которые снижают возможности его переводимости.

При переводческом процессе переводчик сталкивается с трудностями, возникающими не только от языкового и культурного несовпадения, но от особенностей языка политики, который реализует стратегии говорящего и в то же время отражает влияние политической ситуации в данном обществе. Переводчику

требуется преодолеть такие сложности и достичь ожидаемого переводческого результата. Для преодоления переводческих сложностей, он прибегает к трансформациям в соответствии с требованием ЯП на всех языковых уровнях.

Переводческие сложности на лексико-семантическом уровне преодолеваются с приёмами опущения, добавления, синонимии, смыслового развития. Необходимо отметить отдельно, что стилистические оттенки, возникающие от использования архаичных типов кафаревусы, не могут быть представлены в переводе, поскольку они составляют уникальную особенность греческого языка. При столкновении с трудностями образности и просторечий переводчик прибегает к адаптации и прагматическому преобразованию экспрессо-выразительных средств для преодоления культурного несовпадения между двумя языковыми системами. На синтаксическом уровне выделяется синтаксическое преобразование и добавление служебных слов с целью строить синтаксически правильно организованное сообщение. Обилие просодических средств речи, т.е. интонация, громкость, движение тона, ударение на словах – центральных понятий речи, вместе с невербальными средствами не могут быть имитированы переводчиком. Они составляют проявление психической индивидуальности говорящего и механизмы передачи его намерений. Тем не менее, переводчик исполняет роль посредника и подчиняется этике его деятельности, которая требует полного нейтралитета. Кроме того, в речи встречаются много синтаксических и грамматических ошибок. Переводчик не воспроизводит ошибки. Его речь должна быть грамматически и синтаксически корректна.

На уровне стратегии запугивания, апелляции к чувствам, введения адресата в ступор не могут приобрести динамику, которую они представляют при обращении к греческой аудитории. Этот факт возникает от того, что слова имеют другую динамику в каждом языке и использование лингвистических средств влияет по-другому на разные аудитории. Кроме того, динамикой греческого политического дискурса является ораторское искусство, которое не может быть отражено в полной мере в печатном тексте. Цель убеждения аудитории основывается на другом типе отношении между адресатом и адресантом в каждой политической среде, и, следовательно, находит различные коммуникативные стратегии осуществления.

На основе проведённого анализа и особенно его практической части мы приходим к выводу, что особенности политического дискурса не могут быть всегда представлены в переводе. Переводчик достигает ожидаемого переводческого результата на уровне смысла, но языковое несовпадение и этика переводчика не всегда позволяют достигнуть передачи стилистических черт и главным образом отразить прагматические,

социокультурные и психологические черты исходного сообщения. Этот факт свидетельствует о том, что дискурс – это не текст и не речь. Идентичность этого явления относится к внелингвистическими, психологическими, прагматическими, социокультурными факторами.

Переводческая деятельность подчиняется правилам своей этикой и своей задачей, которая отличается от задачи говорящего. Средства выражения выполняют разную роль в языке оригинала и в языке перевода. С одной стороны, задача политика – борьба за власть. В политической речи средства выражения служат достижению убеждения и в то же время они оказываются под влиянием определённых психологических, прагматических, культурных факторов. С другой стороны, переводчик стремится передать средствами другого языка целостно и точно содержание подлинника, сохранив его стилистические и экспрессивные особенности в такой степени, чтобы новое сообщение соответствовало ожиданию адресата. Переводческая деятельность зависит от определённой этики, которая требует нейтралитета, т.е. освобождения речи от влияния экстралингвистических факторов оригинальной речи и самого процесса перевода.

Надо обратить внимание на то, что переводческий процесс находится под влиянием внелингвистических факторов т.е. условия, при которых осуществляется перевод, психологическое состояние переводчика и влияние своей исторической, национальной и культурной идентичности, отражаемых на языке.

Вклад данного сопоставительного анализа представляет собой выделение основных особенностей и различия политического дискурса между русским и греческим языками и особенно различных коммуникативных стратегий осуществления цели убедить аудитории. Наша попытка направлена показать, что политическая речь развивается и в нем занимает своё место риторика, и особенно развивается политическая речь в русском языке, на который влияет греческий, и, следовательно, европейский политический дискурс. Основа нашего исследования имеет два аспекта: теоретический подход и практику. С одной стороны, мы обращаемся к исследователю политического дискурса и политической речи, и с другой стороны к переводчику, который сталкивается ежедневно с переводческими сложностями, которые отличаются в соответствии с разными условиями. Сопоставительный подход политического дискурса в двух языках может стать полезным материалом исследования и сравнения политического дискурса в каждом языке и также вызвать интерес к дальнейшему исследованию перевода в этой языковой паре.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 136-137.
- Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград: Перемена, 1997. С. 49-51.
- Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во МГУ, 2007. С. 371-405.
- Гарбовский Н.К. Русский переводной дискурс: миф или реальность // Русский язык и культура в зеркале перевода. Россия, Греция, 2012, С. 130.
- Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: «Гнозис», 2003. С. 280.
- Миронова Н.Н. Оценочный дискурс: проблемы семантического анализа. Известия РАН, 1997, т. 56, № 4, С. 53-58.
- Миронова Н.Н. Понятие «дискурс» и «дискурс- анализ» в лингвистике. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://discourse-pm.ur.ru/avtor6/mironova.php>
- Степанов Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 века. Сборник статей. М.: РТГУ, 1995. С. 36-75.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Монография. Волгоград: Перемена, 2000. С. 15, 33-35, 268, 368.
- Sériot, P. Analyse du discours politiques soviétique, Paris, Institut d' Ecole slaves, 1985. С. 335-351.
- Sériot, P. Traduire la langue au ou traduire le discours: à propos de Marxisme et de philosophie du langage de Vološinov // Traductions scientifiques et transferts culturels1 // Université de Lausanne, 2008. С. 5. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://doc.rero.ch/record/9473/files/Traductions1.pdf>
- Αριστοτέλης. ΠολιτικάΓ', §1253α (Аристотель, Политика Г, §1253α)
- Γιαννουλοπούλου, Γ. Εγκυκλοπαιδικός οδηγός. Η Νέα Ελληνική μετά τη διγλωσσία. [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.komvos.edu.gr/glwssa/odigos/thema_d3/d_3_thema.htm
- Καλιόρης, Μ.Γ. Η ξύλινη γλώσσα. Αρμός, 1992: 254.
- Μαρωνίτης, Δ.Ν. Γλώσσα και Πολιτική. Το Βήμα [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.tovima.gr/opinions/article/?aid=458534> (дата обращения: 20.05.2012)
- Μπαμπινιώτης, Γ. Τα παιχνίδια του πολιτικού λόγου. Το Βήμα, 02.04.2000.
- Nespor, M. Ράλλη Α. Φωνολογία, Изд-воПатаки, 2011, Αθήνα. С. 187-213.

Источники

- Официальный сайт партии ПАСОК [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://archive.pasok.gr/portal/resource/contentObject/id/aba859aa-3035-4d45-a8c3-010de572f190> ; www.youtube.com/watch?v=SP9Fgnf-7G8
- Официальный сайт партии ПАСОК [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://archive.pasok.gr/portal/resource/contentObject/id/27b6fafa-bae9-40e5-957f-0d6afd694a53>; http://www.youtube.com/watch?v=ga8GC_AetYc
- Послание Федеральному собранию Российской Федерации от 25.04.2005 [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2005/04/87049.shtml>
- Апрельское (2007) Послание Президента РФ. Федеральному собранию [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2007/04/125339.shtml>
- Послание Президента Российской Федерации Путина В.В. Федеральному собранию Российской Федерации: «Государство Россия. Путь к эффективному государству» от 08.07.2000 // Российская газета. 2000. 9 июля. С. 4-5.

Островская Н.В.
Новосибирский государственный университет
г. Новосибирск (Россия)

Ostrovskaya Natalia
Novosibirsk State University
Novosibirsk (Russia)

*АНАЛИЗ ДИДАКТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ВАРИАНТНЫХ ФОРМ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА*

*PECULIARITY OF TEACHING VARIANT FORMS AS A PERIPHERAL FEATURE OF THE
MODERN RUSSIAN LANGUAGE*

Предметом нашего исследования является вариантность как периферийное явление современного русского языка, а также методы преподавания и изучения лексических, контекстуальных и иных вариантных форм в рамках дисциплины «Русский язык как иностранный». С одной стороны, вариантные формы в целом характеризуют язык как систему единиц, с другой, как функциональную речевую систему, характеризующуюся стилистической и контекстуальной вариантностью. Вариантные формы рассматриваются нами в историческом, социокультурном и контекстуальном аспектах.

The object of consideration is variance as one of the peculiar features of the Russian Language and the methods of studying and teaching of the Russian lexical, stylistic and contextual variants. On the one hand, variant forms affect the Russian Language as a system of units, on the other hand, as a system functioning in speech, with its stylistic and contextual variance. In the capacity of methods of studying and teaching variant forms we single out the following ones: contextual (the choice of context of a variant form's usage), pragmatical (usage of background knowledge), socio-cultural (regulatedness or unregulatedness of a variant form), and historical (the analysis of a variant form's origin).

Ключевые слова: вариантность, ядро, периферия, контекст, методы изучения и преподавания.

Key words: Variance, core part, peripheral part, context, methods of studying and teaching.

Историческая и социокультурная и контекстуальная обусловленность употребления вариантных форм русского языка – широко обсуждаемое в современной лингвистике явление. Историческая обусловленность употребления вариантных форм связана с различными, происходящими в определённую эпоху процессами, которые обуславливают появление наряду с нормой вариантной формы и возможную актуализацию последней в языковой системе.

Социальная обусловленность употребления вариантных форм представлена в предпочтении разными социальными группами тех или иных выразительных средств, имеющих в языковой системе, или, как указывает Л.П. Крысин, «в том, что определённые языковые средства приобретают функции социальных смыслов – маркёров принадлежности говорящего к той или иной социальной среде и т.п.» [Крысин, 2000, с. 26].

Контекстуальная обусловленность варианта – особое явление, которое зависит не от внешних обстоятельств или от имманентных свойств самой языковой системы, а от умения самого говорящего оценить стилистическую принадлежность варианта, предпочтительность того или иного варианта в зависимости от ситуации общения.

Целью данной статьи является рассмотрение процесса движения вариантных форм от периферии речевых употреблений к их ядру, а также условия, влияющие на адаптацию вариантов в рамках литературного языка. Знание внутренних процессов функционирования вариантных и нормативных форм в русском национальном языке позволит переводчику или преподавателю русского языка как иностранного лучше объяснить выбор варианта в тексте той или иной эпохи или стилистической окраски.

Значение единицы языка зависит от её положения в системе языка, но только общность языковых единиц, находящихся на разных уровнях языковой системы, их взаимодействие даёт им возможность выполнять определённую семантическую функцию в речи. В нашем исследовании взаимодействия соотношения вариантных форм внутри и вне рамок литературного языка мы придерживаемся функционально-семантического подхода, который позволил объединить явления разных языковых уровней под отдельным понятием функционально-семантического поля как особой формы организации языкового материала с точки зрения реализации общей функции, общего содержательного компонента. Мы опираемся на определение функционально-семантического поля, данное А.В.Бондарко, а именно «ФСР – это базирующаяся на определённой семантической категории группировка грамматических и «строєвых» лексических единиц, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т.п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций» [Теория..., 2007, с.11].

При рассмотрении соотношения вариантных форм в рамках литературного языка и за его пределами, а также процесса вхождения вариантных форм в литературный язык мы будем исходить из двух постулатов: во-первых, литературный язык это язык образованных людей, требующий специального изучения и тем самым указывающий на уровень образования, возраст и социальный статус его носителей. Во-вторых, литературный

язык – это обработанный язык, употребление которого подчинено определённым, исторически изменчивым нормам. В своей работе мы опирались на определение нормы, которое дал К.С.Горбачевич: «Языковые нормы, особенно нормы такого развитого литературного языка, как русский язык – это явление более сложное и многоаспектное, отражающие и общественно-эстетические взгляды на слово, и внутренние, не зависящие от вкуса и желания говорящих закономерности языковой системы в её непрерывном развитии и совершенствовании» [Горбачевич, 1989, с. 29]. В данном определении указаны те условия, которые влияют на формирование норм, а значит и на процесс *адаптации* вариантов в литературном языке: «общественно – эстетические взгляды», «закономерности языковой системы», «непрерывное развитие».

Понятие «непрерывное развитие» языковых норм предполагает непрерывное развитие всей языковой системы, её постоянную эволюцию, а значит смену не просто правил употребления языковых единиц, а их состава, места в ядре и или на периферии языковой системы, их функциональной значимости. Как указывает А.В. Бондарко «Существенным внутренним фактором языковых изменений следует признать исторические процессы, охватывающие разноуровневые единицы морфологического, синтаксического, лексического и словообразовательного аспектов языка» [Бондарко, 2001, с. 89].

Говоря о процессах, происходящих на стыке ядра и периферии в процессе формирования нового грамматического ядра, отметим следующий тезис Л.Г.Панина: «любой синхронный срез, например, морфологического яруса языка, содержит явления, во-первых, восходящие к различным периодам истории языка, во-вторых, разные с точки зрения своей грамматической природы (лексико-грамматические, лексико-синтаксические, морфологические); в-третьих, не выделяемые как таковые на современном этапе, но присутствующие в «зачаточном» состоянии, в виде некоторых морфологических потенций языка» [Панин, 1999, с. 13]. Этот тезис с полным правом можно отнести и к единицам других языковых ярусов. Одной из таких форм межуровневых взаимодействий являются исторические изменения грамматических, лексических и словообразовательных единиц, классов и категорий на базе их функционирования.

Влияние нелитературных форм русского национального языка (городского просторечия, профессиональных и социальных жаргонов, сленга) на литературный язык во многом определяет эволюцию русского языка (кУрит – курИт), но данный процесс исторически протяжён, поскольку речевая стихия проходит через своеобразный фильтр литературной нормы. В результате такой адаптации некоторые

варианты так и остаются на уровне нелитературных форм, например, звонит, некоторые входят на периферию литературного языка, приобретая статус разговорного варианта договора, некоторые, пройдя и через этот фильтр, становятся равноправными литературной нормой: секторЫ – секторА, а некоторые вытесняют литературный вариант на историческую периферию: тополИ – тополЯ. Таким образом, появившиеся первоначально в спонтанной, неформальной, неcodифицированной речи вариантные формы в рамках литературного языка остаются отклонениями от нормы и вообще не имеют отношения к норме как таковой, но некоторые из них постепенно, под влиянием различных факторов (например, под влиянием системных изменений (ударение в глаголах на -ить) или влиянию СМИ) один из вариантов актуализируется и ассимилируется в системе литературного языка. Особенно очевидным данный исторический процесс становится при сравнении нормативных вариантов с вариантами, относящимися к городскому просторечию, поскольку именно эта форма национального языка наиболее часто в речевом сознании носителей русского языка сталкивается с устными и письменными формами литературной речи (прежде всего, в силу постоянного роста населения крупных городов и развития массовых коммуникаций).

Этапы движения вариантных форм от периферии речевого функционирования к языковому ядру можно представить следующим образом:

1. Нормы – ошибка (просторечный вариант)

В данной ситуации на периферии функционального поля языковой единицы под воздействием речевой традиции возникает вариант, который закрепляется в обществе, но при этом не обнаруживает никаких возможностей вхождения в литературный язык. Подобные варианты могут использоваться в речи людей разных социальных групп, в речи людей с разным уровнем образования, но при этом данные варианты оцениваются как ошибочные. Просторечие характеризуют яркие орфоэпические, реже лексические и морфологические особенности, что при общей с литературным языком системной основе, делает просторечную форму трудно определяемой для говорящего. Носителю языка в некоторых случаях крайне трудно различить просторечные и разговорные элементы, особенно на уровне произношения. В основе этого явления лежит естественная эволюция просторечных и разговорных форм, отсутствие кодификации, а также их узусное восприятие носителями языка, что ведёт к отсутствию рефлексии о правильности употребления той или иной единицы.

Хотя сфера функционирования просторечия и должна быть ограничена бытовыми и семейными коммуникативными ситуациями, но на деле просторечные формы имеют место в разговорных и публицистических текстах литературного языка. С одной

стороны, говорящим, в том числе студентам, изучающим русский язык, достаточно просто определить просторечный характер определённых слов, таких как *башка*, *ляпнуть* (сказать невпопад), *жрать* или просторечных грамматических форм, например, *ихний*, *ложить*. С другой стороны, зачастую говорящим сложно дать оценку фонетическим или акцентологическим вариантам, таким как *бАловать*, *кулинарИя*, *афЁра*, поскольку подобные ошибочные употребления часто можно услышать не только в повседневной речи, но и в СМИ, благодаря чему они активно переходят в разряд разговорных форм.

2. Норма – просторечный вариант – разговорный вариант

В данном случае вариант, первоначально оценивающийся как просторечный, входит в разговорную речь литературного языка. Происходит изменение социальной оценки варианта: он уже не воспринимается как ошибочный, но и не входит в формальное ядро выражения грамматического значения, оставаясь в рамках устной, неформальной, бытовой формы общения. В учебнике для вузов «Культура русской речи» под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева даётся следующее определение разговорной речи: «Разговорная речь – это спонтанная литературная речь, реализуемая в неофициальных ситуациях при непосредственном участии говорящих с опорой на прагматические условия общения» [Культура..., 1999, с. 50]. Мы абсолютно согласны с авторами, что данный тип речи является литературным, хотя, в отличие от других кодифицированных языковых форм, он имеет ряд своих ярких особенностей, сближающих её с просторечными формами. Главной особенностью норм разговорной речи является узусность их социального и личностного формирования, то есть то, что они складываются и усваиваются непосредственно в процессе общения. Нормой разговорной речи можно назвать то, что носители русского языка постоянно употребляют в спонтанной речи, то, что они усваивают спонтанно, а не осознанно, то, что не воспринимается ими, как ошибка. Просторечные формы не нормализованы, но их употребление также усваивается говорящими узусно, поэтому им так сложно различить просторечные и разговорные формы, если, конечно, речь не идёт о грубом просторечии.

С одной стороны, благодаря особому характеру норм, разговорная речь может выполнять функцию проводника просторечных форм в литературный язык, где они могут быть ассимилированы языковой системой и обогащать лексический и стилистический состав русского языка, например, *учители учителя*, *в стЕнах – в стенАх* и др.

С другой стороны, благодаря своей кодифицированности и литературной природе, разговорная речь служит «фильтром», отсеивающим просторечные употребления, не желательные в речи носителей русского языка, получившие отрицательную социальную и лингвистическую оценку.

3.Норма – просторечный вариант – разговорный вариант – дублетный вариант

Данный путь движения вариантов предполагает возникновение двух дублетных нормативных вариантов, входящих в функциональное ядро языковой системы. Оба варианта взаимозаменяемы, их социокультурная оценка также одинакова. Варианты можно считать дублетными только тогда, когда они не различаются ни в смысловом, ни в стилистическом отношении. Наличие дублетных вариантных форм можно считать показателем исторической смены норм литературного языка. Сосуществование в ядре языковой системы двух норм – это явление объективное, структурное, на которое не влияет ни воля отдельных людей, ни социокультурные условия. Показательным может считаться тот факт, что говорящие интуитивно маркируют дублетные формы, относя один из них, менее им знакомый, менее соответствующий их коммуникативной привычке либо в область разговорных, либо в область устаревших вариантов.

Ниже в таблице мы приводим ответы студентов негуманитарных специальностей на вопросы теста по курсу «Русский язык и культура речи». Студенты должны были распределить данные им дублетные формы по трём группам: дублетные, разговорные, устаревшие. Данные таблицы призваны проиллюстрировать, как носители русского языка, относящиеся к возрастной группе 20–21 год (студенты 4-го курса), не изучающие профессионально русский язык, оценивают имеющиеся в русском языке дублетные формы, относящиеся к разным частям речи. Примеры были взяты нами произвольно, оценка данных примеров как дублетных производилась нами на основе Орфоэпического словаря русского языка под ред. Р.И. Аванесова. Всего в данной таблице приводятся ответы 50 студентов.

Таблица 1

Варианты	Дублеты	Разговорный вариант	Устаревший вариант
бАржа – баржА	13	1	баржА 5
исчЁркать – исчеркАть	6	исчЁркать 9 исчеркАть 2	исчЁркать 2 исчеркАть 1

напОит – напоИт	1	напоИт 4 напОит 2	напоИт 10 напОит 5
наряДится – нарядИтся	1	нарядИтся 6 наряДится 1	нарядИтся 3 наряДится 8
недОпитый – недопИтый		недОпитый 8 недопИтый 1	недОпитый 9 недопИтый 1

Первая таблица говорит о том, что носители русского языка, распределяя дублетные формы, исходя из своего коммуникативного опыта и руководствуясь своими лингвистическими представлениями, во многом неосознанно определяют их в тот или иной класс. Важнее то, что они минимально определяют их как дублеты, стараясь каким – то образом объяснить наличие двух нормативных форм в одной точке языковой системы.

Во второй таблице представлены варианты, один из которых в словаре даётся с пометой *доп.* «допустимо», который оценивается менее желательный вариант нормы, но, тем не менее, находится в пределах правильного.

Таблица 2

Варианты	Дублеты	Разговорный вариант	Устаревший вариант
наЛитый – наЛИтый <i>доп.</i>	1	наЛИтый 2 наЛитый 6	наЛитый 11 наЛИтый 1
нанялсЯ – нАнялсЯ <i>доп.</i>	6	нанялсЯ 7 нАнялсЯ 1	нанялсЯ 2 нАнялсЯ 4
насторожЁнность – насторОженность <i>доп.</i>	3	насторожЁнность 3	насторожЁнность 9 насторОженность 1
недвИжимый – недвижИмый	1	недвижИмый 4 недвИжимый 1	недвижИмый 15
облокотИтся – облокОтится <i>доп.</i>	1	облокОтится 9 облокотИтся 2	облокОтится 6 облокотИтся 1
пОднял – поднЯл <i>доп.</i>	3	поднЯл 1	пОднял 2 поднЯл 1
подОзвана – подозванА <i>доп.устар.</i>	1	подОзвана 4 подозванА 3	подозванА 9 подОзвана 2

Из данной таблицы видно, что носители русского языка интуитивно верно характеризуют допустимые варианты, но чаще относят непривычные для себя варианты к устаревшим формам, чем к разговорным, кроме формы *облокотится*, которая отнесена ими к разговорной, видимо, как менее благозвучная. Вариант *налитый* им абсолютно чужд, что говорит о том, что он в речевой практике отходит на периферию употребления данной глагольной формы.

4. Дублетный вариант – норма

Последним этапом исторического формирования новой нормы становится исчезновение или трансформация одного из дублетных вариантов.

5. Норма – устаревший вариант

Варианты, вошедшие в литературный язык или возникшие непосредственно в нём, сосуществуют на протяжении некоторого времени, в дальнейшем один из них переходит в класс устаревших, а значит на периферию речевого употребления. Устаревшие варианты в большинстве случаев имеют стилистические особенности, они входят в официально-деловой, научный или художественный стили. Их употребление нельзя считать ошибочным. Они часто характеризуют речь людей старшего поколения. Иногда такие устаревающие варианты приобретают особые значения, также характеризующиеся отнесенностью к высокому стилю речи или профессионализмам, кроме того устаревшие варианты остаются в произведениях той эпохи, в которой они возникли (*счастливы*, *кладбище* в произведениях А.С. Пушкина) или исчезают совсем. Необходимо отметить тот факт, что, однажды войдя в ядро фонетических морфологических, синтаксических средств литературного языка и в дальнейшем оказавшись на его периферии, вариант никогда не возвращается в разряд нелитературных единиц.

Исторические изменения вариативных форм русского языка отражают эволюцию самой языковой системы. Они характеризуют такое коммуникативное качество речи как «правильность» и демонстрируют уровень образованности и лингвистической компетенции носителей языка. Различия в исторически меняющихся вариантных формах зачастую трудно определить и дать им соответствующую характеристику, они относятся к сфере коммуникативной привычки носителей языка и сложно поддаются корректировке, так как часто просто не осознаются говорящими как верные или неверные варианты. Социокультурная оценка данных вариантов также неодинакова: безусловно, что большое число людей определяет как неправильный вариант *звонит*, при этом гораздо меньше говорящих отнесут к просторечию вариант *принудить кого-л.*

Тем более сложно данные различия воспринимать тем, кто изучает русский язык как иностранный, да и далеко не всегда это необходимо.

Другой уровень влияния на речевую коммуникацию носителей русского языка оказывают варианты, имеющие социальную и профессиональную обусловленность.

6. Норма – профессиональный и социальный вариант

Данные варианты, не вошедшие в систему литературного языка, остаются исключительно в рамках речевых предпочтений социальных и профессиональных групп. Подобные варианты нельзя квалифицировать как ошибку с точки зрения общепринятой социокультурной оценки, поскольку они не относятся к речевой практике всего национального коллектива, но они могут восприниматься как ошибка с точки зрения носителя языка, не имеющего отношения к той профессиональной или социальной группе, к которой принадлежит вариант. Профессиональные и социальные варианты редко попадают в литературный язык. Находясь на периферии языковой системы, они обладают способностью быстро меняться, на их место приходят другие профессиональные или социальные варианты, либо единицы литературного языка.

Особый интерес для преподавания русского языка как иностранного, безусловно, имеют социокультурные варианты, характеризующие речь социальных и культурных групп носителей языка. Одной из ярких социальных разновидностей национальных языков является сленг как особое терминологическое поле, представленное в речи различных социальных групп, особенно молодёжи. Сленг могут использовать в своей речи и образованные люди, представители определённой возрастной или профессиональной группы. Преподавание подобных выражений во многом зависит от языкового чутья и вкуса преподавателя. С одной стороны, невозможно адаптироваться в современной речевой среде без знания сленговых вариантов, невозможно понять многие телепередачи, фильмы, речь молодых людей. С другой стороны, зачастую грань между сленгом и просторечием очень сложно определить, например, *шляться* (прост. «гулять где-то» – *тусоваться* (сленг. «гулять с кем-то, проводить время»)).

Все приведённые выше доводы говорят о том, что невозможно изучение современной русской коммуникативной ситуации без усвоения феномена вариантности в её историческом и социальном контексте, без чего нельзя проследить и понять эволюцию системы русского литературного языка и особенности её функционирования. Контекстуальный подход особо значим в изучении русского языка как иностранного, поскольку иностранные студенты практически не имеют собственного коммуникативного опыта и в процессе его приобретения должны опираться именно на контекст, в котором функционирует языковая система.

Список литературы

Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2001.

Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. М.: Просвещение, 1989.

Крысин Л.П. Социальная маркированность языковых единиц // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 26-42.

Культура русской речи. Учебник для вузов / Под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. М.: НОРИА – ИНФА, 1999.

Панин Л.Г. Вопросы морфологии русского языка. Новосибирск, 1999.

Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис/ Отв. ред. А.В. Бондарко. 5-е изд. М.: КомКнига, 2007.

Садыгова А.А. гызы
Азербайджанский государственный университет культуры и искусства
г. Баку (Азербайджан)

Sadigova Afag
Azerbaijan State University of Culture and Art
Baku (Azerbaijan)

*ОСНОВНЫЕ КРИТЕРИИ СОСТАВЛЕНИЯ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ С УЧЁТОМ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ*

*BASIC CRITERIA FOR TEACHING TUTORIALS COMPILING BASED ON
PROFESSIONAL ORIENTATION OF STUDENTS*

Успех в изучении любого иностранного языка во многом зависит от правильного определения содержания обучения (чему обучать?), которое находит отражение в учебниках и учебных пособиях. Содержание обучения любому иностранному языку постоянно изменяется. Эти изменения происходят в соответствии с целями обучения иностранным языкам на конкретном этапе исторического развития системы образования. Поэтому главным критерием определения учебника или учебного пособия, отражающего содержание обучения, может служить его соответствие основным целям обучения иностранным языкам (в данном случае русскому языку). В учебном пособии должны реализовываться основные программные установки. При составлении учебного пособия нужно опираться на комплексно-концентрический принцип подачи лингводидактического (лингвистического и учебного) материала.

Структура и содержание отдельных языковых тем и текстов пособия должна соответствовать уровню знания студентов, то есть должны учитываться особенности родного языка студентов, специфика вуза, определённый речевой опыт выпускников общеобразовательных школ.

При составлении учебного пособия нужно обратить внимание и на содержательный компонент заданий: пословицы, поговорки, меткие высказывания, несомненно, повышают не только языковой, но и общеобразовательный уровень студентов; способствуют повышению мотивации к изучению русского языка.

Successful language learning largely depends on the correct determination of the learning content (what to teach?), which is reflected in the textbooks and tutorials. The learning content of the foreign languages is constantly changing. These changes are intervening in conformity with the aims of the language learning at a particular stage of the education system historical development. Therefore, the main criterion for determining a textbook or tutorial, which reflects the learning content, can be its conformity with the main aims of the language learning (in this case: the Russian language). A tutorial should implement the main guideposts of the program. There is a need to rely on complex-concentric principle of the linguistic-didactic (linguistic and educational) material in compiling a textbook.

A structure and a content of the distinct language topics and texts of a tutorial must correspond to the students' background knowledge, so the students' native language features, the specificity of the university, the definite speech experience of the secondary school graduates must be considered.

There is a need to pay attention to a substantial component of the tasks in compiling a textbooks: the proverbs, sayings, apt quotations doubtless improve not only the language skills of the students, but also their educational level; increase the motivation to learn Russian language.

Ключевые слова: учебное пособие, содержание обучения, речевые навыки и умения, коммуникативное обучение.

Key words: tutorial, learning content, speech skills, communicative teaching.

Изучение русского языка как языка межнационального общения имеет важное практическое значение. Обучаясь языку, люди приобщаются как к русской, так и к общемировой культуре, расширяют свой кругозор, получают доступ к интересующей их информации.

Преподавание русского языка как иностранного не означает снижение потребности азербайджанцев в изучении этого языка. Наоборот, возникла необходимость в обучении русскому языку в более обширной интенсивной форме, связанная, в первую очередь, с развитием в будущем качественно новых экономических, торговых, научных и культурных связей с соседним государством.

Постановка преподавания русского языка, как одного из иностранных языков, создала необходимость разработки учебного комплекса по русскому языку на основе новых методических принципов. Эффективность преподавания русского языка в процессе обучения обеспечивается, как и при изучении других языков, следующими факторами: учитель, педагогическое обеспечение, средства обучения.

В поиске новых путей повышения качества педагогического процесса исследователи уделяют особое внимание тем средствам обучения, с помощью которых достигается большая активизация учебной работы. Основная задача обучения русскому языку состоит в том, чтобы научить учащихся общению на русском языке. Поэтому в настоящее время одной из коммуникативных целей обучения русскому языку на неязыковых факультетах является овладение студентами грамматически и стилистически корректной речевой коммуникацией на изучаемом иностранном языке. Соответственно, весь процесс обучения языку должен в максимально возможной степени способствовать формированию у студентов коммуникативной компетенции в изучаемом языке.

Коммуникация может состояться, если собеседники разделяют, по меньшей мере, одни те же правила языка, на котором происходит речевое общение. Однако не существует абсолютно точных параметров относительно того, какой объём лингвистических знаний необходим для того, чтобы сделать возможным адекватное речевое общение на том или ином языке. Одним из необходимых условий формирования способности успешно общаться с людьми, говорящими на русском языке, является усвоение студентами правил конструирования предложений и их понимание. Именно представление о том, что любой язык регулируется правилами, помогает понять способность для продуцирования бесчисленного множества

предложений, которой обладают как носители языка, так и люди, не являющиеся носителями данного языка, но использующие его в качестве естественного речевого общения [Гусейнов, 2001, с. 119].

Успех в изучении любого иностранного языка во многом зависит от правильного определения содержания обучения (чему обучать?), которое находит отражение в учебниках и учебных пособиях. Содержание обучения любому иностранному языку постоянно изменяется. Эти изменения происходят в соответствии с целями обучения иностранным языкам на конкретном этапе исторического развития системы образования. Поэтому главным критерием определения учебника или учебного пособия, отражающего содержание обучения, может служить его соответствие основным целям обучения иностранным языкам (в данном случае русскому языку).

В учебном пособии должны реализовываться основные программные установки. При составлении учебного пособия нужно опираться на комплексно-концентрический принцип подачи лингводидактического (лингвистического и учебного) материала. По мнению большинства учёных-методистов (Е.И. Пассов, А.Н. Щукин), комплексно-концентрический принцип является наиболее удачным на сегодняшний день подходом к разработке учебников по русскому языку как иностранному. Суть данного принципа заключается в последовательном изучении языкового материала в виде отдельных объединений (блоков) в условиях естественного речевого общения, то есть на основе текстов, моделирующих ту или иную ситуацию речи. Например, учебное пособие для студентов университета культуры и искусств построено именно по указанной выше лингводидактической схеме изложения учебного материала⁵. Предлагаемые в пособии материалы, по нашему мнению, послужат базой для развития и совершенствования устной русской речи студентов в различных сферах коммуникации: разговорно-бытовой, общественно-политической, социально-культурной и учебно-профессиональной. При этом учтены вопросы воспитания учащейся молодёжи в духе патриотизма, которые получили отражение в выборе речевых тем, содержании учебных текстов и в самом характере учебной работы.

Любой учебник отражает содержание обучения конкретному предмету. И данное учебное пособие не является исключением и представляет собой самостоятельно разработанную систему уроков, составленных на основе комплексно-

⁵Гусейнов Г.Д. Обучение речевой коммуникации на иностранном языке. Баку: Мутарджим, 2001, с. 119.

концентрического принципа подачи учебно-лингвистического материала, то есть является удачным воплощением содержания обучения русскому языку как иностранному. Все уроки построены примерно по следующей схеме: текст, соответствующие лексико-грамматические упражнения к тексту, тематический словарь. Другими словами, языковой материал скомплектован (объединён) вокруг определённых речевых тем и ситуаций. Ведь каждый текст моделирует конкретную речевую ситуацию.

Известно, что обучать всему русскому языку, то есть системе языка невозможно и, даже нет такой надобности. Обучать нужно речи, то есть говорить на русском языке. Именно эта «простая логика» легла в основу учебного пособия для студентов университета культуры и искусств.

Следует подчеркнуть и ярко выраженную профессиональную направленность пособия: отбор текстов произведён с учётом будущей профессиональной деятельности студентов, посвящены музыке, живописи, скульптуре, литературе, словом, культуре и искусству.

К числу достоинств учебного пособия следует отнести и наличие постатейных (тематических) и общего (в конце пособия) словарей, дополняющих друг друга и обеспечивающих лексическую наполняемость речевых ситуаций и восприятие текстов. Поэтому, как нам представляется, пособие учитывает лингводидактическую и психологическую модель овладения иноязычной речью: усвоение (первичное ознакомление, осмысление, запоминание и практическое применение) языковых правил, необходимых и достаточных для выражения мысли, происходит в условиях активной коммуникации при работе над текстом.

Практическая работа выполняется на материале профессионально ориентированных текстов с учётом приведённых в каждом разделе конструкций. Текст и лексическая наполняемость конструкций непосредственно связаны с уровнем речевой подготовки студентов, а также с характером рода деятельности в будущем.

Поэтому текстовый минимум учебного пособия отобран с учётом будущей профессии студентов, соответствует уровню владения речевой подготовленности, а также интересам обучаемых. Методический аппарат пособия, то есть система заданий предусматривает активизацию всех уровней и аспектов языка (фонетику, лексику, словообразование, морфологию, синтаксис), что обусловлено самим характером формирования речевых навыков и умений у студентов.

Основное место в учебном пособии занимает фонетико-орфоэпический материал, который представляет небольшие трудности для студентов, закончивших

национальную школу. Этот материал призван помочь студентам в овладении фонетико-орфоэпическими, стилистическими и интонационными нормами русского языка.

Главная задача обучения русскому языку – научить студентов свободно читать, слушать, говорить и писать на темы своей будущей профессии, обеспечить коммуникативную направленность обучения.

Темы отобраны с учётом будущей профессии студентов, соответствуют уровню владения речевой подготовленности, а также интересам обучаемых.

После каждой темы даётся лексико-грамматический материал, направленный на совершенствование и развитие речи студентов. Каждая тема содержит различные беседы, диалоги, рецензии, которые способствуют лучшему усвоению программного материала.

Известно, что язык – это система, в которой все части взаимосвязаны и взаимообусловлены. По этому поводу проф. А.А. Реформатский пишет: «В пределах каждого круга или яруса языковой структуры (фонетического, лексического, синтаксического) имеется своя система. Системы отдельных ярусов языковой структуры, взаимодействуя друг с другом, образуют общую систему данного языка» [Реформатский, 1955, с. 24].

Следовательно, с самого начала обучения русский язык должен изучаться как система. В процессе обучения развитие русской речи обучающихся осуществляется на базе овладения фонетическими, лексическими и грамматическими средствами, составляющими в своей совокупности систему языка. При обучении неродному языку немаловажную роль играет опора на родной язык. При обучении необходимо также учитывать явления «интерференции» двух языков. Поскольку азербайджанский и русский языки относятся к категории разносистемных, неблизкородственных, то преодоление отклонений от правильной речи на начальной стадии овладения русским языком приобретает особо важное значение⁶.

В начальный период формирования неродной речи её основой неизбежно выступает родной язык. Здесь влияние родного языка на неродную речь неизбежно. Несомненную помощь на этой стадии оказывает, в частности, употребление однокоренных и однозначных слов родном и неродном языках. Предложенный Л.В. Щербой «путь сознательного отталкивания от родного языка» имеет отношение, прежде всего к начальной стадии обучения неродной речи. Анализ, осуществлённый

⁶Реформатский А.А. Введение в языкознание М. 1955, с. 24.

многими исследователями с целью выявления сходств и различий в азербайджанском и русском языках, позволяет реализовать в обучении русской речи это требование «путь сознательного отталкивания от родного языка». Сопоставление фактов русского и азербайджанского языков поможет осуществлению поставленных целей и задач обучения русскому языку.

Как известно, звуковой состав обоих языков расходится. Аффрикаты [ц] и [щ] русского языка полностью отсутствуют в звуковом составе азербайджанского языка, а в азербайджанском языке есть специфические звуки, которых нет в русском языке. В русском языке строго соблюдается закон палатализации, который отсутствует в азербайджанском языке, и поэтому является помехой на пути овладения русской речью. При обучении русскому языку необходимо обратить внимание на произношение гласных в ударном и безударном положениях, добиваясь разницы в их произношении.

Как известно, в русском языке ударение является разноместным, может падать на любой слог. Нет особых правил о месте ударения, поэтому при изучении русского языка встречаются трудности в произношении слов. В отличие от русского ударения в азербайджанском языке ударение является стабильным (неподвижным) и падает, в основном, на последний слог. Требуют преодоления также трудности, связанные с ассимиляцией и диссимиляцией согласных, чередованием звуков, произношением долгих согласных. В процессе обучения русскому языку значительную трудность представляет употребление предлогов, особенно предложно-глагольных конструкций, так как в азербайджанском языке вопросы не дифференцируются в зависимости от значения глагола, а в русском языке – строго дифференцируются.

Сопоставление морфологии обоих языков обнаруживает также необходимость учёта расхождений в аффиксальных их системах. И азербайджанскому, и русскому языкам присуще образование новых слов с помощью суффиксов. Однако, если в азербайджанском языке распространён постфиксальный способ словообразования, то в русском языке имеет место как префиксальный, так и суффиксальный способы словообразования.

Отсутствие категории рода в азербайджанском языке тоже создаёт трудности для студентов. Ошибки, связанные с согласованием в роде, устойчивы, поэтому работа по их профилактике требует дополнительных методических средств. Эти особенности обязательно нужно учитывать при составлении учебного пособия.

Важным моментом является то, что при составлении учебного пособия считаем нужным обращение к достаточно сложной и мало разработанной в теоретическом и

практическом плане проблеме современной лингводидактики – использованию мультифункциональных предтекстовых, притекстовых и послетекстовых заданий в учебном процессе, которые, безусловно, позволяют реализовывать такие важные принципы обучения, как индивидуализация и дифференциация. Разработка заданий подобного характера требует обширных знаний и немалых временных затрат, однако, эффективность их использования во время аудиторной и самостоятельной работы над языком бесспорна: материал прорабатывается в различных заданиях, которые составлены на основе принципа градации сложности и поэтапного формирования умственных действий (теория П.Я. Гальперина) [Гальперин, 1966, с. 476].

Преимущество подобного ракурса изложения содержания заключается в том, что усвоение (осмысление) языковых правил, необходимых и достаточных для выражения мысли, происходит в условиях активной коммуникации при работе над текстом.

В целях обеспечения успешного овладения русским языком необходима методически оправданная система работ, отвечающая требованиям лингводидактики – коммуникативной направленности обучения и поэтапного формирования навыков. Коммуникативные задачи обучения русскому языку студентов-азербайджанцев и сама природа языковых явлений предопределяют взаимосвязь всех аспектов языка.

Формально язык можно представить как сумму двух составляющих. Но ведь нас интересует не абстрактная лексико-грамматическая система, а конкретная коммуникативная реальность, под которой мы понимаем речь и только речь.

Необходимо понять, что единственной реальностью является речь и на её изучение должны быть нацелены наши усилия. Именно поэтому объектом модели описания русского языка в национальной аудитории следует считать не абстрактную систему языка с его уровнями, подуровнями и межуровневыми связями и отношениями, а реальную речь⁷. Не квалификацию единиц системы, а их конкретные речевые функции следует взять за исходное. Идеальным следует считать лишь такое описание, которое адекватно своему объекту [Гусейнов, 1987, с. 26].

Содержание учебников должно отражать концепцию коммуникативного обучения, которая рассматривает обучение как своеобразную модель общения, обуславливающую процесс отношения людей друг к другу, их взаимовлияния, сопереживания.

⁷Гальперин П.Я. Психология мышления и учение о поэтапном развитии умственных действий. Исследование мышления в советской психологии. М., 1996, с. 476.

При составлении учебного пособия нужно обратить внимание и на содержательный компонент заданий: пословицы, поговорки, меткие высказывания, несомненно, повышают не только языковой, но и общеобразовательный уровень студентов; способствуют повышению мотивации к изучению русского языка.

Структура и содержание отдельных языковых тем и текстов пособия должна соответствовать уровню знания студентов, то есть должны учитываться особенности родного языка студентов, специфика вуза, определённый речевой опыт выпускников общеобразовательных школ.

При написании пособия учёт особенностей родного языка студентов, специфики вуза, определённого речевого опыта обучаемых обеспечивают во многом эффективность и высокие обучающие возможности учебника⁸.

Список литературы

Гальперин П.Я. О методе поэтапного формирования умственных действий / Вопросы психологии. М., 1969, № 1.

Реформатский А.А. Введение в языкознание. М., 1955, 563 с.

Гусейнов Г.Д. Обучение речевой коммуникации на иностранном языке. Баку: Мутарджим, 2001, 348 с.

Гусейнов Ф.Г. Об издержках описания русского языка как неродного. Русский язык и литература в азербайджанской школе, 1987, № 1.

⁸*Гусейнов Ф.Г.* Об издержках описания русского языка как неродного. Русский язык и литература в азербайджанской школе, 1987, № 1, с. 26.

Юсупова К.Т.
Афинский национальный университет имени Каподистрии
г. Афины (Греция)

Yusupova Kamilla
National and Kapodistrian University of Athens
Athens (Greece)

*МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА НА ЗАНЯТИЯХ
РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО*

*APPROACHES AND METHODS IN TEACHING RUSSIAN AS L2 THROUGH THE
LITERARY TEXT*

Цель статьи – рассмотреть методы преподавания художественного произведения на уроках РКИ и помочь учащимся в развитии устной и письменной речи. В данной статье обсуждается проблема чтения, как в семье, так и в образовании. Также подчёркивается важность применения аутентичных и неаутентичных текстов в преподавании РКИ.

The aim of the following paper is to study and analyze the teaching methods based on the literary text which aid the development of both writing and speaking skills when teaching Russian as a foreign language. It also deals with the problem of reading in the family as well as in education. Moreover, the use of both authentic and non authentic texts as instruments of teaching Russian as a foreign language is emphasized in this paper.

Ключевые слова: художественное произведение, методика преподавания, занятия РКИ, субтест, чтение, устная речь, письменная речь, аутентичность.

Key words: literary text, teaching methods, Russian lessons as L2, reading comprehension, speaking skills, writing skills, authentic text, non authentic texts.

*Увидеть и понять автора произведения – значит увидеть и понять другое, чужое
сознание и его мир, то есть другой субъект.*

М.М. Бахтин, 1979

В современном обществе наблюдается проблема чтения. Перед педагогами стоит нелёгкая задача заинтересовать новое поколение, потому что молодёжь не умеет и не хочет читать книги. Мы живём в эпоху развития новых технологий, где нам предлагают читать электронные книги или слушать аудиокниги. Сегодня тексты заменяются символами или картинками, которые очень нравятся и взрослым, и детям.

Но к чему это приведёт? Некоторые результаты уже видны, новое поколение с трудом может выразить или отстоять свою точку зрения.

Молодёжь перестала читать, а значит, перестала получать ту информацию, которую оставило нам предыдущее поколение. Реальность заключается в том, что нынешнее поколение не хочет читать вообще, не говоря уже о художественной литературе и поэзии – это скучно и неинтересно. Сегодня модно перелистывать страницы на айпаде, а не в печатных изданиях. Но вопрос в том, научится ли новое поколение читать хотя бы на айпадах? Это нам покажут новые исследования. Современный преподаватель должен не только учитывать изменения в обществе, но и владеть новой информацией о развитии новых технологий и применять их в учебных процессах образования. Скоро не только западные, но и наши ученики и студенты будут носить не тяжёлые ранцы, а электронные книги (e-book).

Использование айпада или электронной книги вызывает повышенный интерес у учащихся, а также у детей с физическими недостатками. Следует отметить, что с каждым годом в Греции среди учащихся, как школ, так и университетов увеличивается процент дислексии. Поэтому к таким студентам, нужно отнестись с пониманием. Обычно такие учащиеся затрудняются прочитать текст вслух, могут путать слоги, слова или буквы. Но у этих студентов идёт хорошее восприятие на слух. Имеются и положительные стороны Интернет-ресурсов на занятиях РКИ, например:

- можно найти любое произведение,
- чтение онлайн и скачивание классической художественной литературы бесплатно,
- благодаря электронным источникам теперь можно не только читать, но и слушать песни, смотреть фильмы, мультфильмы и сказки и т.д.

Интерес к чтению закладывается ещё с детства, когда образцом для детей являются родители, которые читают периодику или художественные произведения. В последнее время и у родителей не хватает времени на чтение, поэтому средние и высшие учебные заведения должны уделить внимание данной проблеме и привить любовь к чтению.

Иностранцы обычно слышаны о русской литературе и проявляют к ней большой интерес, который не должен потеряться. Использование литературных произведений русских классиков на уроках РКИ, помогут не только увеличить интерес к русскому языку, но и пролить свет на загадочную русскую душу, культуру, обычаи и традиции, которые складывались в России на протяжении многих веков.

В последнее время ставится вопрос об использовании аутентичных текстов, т.е. текстов, которые изначально были написаны для носителя языка. Художественная

литература так же является аутентичным текстом с богатой лексикой, так как пишется и читается носителями языка. Аутентичным текстом может быть реклама, брошюра газетные или журнальные публикации и художественная литература и др. Поэтому преподаватель находится в постоянном поиске нового материала. Ряшенцева разработала более полную классификацию аутентичных текстов для РКИ [Ряшенцева, 2013, с. 2]:

- аудиовизуальные материалы (фильмы, мультфильмы, телешоу, новости и т.д.),
- аудиоматериалы (аудиокниги, песни, реклама и т.д.),
- печатные материалы (литературные произведения, брошюры, билеты и т.д.).

С художественными литературными произведениями дело обстоит намного сложнее, возникает дилемма, взять готовый переработанный текст или преподавателю его переделать. Анализируя учебники по РКИ можно увидеть, что предлагаются неаутентичные-авторские тексты. Всё больше начали выходить отдельные книги или серии книг по художественной литературе. Учебные пособия для чтения для иностранных учащихся можно разделить на категории:

1. Художественная литература с аутентичными, адаптированными текстами.
2. Неаутентичныеавторские тексты, специально написанные для иностранцев.
3. Учебники с аутентичными текстами (в основном, с переделанными текстами) и с неаутентичными текстами.
4. Сборники, включающие в себя первые три категории, такие как, аутентичные и неаутентичные тексты анекдоты, художественные тексты и т.д.

Важность аутентичности лежит в основе коммуникативного метода, потому что аутентичные тексты, аудио или видео материалы написаны для носителей изучаемого языка. Существуют нормы Российской государственной системы, которые помогают методистам и преподавателям в разработке плана работ и подхода к преподаванию художественных текстов на уроках РКИ.

Согласно требованиям Российской государственной системы тестирования РКИ, фрагмент художественного произведения должен соответствовать лексическим нормам каждого уровня и не должен вызывать затруднений у образованного носителя русского языка. Отрывки художественных произведений включены в нижеследующие уровни: ТРКИ 2⁹. Субтест 1. Чтение состоит из 2-х частей. Первая часть включает два текста повествовательного характера. Вторая часть включает чтение художественной

⁹См. подробнее: Министерство общего и профессионального образования Российской Федерации. Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. М., С.-Петербург, С. 59-60.

литературы. Дается фрагмент объемом 300-350 слов, который имеет повествовательный характер и на него дается 15 минут.

ТРКИ 3¹⁰. Субтест 1. Чтение состоит из 4-х частей. Первые три части состоят из пяти текстов различного характера. В четвертой части дается художественное произведение объемом 700-750 слов и время на его выполнение 15 минут.

ТРКИ 4¹¹. Субтест 1. Чтение, первые три части состоят из четырех текстов различного характера. Чтение имеет 4 части, в последнюю четвертую часть включается фрагмент художественного текста. Данный фрагмент имеет объем 950-1100 слов на выполнение, которого дается 20 минут.

Выше были рассмотрены второй, третий и четвертый сертификационные уровни, в которых даны тестовые материалы и методические рекомендации для преподавателя, но только по субтесту чтение. Преподаватель должен безусловно принять во внимание не только требования, но и обозначить цели и этапы работ в преподавании художественного текста на занятиях РКИ.

Во время чтения художественных произведений могут преследоваться различные цели, например: воспитательные, лингвистические, страноведческие, культурологические, эстетические, расширение кругозора, критического мышления и т.д. Гончарук делит цели в использовании художественных текстов на [Гончарук, 2009, с. 174]:

1. Языковые (прагматические и практические) цели, где изучают лексику и грамматику и параллельно художественный текст, который служит отправной точкой для развития устной (диалогов и монологов) и письменной речи.

2. Неязыковые цели – знакомство с культурой и со страной, которое несёт педагогическое воспитание и развитие чувства прекрасного.

Учащиеся должны научиться читать текст, и несмотря на то, что будут встречаться незнакомые слова, понять в нём его суть. Поэтому должно постепенно развиваться чувство догадки, по наитию и на основе словообразования. Перед преподавателем и учащимися стоят такие задачи как:

- отработка чтения,
- научить читать текст с общим обхватом,
- использование лингвистической догадки и т.д.

Работа над художественным текстом делится на три этапа: предтекстовую, притекстовую и послетекстовую. В предтекстовой работе важна, прежде всего,

² Там же.

³ Там же.

подготовка преподавателя к проведению занятия и дальнейшая подготовка учащихся к предстоящему уроку. Если преподаватель только начинает преподавать художественные произведения, то лучше подобрать художественный аутентично-переработанный текст из учебников. В любом случае, при отборе должны учитываться следующие параметры:

- уровень владения учащимися РКИ,
- лексический запас слов соответствующий стандарту РКИ,
- интересы аудитории, который связан с культурологическим отбором (русская культура и история),
- возрастная категория,
- профессиональные интересы [Попадейкина, 2012, с. 137],
- гендерные характеристики [там же],
- этнические и психологические особенности учащихся [там же].

Затем приступаем к отбору художественного произведения и автора. Подготавливаем биографию и фотографию автора, которую можно найти в интернете. Обратите внимание на лексику в тексте, так как преподаватель, зная грамматический и лексический уровень своих студентов, может предусмотреть не только незнакомые слова, но и проработать, например, часто встречающиеся причастия. Можете сделать свои дополнительные упражнения по лексике и грамматике.

Предтекстовая работа для учащихся заключается в том, чтобы заинтересовать учащихся. Для этого дайте им задания по нахождению информации о биографии автора или о самом произведении с особенностями той эпохи, в которой он жил [Попадейкина, 2012, с. 140]. Если выбранный текст имеет большой объём, то студенты могут подготовиться и прочитать его дома внеурочное время. Также если имеется постановка фильма, то учащиеся-иностранцы могут посмотреть её. Просмотр фильма тоже может происходить целиком или отрывками вне аудитории или на занятии.

В притекстовой работе чтение художественного произведения проводится в группе, читает преподаватель или учащиеся. Существующие следующие виды чтения:

- ознакомительный, когда учащиеся должны понять содержание текста, т.е. чтение на обхват. Студентам предлагается не делать перевод и не пользоваться словарём.
- изучающий, где студент должен понять полное содержание текста, осмыслить его, прокомментировать, сделать выводы.
- просмотровой, заключается в том, чтобы найти и извлечь требуемую информацию.

Виды работ во время чтения:

- сначала даётся незнакомая лексика, потом читается текст и в конце делается пересказ,

- после прочтения небольшого отрывка или абзаца произведения, разбирается незнакомая лексика, и студент пересказывает суть прочитанного,
- после прочтения небольшого отрывка из текста или абзаца, студент излагает главную суть прочитанного, если встречаются незнакомые слова для понимания текста, то можно попробовать включить метод догадки. Затем, обязательно, разбираются новые слова,
- если в тексте имеется диалог, то его можно читать по ролям.

Студенты-иностранцы, произнося лексические единицы, не только развивают технику чтения и произношение, но и включаются в некий коммуникативный процесс, который помогает им преодолеть барьер и в дальнейшем перейти уже свою устную речь. Восприятие на слух, также может оказаться сложнейшим заданием для иностранца. Например, если один студент читает абзац или небольшой отрывок, то другие должны понять и пересказать прочитанное.

М.М. Бахтин: «текст не вещь, а поэтому второе сознание, сознание воспринимающего, никак нельзя элиминировать или нейтрализовать» [Бахтин, 1979, с. 285]. Знание лексические единиц учащимися, не означает полное понимание и восприятие текста, так как в процессе чтения возникают образы [Гончарук, 2009, с. 2]. Поэтому Гончарук предлагает, учащимся описывать возникающие образы и потом ещё раз перечитать произведение для его полного восприятия [Гончарук, 2009, с. 2].

Послетекстовая работа проводится после прочтения текста и включает в себя различные задания как для развития устной, так и письменной речи. Для развития устной речи:

- студент-инофон должен понять и передать суть прочитанного,
- учащиеся делают анализ произведения, т.е. находят главные темы, идеи, сюжет (завязка, развитие действия, кульминация, развязка) в тексте и далее описывают героев и их характеры,
- студенты обсуждают прочитанное и учатся не только критическому рассуждению, но и умению выражать своё мнение на русском языке.

Уделите внимание, тому, что в классических художественных произведениях чётко просматривается отношение автора к героям, обычно само имя героя говорит о характере и его социальном положении. Например, можете дать студентам нижеследующий план, который поможет им при обсуждении главных героев:

- опишите главных героев и их характер,
- что символизирует герой (обратите внимание на имя героя),
- опишите внешность, характер и поступки героя,

- какое отношение автора к героям,
- ваше отношение к героям,
- общество или социальная среда героя,
- речевая характеристика.

Задания на развитие письма:

- грамматические задания,
- написание изложения,
- написание письма (например, к одному из героев произведения).

Задания для аудирования преподаватель может сделать сам, используя YouTube. Ведь на многие художественные произведения были сделаны и делаются постановки фильмов. После просмотра или прослушивания отрывка желательно провести беседу.

Основной из главных задач, которая стоит перед учащимися это увеличение лексического запаса. Провести работу с новыми словами и дать дополнительные примеры с использованием новых слов. Виды работ, которые может проделать преподаватель:

- дать домашнее задание учащимся, чтобы они прочитали текст, и нашли новые слова в словаре,
- вводить новые лексические единицы до того, как был прочитан текст,
- разбирать слова по ходу прочтения текста,
- задание на составление предложений с новыми словами,
- написание истории с предложенным списком слов,
- благодаря поисковым системам, таким как (Google, mail и др.) можно увидеть, в каком контексте встречается слово, т.е. можно дать небольшой список слов, лучше новых для того что бы учащиеся составили предложения используя поисковик.

В заключение подчеркнём, что в преподавании русской классики выявляются следующие положительные стороны: Во-первых, работа с художественным текстом может проводиться уже с базового уровня. Во-вторых, данная работа, может, и занимает время, но даёт эффективные результаты. В-третьих, благодаря аутентичным художественным текстам можно проработать все пять субтестов РКИ:

- *Лексика. Грамматика.* Учащиеся закрепляют уже имеющийся багаж лексики и учат новые лексические единицы и параллельно видят их в контексте. В текстах используются вся грамматика: падежи, местоимения, глаголы движения, деепричастия, причастия и т.д. Обычно после текстов даются грамматические упражнения.
- *Чтение.* Отрабатывается техника чтения и понимание текста.

- *Письмо*. Преподаватель может предложить написать изложение или письмо, адресованное одному из героев произведения.
- *Аудирование*. Если есть фильм по произведению, то можно выбрать отрывок и разработать материал.
- *Говорение*. Этот субтест, является одним из самых главных, потому что конечная цель преподавание это умение учащегося говорить и выражать своё мнение, мысли и идеи. Поэтому художественное произведение может послужить коммуникативным толчком для беседы и обсуждения. Многие проблемы, о которых писали наши русские писатели – жизненны, поучительны и учат распознавать добро и зло, чего не хватает на западе.

Очень важно, чтобы учащиеся-иностранцы читали как можно больше текстов. Читать они должны вслух, тогда отрабатывается не только техника чтения, но идёт и восприятие читаемого. Когда студент читает, он воспроизводит лексические единицы и это раскрывает его внутреннюю сжатость. Заметьте, что учащиеся, которые плохо читают, обычно имеют плохо развитую и устную речь.

Чтение на русском (иностранном) языке развивает любознательность и стремление учащихся узнать о культуре и истории России, о душе русского человека, о традициях и обычаях.

Список литературы

- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
- Гончарук Е.Ю.* Чтение художественных текстов на уроках РКИ / Интеллектуальный потенциал вузов – на развитие Дальневосточного региона России и стран АТР: Материалы XI междунар. научно-практической конф. студентов, аспирантов и молодых исследователей, (2009, Владивосток) / СПб.: Изд-во ВГУЭС, 2009. 178 с.
- Министерство общего и профессионального образования Российской Федерации / Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень / М., С.-Петербург: Златоуст, 1999. С. 59-60.
- Министерство общего и профессионального образования Российской Федерации / Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Третий сертификационный уровень / М., С.-Петербург: Златоуст, 1999. С. 56-57.
- Министерство общего и профессионального образования Российской Федерации. / Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Четвёртый сертификационный уровень / М., СПб.: Златоуст, 2000. С. 52-53.
- Ряшенцева Д.Г.* Использование аутентичных текстов в обучении устному иноязычному общению студентов языкового вуза в рамках проблемного подхода: материалы межвузовского семинара, (2012, С.-Петербург) / НОУ ВПО институт иностранных языков. СПб.: Изд-во Академия исследования культуры, 2012. 201 с.
- Теория и практика преподавания русского языка как иностранного / Отв. ред. И.В. Попадейкина. СПб.: Русско-польский институт, 2012. С. 136-144.

Cultural awareness and language awareness based on dialogic interaction with texts in foreign language learning. Edited by Anne-Brit Fenner. Council of Europe Publishing. Strasbourg, 2001.

**ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И
МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА**

Воложанин И. Н.
Высшая школа перевода (факультет) МГУ им. М.В.Ломоносова
г. Москва (Россия)

Volozhanin Igor
High School of Translation, Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

КИТАЙСКАЯ ШКОЛА ПЕРЕВОДА: ОТ ТРАДИЦИИ К ИННОВАЦИЯМ

CHINESE SCHOOL OF TRANSLATION: FROM TRADITION TO INNOVATION

Усиливающийся интерес к состоянию дел в китайском переводе вполне оправдан. Он в значительной мере обусловлен расширяющимся экономическим и политическим влиянием этой страны, а также значительными успехами, достигнутыми в теории и практике перевода в последние десятилетия.

История изучения перевода в Китае насчитывает тысячи лет, а сами исследования отличаются уникальностью и самобытностью. Однако по многим причинам после второй мировой войны переводоведение КНР в течение почти полувека оставалось в стороне от магистральных путей развития мировой науки о переводе. Формирование современной теории перевода в Китае происходило в условиях весьма жестких дискуссий между сторонниками традиционных и новаторских подходов к исследованиям переводческих проблем. Господствующей тенденцией на сегодняшний день является признание необходимости создания национальной научной системы, которая могла бы синтезировать национальные традиционные идеи и передовые достижения мировой науки о переводе.

The growing interest in the state of affairs in the Chinese translation studies is justified and is largely due to an expanding global cultural influence of this country and significant achievements in the theory and practice of translation in recent decades. History of the studies of translation in China begins about 2000 years ago, and the studies are notable for its uniqueness and originality. However, for many reasons after WWII China for almost half a century remained aloof from the mainstream of the development of world science of translation. Formation of the modern theory of translation in China took place in difficult conditions because of very stringent debate between supporters of traditionalist and innovative approaches to the study of translation problems. Recognition of the need to create a national research system, which could synthesize national traditional ideas and cutting-edge advances in the science of translation of the whole world, is gaining upperhand at present.

Ключевые слова: китайская переводческая теория, традиционные идеи, инновации.

Key words: Chinese translation theory, traditional ideas, innovation.

Китай, заявивший о себе в начале этого века как о мощной экономической державе, неуклонно расширяет и свое политическое и культурное влияние в мире. Важная роль в этом процессе отводится активно развивающейся индустрии перевода: в предоставлении переводческих услуг в КНР занято более полумиллиона специалистов,

в основном в больших городах¹². Эта многотысячная «армия» переводчиков вносит свой заметный вклад как в развитие отношений КНР с внешним миром, так и в обогащение национальной культуры и науки.

Профессионализация переводческой деятельности стала мощным стимулом для развития исследований в области теории перевода. Китайское переводоведение благодаря энтузиазму нового поколения исследователей, выросших в условиях политики «открытости Китая внешнему миру» и интенсивных международных научных обменов, все увереннее «завоевывает свое место под солнцем», добиваясь официального признания за собой статуса самостоятельной науки.

Китайская школа перевода по праву считается одной из старейших переводческих школ мира, отличающаяся уникальными традициями. Ее становление, как считают исследователи в КНР, берет свое начало в III веке нашей эры. Так же, как европейские школы, она обязана своим появлением и развитием переводу священных писаний – только не Библии, а буддистских сутр.

Буддизм пришел в Китай из Индии, и над переводом сутр трудилась интернациональная команда переводчиков, главным образом из числа буддистских монахов – выходцев из Индии и Центральной Азии. Один из них по имени Чжи Цянь перевел более 30 томов. В 224 г. вышел в свет труд под названием «Дхаммапада Сутры» (китайское название «Фацзюй Цзин»), в предисловии к которому Чжи Цянь обобщил накопленный опыт переводческой деятельности и высказал свои соображения о природе и эстетике перевода. Будучи твердо уверенным в неприкосновенной сущности сутр, он считал единственно правильным способом их перевода на иностранные языки *буквальный* и по этой причине твердо отстаивал и защищал эту точку зрения в своих заметках. Несмотря на то, что из-за буквализма перевод буддистских сутр, выполненный Чжи Цянем и его соратниками, считается малопонятным и неудачным¹³, его размышления о сущности перевода, его эстетике, об отношениях концепции Вэнь (сегодня воспринимается как вольный перевод) и Чжи (буквальный перевод) рассматриваются в Китае как первый научный опыт, ознаменовавший зарождение национальной науки о переводе¹⁴.

¹² Gao Huali, A Short History of Translation and Interpretation in China and Other Countries, Zhe Jiang, 2009.

¹³ Это мнение некоторые исследователи оспаривают, называя переводы Чжи Цяня вполне достойными, а его взгляды на перевод – взвешенными (см. Википедию, раздел китайской теории перевода).

¹⁴ Согласно другой версии, первым «теоретиком» перевода в Китае считается Цзя Гуань – ученый при императорском дворе династии Чжоу (1100 г. до н.э.). Сохранились письменные источники того времени, в которых содержится его определение перевода как «замены письма на одном языке письмом на другом языке без изменения значения и для взаимного понимания». (Чжун Вэйхэ. Обзор развития теории и практики в Китае. «Траслэйшн джорнал», вып. 7, №2, апрель 2003.)

Концепции Вэнь и Чжи не были изобретением Чжи Цяня. Они уже много лет использовались в литературной критике Китая для обозначения соответственно *изящного* и *простого* стилей китайской словесности. Известно высказывание Конфуция о роли этих стилей в литературном творчестве: «если Чжи превосходит Вэнь, текст вульгарен; если Вэнь превосходит Чжи, текст останется в истории» (质胜文则野, 文胜质则史)¹⁵. У Чжи Цяня все было наоборот: он и его единомышленники воспринимали концепцию Вэнь как категорию с негативной коннотацией, то есть как неприемлемую для перевода сутр вольную интерпретацию оригинального текста, а понятие Чжи - как подходящее для характеристики точного перевода, верного букве оригинала. По мнению некоторых современных китайских исследователей, взгляды Чжи Цяня, акцентировавшего верность исходному языку и в определенной степени недооценивавшего важность достижения адекватного эффекта восприятия текстов оригинала и перевода разноязычными реципиентами, нашли свое отражение в основополагающих идеях традиционной китайской теории перевода.

Как представляется, такое мнение не лишено оснований. На протяжении последующих веков исследование перевода в Китае велось в основном в русле этой *прескриптивной идеологии*. Разумеется, споры и дискуссии об основных правилах и критериях перевода на этом не остановились и продолжались в Китае на протяжении столетий, однако мало кто осмеливался подвергать сомнению приоритетность лояльного воспроизведения содержания и формы исходного языка.

В этой связи нельзя не упомянуть вклад, который внес в дальнейшее исследование перевода буддистский мыслитель, литературный критик и переводчик сутр времен династии Восточная Цзинь Ши Даоань (312-385 гг.). Он тоже считал, что буддийские тексты следует переводить буквально в соответствии с оригиналами, но при этом утверждал, что переводной текст должен соответствовать нормам литературного языка и быть понятным для читателя-носителя переводящего языка. Ши Даоань предложил переводческую идею, названную им «пять потерь и три трудности», которая оказала большое влияние на развитие китайской классической теории перевода. Так называемые «пять потерь» указывали на то, что между исходным и переводящим языком существуют различия в грамматике, стилистике, жанровом стиле,

¹⁵ Chen, Fukang. 1992. *A History of Translation Theory in China*. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press. 521pp. [陈福康. 1992. 《中国译学理论史稿》. 上海:上海外语教育出版社. 521页].

нормах письма и переводчику в процессе перевода приходится «вносить какие-то (виртуальные – *И.В.*) изменения в оригинал», из-за чего последний неизбежно «теряет свой образ» в переведённом тексте. Однако компенсировать такие «потери» могут «приобретения», т.е. соблюдение переводчиком принципа соответствия переводимого текста нормам китайского языка. Теряя «образ» оригинала, мы получаем взамен «совершенный образ» перевода. То есть, нет другого выхода как согласиться на «потери» для того, чтобы «приобрести» - в этом, мол, и заключается диалектика перевода. Нет достоверных сведений о том, насколько глубоко повлияли взгляды Ши Даоаня на практическую деятельность переводчиков того времени, но они несомненно оставили свой след в теоретических исследованиях.

Представитель следующего поколения переводчиков, известный буддистский мыслитель Кумаражива (в китайской транскрипции – Цзюмолоши) (350-409 гг.), выполнял переводы священных писаний на столь высоком уровне, что они впоследствии были канонизированы. Он вошел в историю и как *реформатор подхода к переводу*¹⁶. Цзюмолоши принадлежит авторство следующей важной идеи: он считал, что переводчик должен передавать стиль и смысл оригинала и одновременно, не забывая о точности, стремиться к красоте слога своего творения. Основным приемом перевода, использованным Цзюмолоши, было сокращение сложных синтаксических структур текста на санскрите и передача их смыслового содержания на китайском языке простыми грамматическими конструкциями¹⁷. Его идеи оказали большое влияние на развитие классической теории перевода в Китае.

В период династии Тан (唐, 618-906 гг.), когда деятельность, связанная с переводом буддийских сутр, достигла своего расцвета, этой работой стали заниматься преимущественно китайские переводчики. Их выдающимся представителем был Сюань Цзан, ставший прообразом главного героя знаменитого китайского классического романа «Путешествие на запад». Сюань Цзан (玄奘, 602-664 гг.) не только стал автором новых переводов значительного количества оригинальных текстов сутр, что сыграло важную роль в распространении буддизма в Китае (по легенде, именно благодаря Сюань Цзану китайский император принял буддизм), но и внес заметный вклад в развитие теории перевода. Считается, что именно он первым доказал преимущество объединения двух способов перевода - буквального и вольного, убеждая своих коллег «стремиться и к точной передаче смысла, и к тому, чтобы перевод был простым и

¹⁶ Чжун Вэйхэ. Обзор развития теории и практики в Китае. «Траслэйшн джорнал», вып.7, №2, апрель 2003

¹⁷ См.: 王克非:《鸠摩罗什与严复》, 中国翻译.1988. 38页

понятным», т.е. общедоступным. Современные исследования деятельности Сюань Цзана показали, что он активно практиковал такие переводческие приемы, как введение дополнительной информации, сокращение, перестановки, объединение и разделение предложений, замену местоимений на имена собственные и др.¹⁸ Примечательно, что Сюань Цзан считается первым великим переводчиком в истории Китая.¹⁹

Конец XIX – начало XX века стали «пиком» в развитии традиционной теории перевода в Китае. Сменилась эпоха, потеряла свою актуальность работа над переводом буддистских священных писаний, зато появились новые политические, социальные и культурные мотивы активизации переводческой деятельности и развития переводоведения. Унизительные военные и политические поражения, которые Китай потерпел в результате колонизаторской политики Японии, Англии и других западных стран, вызвали подъем национального самосознания китайского населения, выдвинув на повестку дня переводческой деятельности новые задачи. В первую очередь они были связаны с главной политической и экономической идеей: преодолением отсталости, поиском адекватного ответа на вызовы цивилизационного развития. Во многих городах были открыты новые учебные заведения, в которых осуществлялось целевое обучение иностранным языкам. Цинское правительство распорядилось создать специальные переводческие бюро для осуществления перевода иностранной научно-технической литературы. По статистике, с 1840г. по 1900г., было переведено на китайский язык около пятисот фундаментальных и наиболее важных трудов соответствующего профиля.

Востребованными оказались и новые методологические подходы к переводу. В 1898 году вышел в свет перевод книги Дж. Хаксли «Эволюция», выполненный известным философом, общественным деятелем и переводчиком Янь Фу. Предисловие, написанное им к этому переводу, стало знаковым явлением в китайской переводческой науке. В нем Янь Фу сформулировал и в общих чертах обосновал идею о трех стандартах переводческой деятельности, которые он обозначил терминами *верность, норма, стиль* 信, 达, 雅 (*синь, да, я*). Эти стандарты стали своего рода «краеугольным камнем» в фундаменте традиционной классической теории перевода. Главным понятием, выведенным Янь Фу из собственных наблюдений и обобщения опыта своих предшественников, стало понятие «*верности*». Со временем оно закрепилось в

¹⁸ См.: 邱榆若: 《俄汉汉俄翻译》 武汉大学出版社. 1993. 第6页.

¹⁹ Чжун Вэйхэ. Обзор развития теории и практики в Китае. «Траслэйшн джорнал», вып.7, №2, апрель 2003

китайской традиции как главный критерий точности и полноты передачи содержания оригинала. Понятие *нормы* было адресовано переводящему языку и означало, что переводчик должен обеспечить адекватное понимание смысла и содержания оригинала читателем-реципиентом перевода. Стандарт «Я» (в китайском языке это слово означает изящность – *И.В.*) означал степень приемлемости качества стилистики переводного текста для образованного носителя языка. Сердцевиной достаточно многогранной, хотя и довольно расплывчатой концепции Янь Фу является требование к переводу служить «полноценной заменой оригинала». По мнению китайских исследователей, у понятия «верности» много общего с современным понятием «эквивалентности на уровне языковых знаков», хотя отсутствие развернутых дефиниций и пояснений этого концепта открывает широкий простор для его толкований.

Не будет преувеличением сказать, что весьма широкое по своему содержательному (философскому, социально-культурному, политическому) наполнению понятие «верности» является отражением специфического феномена китайской ментальности. Это явление отчасти объясняется сохраняющимся влиянием конфуцианской этики: «верность» и сегодня остается важной нормой поведения в семье, обществе, коллективе и поэтому с известной легкостью может играть роль психологической установки и в других сферах жизни китайского общества. Как бы то ни было, можно констатировать, что принцип «верности» не только стал основным критерием перевода в традиционном классическом переводоведении Китая, но и, в известной мере, остается господствующим в современной китайской науке о переводе.

Согласно официальным взглядам, вкладом Янь Фу в конце XIX века завершилось формирование классической китайской теории перевода. Наступил XX век, отмеченный самыми грандиозными по своему масштабу катаклизмами и событиями во всей китайской истории. Синьхайская революция и крушение цинской династии, гражданская война, агрессия Японии, создание КНР, т.н. культурная революция и, наконец, политика открытости и реформ, начатая Пекином в конце 70-х годов, оказали значительное влияние на развитие теории перевода.

Примечательную роль в этом процессе после Синьхайской революции сыграли представители «левого» движения. Они выдвинули и стали активно пропагандировать пусть наивную, но весьма привлекательную идею, суть которой состояла в том, что перевод может и должен помочь преодолению отсталости Китая и модернизации его экономики, социальных устоев, культуры и самого китайского языка. Среди этих

известных людей прежде всего следует назвать имена Цюй Цюбо²⁰ и Лу Синя²¹. В новых политических условиях Китая, утверждали они, перевод может стать важным инструментом заимствования научно-технических, политических и культурных достижений и ценностей Запада (под последними они, правда, имели в виду главным образом марксистские и коммунистические идеи). Для реализации этих потенциалов перевода подразумевалось не только расширить его масштабы, но и изменить подходы к самому переводу. Лу Синь, в частности, призывал переводчиков «твердо» следовать принципу «верности» оригиналу и добиваться при переводе с иностранного языка на китайский максимальной близости обеих текстов, вплоть до репродуцирования формы оригинала, включая его грамматические и стилистические особенности. «Европизация» («форинизация») китайского языка, а в последующем и вестернизация мышления китайцев, по мнению Лу Синя, должны были способствовать духовному подъему и нравственному возрождению нации и служить делу модернизации²².

Хотя эти идеи Лу Синя (так же, как и его переводы) не завоевали такой популярности в обществе, как его художественные произведения, и даже не получили поддержки в переводческом и литературном сообществах Китая, *они сыграли свою роль в дальнейшем развитии теории перевода в Китае и формировании ее современной парадигмы на рубеже второго и третьего тысячелетия, после того, как в стране начались реальные кардинальные реформ.*

Вызовы, с которыми столкнулось китайские переводчики с началом политики открытости КНР внешнему миру хорошо известны. Стремительное развитие внешнеэкономических связей потребовало значительного увеличения профессионально обученных специалистов перевода. Одновременно обнаружилось, что конфронтация с западными странами и цензурные ограничения предыдущих десятилетий тоталитарного правления не прошли даром: исследования перевода в мире ушли за эти годы далеко вперед и практические позитивные результаты этого процесса были тем более очевидны на фоне заметного застоя и консервативных тенденций в этой области в Китае. Появившиеся возможности знакомства с новыми идеями, концепциями и другими достижениями западной науки о переводе только усилили разочарование и пессимизм у одних, и желание перемен у других.

²⁰ Китайский публицист, литературный критик, переводчик русской классической и советской литературы. С июля 1927 г. по июль 1928 г. был Генеральным секретарем ЦК КПК.

²¹ Китайский писатель, считается основоположником современной китайской литературы.

²² Leo Tak-hung Chan. What's Modern in Chinese Translation Theory? Lu Xun and the Debates on Literalism and Foreignization in the May Fourth Period, *Erudit*, vol. 14, № 2, 2001, p. 199.

Мотивированная прагматическими интересами готовность правительства Китая вкладывать капиталы в развитие рынка переводческих услуг, а также сами потребности этого рынка также актуализировали необходимость решения проблемы модернизации традиционной китайской теории перевода.

Какие наиболее приметные инновации обозначили постепенный выход китайской науки о переводе из этой ситуации? Во-первых, нельзя не отметить высокую степень свободы обсуждения достаточно острых проблем отношения к западным теориям и их возможной роли в обогащении и повышении уровня китайской науки о переводе. Приверженцам традиции и сторонникам модернизации удалось достичь компромисса в отношении допустимости неограниченного знакомства с передовыми идеями западных ученых и расширения объектов теоретических исследований перевода в вузах КНР. В то же время было констатировано, что процесс развития современной теории перевода в Китае должен носить самостоятельный характер, без какого-либо вмешательства извне и исключал поощрение «бездумного копирования чужеродных идей»²³.

Во-вторых, начиная с 80-х годов в Китае публикуется большое количество работ западных теоретиков перевода. В основном это переводы или изложение произведений 50-х, 60-х годов XX века, опубликованных в Англии и США. Например, теории Ньюмарка и Найды в стали известны в Китае в 1981г. благодаря публикациям статей; в 1982г были даны в изложении труды «*Toward a Science of Translating*» (1964) Найды и «*A Linguistic Theory of Translation*» (1965) Кэтфорда, а в 1988 г. состоялось знакомство китайцев с книгой Ньюмарка «*A Textbook of Translation*».

В это же время в Китае появляются статьи исследовательского характера, в которых китайские учёные рассматривают некоторые западные концепции перевода под критическом углом зрения. В их числе, например, можно назвать статью Цянь Лишэна «*Может ли реакция читателя быть стандартом перевода?*» (научный журнал «Китайский перевод», 1988 г., № 2); статью «*Значение и недостатки понятия «динамическая эквивалентность»*», написанную Линь Кэнанем («Иностранные языки», провинция Фуцзянь», 1988 г., №1-2). В статье «*О формальной эквивалентности в переводе*», написанной Шэнь Данем, указывалось, что содержание понятия *формальная эквивалентность*, разработанного Найдой, по существу, весьма близко к содержанию китайского критерия «верности» перевода. Отсюда можно сделать вывод о том, что

²³ Ван Яньи. К вопросу о главном 王阳译，认真的重要，北京 Пекин, 2000

практически с самого начала реформ в Китае формируется тенденция рационально-критического подхода к изучению идей западной теории перевода. Другими словами, китайские учёные не просто «впитывали» новые идеи западных ученых, но и через знакомство с ними вырабатывали свое отношение к важным и актуальным проблемам переводоведения.

В- третьих, благодаря развитию контактов между исследователями Китая и западных стран обмен идеями по теории перевода приобрел регулярный и интенсивный характер. Это помогало им устанавливать деловые отношения сотрудничества друг с другом, вносить совместный вклад в развитие мировой науки о переводе.

Вместе с тем, по-прежнему лояльная своим национальным традициям, теория перевода Китая и сегодня отдаёт предпочтение функциональности и нормативности, в то время как на Западе приоритетами являются дескриптивность, логика и системность. Ответы на многие вопросы китайские исследователи, как и раньше, ищут в практической плоскости: какие нормы, правила и приемы наиболее полезны для достижения эквивалентности, адекватного преобразования оригинала в перевод. При этом лингвистический подход к проблемам перевода сохраняет господствующие позиции, а принцип «верности» остается основным критерием перевода.

Наконец, консерватизм в подходе части китайских исследователей к изучению проблем перевода проявляется в их скептическом отношении к характерной для западной науки систематизации знаний, развития идей до уровня «завершенных» систем и концепций. Они предпочитают оставлять больше места для их интерпретации.

Достаточно вспомнить классические «максимы» Янь Фу и продолжающиеся дискуссии вокруг их значения.

Губина В.В.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Gubina Veronika
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

*СОВРЕМЕННЫЙ РУССКОЯЗЫЧНЫЙ ДИСКУРС МОДЫ КАК ПРОБЛЕМА
ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ТОПОЛОГИИ*

*MODERN RUSSIAN LANGUAGE FASHION DISCOURSE AS A SUBJECT OF
PHILOLOGICAL TOPOLOGY*

Статья посвящена выявлению специфики современного русскоязычного дискурса моды, в силу своего формирования в условиях перестройки российской экономики на рубеже XX-XXI веков основанного на переводных и адаптированных для российского читателя англоязычных текстах российских версий международных глянцевого журналов, научно-популярных изданий по истории и теории моды, а также публицистической и художественной литературы. Отправной точкой для данного исследования служит анализ переводных научно-популярных текстов, в силу жанра характеризующихся наибольшей информативностью и наименьшей суггестивностью среди текстов о моде для непрофессиональной массовой аудитории. Ход анализа продемонстрирован на примере сопоставления научно-популярного издания «How to Read Fashion» авторства Фионы Ффулкс и его перевода на русский язык. Сопоставление проводится в рамках филологической топологии на основе метода топологической стратификации текста – т.е. выделения в нем единых по замыслу, художественно-образной структуре и стилистическим особенностям слоёв, пластов, или страт, написанных как бы в одном ключе, вокруг единой стилистической доминанты. Каждая из выделенных страт характеризуется набором конституирующих параметров – семиологически значимых, инвариантных характеристик текста, сохранение которых при переводе необходимо для его адекватности. По итогам их выявления и описания получена система ориентиров, позволяющая расчленив текст на удобные для работы однородные части и проследить их преобразование в переводе.

The article deals with points of modern Russian language fashion discourse, formed at the turn of the 20-21st centuries in terms of restructuring of Russian economy and based in it's original on translated and adapted for the Russian readers texts taken from international magazines, art and popular scientific publications on the history and theory of fashion. The latter serve a starting point for the analysis, because the texts of this type are the most informative and least suggestive among the fashion texts for the mass readers. The procedure of analysis is showed during the comparing of the English-language popular scientific book «How to Read Fashion» and its Russian-language version. They are comparing through the filological topology with the method of topological stratification, i.e. the allocation of stratum, united by concepts, art structure, stylistic peculiarities and written in the same key style, around a single stylistic dominant. It also showed a set of parameters for each stratum, the translation of which ones is considered necessary to compose an adequate translation. As a result, there is a system of benchmarks, allowing us to divide the text into homogeneous parts, to determine their proportion and to trace their transformation in translation, has been distinguished.

Ключевые слова: дискурс моды, перевод, филологическая топология, стратификация, страта, конституирующие параметры.

Key words: fashion discourse, translation, filological topology, philological identity and differentiation, stratification, stratum, constituent parameters.

Являясь объектом внимания истории, социологии, культурологии и ряда других научных дисциплин, мода, однако, до сих пор остаётся практически не изученной с точки зрения лингвистики. Если в зарубежной научной традиции в рамках французского структурализма этому феномену уделялось внимание с середины XX века [Барт, 2003], то российская лингвистика обратилась к целенаправленному изучению моды лишь на рубеже XX-XXI веков. Именно в этот период в условиях перестройки российской экономики происходит становление современной российской индустрии моды, перенимающей и переосмысляющей западный опыт [Тер-Минасова, 2007, с. 67], и формируется современный русскоязычный дискурс моды, основанный, прежде всего, на переводных и адаптированных для российского потребителя текстах, ориентированных на непрофессиональную массовую аудиторию, – текстах российских версий международных глянцевого журналов, научно-популярных изданий по истории и теории моды, а также публицистической и художественной литературы. В этой связи при изучении современного русскоязычного дискурса моды на первый план выходит переводческая проблематика (речь идёт о переводе на русский с английского языка, выступающего языком международного общения в индустрии моды [Окунева, 2008, с. 153]), на основе чего закономерно предположение о возможности выявления специфики данного дискурса посредством изучения практики перевода составляющих его текстов.

Выявление специфики современного русскоязычного дискурса моды на основе сравнения его с оригинальным дискурсом – англоязычным – становится возможным в рамках филологической топологии – науки о филологическом тождестве/различии, инвариантности филологических объектов и методах её установления, начало развитию которой было положено в конце 1970-х годов основателем школы англистики МГУ профессором О.С. Ахмановой. Среди переводных текстов, составляющих современный русскоязычный дискурс моды, в поле зрения филологической топологии попадают, прежде всего, переводные научно-популярные издания по истории и теории моды как наиболее информативные и наименее суггестивные среди переводных текстов массового характера данной тематики, в силу жанра максимально ограничивающие свободу переводчика, а потому являющиеся наиболее показательными в ходе выявления специфики перевода текста о моде с русского язык на английский [Назаренко, 2000].

Так, с целью выявления в русле филологической топологии тождества / различия между оригиналом энциклопедии «How to Read Fashion» авторства британского историка моды, стилиста и дизайнера Фионы Ффулкс, опубликованной в 2010 году в Лондоне [Ffulks, 2010], и её русскоязычным переводом под названием «Как читать моду», выполненным в 2011 году Ю.Б. Капустюк [Ффулкс, 2011], был принят разработанный Л.В. Полубиченко метод сквознойтопологической стратификации текста значительных по объёму произведений – т.е. выделения в нем единых по замыслу, художественно-образной структуре и стилевым особенностям слоёв, пластов, или страт, написанных как бы в одном ключе, вокруг единой стилистической доминанты [Полубиченко, 2012, с. 39].

Лингвостилистический анализ текстового материала выявил в его составе две чётко разграниченные страты, условно именуемые в нашей работе терминами, восходящими к теории функциональных стилей В.В. Виноградова и развитых школой англистики МГУ имени М.В. Ломоносова, – «текст-сообщение» (сообщение однозначной интеллективной информации) и «текст-воздействие» (воздействие на читателя различными экспресивно-эмоционально-оценочными средствами) [Чаковская, 1986, с. 9]. Выделение каждой из страт основано на определении характеризующего её набора конституирующих параметров – семиологически значимых, инвариантных характеристик текста, сохранение которых при переводе необходимо для его адекватности. Их выявление позволяет получить систему ориентиров для распределения текстового материала по отнесенности к первой/второй страте и, таким образом, расчленив текст на удобные для работы однородные части, чтобы проследить их преобразование при переводе.

В ходе лингвостилистического анализа текстового материала выявлено, что текст первой страты – «текста – сообщения», выделяемой нами как сообщение однозначной интеллективной информации, – строится в оригинале из простых распространённых, сложносочинённых и сложноподчинённых предложений, часто с двумя и более грамматическими основами, например: The name was given to this coat by soldiers in the trenches during the First World War after Thomas Burberry's new design for an officers raincoat was accepted by the UK War Office. It was made from the new waterproof gabardine that Burberry had also developed, and featured a back yoke, buckled cuff straps, epaulettes, a storm flap on one shoulder and storm pockets.

По ходу развёртывания «текста-сообщения» в его материал вплетена складывающаяся из отдельных языковых элементов объемом от одной лексической единицы до законченного предложения вторая страта, или «текст-воздействие»,

включающая различные экспрессивно-эмоционально-оценочные средства воздействия на читателя. Приведём пример соположения двух выделяемых страт в тексте, для наглядности обозначив элементы второй страты полужирным шрифтом (который здесь и далее в данной статье будет служить маркером, выделяющим текст второй страты): **The effortlessly well-dressed** Grace Kelly gave her name to **possibly the most famous handbag in history**, the Kelly Bag, which was made by Hermès in the 1950s.

Конституирующими параметрами первой страты – «текста-сообщения» – оригинального текста являются:

1) общенаучная лексика, обозначающая отвлечённые понятия, процессы, действия: understanding, development, identifies, the origins, interpretation, represent, technique, reference, method, resource;

2) терминология моды, включающая наименования художественных направлений в моде, сегментов гардероба, предметов и деталей одежды, обуви, аксессуаров и причёсок, материалов для пошива изделий и видов их обработки, техник кроя и т.д.: design, tailoring, military, collection, silk, haute couture, pencil-skirt, trilby, hand-knitted, fashion house;

3) имена собственные, употребляющиеся для обозначения личных имен, наименований географических объектов, торговых марок, магазинов, художественных произведений, печатных изданий и т.д.: Tsar Alexander I, Marie de Medici, Grace Kelly, Karl Lagerfeld, Jean Paul Gaultier, John Galliano, Denmark, Hermès, Dolce&Gabbana, Vogue;

4) количественные и порядковые числительные: up to 60 cm, 36 m, from AD 400, 1812-1870, 18th century;

5) полное и фрагментарное цитирование: One critic said: «She has sex but no particular gender»; Japanese designer Ryo Inoue has designed what he called a «fusion of the human body, technology and media»; John Galliano called the voluminous designs «fertility» dresses;

6) дискурсивные формулы – обороты речи, постоянные и «неизбежные» в рамках данного дискурса. Первая часть таких дискурсивных формул основана на ключевом понятии данной сферы – fashion – и включает образованные с его помощью глаголы to be in/out of fashion, to be/ to become fashionable/popular, make smth/smbd. fashionable/popular, to popularize и т.д. Другая часть дискурсивных формул связана с метафорическим именованьем идейной основы работы дизайнера «источником вдохновения» – source of inspiration, а действий, направленных на него или производимых им, –to give/ to take an inspiration, to inspire /to be inspired by и т.д.

Основанные на оценочных прилагательных и метафорических оборотах и должны, таким образом, быть отнесенными ко второй страте, включающей экспрессивно-эмоционально-оценочные средства воздействия на читателя, дискурсивные формулы, тем не менее, являются семантическими константами текста и при этом не могут быть заменены/опущены.

В свою очередь, конституирующими параметрами второй страты – «текста-воздействия» – являются:

1) синтаксические конструкции, оформляющие обращение автора к читателю текста и имитирующие выстраивание диалога между ними. К ним относятся:

- риторические вопросы: **Yet how many people know** origin of the little black dress, or the bowler hat, or the ladies trouser suit?

- Конструкции с местоимением второго лица: This handy guide **will help you to look for** clues that will decode references to past fashions and the approach of particular designers.

- Конструкции с глаголами в форме повелительного наклонения: **Notice** the close-fitting boned bodice and full skirt supported by seven layers of silk tulle and nylon net with additional tulle at the flips.

- переход от повествования в третьем лице к повествованию в первом лице множественного числа, служащий показателем объединения автора с читателями Fashion is **all around us**, and **few of us are unaffected by it**.

2) сравнение: <...> uniforms **similar to** the NATO camouflage suit <...>; **It remains** a style often worn for modern wedding; <...>Westwood's silk evening dress **looks like** an 18th-century formal sack-back gown;

3) метафора как способ стимулирования творческого восприятия читателем научно-популярного текста: a leather **cage**, with ornate buckles, is worn over a fur coat; a silver **snake** bracelet with a diamond **body** and ruby **eyes**;

4) эпитеты, или образные определения, выраженные прилагательными и наречиями, в том числе оценочного характера, часто с указанием на высокую степень проявления называемого ими признака с помощью приставок и наречий степени или же в форме превосходной степени: a **dramatic** contrast in colour and texture, an **ideal** summer cloth, **superfine** wool, **extremely large** patch pockets, **the most creative and luxurious** haute couture garments;

5) выражение чувств, ощущений, ассоциаций, эмоциональных впечатлений, вызываемых визуальным восприятием описываемых предметов одежды, их элементов или материалов, из которых они выполнены: the sheer <...>**evokes a sense of lightness**

and youth; a red-carpet gown <...>has the «wow» factor; <...>their colour associated with passion, reflect the sentiment.

По итогам проделанной работы в соответствии с поставленной целью нами была получена система ориентиров, позволяющая расчленить текст на удобные для работы однородные части и проследить их преобразование в переводе.

Анализ русскоязычного перевода текста на предмет сохранения/несохранения в нём соответствующего оригинальному соотношения выделенных страт и конституирующих параметров данных страт следует начать с замечания о том, что особенностью текста перевода, отличающей его от текста оригинала, является значительно более дробный синтаксис. В основном текст составляют простые распространённые и нераспространённые предложения, на которые переводчик дробит более объёмные конструкции текста-оригинала, например: Jackie Kennedy made wearing a leopard skin coat fashionable when her designer Oleg Cassini suggested its adoption around 1964.–К 1964 году дизайнер Олег Кассини предложил леопардовое пальто Жаклин Кеннеди. Благодаря Джекки пальто **быстро** вошло в моду.

Реже встречаются сложные по структуре предложения, причем помимо сложносочиненных и сложноподчиненных конструкций внимание на себя обращают бессоюзные конструкции, также результирующие стремление переводчика к дроблению объёмных структур текста-оригинала:

The metal slot and stud fastening at the front of this corset kept the front rigid while the laces were altered at the centre back to fit the wearer.–Металлические петли и крючки на лицевой стороне корсета поддерживали торс в неподвижном состоянии. Шнуровка переместилась в центр спинки: с её помощью корсет подгоняли под формы тела.

Пределом такого дробления оказываются назывные предложения:

Here is an example of full evening dress consisting of tailcoat and trousers with a matching waistcoat, wing collar and white tie as immortalized by Fred Astaire. **Minor** changes in fashion **affected** the cut of the trousers and lapel width.

Образ, **увековеченный** Фредом Астером, одним из **лучших** танцующих актеров Голливуда. Фрак, брюки и жилет. Белая рубашка с воротником-стойкой, края воротника скошены. Белый галстук-бабочка. **Небольшие** изменения **заметны лишь** в покрое брюк и ширине лацканов.

Анализ перевода таких конституирующих параметров первой страты оригинала, как общенаучная лексика (method – метод, resource – источник, development – развитие), имена собственные (London – Лондон, Yves Saint Laurent–Ив Сен-Лоран, Prada – Prada), количественные и порядковые числительные (up to 60 cm - до 60 см, AD

400 - 400 год н.э., the 18th century – XVIII век), полное и фрагментарное цитирование (One critic said: «She has sex but no particular gender». – Один критик сказал: «Она сексуальна, но не обладает определённым полом»), свидетельствует об их последовательной передаче в русскоязычном тексте, в то время как перевод терминологии моды, также являющейся семиологически значимой составляющей текста первой страты, оказывается связан для переводчика с рядом трудностей. В частности, не являясь упорядоченной терминосистемой и представляя собой открытую регулярно пополняющуюся новообразованиями структуру, терминология моды характеризуется активными полисемией, частеречной и внутриотраслевой омонимией и синонимией [Долгова, 2007, с. 88], часто становящихся причинами переводческих ошибок, которые, в свою очередь, могут повлиять на соотношение элементов первой и второй страты в конкретном высказывании. Например, в рассматриваемом нами переводе можно отметить как случаи опущения терминологических единиц (Chanel designed this pink knitted swimsuit as a ballet costume <...>. – Шанель создала этот розовый купальный костюм для балета <...>. В данном примере опущены термины knitted и costume. Причём, если опущение первого из них можно считать необоснованным, то второе объясняется стремлением переводчика избежать тавтологии в связи с тем, что термины suit и costume в русском языке совпадают в одной лексической единице – костюм), так и преобразования термина в эпитет (neo-classical style draping – **стильная** неоклассическая драпировка, что можно интерпретировать как переводческую ошибку, представив корректный вариант перевода: драпировка в нео-классическом стиле (*перевод мой – В.В.*)).

Отдельного внимания заслуживает и перевод дискурсивных формул, основанных на метафорическом именовании идейной основы работы дизайнера «источником вдохновения» – source of inspiration, а действий, направленных на него или производимых им, – to give/ to take an inspiration, to inspire /to be inspired by и т.д. Автор регулярно воспроизводит эту метафору в англоязычном тексте, тем самым констатируя её в статусе стандарта, нормы для выражения данного понятия, что последовательно воспроизводится переводчиком в русскоязычном тексте, например: With many companies outliving their founding members their archives provide a **rich** source of inspiration for modern designers. – Многие компании пережили своих основателей, и их архивы служат **богатым** источником вдохновения для современных дизайнеров.

Помимо данной метафоры автор также использует в тексте альтернативные ей, но лишённые метафоричности конструкции. При переводе последних переводчик предпочитает, однако, создавать новые метафоричные обороты, заменяя ими лишённые

метафоричности авторские конструкции, что усиливает художественную образность содержащих их фрагментов: It was inspired by the Neo-classical <...>. – Это **своеобразная дань** неоклассике <...>; This version of the trench coat <...> relates to the history of Hermes **and** its production of saddles and leather goods. – Данная версия тренчкота **намекает на** историю Hermès как производителя седел и кожаных товаров; <...> a brightred colour that refers to the military – <...> яркий красный цвет – **блестящий выбор для воинственных соблазнительниц.**

Кроме того, переводчик включает в текст первой страты отсутствующие в оригинале краткие или развёрнутые пояснения объемом до отдельного предложения к упоминаемым лицам или предметам, например: Gaultier often **experiments** with crinolines. – Готье часто **экспериментирует** с кринолинами. Кринолин – это нижняя юбка из плотной ткани с вшитыми в неё обручами из стальных полос или китового уса.

Регулярность использования переводчиком кратких и развернутых пояснительных конструкций позволяет выделить их в качестве конституирующего параметра первой страты текста перевода, не значащегося среди конституирующих параметров первой страты текста оригинала. В отличие от перевода терминологии моды и дискурсивных формул, это, однако, не оказывает значительного влияния на соотношение объема первой и второй страт в русскоязычном тексте, что объясняется выстраиванием материала в книге вокруг иллюстраций, идентичных своим количеством и размером в оригинальной и переводной версиях книги. Таким образом, переводчик ограничен в предоставленном ему пространстве для выражения мысли и компенсирует добавления в текст опущением каких-либо других элементов текста оригинала. Так, в следующем примере привнесение в русскоязычный текст развернутого переводческого пояснения обусловило вынужденное опущение при переводе некоторых авторских элементов. В результате в переводе сохранены только две единицы из оригинального фрагмента: frontier– фронтир и subtle colours – пастельные тона: There is a frontier image to this outfit of subtle colours which contrasts textures. The leather belt has an ornate silver buckle and the jacket is a patchwork of wools but the dress is lightweight silk. – В переводе с английского frontierозначает «граница», «рубеж» – в истории США этот термин связан с первыми поселенцами. Для коллекции «Фронтир» Лорен избрал пастельные тона.

Более активное обращение к элементам воздействия переводчика в сравнении с автором становится ещё заметнее при анализе перевода элементов второй страты оригинального текста. Последовательно воспроизводя в переводе авторские художественные приёмы, являющиеся конституирующими параметрами данной

страты, переводчик использует аналогичные тропы и в тех фрагментах текста, где они отсутствовали в источнике.

Так, в примере, касающемся синтаксических конструкций, оформляющих обращение автора к читателю текста и имитирующих выстраивание диалога между ними, одновременно представлен и перевод риторического вопроса, и авторское расширение конструкции за счёт приёма объединения автора с читателями с помощью повествования от первого лица множественного числа: **Is this an original design or is it a revival style, like Gothic or Neo-classical? – Нередко мы думаем: что это – оригинальный дизайн или обновлённая готика, или, допустим, неоклассицизм?**

Аналогичным образом повышается частота использования сравнений (перевод авторского сравнения: it has a drape <...>, **like the Roman priestess**– у платья есть драпировка <...>, **как у римской жрицы**; привнесение сравнения в процессе перевода: **Indian and Spanish elements adorn the linear design.** – Выбор ткани определяют индийские и испанские мотивы. Юбка в форме пирамиды делает невесту **похожей на шахматную королеву.**), метафор (перевод авторской метафоры: a leather **cage**<...> is worn over a fur coat – кожаная «**клетка**»<...> поверх мехового пальто; привнесение метафоры в процессе перевода: the skirt shape <...> is from the 1580s – форма двухслойной юбки <...> – **реверанс 1580-м**), эпитетов (перевод авторского эпитета: **the most famous handbag in history** – **самой знаменитой в истории сумочке**; привнесение эпитетов в процессе перевода: a mix of 18th century and hippy – **неожиданный** микс XVIII века со стилем **прекраснодушных хиппарей**), а также выражения чувств, эмоций и ассоциаций, вызываемых при визуальном восприятии описываемых предметов одежды (перевод: the sheer <...> **evokes a sense of lightness and youth**– шёлк **создаёт впечатление лёгкости и юности**; привнесение: cut low across the bosom to allow the display of fine jewellery– декольте позволяет **выгодно** продемонстрировать дорогие украшения, а длинная юбка – **почувствовать себя настоящей принцессой**).

Кроме того, переводчик расширяет в русскоязычном тексте объём второй страты за счёт привнесения в текст ряда собственных, не используемых в тексте оригинала художественных приемов. Таковыми являются уменьшительно-ласкательные формы (tightly fitting narrow trousers – обтягивающие узкие **брючки**), эвфемизмы (This suit from Anderson & Sheppard involved different specialists for the jacket, waistcoat and trousers. – «Anderson & Sheppard» предлагает костюмы для **более чем состоятельных людей**), разговорные, просторечные и жаргонные элементы (the opportunity for the display of an **elegant gown** - возможность **покрасоваться** в элегантном наряде), перифразы (trousers had become part of women's casual clothing – брюки стали частью повседневной одежды

лучшей половины человечества), конструкции с оценкой внешнего облика (fine black lace creates a revealing evening gown inspired by the Napoleonic period – **откровенное** вечернее платье из тонкого чёрного кружева, вдохновлённое эпохой Наполеона, **выглядит пикантно**), восклицательные предложения (These buttons show membership of an **exclusive** club. – **Членство в эксклюзивном клубе говорит само за себя!**) и не прямой порядок слов (Empire green was used to decorate the Emperor's apartments and was also the colour of his robe <...>. – Зелёным обычно украшали комнаты императора, зелёным **был и** наряд Наполеона).

Подытоживая вышесказанное, можно констатировать изменение в русскоязычном переводе авторского соотношения объёма первой и второй страт и его изменение в сторону расширения второй страты вплоть до постановки под вопрос сохранения в процессе перевода научно-популярного характера повествования с предположением об изменении его на публицистический. В частности, последовательный поэлементный подсчёт позволяет говорить об изменении с примерного соотношения объёма первой и второй страт с 80 к 20 процентам на 65 к 35. Апробация данных выводов на примере анализа перевода на русский язык ряда других англоязычных научно-популярных изданий по истории и теории моды подтверждает их верность, а также свидетельствует об активном использовании экспрессивно-эмоционально-оценочных средств воздействия на читателя как конституирующей характеристике переводного русскоязычного текста о моде, которая в дальнейшем лишь утрируется в собственно русскоязычном повествовании, создающемся в рамках современного русскоязычного дискурса моды по образцу переводного текста. Наглядно подтверждая данные выводы, приведем в заключение данной статьи фрагменты из собственно русскоязычной энциклопедии «Мода и модельеры», относящейся, как обозначено в аннотации, к «литературе научной и производственной» для демонстрации специфики повествования о моде на русском языке: «**Феерическое воображение** Джона Гальяно **беспредельно**. Его **невероятные по красоте и роскоши** костюмы **восхищают**. **Экстравагантные** модели с элементами сюрреализма, панка, этнического стиля **шокируют**. При этом Гальяно **верен** высокому искусству» [Мода и модельеры, 2011, с. 192] или: «Этот **невысокого росточка, полненький лысоватый** дизайнер с нетрадиционной сексуальной ориентацией **вернул** моде **жизнеутверждающую эротичность**. Он **возродил** кружева, прозрачную ткань, низкой посадки штаны-хипстеры. Сочетание **эксцентричной агрессивности** и **идеальной** техники кроя сделали этого выпускника **престижнейшего** Центрального колледжа живописи,

дизайна и моды Сент-Мартинс **одним из самых неординарных** молодых модельеров рубежа XX-XXI вв.» [там же, с. 198].

Список литературы

Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 512 с.

Долгова Т.В. Формирование и развитие английской терминологии дизайна одежды и моды в социолингвистическом аспекте. Омск, 2007. 161 с.

Евсеева Т. Мода и модельеры. М.: Мир энциклопедий Аванта +, Астрель, 2011. 216 с.

Назаренко А.Л. Научно-популярная литература как объект функциональной стилистики и лингводидактики (на материале английского языка). М., 2000. 307 с.

Окунева И.О. «Красивый» и «модный» в русском и английском языках // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. №4. 2008. С. 153-165.

Полубиченко Л.В. Филологическая топология: этапы развития и научная проблематика.// Вестник Московского университета. Серия 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация, №2. 2012, С. 39-50.

Тер-Минасова Д.И. Об особенностях трактовки термина «имидж» в русском языке.// Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. №2. 2007. С. 67-70.

Ффулкс Ф. Как читать моду. М.: Рипол Классик, 2011. 176 с.

Чаковская М.С. Текст как сообщение и воздействие (на материале английского языка). М.: Высшаяшкола, 1986. 128 с.

Ffulks, F. How to Read Fashion / Fiona Ffulks. London: Herbert Press, 2010. 256 p.

Косовцева Н.Н.
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Kosovtseva Natali
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

THE HISTORY OF TRANSLATION ACTIVITY IN RUSSIA

Развитие словесности и культуры во всех странах мира самым тесным образом связано с переводческой деятельностью. Россия не является исключением, ведь в нашей стране перевод зародился ещё во времена Киевской Руси, когда в IX веке почти одновременно появляются и письменность и литература. Но почему же возникает потребность в переводе? Данная статья посвящена исследованию этой проблемы, а также описанию основных изменений в переводческих тенденциях в ходе истории нашей страны. Особое внимание уделено наиболее выдающимся представителям каждой эпохи, результатам их переводческой деятельности и исследований в области перевода. Автор статьи ссылается на работы известных переводчиков и лингвистов, анализируя важнейшие события в истории перевода.

The cultural and literary development in all countries of the world is closely connected with translation activity. Russia is no exception. This activity originated in our country in times of the Kievan Rus, when in the IX century we could see appearing both writing and literature. But why did our forebears need that? The article describes this problem as well as the main changes in translation's tendencies during the history of our country. The special attention is paid to the most outstanding representatives of each period, to the results of their translation activity and their researches in this sphere. The author cites the works of famous translators and linguists, analyzing the most important events of the history of translation.

Ключевые слова: буквальный перевод, вольный перевод, поэтический перевод, машинный перевод, школы перевода, традиции, реформы, обогащение языка, оригинал, цензура.

Key words: literal translation, loose translation, poetic translation, machine translation, schools of translation and interpretation, traditions, reforms, language enrichment, original, censor.

Перевод – это, несомненно, очень древний вид деятельности. Как только в истории человечества образовались группы людей, языки которых отличались друг от друга, появились и «билингвы», помогавшие общению между «разноязычными» коллективами. Переводческая деятельность в России также имеет богатую историю, начало которой было положено ещё во времена Киевской Руси. Уже в IX веке в достаточно зрелой форме там одновременно возникли письменность, литература и перевод. В 864 году греческие монахи Кирилл и Мефодий были посланы императором Византии для проповедования христианства среди славянских народов. Они начали

свою деятельность с создания алфавита (именуемого до сих пор «кириллицей»), с помощью которого перевели с греческого языка на церковнославянский несколько религиозных текстов. Среди этих первых переводов были Новый Завет, Псалтырь и Молитвенник. После того, как в 988 году состоялось Крещение Руси, появилось множество переводов, которые должны были ознакомить новообращённых с философскими и этическими доктринами новой религии, с церковными обрядами и обычаями. Они включали тексты различных жанров, такие как Жития святых, Притчи, Хроники и т.п. Большой популярностью пользовались и апокрифы, повествовавшие о различных чудесах и фантастических происшествиях, некоторые из них уже напоминали то, что позднее назвали бы беллетристикой. Большинство таких переводов выполнялись в Болгарии, но имели хождение на Руси [Велединская, 2010, с.57-58].

В то время как переводы религиозных текстов были обычно буквальными, появился и ряд переводов несколько иного характера и не столь дословно копировавшие оригинал. Серьёзным достижением для своего времени был перевод книги Иосифа Флавия «Иудейская война», в котором переводчику удалось избежать многих недостатков буквализма. Имя переводчика в этот ранний период никогда не указывалось, и нельзя было определить, сделан ли перевод в самой стране или за её пределами.

Даже во время тяжёлых лет Монгольского ига (1228-1480) переводы продолжали играть важную роль в культурной жизни страны. Были переведены другие части Библии, а многие прежние переводы были исправлены или выполнены заново. Наряду с религиозными текстами, появилось все больше нерелигиозных переводов, например: «Индийское царство», «Троянская война» и другие. Большинство переводов делалось с греческого языка, некоторые переводчики, по-видимому, использовали латинские и древнееврейские источники. В этот период происходило постепенное формирование русского языка на основе старославянского языка и народных говоров. Однако религиозные тексты продолжали переводиться только на церковнославянский, который стал употребляться исключительно во время церковных богослужений.

В то же время контакты с другими странами вызвали необходимость в политических и деловых переводах, где все чаще использовался формирующийся русский язык. В непереводах этого времени также можно обнаружить соединение старославянских и русских элементов [там же, с.59-61].

Шло время, литература и перевод развивались, и уже в XVI веке Москва окончательно превратилась в политический, а также в переводческий центр России. Переводы больше не были анонимными, а роль переводчиков в развитии языка и

культуры начала получать общественное признание. В 1515 году московский Великий князь Василий III обратился с просьбой прислать в Москву какого-нибудь учёного переводчика из греческого монастыря. Такой переводчик прибыл в Москву в следующем же году в составе греческого посольства и стал известен под именем Максим Грек. В течение всей своей жизни Максим Грек занимался переводами, в основном, религиозных книг, а также некоторых нерелигиозных текстов, вносил исправления в прежние переводы и сопровождал их комментариями. Сначала он не знал ни русского, ни старославянского языка, и его переводы делались в два этапа: сперва он переводил с греческого на латинский, а затем его помощники переводили с латинского на старославянский. Исправляя старые переводы, он нередко нарушал устоявшиеся традиции, что навлекло на него обвинения в ереси и кошунстве. Несмотря на нападки общества, Максим Грек был известным и плодовитым писателем, педагогом и философом. В его писаниях можно найти много замечаний об искусстве перевода. Это были первые дошедшие до нас размышления по этому поводу в России. Максим Грек настаивал на необходимости тщательно анализировать оригинал, чтобы обнаружить все нюансы и аллегории в его содержании. А для этого переводчик должен не только знать язык, но и обладать широкими филологическими познаниями и проделать большую подготовительную работу. Свои предписания Максим Грек подкреплял многочисленными замечаниями о лексике, ритмической организации и фонетических особенностях греческого текста, которые должны быть отражены в переводе. Его вкладом в русскую филологию стал словарь под названием «Имена, истолкованные в алфавитном порядке», где разбирались, в основном, греческие имена, а также некоторые латинские и древнееврейские. Хотя в России уже начали понимать, что переводчик должен в совершенстве владеть двумя языками и обладать обширными энциклопедическими знаниями, большинство переводчиков-практиков не были достаточно образованы, и их переводы оставляли желать много лучшего [там же, с.61-63].

Что касается 17-го века, то от него до нас дошло уже больше имён переводчиков и большее число переводов, главным образом, нерелигиозных материалов. Тематика научных переводов включала вопросы астрономии и астрологии, арифметики и геометрии, анатомии и медицины и описания различных животных. Некоторые переводы можно отнести даже к разряду беллетристики. В этот период впервые в помощь переводчику были созданы двуязычные словари: латино-греко-славянский, русско-латино-шведский и некоторые другие.

Переводчиков того времени можно разделить на четыре категории. Во-первых, в различных ведомствах трудились штатные переводчики, главным образом, иностранцы – поляки, немцы, голландцы, или выходцы из западных или южных областей России. Обычно они неплохо знали классические языки или польский, но слабо разбирались в русском и старославянском. Вероятно, им помогали писцы, которые записывали и исправляли их переводы. Во-вторых, была небольшая группа учёных монахов, которые переводили только религиозные тексты с латинского и греческого языков. Среди них наиболее известны такие имена, как Епифаний Славинецкий, Арсений Грек и Дионисий Грек. Членов третьей, наиболее многочисленной группы можно назвать переводчиками по совместительству, которые более или менее случайно выполняли один-два перевода. И, наконец, было несколько переводчиков, занимавшихся этим делом из любви к искусству и самостоятельно выбиравшие тексты для перевода. Среди них были и приближенные царя: Андрей Матвеев, князь Кропоткин [там же, с. 65-66].

Решающий вклад в развитие переводческой деятельности в России внёс 18-й век, связанный с именем Петра Великого. Политические реформы Петра значительно расширили экономические и культурные контакты Москвы с европейскими странами, создав потребность в многочисленных переводах научно-технических текстов, равно как и произведений художественной литературы. Теперь к переводам стали предъявлять более высокие качественные требования. Царь Петр издал специальный указ о переводах, требуя «внятной» передачи переводимого содержания. В этот период начала складываться литературная норма русского языка, и многие образованные люди видели в переводах средство обогащения своего языка, увеличения его семантического и экспрессивного потенциала. Выдающаяся роль в этом процессе принадлежала великому русскому учёному и поэту Михаилу Ломоносову. Ломоносов и его талантливые современники Сумароков и Тредиаковский создали большое число преимущественно поэтических переводов. Они часто сопровождали свои переводы теоретическими рассуждениями, объясняя, почему надо было перевести именно так, а не иначе, подчёркивая особую важность переводческого труда, его творческий характер.

На этом новом этапе развитие переводческой деятельности характеризовалось тремя основными особенностями. Во-первых, эта деятельность приобрела новые организационные формы. Так, в Иностранной Коллегии царя Петра имелась группа переводчиков, а в 1735 году при Петербургской Академии Наук была создана «Русская ассамблея» – первая профессиональная организация переводчиков. В её работе принимали активное участие те же Ломоносов, Тредиаковский и некоторые другие

члены Академии. Ассамблея занималась отбором книг для перевода, выработывала правила и принципы, которыми должны были руководствоваться переводчики, критически оценивала выполненную работу. Она также готовила будущих переводчиков: при Академии была создана школа иностранных языков, выпускники которой становились официальными переводчиками. Считалось, что переводчик должен был уметь переводить, по меньшей мере, с трёх иностранных языков: латинского, немецкого и французского. Академия также отправляла студентов за границу, чтобы изучать «языки и науки», проводила экзамены для проверки профессиональной подготовки переводчиков, старалась повысить общественный интерес к переводческому труду. Именно в это время переводчики стали регулярно получать вознаграждение за свою работу.

Второй особенностью рассматриваемого периода было изменение характера переводимых книг. В начале столетия к переводам классической литературы добавилось большое число прагматических переводов, столь необходимых для века реформ. Одновременно изменилось и соотношение языков, с которых делались переводы: все больше стали преобладать такие современные языки, как французский, немецкий, английский, в то время как польский утратил свою популярность. Позднее «технические» переводы уступили первенство переводам литературным. Реформы сопровождалась ростом культурных запросов общества, которые не мог удовлетворить уровень отечественной литературы, и литературные переводы должны были восполнить этот пробел, удовлетворить важную социально-культурную потребность. Теперь переводчики считали свой труд служением своей стране и подчёркивали его значимость в многочисленных предисловиях к своим переводам. Они видели свою задачу в том, чтобы просвещать соотечественников, улучшать нравы, создавать новую русскую литературу. С этого времени литературный (или художественный) перевод приобрёл в русской культуре высокий статус. Это новое осознание социальной значимости перевода составляет третью характерную особенность данного периода. Перевод стал рассматриваться как вид творчества, столь же заслуживающий уважение, как создание оригинальных художественных произведений. Переводчик выступал в роли соперника автора оригинала, а порой он ставил перед собой более честолюбивую цель и стремился превзойти оригинал по художественным достоинствам [Сдобников, Петрова, 2007, с. 8-12; Костикова, 2009, с.3-8].

В 18-м веке появился поэтический перевод, который впоследствии занял в России особо почётное место. Так, Тредиаковский завоевал всеобщее признание благодаря своему переводу романа П.Тальмана «Путешествие на остров любви», куда

он включил много стихов, успешно переведённых русскими ритмами. Менее известны, но не менее примечательны переводы А.Кантемира «Посланий» Горация и других поэтических произведений с латинского и французского языка. Особенно многочисленны и многообразны были переводы Ломоносова, выполненные с латинского, немецкого, французского и греческого языков. В них он проявил замечательное умение как достигать эквилинейности (то есть соблюдения порядка строф и количества строк соответственно их порядку в оригинале), так и создавать свободные версии оригиналов. Поскольку русская поэзия в это время только формировалась и основывалась на силлабическом стихосложении, новаторство Ломоносова обогащало её ресурсы, создавало новые нормы и традиции в использовании поэтических жанров и метрических систем [Сдобников, Петрова, 2007, с. 18-23].

Золотым веком русского перевода стал век девятнадцатый. Если в предыдущем столетии перевод превратился в особый вид профессиональной деятельности, то в 19-м веке эта деятельность была возведена в ранг высокого искусства. Новая русская школа перевода начала формироваться благодаря, в первую очередь, выдающемуся вкладу таких известных деятелей культуры, как историк А.Карамзин и поэт В.Жуковский. В конце 18-го – начале 19-го века Карамзин опубликовал в разных журналах большое число переводов. Он видел в переводах хорошую школу для улучшения стиля писателя, а также ценный источник информации, как он говорил, «из любопытства, для исторических фактов, для женщин, для новых журналов или из малоизвестных книг». Поражает широта переводческих интересов Карамзина: он переводил труды классических и современных авторов с греческого, французского, латинского, немецкого, английского, итальянского и некоторых восточных языков [Велединская, 2010, с. 74-75].

Что касается Жуковского, то сам Пушкин называл его «гением перевода». Он был талантливым поэтом, но значительную часть его творчества составляли переводы. Жуковский переводил с английского, французского, старославянского, латинского и немецкого языков. Благодаря ему русские читатели получили доступ ко многим произведениям Шиллера, Гёте, Байрона, Вальтера Скотта и других корифеев мировой литературы. Диапазон его творческих поисков действительно широк: от переводов сказок Шарля Перро и братьев Гримм до «Одиссеи» Гомера и знаменитого русского эпоса «Слово о полку Игореве». Жуковский был одним из величайших мастеров перевода за всю историю этой деятельности. Так же, как и Карамзин, он был сторонником вольного перевода, который порой превращался в парафраз или даже в

подражание, появлялся новый текст по мотивам оригинала. Иногда он мог перенести место действия в Россию, дать героям оригинала русские имена и т.п. Однако его могучий талант позволял ему с необычайной силой воспроизводить стиль, ритм и интонацию иностранного стиха, а его лучшие переводы отличаются изумительной точностью. Русская школа перевода во многом обязана Жуковскому своими достижениями [там же, 2010, с. 76-77].

Не менее почётное место в истории перевода в России принадлежит двум великим русским поэтам А.С.Пушкину и М.Ю.Лермонтову. Хотя в их творчестве переводы занимали сравнительно скромное место, они внесли значительный вклад в повышение качества художественных переводов в России. В поэтических парафразах и подражаниях они сумели воспроизвести наиболее важные особенности иностранной поэзии, но самое главное – их творения были замечательными произведениями искусства, не уступающими их оригинальным шедеврам. Их переводы послужили образцовыми примерами для других переводчиков, поскольку они утверждали главный принцип, что хороший художественный перевод должен быть неотъемлемой частью национальной литературы на языке перевода. Особо следует подчеркнуть роль Пушкина в развитии русской школы перевода. Пушкин постоянно проявлял большой интерес к переводческой проблематике, и его критические заметки о переводах отличаются объективностью и глубиной. Он подчёркивал важность правильного отбора литературных произведений для перевода, а его требования верности оригиналу в сочетании с высоким качеством и выразительностью литературного стиля переводчика оказали благотворное влияние на лучших переводчиков России в 19-м и 20-м веках. Хотя в этот период большинство переводчиков ратовало за вольный перевод, некоторые из них продолжали настаивать на максимальной близости перевода к оригиналу, на крайнем буквализме даже в ущерб смыслу и понятности. Среди них были и такие известные литераторы, как П.Вяземский, Н.Гнедич, А.Фет, которые много переводили с разных языков. Правда, они сами не всегда придерживались провозглашаемых ими принципов. Порой талант и художественная интуиция переводчика преодолевали барьеры буквализма. Вольные переводы использовались для пропаганды демократических идей вопреки официальной цензуре [там же, с.77-79].

Использование перевода в качестве орудия диссидентства стало традицией в русской истории. После Октябрьской революции 1917 года в России произошёл новый подъем переводческой деятельности. По инициативе М.Горького было сразу же создано новое издательство «Всемирная литература», поставившее перед собой грандиозную цель: издать новые или исправленные переводы всех крупных

произведений как западных, так и восточных литератур. Несмотря на огромные материальные и организационные трудности, это издательство сумело в течение последующих десятилетий опубликовать переводы книг многих выдающихся писателей и поэтов – Бальзака, Анатоля Франса, Стендаля, Гейне, Шиллера, Байрона, Диккенса, Б.Шоу, Марка Твена и многих, многих других. Большое число переводов было также издано в 30-е годы и позднее другими общесоюзными и местными издательствами. В этой работе приняли участие выдающиеся учёные и литераторы, которые подняли искусство перевода на новый высокий уровень. Заслуженную известность приобрела целая плеяда талантливых переводчиков, и имена таких мастеров перевода, как М.Лозинский, С.Маршак и многие другие пользовались заслуженным уважением в Советском Союзе и за рубежом [там же, 2010, с. 79-80].

Развитие перевода в Советской России связано, прежде всего, с подлинным взлётом перевода художественной литературы в 20-30 годах XX века. С расцветом издательского дела письменный перевод становится профессиональным занятием. На смену разрозненным переводам отдельных произведений приходит системное издание собрания сочинений отдельных авторов. Расширяется и географический диапазон переводов. В зону интересов переводчиков попадают авторы из США, Канады, многие скандинавские авторы. Другим важным фактором, который способствовал невиданному развитию переводческого дела в Советском Союзе, был многонациональный характер советского государства. Народы нашей страны говорят на множестве языков, развивают свою самобытную культуру и литературу. Перевод – это важнейшее средство ознакомления одних народов СССР с достижениями культуры других, укрепления дружбы и единства всех советских народов, развития единой социалистической культуры. Поэтому с самого начала образования советского государства перед советскими переводчиками встала задача перевода с языков народов СССР. В стране происходил широкий обмен произведениями литератур населявших её народов. Русские читатели получили возможность познакомиться с замечательными эпосами грузинского, армянского, узбекского, казахского, азербайджанского и других народов. Большой вклад в эту работу внесли известные русские писатели и поэты Лев Гинзбург, Борис Пастернак, Николай Тихонов и другие [Велединская, 2010, с.79-80; Комиссаров, 1990, с. 10-11].

Итак, во второй половине 20-го столетия произошли количественные и качественные изменения в переводческой деятельности во всем мире, в том числе, разумеется, и в России. И здесь резко возросла потребность в информативных (нехудожественных) переводах в социальной, политической, деловой и научно-

технической сферах. Профессия переводчика стала массовой, а увеличение масштабов переводческой деятельности сопровождалось и организационными изменениями. Появилось большое число переводческих служб и отделов в штатах государственных учреждений и промышленных предприятий. Многие переводчики занимали штатные должности, другие работали на договорной основе. Наряду с информативными переводами продолжали издаваться большими тиражами и переводы литературных произведений. Учитывая масштабы переводческой деятельности и общее высокое качество переводов, были все основания считать Советский Союз великой переводческой державой. Для удовлетворения растущего спроса на профессиональных переводчиков в стране была создана сеть соответствующих учебных заведений. В ряде институтов иностранных языков открылись переводческие факультеты и отделения, переводчиков стали готовить в университетах и в некоторых технических вузах. Многие вузы организовывали для своих студентов занятия по переводу в дополнение к их основной специальности. Например, переводчиков художественной литературы готовили в Литературном институте имени М.Горького при Союзе писателей СССР, в основном, для переводов с языков народов Советского Союза.

В военные годы особое развитие получает устный перевод, а сама необходимость подготовки устных переводчиков появилась ещё в предвоенные годы. Начинает активно развиваться теория научно-технического и военного перевода. В книге известного учёного, педагога и переводчика Андрея Венедиктовича Федорова «Основы общей теории перевода» впервые была провозглашена необходимость и возможность создания лингвистической теории перевода. Подчёркивалась важность переводческой деятельности и её критики. Именно он внёс большой вклад в историю перевода в России, предложив различать «...общую теорию перевода, дающую рекомендации для любых комбинаций языков, и частную теорию перевода, описывающую соответствия между языками...» [Федоров, 2010]. Многогранная деятельность советских переводчиков получила широкое общественное признание. Многие журналы регулярно печатали переводы с разных языков, а также критические статьи с разбором успехов и неудач в работах переводчиков.

После того, как СССР распался, в сфере переводов в России произошли огромные изменения. Во-первых, перестали финансироваться государственные издательства, печатавшие переводы, что привело к вынужденному сокращению тиражей и ассортимента, а иногда и к закрытию издательств. Появлялись частные компании, публиковавшие переводы, но, поскольку со временем конкуренция таких фирм возрастала, вскоре вовсе перестали заботиться о качестве переводов, важно было

опережать конкурентов, обновлять и расширять выбор. Цены на книги сильно возросли. Кроме того, цензура перестала существовать, вследствие чего рынок наводнился сочинениями, запрещёнными ранее не только по идеологическим, но и моральным, и нравственным соображениям. Занятие переводами стало настолько массовым, что этой деятельностью занимались и непрофессионалы, при этом естественным образом качество работ стало резко снижаться. Постепенно были практически забыты переводчики с языков соседних народов, республик, входивших в СССР. В основном котировались английский и немецкий языки, поэтому и зарплата таких переводчиков была намного выше [Велединская, 2010, с.83].

В дальнейшем все чаще стали возникать переводческие бюро и агентства, а также организации, занимающиеся разработкой правил и рекомендаций для профессионалов. В XXI веке снова произошёл перекоп в востребованности иностранных языков: теперь в почёте китайский, арабский, возвращается необходимость переводов с языков некоторых соседних русскому народов. Повсеместная распространённость английского нередко играет злую шутку с переводчиками: общающиеся стороны часто могут обойтись без перевода, да и переводчиков с английского сейчас слишком много.

Несмотря на указанные трудности, переводческая деятельность в России в конце 20-го столетия сохраняет свои масштабы и социальную значимость. Продолжается подготовка переводчиков в учебных заведениях, создаются профессиональные объединения переводчиков, готовятся законодательные акты, регламентирующие переводческий труд. Российские учёные, внёсшие большой вклад в создание науки о переводе, продолжают исследования в этой важной области человеческой деятельности.

В настоящее время популярность приобретает перевод машинный, хоть и зачастую он не обладает необходимым уровнем качества. Но по-прежнему непоколебимым остаётся мнение, что профессия переводчика никогда не перестанет быть востребованной, так как никакая машина не сможет обладать такой гибкостью ума и ориентации в контексте, как разум человека!

Список литературы:

- Велединская С.Б.* Курс общей теории перевода, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (ТПУ), Томск, 2010, 230 с.
Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты), учеб.для институтов и факультетов иностр. яз. М., 1990, 253 с.

Костикова О.И. «Перевод и развитие русской словесности в эпоху Петровских реформ», Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2009, № 1.
Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода, М., 2007, 448 с.
Федоров А.В., Основы общей теории перевода, учеб. для институтов и факультетов иностр. яз. Учеб. пособие. 5-е изд. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2002, 348 с.

Лаврентьева Е.С.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Lavrentyeva Ekaterina
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

*ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ТЕКСТОВ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА*

*THE TRANSLATIONAL DIMENSION OF THE CONTRASTIVE ANALYSIS OF POLITICAL
DISCOURSE'S TEXTS*

Статья посвящена сопоставительному анализу текстов политического дискурса в американских, британских и российских аналитических изданиях. Рассматриваемые публикации объединяет установка на легитимизацию действий и намерений адресанта, оказывающего воздействие на массовое сознание путем семантических и логических манипуляций. В рамках дискурсивного исследования сравниваемых текстов анализируются используемые способы аргументации. Актуальность для науки о переводе представляет выделение особенностей построения аргументации в политическом дискурсе с привлечением метафор, а также анализ терминов и средств выражения экспрессии, способных вызвать затруднения при переводе.

The article deals with the contrastive investigation of texts of political discourse in American, British and Russian analytical magazines. The shared aim of these publications is to legitimize addresser's actions and aspirations. The addresser exerts influence on collective consciousness through the use of logic and semantic manipulation. In the framework of discourse-analysis we dissect construction of arguments. The highlighted peculiarities which are characteristic for elaboration of arguments with the use of metaphors in political discourse are of paramount importance for translation studies. Another focus of the article is the analysis of specific terms and means of expression in political discourse that can pose difficulties for a translator.

Ключевые слова: дискурс-анализ, манипуляция, политический дискурс, языковое воздействие.

Key words: discourse analysis, manipulation, political discourse, language influence.

Политические события на Украине получили освещение в материалах отечественных и зарубежных СМИ, причём сопоставительный анализ текстов позволяет выявить резкие различия в описании одних и тех же явлений и событий. Речь идёт также об использовании особых слов, получивших положительную или отрицательную окраску в зависимости от намерений адресанта послания. Подобные тенденции и раньше отмечались исследователями. Так, С.Г. Кара-Мурза пишет о двух способах создания специального языка для описания тех противоречивых событий и явлений, которые адресант желает показать в выгодном для него свете: в первом случае из многообразия смыслов слова выбирается наиболее приемлемый и внедряется вместо табуированного путём более частотного употребления (например, "программа

умиротворения" вместо "военные действия"), во втором случае делается упор на коннотации слова (например, употребление слова "сдержанность" при описании поведения одной из сторон во время военных действий вызывает у адресата представление о том, что предпринятые меры были вынужденными и крайне ограниченными). "Из языка были исключены все слова, вызывающие отрицательные ассоциации: "война", "наступление", "оружие по уничтожению живой силы". Вместо них были введены слова нейтральные: "конфликт", "операция", "устройство" (*antipersonnel device*). Мёртвые зоны, в которых диоксинами была уничтожена растительность, назывались "санитарными кордонами", напалм – "мягким зарядом", самые обычные концлагеря – "стратегическими селениями" и т.д. Были наложены и строго соблюдались табу на использование огромного количества "нормальных" слов" [Кара-Мурза, 2009, с. 93-94]. А.А. Данилова проводит анализ западных сообщений СМИ, описывающих действия ирландских и чеченских сепаратистов, и отмечает важность экстралингвистических факторов, которые и определяют то, как будет освещаться одно и то же явление. Рассмотрев ряд примеров, исследователь заключает: "Ирландский сепаратизм описывается как "ужасное злодеяние", "преступная деятельность", "жестокий сепаратизм", а аналогичный чеченский сепаратизм – как "война за независимость", проводимая "могущественными" и "опытными полевыми командирами", выигранная "де факто" и представляемая Россией, а на самом деле таковой не являющаяся, как часть мировой террористической сети" [Данилова, 2011, с. 72]. Столкновение геополитических интересов разных стран приводит к развязыванию настоящей информационной войны.

Противостояние в рамках политического дискурса не ограничивается использованием эвфемизмов и дисфемизмов для описания ситуации (например, ситуация в Крыму описывается российской стороной как "присоединение Крыма", а в западных СМИ получает название "оккупация", "аннексия"), а сопровождается поиском аргументов, легитимизирующих действия выступающей стороны, и созданием собственной картины реальности, где действия адресанта послания представляются единственно верными.

Рассматривая оказание воздействия властными группами и институтами, Тён ван Дейк указывает не прямые формы дискурсивного воздействия, к которым относит описание будущих или возможных событий в форме прогнозов, включающих аргументацию и описание негативного сценария. В качестве властных групп здесь выступают политические аналитики, проявляющие свою власть в управлении технологиями и знаниями [Дейк, 2013, с. 58].

Для политического дискурса с установкой на легитимизацию действий адресанта послания характерны следующие стратегии: определение ситуации, положительная самопрезентация, негативная репрезентация других, стратегии интернационализации и консенсуса. Данные способы легитимизации послания представлены в таблице, где приводятся примеры реализации этих стратегий на материалах американского журнала "Time" и британского издания "The Economist":

Издания Стратегии легитимизации	Time (March 17th, 2014)	Economist (March 22nd, 2014)
Определение ситуации (вступительная обрисовка ситуации)	<p>With Russian president Vladimir Putin seizing control of Ukraine's Crimean Peninsula, many people around the world must be wondering, "Where, in Putin's mind, does Russia end?"</p> <p>(Как только Владимир Путин, президент РФ захватил контроль над Крымским полуостровом, принадлежавшим Украине, люди во всем мире стали задавать себе вопрос: "Где, по мнению Путина, заканчивается Россия?")</p>	<p>The reality is that Mr. Putin is a force for instability and strife.</p> <p>(Правда заключается в том, что господин Путин подпитывает нестабильность и сеет распри)</p> <p>It was the speech of a man [Mr Putin] whose ambitions go far beyond grabbing Crimea.</p> <p>(То была речь человека [госп. Путина], чьи амбиции не ограничиваются захватом Крыма)</p>
Положительная самопрезентация	<p>"We will be helping," Kerry replied – then corrected himself. "We are helping. President Obama is planning more assistance."</p> <p>("Мы будем оказывать помощь, – ответил Керри, а затем поправил себя. – Мы уже оказываем помощь. Президент Обама планирует оказание дополнительного содействия")</p>	<p>Even in its gentler form, it is American clout that keeps sea lanes open, borders respected and international law broadly observed.</p> <p>(Именно американское влияние, в какой бы мягкой форме оно ни выразалось, обеспечивает доступ к морским путям, неприкосновенность границ и соблюдение норм международного права)</p>
Негативная	Russia continues along its path	Mr. Putin's new order, in short,

<p>репрезентация других</p>	<p>as an oil-dependent state with an increasingly authoritarian regime that has failed to develop its economy or civil society or to foster political pluralism.</p> <p>(Россия продолжает свой путь в качестве сырьевого государства с неуклонно усиливающимся авторитарным режимом, которому не удалось построить ни экономику, ни гражданское общество, как и не удалось обеспечить политический плюрализм).</p>	<p>is built on revanchism, a reckless disdain for the truth and the twisting of the law to mean whatever suits those in power.</p> <p>(Вкратце, новый миропорядок господина Путина строится на реваншизме, на грубом неприятии правды, и, искажённом толковании законов в угоду власти имущим. Такой миропорядок лишён порядка напрочь)</p>
<p>Основные лозунги (мир, безопасность, борьба с терроризмом)</p>	<p>When Obama spent some 90 minutes on the phone with Putin as the situation in Ukraine went from turmoil to crisis, Obama said Russia will "pay a price" for belligerence.</p> <p>(Проведя телефонную беседу с Путиным, длившуюся больше 90 минут, и обсудив переход ситуации на Украине с массовых волнений к кризису, Обама заявил, что Россия "заплатит цену" за свою воинственность)</p>	<p>But peace is elusive in Mr. Putin's world, because anything can become a pretext for action, and any perceived aggression demands a riposte</p> <p>(Но достижение мира иллюзорно в условиях режима господина Путина, ведь любое действие может стать предлогом для принятия нужных мер, и любая кажущаяся агрессия потребует ответного удара)</p>
<p>Апелляция к интернационализму и консенсусу</p>	<p>In war-weary America, President Obama scolded Putin on behalf of often cited but rarely seen "international community" - even as the community, as usual, melted away.</p> <p>(Барак Обама, президент уставшей от войн Америки, отчитал Путина от имени часто упоминаемого, но редко наблюдаемого</p>	<p>They [the world's rising powers] should reflect on what kind of a world order they want to live under. Would they prefer one in which states by and large respect international agreements and borders? Or one in which words are bent, borders ignored and agreements broken at will?</p> <p>(Им [растущим мировым</p>

	<p>"международного сообщества". И это несмотря на то, что сообщество как обычно отстранилось от решения проблемы)</p>	<p>держavam] следует поразмыслить над тем, в каком мире они хотят жить. Предпочтут ли они такой миропорядок, при котором государства, в общем и целом соблюдают международные соглашения и неприкосновенность границ? Или им ближе такой миропорядок, при котором слова искажают, нерушимость границ презирают и при желании нарушают соглашения?)</p>
--	---	--

В графе *определение ситуации* приводятся вступительные слова статей, рисующие перед зрителями выгодную адресанту картину. Примечательно, что оба издания солидарны в своей оценке происходящего в Крыму, рассматривая ситуацию как первое звено в цепи политических действий России, обусловленных "амбициями" её президента. Негативная характеристика политики РФ получает развитие посредством использования аргументов и красочных метафор (отражено в графе *негативная репрезентация других*, где под "другими" понимаются оппоненты адресантов, в данном случае – российские власти). Авторы статей используют обоснование Россией своих действий для дальнейшей критики: апелляция к нормам международного права воспринимается как их "превратное" толкование, стремление защитить русскоязычное население как желание включить регионы с русскоговорящим большинством в состав страны, а заявления о наличии неонацистских и экстремистских группировок на Украине как ложь и инструмент пропаганды.

В целом, можно отметить, что оба издания апеллируют к чувствам и эмоциям адресатов, используя в качестве рычагов воздействия такое построение аргументов, при котором действия США и их союзников репрезентируются положительно (США представляется как гарант существующего миропорядка), а политические меры, проводимые Россией получают отрицательную оценку и трактуются как направленные на разрушение текущего мироустройства, что грозит всем странам мира хаосом и анархией. Обращение к всеобщему стремлению к миру оказывается также эффективным, ведь для достижения нужного эффекта адресанту достаточно представить США как силу, способную обеспечить необходимый мир, а тех, кто не

одобряет действия этой державы, можно охарактеризовать как разжигателей войны. Примечательно, что в журнале "Economist" эти две альтернативы предлагаются на рассмотрение другим странам мира для обеспечения консенсуса со стороны максимально большого числа мировых игроков. Журнал "Time" отличает критика в адрес международного сообщества, что вызвано отсутствием полного одобрения политики США в отношении России.

Отдельно стоит рассмотреть метафоры, отразившие игровую ("Time") и театральную ("The Economist") тематику. Так, в журнале "Time" мы находим следующие фразы: The leader holds the trump cards (У этого лидера на руках все козыри) / Putin plays a dangerous game in Crimea (В Крыму Путин разыгрывает опасную игру) / Putin has made an enormous gamble (Путин сделал высокую ставку) / Putin's military gambit (Военный гамбит Путина). Журнал "The Economist" выражает своё отношение к протестам на Юго-Востоке Украины, придерживаясь не менее ярких метафор: He dresses up his takeover of Crimea in the garb of international law (дословно: Свой захват Крыма он облачил в одежды международного права) / The stand-off between the police and pro-Russian protesters (...) was not part of a mass movement, more a bit of street theatre, carefully choreographed for the cameras (дословно: Противостояние полиции пророссийских протестующих не было элементом массового движения, а скорее чем-то вроде уличного театра, действие которого было тщательно отрепетировано для камер) / the rally was "illusion creation" (дословно: митинг был "созданием иллюзии"). Данные особенности можно отчасти объяснить популярностью в США сравнений геополитических действий с игровыми ходами (достаточно вспомнить название книги известного американского аналитика З. Бжезинского "Великая шахматная доска") и историческое предпочтение в Великобритании театральных метафор, звучащих в унисон с бессмертным изречением Шекспира: «Весь мир – театр, а люди в нем актёры».

Важно отметить, что данные выражения при переводе трудностей не вызывают в силу того, что в русском языке имеются соответствующие аналоги. Проблемы возникают при попытке передать выражение "red line" (также "thin red line") как некую запретительную черту в бейсболе несмотря на то, что выражение ассоциируется в сознании англоязычного населения с отражением кавалерийской атаки шотландским пехотным полком в битве при Балаклавe 25 октября 1854 года. Данный фразеологизм стал широко употребляться в связи с текущей политической ситуацией: "Red lines in Crimea" (Красные линии в Крыму), "The thin red line of sanity" (Тонкая красная линия здравого смысла). Трудности также вызвал перевод выражения "to hit the bottom", которое стало передаваться буквально как "достичь дна", что привело к неправильному

толкованию слов Вигаудаса Ушацкаса, посла ЕС в России, заявившего в переводном тексте: "Надеюсь, мы достигли дна"²⁴. Следует принимать во внимание, что выражение "to hit the bottom" означает "достичь предела", однако, буквальный перевод может быть интерпретирован неверно, поэтому целесообразнее найти иную замену или сопроводить перевод комментарием, разъясняющим то обстоятельство, что посол ЕС в России испытывает не ликование по поводу развития негативного сценария, а удовлетворение в связи с тем, что ситуация, по его мнению, может лишь улучшаться.

Отмечая особенности российского политического дискурса с установкой на легитимизацию, стоит отметить, что в качестве главного обоснования защиты Россией интересов граждан Крыма приводятся сведения об исторической принадлежности Крыма России после войны с Османской империей. Акцент также делается на озабоченность судьбой русскоговорящего населения региона. США и ЕС эти опасения не принимают во внимание, а любая попытка России повлиять на урегулирование ситуации расценивается как стремление возродить былую имперскую мощь. На этом фоне примечательно, что российские аналитические журналы избирают в качестве мишени критики не действия США и их союзников, а поведение властной элиты Украины, избирая более нейтральный тон сообщений по сравнению со своими зарубежными аналогами. В этой связи реализацию стратегий легитимизации стоит рассмотреть не только на материале журнала "Эксперт" и похожих изданий, но и на основе статьи министра иностранных дел России С.В. Лаврова, где даётся комплексный обзор текущей ситуации с рассмотрением роли западных держав в эскалации конфликта:

Издания Стратегии легитимизации	Эксперт (11.04.2014 - 17.04.2014)	Статья С.В. Лаврова "Выход из украинского кризиса"
Определение ситуации (вступительная обрисовка ситуации)	Но главная проблема в том, что все нынешние представители украинской элиты, включая кандидатов в президенты, пытаются воспроизвести прежние модели управления, заменив лишь людей на вершине властной пирамиды и	Глубокий, всеобъемлющий кризис, который переживает сегодня Украина, вызывает в России серьёзную тревогу. Мы хорошо понимаем ситуацию в этой стране, которая лишь немногим более двух десятилетий назад обрела независимость и

²⁴<http://www.kommersant.ru/doc/2441903>

	общеполитический антураж.	должна решать сложнейшие задачи становления в качестве суверенного государства.
Положительная самопрезентация	Вместо этого российские власти пытаются сфокусировать партнёров на решении реальных проблем, стоящих перед Украиной и угрожающих всей Европе. В разосланном 18 европейским лидерам официальном письме Владимир Путин фактически отмечает, что политические баталии вокруг юго-востока страны отвлекают внимание от куда более насущного вопроса - как не допустить экономического коллапса Украины.	Никто не сделал больше, чем Россия, для поддержки независимого украинского государства – в частности, мы многие годы субсидировали украинскую экономику через низкие цены на энергоносители. В самом начале нынешнего кризиса в ноябре прошлого года мы поддержали идею Киева о проведении срочных консультаций в формате Украина–Россия–ЕС для обсуждения путей гармонизации интеграционных процессов. Брюссель категорически отказался.
Негативная репрезентация других	При этом в Киеве, по всей видимости, не понимают или не хотят понимать, что их принципиальная позиция относительно федерализации самым серьёзным образом дискредитирует Украину. Если власти сделали фетиш из понятия «федерализм» и боятся его как огня, значит сами признают нежизнеспособность своего государственного проекта, который может существовать лишь через принуждение, в жёстко централизованном виде.	Попытки тех, кто срежиссировал отторжение Косово от Сербии и Майотты от Коморских островов, ставить под сомнение свободное волеизъявление крымчан нельзя воспринимать иначе чем кричащее проявление двойных стандартов. Не меньшую озабоченность вызывает стремление закрывать глаза на то, что главную опасность для будущего Украины представляет сегодня распространение хаоса, который сеют экстремисты и неонацисты.

<p>Основные лозунги (мир, безопасность, борьба с терроризмом)</p>	<p>Ещё несколько дней назад переговоры были под угрозой срыва. Вопреки требованиям России и здравому смыслу Киев назвал не согласных с его политикой украинцев «террористами», ввёл войска в восставшие юго-восточные области и подвёл страну к шагу от гражданской войны.</p>	<p>Россия стремится сделать все, чтобы способствовать скорейшей стабилизации ситуации на Украине. (...) Мы никому ничего не навязываем, просто видим, что если этого не сделать, Украина будет ещё глубже погружаться в воронку кризиса с непредсказуемыми последствиями.</p>
<p>Апелляция к интернационализму и консенсусу</p>	<p>В свою очередь, Кремль тоже просит европейцев и американцев реалистично взглянуть на сложившуюся ситуацию. В частности, отказаться от бессмысленного обсуждения возврата Крыма Украине, а также от надуманных и эмоциональных обвинений России в событиях на юго-востоке Украины. По мнению российской стороны, основной темой переговоров должна стать стабилизация ситуации на Украине, которая возможна лишь через процесс федерализации страны.</p>	<p>Современный мир – не детский сад, в котором есть некие воспитатели, назначающие наказания по своему усмотрению. Воинственные заявления, прозвучавшие на встрече министров иностранных дел стран НАТО в Брюсселе, не сочетаются с требованиями деэскалации обстановки. Деэскалацию надо начинать с риторики. Пора прекратить необоснованное нагнетание напряжённости и вернуться к серьёзной совместной работе...</p>

В статье С.В. Лаврова уже во вступлении ситуация на Украине оценивается как "кризис". Действия России получают положительную характеристику в силу того, что способствуют разрешению кризиса, что обосновывается оказываемой Украине экономической поддержкой и стремлением вести международные переговоры с участием всех заинтересованных сторон для урегулирования обстановки в стране. Политические меры, предпринимаемые США и ЕС, напротив, получают негативную оценку вследствие того, что на ряд проблем "закрывают глаза", диалог ведётся "на языке санкций", и звучат резкие высказывания в адрес России со стороны стран-членов

НАТО. Важно отметить, что в переводе данной статьи для газеты "Guardian" удалось сохранить семантическую нагрузку всех экспрессивных компонентов: "Они пытались поставить украинцев перед **болезненным** выбором между Западом и Востоком" (They have been trying to compel Ukraine to make a **painful** choice between east and west), "Попытки тех, кто **срежиссировал** отторжение Косово от Сербии и Майотты от Коморских островов..." (Attempts by those who **staged** the secession of Kosovo from Serbia and of Mayotte from the Comoros)", ...если этого не сделать, Украина будет ещё **глубже погружаться в воронку** кризиса с непредсказуемыми последствиями" (We are not imposing anything on anyone, we just see that if it is not done, Ukraine will continue **to spiral into** crisis with unpredictable consequences). Яркое сравнение Лаврова, направленное на критику введённых санкций, передано с помощью прагматической адаптации, где детский сад заменяется на младшие классы, а воспитатели – на учителей, что в большей степени соответствует иностранным реалиям: "Современный мир – не детский сад, в котором есть некие воспитатели, назначающие наказания по своему усмотрению" (The world of today is not a junior school where teachers assign punishments at will).

В статьях журнала "Эксперт" позиция России получает легитимизацию через критику действий нового руководства Украины, а западные державы упоминаются лишь при попытке обратиться к международному сообществу в поисках поддержки. Стоит отметить сдержанность формулировок при описании оппонентов, которые рассматриваются не как враги мира и справедливости, а как эмоциональные коллеги, которые должны попытаться понять логику действий России.

Сопоставительный анализ англоязычного и русскоязычного политического дискурса позволяет установить следующие отличия:

– в силу экстралингвистических причин способы построения аргументации в политических текстах США, Великобритании и России существенно различаются. В качестве причины кризисной ситуации на Украине российские аналитики выделяют действия украинских властей, осуждая страны Запада за оправдание этих действий при игнорировании возможных негативных последствий. Великобритания и США обвиняют в обострении ситуации Россию, рассматривая её в качестве силы, угрожающей сложившемуся мироустройству;

– дискредитация оппонента проводится более безапелляционно в англоязычных текстах;

– в текстах англоязычных статей прослеживается частое использование метафор, причём нередко происходит употребление метафор лишь одной тематики (игровой, театральной, военной) в рамках статьи. В статьях российских изданий наблюдается

смещение метафор различных тематик и частое использование сравнений. Элементы языковой игры присутствуют в заголовках статей и в русскоязычных, и в англоязычных изданиях.

Список литературы

Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М.: "Добросвет", 2011. 232 с.

Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2013. 344 с.

Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции. М.: Академический Проект, 2009. 380 с.

Лавров С.В. Выход из украинского кризиса [Электронный ресурс] / Сайт посольства РФ в Турции. 17.04.2014. Режим доступа: –http://www.turkey.mid.ru/hron/press_75.html

Lavrov, Sergei. It's not Russia that is destabilising Ukraine [Электрон. ресурс] / The Guardian, 7 April 2014. Режим доступа: –

<http://www.theguardian.com/commentisfree/2014/apr/07/sergei-lavrov-russia-stabilise-ukraine-west>

Лукина В.М.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Lukina Vera
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

*РОЛЬ ФИГУР РЕЧИ В ТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ И ТРУДНОСТИ ИХ
ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ПОВЕСТИ К. А.
ВЫБОРНОВОЙ "СВЯЗЬ МЕЖДУ МИРАМИ", ВЫПОЛНЕННОГО ЛУКИНОЙ В.М.)*

*THE ROLE OF FIGURES OF SPEECH IN FICTION AND DIFFICULTIES IN THEIR
TRANSLATION (A CASE STUDY OF V. M. LUKINA'S ENGLISH TRANSLATION OF K.A.
VYBORNOVA'S NOVELLA "A LINK BETWEEN THE WORLDS")*

В условиях межъязыковой коммуникации фигуры речи приобретают большую значимость, а их перевод становится многоплановой задачей из-за существующих различий между языковыми картинами мира. Именно поэтому мы подробно остановились на проблеме взаимосвязи языка и мышления, а также языка и культуры. Важно отметить, что выбор прямого соответствия зачастую бывает неверным, и для воссоздания эффекта оригинала подходящих эквивалентов оказывается недостаточно – требуются серьёзные преобразования и адаптация некоторых отрывков для иностранного читателя. Здесь в качестве примера мы можем привести собственный перевод на английский язык повести К.А. Выборновой «Связь между мирами».

Отличительной чертой остроумного, живого и ироничного стиля писательницы является широкое использование стилистических средств и фигур речи. Мы разграничили понятия фигуры речи и тропа, приведя обоснованные доводы. Также мы классифицировали фигуры речи, разделив их на три группы: фигуры, имеющие точные эквиваленты; обороты, имеющие близкие соответствия, но потерявшие при переводе некоторые оттенки смысла; и фигуры, при переводе которых использовались трансформации.

В основе данной классификации лежат закономерности, которые наблюдаются при переводе с русского языка на английский. Они обусловлены грамматическим, лексическим и синтаксическим строем языка перевода и, разумеется, актуальным смысловым наполнением. Из этого можно сделать вывод, что определённые обороты на английский, в типичных случаях, будут переводиться именно таким образом.

In interlingual communication figures of speech acquire particular significance and their translation presents a multidimensional challenge due to the existing differences between the given linguistic worldviews. It is for this reason why we focused on the issue of language and cognition interconnection, as well as language and culture interaction. It should be noted that picking up a direct equivalent can often turn out to be unwise, as choosing suitable equivalents may not be enough for recreating the effect of the source text – some profound transformations, along with certain adaptation of this or that extract for the foreign reader, are often required. We can illustrate our point with several examples drawn from our own English translation of Kristina Vybornova's novella "A Link between the Worlds".

The characteristic feature of the writer's distinctive, lively and ironical narrative style is an excessive use of stylistic elements, expressive means and figures of speech. We differentiated the notions of "trope" and "figure of speech" and offered valid arguments. We also introduced a classification of figures of speech, dividing them into three groups: figures having exact equivalents; figures having approximate

equivalents, though, losing some connotations in the translation; and figures that were translated into English with the help of various transformations.

This classification is based on consistent patterns in translating from Russian into English. They result from the target language grammatical, lexical and syntactic structure, as well as the actual subject matter. From the above we can draw the conclusion that certain figures of speech in typical context will be most likely translated in this or that particular way.

Ключевые слова: межъязыковая коммуникация, языковая картина мира, язык и мышление, язык и культура, фигура речи, троп, эквивалент, переводческая трансформация, эквивалентность, адекватность.

Key words: interlingual communication, linguistic worldview, language and cognition, language and culture, figure of speech, trope, equivalent, translation transformation, equivalence, adequacy.

Когда речь заходит о переводе художественной прозы, в частности, с русского языка на английский, на первый план выходит множество важных аспектов, образующих целостную картину, где все они тесно связаны между собой, а один зачастую является либо следствием другого, либо обязательным дополнением к нему. Это и взаимосвязь языка и культуры, языка и мышления, проблема переводимости, проблема лакун, их заполнение и компенсация и, как следствие того, выбор наиболее подходящего переводческого приёма.

Так, отношение языка и культуры – вопрос, который с давних времён являлся предметом спора многих учёных и мыслителей. К первой группе относились те, кто считал, что язык создаёт культуру. Как говорил Готфрид Лейбниц, «идеи заложены в нашей голове от рождения как прожилки в глыбе мрамора». Ко второй группе – Джон Локк, Вильгельм фон Гумбольдт и их последователи, а также марксисты, которые полагали, что язык – пассивное дитя культуры. Тем не менее, исследователи, придерживавшиеся прямо противоположных взглядов на данную проблему, «всегда сходились на том, что язык и культура не существуют друг без друга, что они неразделимы». Размышляя над этой проблемой в своей книге «Русские проблемы в английской речи», известная переводчица-синхронистка Линн Виссон отмечает, что «хотя большинство продолжателей этого исторического спора настаивает сегодня на относительной самостоятельности в развитии языка и его решающей роли в создании мировоззрения, менталитета и всех алгоритмов умственного восприятия, мало кто из серьёзных современных философов и лингвистов отрицает, что язык не только испытывает на себе влияние культуры, но и совершенно непонятен без неё» [Виссон, 2005, с. 15].

В поддержку этой точки зрения можно привести слова американского лингвиста и этнолога Эдварда Сепира: «Нет двух языков, которые до такой степени схожи, что

про них можно сказать: они отражают одну реальность», – подчёркивал Сепир. – «Мир, в котором существует тот или иной народ, отчётливо самобытен, и самобытность эту создаёт не только собственный набор ярлыков-названий» [Sapir, 1921, p. 219].

Одним из сторонников концепции Сепира – Уорфа, согласно которой структура языка определяет образ мышления и способ познания реальности, является знаменитый русский переводовед и переводчик-синхронист В.Н. Комиссаров. Вилен Наумович также считал, что «познание не имеет объективного общечеловеческого характера: сходные явления складываются в различные картины из-за различий в мышлении...» [Комиссаров, 1999, с. 66].

Кроме того, некоторые языковеды утверждают, что полное лексическое соответствие в разных языках имеют только имена собственные, географические названия, научные и технические термины, дни недели, месяцы и цифры. Впрочем, по мнению Линн Виссон, даже эти соответствия могут оказаться сомнительными [Виссон, 2005, с. 16].

Дело здесь, прежде всего, в том, что всем народам в той или иной степени доступна информация об окружающем мире, однако их мышление и язык всегда формируются, главным образом, в родной среде. Таким образом, пишет Линн Виссон, «за одной и той же лексической единицей в каждом языке могут скрываться очень разные понятия, которые образуются в недрах истории его культуры. Но ни сами носители языка, ни тем более иностранцы обычно не сознают, как, где и когда происходит этот процесс» [там же, с. 16-17].

Эту точку зрения разделял и американский антрополог Эдвард Холл. «Некоторые языки настолько отличны друг от друга», – уточнял Холл, – «что они навязывают говорящему два разных образа реальности» [Hall, 1981, p. 101].

Камнем преткновения здесь может оказаться как недостаточно хорошее знание иностранного языка, так и нехватка знаний о традициях, образе жизни и стиле мышления того или иного народа. Поэтому в условиях межъязыковой коммуникации стоит искать наиболее точные эквиваленты лексическим единицам родного языка, уделяя основное внимание национально-культурным особенностям данной страны. И в том случае, если для создания адекватного перевода необходимо прибегнуть к адаптации отдельных отрывков оригинала, переводчику важно соблюсти баланс между сохранением смысла оригинала (или не сильным его искажением) и грамотной адаптацией текста для реципиента.

Очень наглядный пример приводит все в той же книге Л. Виссон. Переводчица говорит о трудностях, с которыми придётся столкнуться её коллегам при переводе,

скажем, на английский язык лексических единиц тематического ряда «тоска, ностальгия, скука, уныние, томление духа, меланхолия и подавленность». «Хотя для каждого из этих чувств в английском языке есть подходящее слово, выразить их всевозможные оттенки бывает довольно трудно», – пишет Линн Виссон, – «Но трудно – не значит невозможно. Когда у вас для слов «тоска», «душа», или для другого уникально-русского понятия не находится адекватных эквивалентов в английском, их можно перевести окольным путём – описать или объяснить с помощью сжатого пересказа» [Виссон, 2005, с. 19].

Далее Виссон указывает на разницу между русским и американским мировоззрением. «Русские», – отмечает переводчица, – «удивляются американскому улыбчивому оптимизму, а вторые – извечной русской тоске и пессимизму». Виссон объясняет это различием между русским и английским языками, которые сложились в очень несхожих исторических и географических условиях и в дальнейшем развивались под влиянием постоянных факторов. Здесь Виссон говорит, прежде всего, об «умонастроении и менталитете», которые зависят от уклада и образа жизни народа, столь различных в России и США [там же, с. 49].

В своей книге «Сила позитивного мышления» Норман Пил одной из причин пессимизма русского народа называет влияние социальной системы. Он напоминает читателю о тяготах крепостных крестьян, которые «несколько веков подряд испытывали чувство обречённости и неуверенности в будущем, что создавало преимущественно пессимистическую атмосферу в обществе» [там же].

Филолог Владимир Ильич Жельвис в книге «Эти странные русские» писал: «Средний русский – это меланхолик, который надеется на лучшее, одновременно тщательно готовясь к худшему. Часто для такой стратегии есть достаточно оснований. "Вот так со мной всегда!" – печально восклицает русский, когда его постигает очередная неудача... Такой здоровый пессимизм нередко помогает русским избежать катастрофы» [Жельвис, 2002, с. 5].

Тема, затронутая Владимиром Жельвисом, оказалась актуальной и для нас, особенно в свете работы над переводом повести К.А. Выборновой «Связь между мирами». В начале произведения главная героиня Лина также пребывает в несколько мрачном настроении. Она полгода назад окончила институт, но жизнь у неё не складывается. В новогоднюю ночь девушке начинает сниться странный сон, в котором она попадает в свою внутреннюю Вселенную на планету Лина. Оказавшись на планете «имени себя», Лина становится участницей происходящих там событий, благодаря чему узнает себя с новой стороны, и у неё меняется взгляд на жизнь.

В первых двух главах, примеры из которых будут приведены ниже, встречается огромное количество лексических единиц, описывающих внутреннее состояние героини и окружающую обстановку. Автор широко использует весь арсенал стилистических средств, в том числе, неожиданные сравнения, противопоставления, экспрессивную лексику. Стиль всего произведения очень самобытный: он остроумный, ироничный и удивительно живой. Причём, живым его делает именно умение автора работать с языком. Кроме того, автор часто обращается к русским реалиям, которые будут не поняты иностранным читателем, если переводчик подойдёт к делу слишком формально. И здесь нашей основной задачей было максимально полно передать смысл оригинала, по возможности сохранив его стилистические особенности, и найти адекватные эквиваленты ярким фигурам речи, использованным писательницей.

Учитывая, что мы оперируем именно термином «фигура речи», а не «троп», предлагаем разграничить эти понятия. Под фигурой речи понимается оборот речи, придающий ей стилистическую значимость, образность и выразительность и изменяющий её эмоциональную окраску. Фигуры речи служат для передачи настроения или усиления эффекта высказывания, что повсеместно используется в художественных целях, как в поэзии, так и в прозе.

Античные риторы рассматривали риторические фигуры как некие отклонения речи от естественной нормы, «обыденной и простой формы», некое искусственное её украшение. Современный взгляд, напротив, исходит скорее из того, что фигуры – естественная и неотъемлемая часть человеческой речи.

Среди фигур речи со времён античности выделяют тропы (употребление слов в переносном смысле) и фигуры в узком смысле слова (приёмы сочетания слов) – хотя вопрос чёткого определения и разграничения этих понятий всегда оставался открытым.

Если под тропами понимается употребление слов или словосочетаний в несобственном, переносном значении, то есть иносказание, то фигуры речи представляют собой приёмы сочетания слов, синтаксической (или синтагматической) организации речи. При этом разграничение не всегда однозначно, относительно некоторых фигур речи (таких, как эпитет, сравнение, перифраз, гипербола, литота) имеются сомнения: относить их к фигурам в узком смысле слова или же к тропам. Так, М.Л. Гаспаров рассматривает тропы как разновидность фигур – «фигуры переосмысления» [Гаспаров, 1997, с. 29].

Общепринятой систематики фигур речи не существует, в разных грамматических школах различаются терминология (названия фигур) и принципы их классификации. Традиционно фигуры речи (по преимуществу фигуры в узком смысле

слова) делили на *фигуры слова* и *фигуры мысли* (*курсив мой – В. Л.*) Разница между ними проявляется, например, в том, что замена слова на близкое по значению разрушает фигуры слова, но не фигуры мысли [Цицерон, 1972, с.52]. Фигуры мысли легко поддаются переводу на другой язык, в отличие от фигур слова. В некоторых случаях отнесение фигуры к одному или другому виду не очевидно (например, в случае антитезы). На наш взгляд, однако, перевод фигур мыслей также может вызывать трудность в том случае, если в языке перевода данный концепт не нашёл отражения, и необходимо заполнить смысловую лауну.

Вслед за Квинтилианом фигуры (по преимуществу фигуры слова) подразделяли на четыре группы («*Quadripartita ratio*»), выделяя фигуры, образованные путём: прибавления (*adiectio*), убавления (*detractio*), замены (*immutatio*), перестановки (*transmutatio*) [Квинтилиан, 1834, с. 38-41].

В литературе 20-го века фигуры нередко делят на *семантические* и *синтаксические* (*курсив мой – В. Л.*). Так, Ю.М. Скребнев называет **семантическими** фигурами: сравнение, восходящую и нисходящую градацию, каламбур, антитезу, оксюморон, зевгму; **синтаксическими**: фигуры убавления (эллипсис, асиндетон) фигуры добавления (повтор, полисиндетон, пролепсис–одновременное употребление существительного и заменяющего его местоимения), различные виды инверсии, риторический вопрос, параллелизм, анафору, эпифору и т.д. [Скребнев, 1997, с. 590-592].

Итак, имея в виду все вышесказанное, можно перейти к сравнительному анализу примеров из оригинала и перевода. Мы предлагаем разобрать переведённые фигуры речи не с точки зрения использования трансформаций на разных уровнях эквивалентности – синтаксическом, семантическом (где имеют место частные случаи компонентной и референциальной эквивалентности) и прагматическом уровнях [Швейцер, 1988, с. 125-140], а с точки зрения возможности наиболее точного и адекватного их перевода с учётом грамматического, лексического и синтаксического строя языка перевода, а также особенностей картины мира в английском языке. К первой группе мы отнесём фигуры речи, которым можно подобрать достаточно точные соответствия, ко второй – те, которые при переводе утратили некоторые оттенки смысла или же подверглись небольшому изменению в соответствии с традициями языка перевода, и к третьей – такие фигуры, для перевода которых понадобились серьёзные преобразования: замена, добавление, подстановка, или полное перефразирование.

1.1) «Очень нужна ему эта любовь – я вот прекрасно всю жизнь без неё обходилась и мать не доставала!» – «*Love! A fat lot of good that is! As for me, I've been doing just as well without it my life long and **didn't get to mother***»(здесь и далее перевод мой, выделено курсивом и подчёркнуто мной–В.Л.).

2) «Я бы не сказала, что он сказал, он ВЫРАЗИЛСЯ. Полчаса, наверное, выражался. И что я теперь сама сыну скажу, ума не приложу». –«*I wouldn't say he said, he **EXPRESSED HIMSELF**. And went on for about half an hour. **I'm at my wits' end**. What shall I tell my son?*»

3)«...пришлось с цепи в зубы усесться за стол. –«*But I had to sit down to table, gritting my teeth...*»

4)«Сидя рядом с гостями, которые пили и ели так, будто их месяц держали в клетке на хлебе и воде, я, несмотря на косые укоризненные взгляды матери, даже не пыталась состроить улыбку»–«*Sitting with the guests, who were eating and drinking so greedily as if they had been kept in a cage on bread and water for a whole month, I didn't even try to compose a smile despite of mom's sideways reproachful looks*»

5) «Ох, какие у гостей лица отвратительные – радостные! И у родителей какой вид противный – заботливый! А в телевизоре какие певцы глупые! Нет, большие не мозу!»–«*Ugh, what a **disgusting** expression the guests' faces are wearing – such a **joyful one!** How **detestable** mom and dad look – so **caring!** And what **silly** singers are on TV! **No, that's the end of my teether!***»

6) «Вечно у меня всё не как у людей!»–«*Just as always: I'm not keeping up with the Joneses!*»

7) Следов цивилизации, как то: бутылки, банок и обрывков бумагаине было видно, впрочем, как и следов зверей. Вообще складывалось впечатление, что во всем лесу есть только одна полуживая душа, тобишья. –«*Such vestiges of civilization as bottles, cans and scraps of paper can't be seen anywhere, as well as animal tracks, by the way. All this gave me the impression that there was just one **half-living soul** in the park, that is me.*

8) «Пусть свой Новый Год без меня празднуют, а мне и так тошно. Тоестъвесело»– «*Let them celebrate their New Year alone, I am sick at heart as it is. I mean joyful*»

9) ...там на уступчике сидела завёрнутая в толстую серую шубу женщина средних лет, худая и смуглая, с необыкновенно хитрым выражением живеньких тёмных глаз и длинным и спутанными волосами почти цвета шубы, с падающими на мохнатый воротник.– ...*there was a middle-aged slim, dusky woman wrapped in a thick grey fur coat sitting on a rocking ledge. She had dark pixyish eyes giving a wonderfully cunning look and long matted hair almost her fur coat colour, falling on the shaggy collar.*

10) *А у Леночки из соседнего дома наверняка аккуратненькая, с ровно расставленными звёздочками и без единой чёрной дырочки...—And Sweety Lena living-next-door is sure to have a lovely and neat one, with symmetrically arranged stars, without any single black hole...*

Даже после беглого просмотра приведённых примеров становится понятно, что все синтаксические и семантические фигуры речи получили полное отражение в переводе, причём как в нейтральном контексте, так и в более эмоционально-окрашенном. Экспрессивные конструкции переведены с использованием оборотов с такой же коннотацией, а для русских фразеологизмов были подобраны английские аналоги. Порядок слов в синтаксических фигурах речи, в общей сложности, сохранён. Здесь можно говорить лишь о незначительных перестановках, которые никак не исказили смысл оригинала. Впрочем, они также обусловлены правилами построения английского предложения.

II. 1) *«...Линка, которая всё, помните, с собакой гуляла, круглолицая такая, волосы ещё у неё такие белые, перекисью **протравленные...**»—«Усобаки?!» – «Lina, you remember her, such around-faced girl, always walking her dog. She wears blonde hair **treated with** peroxide...»—«The dog has such hair?!»*

2) *«Полина, нельзя быть такой эгоисткой, к нам придут гости, а ты только о своих проблемах думаешь! **Повертелась бы** на кухне, вообще бы забыла, кто у тебя там был жених!» – «Paulina, stop being so selfish, we're expecting guests, and you're preoccupied only with your own problems! If you **were busy about** the kitchen, dear, you would forget even this guy's name!»*

3) *В парке полно хулиганья, что у тебя за **фанаберии**? –The park is full of bullies, what maggot do you have in your head?*

4) *Чувствуя, что я сейчас взорвусь, но привычно сдерживаясь, я встала и, пробормотав что-то вроде **«Я щас приду»**, пулей полетела в свою комнату и закрылась там. –Realizing that I was about to lose cool, but controlling my temper as usual, I stood up and, having muttered something like: **"I'll be back right away"**, I ran to my room in all haste and locked myself there.*

5) *Дорога, **блестя водой в ужасающих колдобинах**, в самой маленькой из которых утонула бы родительская машина, вела в затуманенную от сырости даль... – The road, **all in terrible potholes filled with sparkling water—even the smallest one could swallow my parents' car**, led into the distant, foggy horizon.*

6) *Через полчаса до меня дошла **справедливость** родительских слов о пользе физического труда для психического здоровья, –In half an hour I realized that **all***

things my parents used to say about the good of physical labour for mental health were quite reasonable.

7) – О, привет! – вдруг как родной обрадовалась мне женщина. – *Oh, hi! – said the woman with cousinly affection.*

8) объяснила продавщица экскурсионным тоном, не торжественно шмыгая при этом носом. – *explained the seller, in a guide's manner, sniffing at the same time that spoiled all the impression of solemnity.*

Анализируя примеры второй группы, стоит обратить внимание на то, что некоторые русские эмоционально-окрашенные лексические единицы (в тексте они подчеркнуты) были заменены в переводе на более нейтральные, но с тем же значением, из чего следует, что потери есть, но очень незначительные. В примерах этой же группы наблюдается использование таких трансформаций, как добавление (8-й пример), замена слова словосочетанием (3-й и 7-й примеры), лексико-грамматическую трансформацию, основанную на метафорическом сдвиге (5-й пример).

Здесь же необходимо сказать пару слов о переводе имён собственных: для разговорной и отчасти грубоватой формы имени Полина – «Линка» – мы выбрали более нейтральный аналог «Lina». О переводе имени Леночка речь пойдёт ниже.

Что же касается примеров второй группы, то можно отметить более серьёзные синтаксические изменения, которые диктуются формальным порядком слов английского языка. Но при этом перевод может быть признан адекватным, поскольку соответствует духу и стилю оригинала. Также хочется отметить любопытный факт: если фигуры речи и утрачивают при переводе некоторые оттенки смысла, то эти нюансы характерны, прежде всего, для русского менталитета. И их потеря с точки зрения носителя английского языка несущественна. Напротив, включение их в текст показалось бы странным.

III. 1) Ну и довстречалась. Ну и ладно. Вообще говоря, одной гораздо веселее. То есть одинаково скучно. – That's the whole story. Well and good. Actually, I may lead a merry life all alone, but more truly, a rather lonely one.

2) Конечно, как говорили все родственники, со своей специальностью «экономика и финансы» я нигде не пропаду, вот только сама она пропади пропадом, эта специальность... – *Sure, as all my relatives said, a degree with specialization in economics and finance wouldn't let my talents go down the plughole, but plague on this speciality itself...*

3) *А всё-таки, мало я себя ценила – у меня вон, оказывается, даже своя Вселенная имеется!*—*As the matter stands, I had rather low self-esteem, and hey, I turn out to be the proud possessor of a universe!*

4) *Я уже отмучилась... То есть отучилась. Скоро пойду на эту каморгу... В смысле на работу.*—*It has finished me off... That is I've already finished my studies. I'll start doing this chore... I'd like to say, start working soon.*

5) Леночка – это моя подружка, точнее, знакомая с детства, живущая в соседнем доме. —*Sweetie Lena, as everyone calls her, is a friend of mine, or, to be more exact, my childhood acquaintance, living next door.*

В примерах третьей группы также встречаются такие трансформации синтаксического уровня, как перефразирование с элементами дополнения (3-й пример), к которому мы прибегли, чтобы лучше передать настроение героини, и простое добавление (5-й пример). Добавление в 5-м примере мы использовали, чтобы не заимствовать русскоязычную морфему. В 1-м примере наблюдается опущение, форма «довстречалась» отражения в переводе не нашла. Глагол «встречаться» использовался в предыдущем предложении, и мы решили заменить эту форму на фразу «*That's the whole story*», которая означает примерно «Вот так все и кончилось», что настроение, безусловно, передаёт.

Но гораздо больший интерес вызывают такие колоритные обороты, как во втором и четвёртом примерах. Практика показывает, что именно такие многогранные фигуры речи, основанные на полисемии и созвучии, вызывают наибольшую трудность при переводе. На наш взгляд, для достижения максимального эффекта переводить их стоит также с использованием многозначных лексических единиц, а также лексем, имеющих фонетическое сходство. Полного совпадения нам добиться не удалось, но выбранный вариант представляется довольно близким по значению.

Подводя итоги, необходимо ещё раз подчеркнуть, что в основе классификации фигур речи, представленной нами в виде примеров, лежат закономерности, которые наблюдаются при переводе с русского языка на английский. Они обусловлены, прежде всего, грамматическим, лексическим и синтаксическим строем языка перевода и, разумеется, смысловым наполнением исходной лексической единицы и контекстом. Отсутствие прямого соответствия также объясняется грамматическими и лексическими особенностями, чему способствует и разница в языковых картинах мира.

К данным трансформациям, безусловно, прибегают и при выполнении перевода на другие языки, они вполне универсальны, но, проведя сравнительный анализ оригинала и перевода, можно выделить те, которые встречаются чаще других, то есть

являются более стандартными, и используются в характерных для себя условиях. Это означает, что определённые обороты с русского языка на английский, в типичных случаях, будут переводиться похожим образом.

Список литературы

Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. М.: «Р. Валет», 2005.

Гаспаров М.Л. Античная риторика как система. Избранные труды. Т. I. О поэтах. М.: Языки славянских культур, 1997.

Жельвис В.И. Эти странные русские. М.: Эгмонт Лтд., 2002. С. 5.

Квинтилиан. Риторические наставления/ «*Institutio Oratoria*», т. I, кн. I, гл. 5, § 6., Пер. А. Никольского. Императорская Российская академия, СПб., 1834.

Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: «ЭТС», 1999.

Скребнев Ю.М. Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. 2-е изд. М.: Большая российская энциклопедия, 1997.

Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве / «Об ораторе», кн. III, § 200 / Под редакцией М.Л. Гаспарова. М.: "Наука", 1972.

Швейцер А.Д. Теория перевода/ Статус, проблемы, аспекты, Отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1988.

Hall, Edward T. The Silent Language. New York: Doubleday, Anchor Books, 1981.

Sapir, Edward. An Introduction to the Language of Speech (San Diego: Harcourt Brace & Company, 1921), P. 219.

Wierzbicka, Anna. Semantics, Culture and Cognition. New York and Oxford: Oxford University Press, 1992.

Литературный энциклопедический словарь [Электронный ресурс]/Фигуры стилистические/ М., 1987. – Режим доступа: http://biblioclub.ru/index.php?page=dict&dict_id=74

Налбандян А. Р.
Афинский национальный университет имени Каподистрии
г. Афины (Греция)

Anahit Nalbandyan
National and Kapodistrian University of Athens
Faculty of Slavic Studies

ЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО КОЛОРИТА В ПЕРЕВОДЕ (НА ОСНОВЕ РОМАНА РАФФИ «САМВЕЛ» В ОРИГИНАЛЕ (НА АРМЯНСКОМ) И В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

LANGUAGE ASPECTS OF NATIONAL AND HISTORICAL FLAVOR IN TRANSLATION (BASED ON THE NOVEL "SAMVEL" BY RAFFI IN THE ORIGINAL (ON ARMENIAN) AND IN RUSSIAN TRANSLATIONS

Своим художественным своеобразием, глубиной раскрытия исторических фактов роман Раффи «Самвел», занимает особое место в армянской исторической прозе. Роман был переведен на русский язык в первый раз в 30-ые годы А. Дубровиной и И. Кусикьяном. Но жизнь перевода, как правило, короче жизни подлинника. Часто перевод устаревает, и отдельные слова, а иногда и целые выражения нуждаются в объяснениях.

Так роман был переведен во второй раз Н. Хачатурян в 70-80-ые. Для перевода это большой срок. За это время изменились требования к переводу, была фактически создана теория перевода, включившая в себе целый ряд частных теорий. При этом современная теория художественного перевода утверждает чрезвычайную важность эстетических критериев, т.е. воздвигает на первый план эстетическую адекватность перевода подлиннику, а переводчика рассматривает как художника слова.

В статье рассматриваются проблемы передачи национального и исторического колорита при переводе: представлен сопоставительный анализ передачи реалий в двух имеющихся переводах.

The novel Samvel by Raffi occupies a special place in the Armenian historical prose for its artistic originality, detailed disclosure of historical facts. For the first time the novel was translated into Russian in the 30th years by Dubrovin and I. Kusikyan. But the life of the translation is usually shorter than the life of the original. Often translation gets old and single words and sometimes entire expression need explanations.

So for the second time the novel was translated in 70s-80s by N. Khachaturian. It is a long time for translation. During that time the requirements for translation were changed, and the theory of translation was created, which included a wide range of private theories. The modern theory of literary translation asserts the critical importance of aesthetic criteria, ie erects the fore aesthetic value with the original translation and examines the translator as the artist of words.

This article discusses the transmission of national and historical flavor in translation: a comparative analysis of presenting the realities in two translations.

Ключевые слова: перевод, непереводаемое в переводе, перевод реалий, передача национального колорита в переводе, передача исторического колорита (архаизмы, историзмы), особенности перевода характерных собственных имен, перевод топонимов

Keywords: translation, untranslatability in translation, translation of realities, the national coloring in translation, historical flavor in translation (archaisms, historicism), features of characteristic proper names in translation, translation of toponyms.

«Исторический роман, - пишет Раффи, - есть воссоздание исторического бытия того или иного народа. Он показывает жизнь и свершения этого народа, изображает его нравы и обычаи, его традиции, его духовный и нравственный облик – словом, представляет человека прошлого в его исконном, изначальном обличье, которое с течением времени претерпело изменения, и для нынешнего поколения есть уже нечто забытое»²⁵.

Раффи создает роман «Самвел», чтобы показать жизнь и историю армянского народа в те далекие времена. Роман посвящен истории Армении IV века, борьбе народа за независимость. Своим художественным своеобразием, глубиной раскрытия исторических фактов роман занимает особое место в армянской исторической прозе.

Мы выражаем себя в книгах, и мы хотим, чтобы книги наших писателей читали в переводах. Нас движет не честолюбие, а жажда быть понятыми. Перевод, по определению А. Федорова, - окно в другой мир. Дом без окон уже не дом. Так и литература оригинальная не может существовать без «окон», без переводов. Перевод художественной литературы – это диалог между народами, диалог лучших сынов народа, ведущий к взаимопониманию, к взаимонеобходимому сотрудничеству²⁶.

Роман был переведен дважды: в первый раз А. Дубровиной и И. Кусикьяном, во второй раз Н. Хачатурян. Перевод представлял собой особую трудность так как если сопоставительные грамматики и двуязычные словари существуют и даже в достаточно подробных вариантах, то практически не существует никаких сопоставительных справочников по культуре разных народов. И возможный случай взаимного отношения лексики двух языков – это полное отсутствие той или иной лексической единицы одного языка в словарном составе другого языка. В этих случаях принято говорить о так называемой безэквивалентной лексике. Под безэквивалентной лексикой имеются в виду лексические единицы одного из языков, которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка. И именно такими единицами богат роман Раффи «Самвел» и особый интерес представляет собой их перевод. Перевод реалий – часть большой и важной проблемы передачи национального и исторического своеобразия, которая восходит к самому зарождению теории перевода как самостоятельной дисциплины.

Перевод И. Кусикьяна - А. Дубровиной появился в 30-ые годы, перевод Н. Хачатурян _ в 70-80-ые. Для перевода это большой срок, ведь жизнь перевода, как правило, короче жизни подлинника. Часто перевод устаревает, и отдельные слова, а

²⁵ Раффи «Самвел». Перевод Н. Хачатурян. Предисловие стр.3 изд. <Советакан грох> 1988г.

²⁶ Л. Мкртчян. «Если бы в Вавилоне были переводчики». Ереван «Советакан грох» 1987г. стр.9

иногда и целые выражения нуждаются в объяснениях. За это время изменились требования к переводу, была фактически создана теория перевода, включившая в себе целый ряд частных теорий. В 30-ые годы перевод с языков народов СССР носил очень часто ознакомительный характер, когда главным было что, а не как (этим, кстати, объясняется и появления данного переводческого тандема: не очень владевший русским историк, академик И. Кусикьян обеспечивал точное соответствие романа истории и перевода – букве оригинала, а А. Дубровина, не владевшая армянским – соответствие текста нормам русского языка). Любой перевод за полвека устаревает, что и вызывает к жизни появление нового.

Мы рассматриваем два перевода “Самвела” не с эстетической точки зрения, т.е. не с позиции оценки большей или меньшей художественности результатов, что было бы некорректно, а главным образом как две разных постановки вопроса, приведшие, соответственно, к принципиально разным результатам при передаче реалий.

Реалия большей частью связана с художественной литературой и без колебания относится к безэквивалентной лексике, Некоторые реалии обладают признаками имен собственных, другие стоят на границе между обеими категориями. Близкие черты многих реалий и имен собственных в ряде случаев делают почти невозможным их размежевание.

Реалии могут принадлежать и к «нелитературной лексике». Это вполне естественно; ведь многие реалии обозначают местные предметы; сравнительно немногие принадлежат к элементам сниженного стиля – просторечию и жаргонной лексике, а еще меньше их среди других лексических отклонений от литературной нормы, таких как ломанная речь, детская речь, дефекты речи и т. п..

Реалиями являются также и некоторые отдельные иноязычные выражения.

«Иноязычными выражениями» для нас являются все слова и выражения, которые автор оригинала дает на другом, не своем языке в их исконном написании и (или) в транслитерации, т.е. без каких – либо морфологических изменений. Таким образом, в состав подобных выражений могут попасть и чужие для языка автора реалии, которые переводчик, в свою очередь, переносит тоже в иноязычном написании и транслитерации.

Верное понимание художественного текста зависит от знания культуры и истории народа, на языке которого создавалось литературное произведение. Национальные особенности отражаются в лексике и составляют в ней фоновую информацию, передающую сведения о национальных формах, видах и проявлениях культуры.

Чтобы правильно понять текст, нужно проникнуть в контекст, чтоб понять, с каким значением употреблено слово. В данном случае, нужно выяснить – является ли реалией данное слово. Чтобы определить - реалия ли данное слово или нет, нужно быть знакомым с классификацией реалий, согласно которой существуют следующие деления реалий:

1. Предметное	2. Временное
3. Местное	4. Переводческое

Приемы передачи реалий можно, обобщая, свести к двум: транскрипции и переводу. Эти два понятия могут быть друг другу противопоставляемы. Перевод стремится «чужое» максимально сделать «своим», транскрипция стремится сохранять «чужое» через посредство «своего».

Наиболее употребляемые приемы:

1. Введение неологизма: такими новыми словами могут быть кальки и полукальки.
2. Замена реалии реалией ПЯ (аналогом).
3. Приблизительный перевод реалий, который применяется чаще.
4. Контекстуальный перевод.²⁷

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕДАЧИ РЕАЛИЙ В ДВУХ ИМЕЮЩИХСЯ ПЕРЕВОДАХ

Как показал анализ текста, основная масса реалий романа относится к общественно – политическим, а бытовых реалий в тексте мало. Раффи мало занимало бытописание, его волновали крупномасштабные идеи, и воплотил он их во многом в романтическом ключе.

Посмотрим, как переведены реалии романа Раффи на русский язык.

I. Предметное деление

В. общественно - политические реалии

2. органы и носители власти

б) носители власти

նախարար – вельможа (перевод Н. Хачатурян)

– нахарар^{*)} (в переводе И. Кусикьяна и А. Дубровиной) - князь, феодал, вассал царя, наследственно владевший областями Армении.

նախարար – в переводе Н. Хачатурян – вельможа – правильно, хорошо, и понятно

²⁷ подробнее о классификаций реалий см. С. Влахов, С. Флорин. «Непереводимое в переводе». Москва. Высш. шк. 1986г.

*) звездочками здесь и далее отмечены примечания к тексту в переводе И.Кусикьяна и А.Дубровиной

русскому читателю, и точно передает смысл, а в переводе И. Кусикьяна и А. Дубровиной – транскрипция реалии и дается объяснение в сноске.

տանտեր – танутер, глава - танутер* - (букв. “владелец дома”)

крупного феодального глава старший член
дома, княжеского рода.

У Н. Хачатурян контекстуальный перевод, т.е. слово уже по контексту понятно, в рамках контекста она объясняет, а у И. Кусикьяна – транскрипция реалии и объяснение в сноске.

հայրապետ – глава церкви – патриарх.

Здесь правильны оба перевода: патриарх и есть глава церкви. Хотя глава армянской церкви называется католикос, а патриарх несколько русифицирует текст. Н. Хачатурян прибегла к генерализации: глава церкви – это и патриарх (для православных), и католикос (для армян), и Папа (для католиков).

Բեժիք – бдешх – бдешх* – так называли правителей окраинных областей древней Армении.

Н. Хачатурян в своем переводе дает транскрипцию реалии, но потом она объясняет: «... многие из провинций и областей восстали и хотят свергнуть власть царя. Взбунтовались бдешх Алдзника ... бдешх нового Ширакана ... Восстали властелины княжеств Дзороц, Кохб ...»

Здесь говорится, кто восстал против царя – бдешхи княжеств, т. е. властелины княжеств.

В переводе И. Кусикьяни и А. Дубровиной опять транскрипция реалии и объяснения в сноске.

մարզպան – марзпан – марзпан* - наместник, назначаемый
персидским царем в завоеванных им странах.

Н. Хачатурян слово дает в транскрипции, но по контексту объясняет, т. е. читателю понятно: «Армянский католикос действовал ... с персидским марзпаном, т.е. наместником, под властью которого оказалась тогда Армения». У И. Кусикьяна опять - таки объяснение дано в сноске.

1. административно территориальные устройства

а) административно территориальные единицы.

գավառ – земля – гавар* - крупные территориальные единицы

Армении (в значении край, область, провинция).

4. военные реалии

г) военнослужащие

սփարապետ – спарпет – глава войска – спарпет* - должность

главнокомандующего
войсками в древней
Армении.

Н. Хачатурян дает транскрипцию и в контексте объясняет слово, а в дальнейшем использует его уже без объяснений, а И. Кусикьян объясняет в сноске, а в тексте дает только транскрипцию реалии.

Надо отметить, что в романе также много заимствованных реалий, много персидских слов:

Особый интерес представляет собой перевод реалий, связанных с бытом: одежда, жилье, пища.

Б. Этнографические реалии

1. Быт

б) одежда

թափաշ - тана, которая – тана* - персидское украшение для женщин,

украшает нос которое носили под носом.

И. Кусикьян эту заимствованную реалию объясняет в сноске, а в переводе Н. Хачатурян уже по контексту понятно, что это женское украшение.

в) жилье

սփարապետի տանը – дом одеяний –дом хламид.

И. Кусикьян переводит как «дом хламид», но это по смыслу не соответствует оригиналу: если посмотреть в словаре, то слово «хламида» переводится как «երկար անձրևի զգեստ», т. е. длинное, безобразное платье. Перевод Н. Хачатурян более точный и понятный. Тем более, что исторически «хламида» относится к античной древности (обозначает мужскую верхнюю одежду из шерстяной ткани в виде мантии, скрепленной застежкой на груди или правом плече). Армяне не носили в древности хламид, а «дом одеяний» включает в себя все виды одежды, что правильнее.

а) пища, напитки

կարկանդակ – лепешка - печенье

Перевод Н. Хачатурян более близкий к оригиналу, потому что в IV веке было не печенье, а лепешка; печенье относится к более позднему времени.

մածունի-простокваша - мацун* - род простокваши

Здесь И. Кусикьян и А. Дубровина дают транскрипцию и сноску для объяснений, а Н. Хачатурян дает приблизительный перевод, т.е. методом аналогии, т.к. армянский լիւծնիւ более густой, чем простокваша, но это не так уж важно, зато русскому читателю «простокваша» сразу понятна.

5. Меры длины

а) единица мер

բլուր - 10.000 - 10.000

Оба перевода правильны, т.к. «բլուր» и значит 10.000

ջիւղիւ - джида – джида *- персидская мера длины

И. Кусикьян и А. Дубровина заимствованную реалию дают в транскрипции и объясняют через сноску. У Н. Хачатурян тоже транскрипция, но по контексту понятно: «Солнце-то джид на пять поднялось». По контексту уже понятно, что это мера длины, тем более, что ее реальная величина (кстати, не указанная и в сноске) в тексте абсолютно пассивна. Арбак хочет сказать, что солнце уже высоко, т.е. давно пора вставать.

սի քանի միւս

հեռվից էին անցնում - обходили ее - обходили ее на

далеко стороной большом расстоянии

Оба перевода правильны и понятны. Ни один переводчик не обратился к словарному соответствию «миля», так как оно нарушило бы и исторический, и национальный колорит.

փարսանգի - фарсанг - фарсанг* - мера длины = 5250 м.

Н. Хачатурян переводит как «фарсанг», но по контексту понятно: «Где держат коней?» - «Отогнали фарсангов на 10 всторону». И уже понятно, что это мера длины. У И. Кусикьяна и А. Дубровиной объяснение в сноске.

4. Этнические объекты

в) название лиц по месту жительства, происхождения и т.п.

Վիշապիդ - драконид - «вишапид»

Перевод Н. Хачатурян - калька, но более точный, а главное - русскому читателю более понятный, чем перевод И. Кусикьяна, который представляет собой полукальку, основа которой («вишап») сама требует объяснения, без которого непонятна русскому читателю.

Особый интерес представляют собой реалии, связанные с искусством и культурой.

5. Искусство и культура

б) мифология

րշօր -злой дух - кадж* - злые духи подземелья

Т.к. «кадж» и есть «злой дух», можно так и передать _ злой дух, как и делает Н. Хачатурян, а И. Кусикьян и А. Дубровина дают в транскрипции и объясняют в сноске. По тексту «подземелье» совершенно не функционально.

б) музыкальные инструменты

բամբիրն – бамбирн – бамбирн* - древний струнный муз. инструмент

Оба переводчика передают слово в транскрипции: И. Кусикьян объясняет, т.е. дает сноску. Что это музыкальный инструмент, Н. Хачатурян это дает понять по контексту: «... музыканты бряцали на струнах бамбирнов ...» и уже понятно, что это струнный музыкальный инструмент.

и) праздники, игры

հայոց տարեմուտին`

նախափարն ամսի սկզբին – когда год кончился,-на новый год армян, в начале месяца

в начале Навасарда Навасард^{*)} - 1-ый месяц года, по
1-го месяца нового древнеармянскому
года календарю, начина-
ется с 11-го августа
и продолжается до
9-го сентября.

Здесь Н. Хачатурян дает понять по контексту, что значит «Навасард», она хорошо передает это понятие: без сносок, но читателю понятно, а у И. Кусикьяна опять-таки объяснение в сноске.

II Местное деление

А. В плоскости одного языка

1. Свои реалии

а) национальные

որդան կարմիր - собирали кошениль - собирали кошениль,
и добывали из нее чтобы приготовить из
«вордан кармир» нее красную краску.
знаменитый армянский
пурпур

Здесь оба переводчика передали смысл, но Н. Хачатурян с помощью транскрипции передает также название знаменитого арм. пурпура. Но оба перевода хороши, оба понятны.

При переводе переводчик должен хорошо владеть не только языком оригинала (а также языком, на который переводит), но должен быть хорошо знаком и с культурой народа, с языка которого переводит, он должен хорошо знать и невербальный язык, т.е. язык жестов.

В романе Раффи есть выражение «ձեռքի մատները լայն բաց անելով՝ սրճիկ հանեց».

Здесь переводчик должен правильно понять смысл жеста, чтобы правильно его передать.

Н. Хачатурян именно так объясняет смысл жеста, как он употребляется и по сей день в Армении, точно передает его на ПЯ: «... сделал жест, означавший «чтоб ты провалился». И. Кусикьян переводит: «...сделал пренебрежительный жест». Здесь, в общем, тоже передан смысл, но лишь самый общий и неточно: да, это пренебрежительный жест, но теряется колорит. Кроме того, пренебрежительный жест по отношению к евноху может быть истолкован читателем, иначе, чем задумано автором (слуга Самвела не любит слугу царицы за его козни, а также считает, что встреча с ним всегда не к добру).

Мы в данной работе рассматривали далеко не все реалии, т. к. их в романе довольно много. Мы рассматривали лишь те реалии, перевод которых представляет особую трудность и интерес.

Национальный, а также исторический колорит создают в романе также и историзмы, архаизмы, имена собственные, а также географические названия.

НОМИНАТИВНО-ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИЕ ИМЕНА В ОРИГИНАЛЕ И ДВУХ ПЕРЕВОДАХ

Особую трудность представляет собой перевод значащих топонимов - географических названий, семантика которых, так или иначе, обыгрывается в тексте. Многие теоретики перевода считают, что имя собственное – всегда реалия или хотя бы приближается к ним. Такую точку зрения высказывает, например: В.С. Виноградов, автор книги «Лексические вопросы перевода художественной прозы».²⁸ Другие, например, известные болгарские теоретики С. Влахов и С. Флорин, специалисты именно по реалиям, чьими разработками в этой области пользуются сегодня, как базовыми теориями перевода, считают такое уравнивание чрезмерным и предпочитают рассматривать имена собственные «как самостоятельный класс «без эквивалентной

⁵ Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы, М, МГУ, 1978 стр.124

лексики», которому присущи свои признаки и приемы передачи при переводе, разумеется, нередко совпадающие с приемами «перевода» реалий. С реалиями их роднит большей частью яркое коннотативное значение, обуславливающее способность передавать национальный или исторический колорит»²⁹ и творческий подход к передаче имен собственных начинается, когда переводчик сталкивается с так называемыми смысловыми (значащими, значимыми, «говорящими» нормативно-характеристическими) собственными именами.

Перевод смысловых имен остается творческой задачей не только при воссоздании внутренней формы имени в новой языковой оболочке, но и при выборе способа, приема и передаче их в языке перевода.

В романе можно заметить, что названия многих армянских городов – Տիգրանակերտ, Խոսրովակերտ имеют окончание, -կերտ (керт), что значит «воздвигнутый», т.е. воздвигнутый Тиграном, Хосровом. В основном они так и передаются при переводе: Тигранакерт, Хосровакерт. Но бывают случаи, когда внутренняя форма обыгрывается автором, тогда они требуют особого подхода.

Например: слово «օձնեցիք», т.е. жители города Одз. Одз в переводе с армянского языка значит «змея». Н. Хачатурян, и И. Кусикьян «օձնեցիք» переводят как «жители Одза», но далее следует предложения:

«Օձերի հետ գործ ունենալը փոքր ինչ դժվար է»

И здесь Н. Хачатурян объясняет смысл названия города:
«Недаром Одз означает змея - со змеями лучше не связываться».

Ну, а И. Кусикьян переводит:

«Со змеями иметь дело опасно».

И читателю непонятно, какое же отношение имеет змея к жителям города Одз. Или же:

«Ահա Վիշապ քաղաքը, վիշապի լայն բերանի պես բացված ահարկու դռներով»

У И. Кусикьяна:

«Вот город Вишاپ, с его громадными городскими воротами, раскрытыми, как пасть чудовища».

И И. Кусикьян дает в сноске объяснение смысла названия города – дракон.

А Н. Хачатурян также объясняет:

«Вот город Вишاپ или Дракон, с его грозными, распахнутыми словно пасть дракона,

⁶ С.Влахов и С.Флорин Непереводимое в переводе, М., Высш. шк., 1986 стр. 21-22

городскими воротами».

Или же Անխուշ քաղաք - крепость Анхуш, т.е. «преданная забвению»

Здесь у Н. Хачатурян опять объяснения смысла названия, а И. Кусикьян объясняет в сноске: Анхуш^{*} - Анхуш по-армянски «забытый», «не упоминаемый».

Таким образом, заключенная в значениях имен смысловая и эмоциональная информация должна быть «проявлена». «Имея дело с полноценным подлинником мало транскрибировать имена и названия, нужно еще добыть из них дополнительный смысл и окраску. Только тогда перевод заиграет всеми цветами оригинала».³⁰

Но иногда смысловое имя можно транскрибировать, если оно не играет особой важной роли в тексте и его объяснение не так уж важно. Например: в романе Раффи мы встречаем такие имена как: «Արշակունի» (Муравей), «Գալ գետ» (река Волк), «Կապույտ գետ» (Синяя река). Все это имена и географические названия транскрибированы. Но при транскрипции большую важность представляет вопрос об их звуковом оформлении при переводе и, соответственно, об их написании. Чем больше расхождений в фонетическом строе двух языков, в составе и системе их фонетики, тем острее этот вопрос.

Также транскрибированы следующие собственные имена: «Անիդուն», «Անիդունի», «Արշակունի», «Անիդունի» («Саакануйш», «Смбатуи», «Санатрук»). В древней Армении было принято называть своих детей именем отца, прибавляя в конце «ունի», «նի», «նի» - если девочка, и «уні» - если мальчик. В оригинале значение этих окончаний объяснено, и у обоих переводчиков это тоже переведено.

Таким образом, художественная литература воздействует на читателя эстетически. И поэтому нередко имя собственное включается в образную систему произведения.

Как показал анализ переводов, у Н. Хачатурян значащие имена собственные переведены, в основном, объяснительным способом, а А. Дубровиной и И. Кусикьяном – транскрибированием, и русскому читателю эти имена ничего не говорят, и теряется колорит.

ИСТОРИЗМЫ, АРХАИЗМЫ И ПЕРЕВОД

В лексике отражаются все процессы исторического развития общества. Одни предметы, реалии быта, понятия, качества, явления существуют издавна, и слова, их называющие, активно используются носителями языка; другие отмирают – с ними

³⁰Абызов Ю.О. О культуре перевода, В сб. мастерство перевода, М 1963, стр. 256

уходят их наименования, третьи появляются вновь, для их наименования создаются новые слова или переосмысливаются старые. Следовательно, в нашем словаре условно можно выделить две большие группы: слова активного употребления и слова, редко употребляемые, существующие как бы в пассивном словаре. В данном случае нас интересуют последние, так как в своем романе Раффи описывает действия, которые происходят еще в IV-ом веке, роман полон слов, относящихся к пассивному запасу, которые являются устаревающими и устаревшими. К пассивному запасу относятся также новые слова, которые в силу своей новизны еще не стали достаточно известными, и не всегда понятны носителям языка. Но эта группа слов абсолютно отсутствует в данном произведении в силу того, что в нем говорится о событиях IV-го века.

Таким образом, все эти виды архаизмов, а также историзмы играют определенную роль в произведении, создавая красочную картину данной эпохи и нации, цель которых эстетически подействовать на читателя, перенося его из современного мира в историческую эпоху. Так как и архаизмов и историзмов в романе очень много, мы будем рассматривать только часть из них, наиболее трудную с переводческой точки зрения.

Лексико-фонетические архаизмы

ւիգաշիւն սև (սևւոյն) – у Н. Хачатурян – густая зыбкая чернота, а у И. Кусикьяна – черная мгла.

Слово ւիգաշիւն уже устаревшее слово, более употребительно слово սև, у Н. Хачатурян переведено как «зыбкая», а И. Кусикьян переводит просто – «черная» (мгла).

Собственно-лексические архаизмы

Этот тип архаизмов встречается в произведении чаще, чем другие типы, воссоздавая только историческую обстановку. При их переводе, переводчики чаще переводят их значение в его современном оформлении, так как многие из них непонятны даже в оригинальном тексте и при чтении романа в ИЯ читатель часто пользуется объяснительными словарями, что затрудняет чтение.

բնարան – опочивальня – спальня.

У И. Кусикьяна и А. Дубровиной современное слово – спальня, а опочивальня больше соответствует армянскому архаизму, а также эпохе.

Արիւնք – так звали в древности персов, и И. Кусикьян так и переводит – арийцы, но рядом объясняет – персы, у Н. Хачатурян просто – персы.

В основном, переводится значение, но выбранные слова соответствуют тексту, т. е. выбираются такие слова, чтобы текст не звучал слишком современно. А иногда переводится объяснительным способом.

« երեքվեւել » означает говорить в III-ий раз – так и переводит Н. Хачатурян, а И. Кусикьян переводит – «повторить», что не соответствует по смыслу, т. к. «повторить» - это говорить во II-ой раз. В оригинале написано – կրկնոււմ եւ, երեքվոււմ եւ и Н. Хачатурян переводит - во II-ой и в III-ий раз говорю, а И. Кусикьян – повторяю, то есть у него слово опущено.

Для воссоздания впечатления и представления той эпохи, огромную роль сыграли в романе также историзмы – слова, вышедшие уже из употребления по причине исчезновения обозначенных ими понятий. Интересно то, что многие историзмы, которые одновременно являются реалиями, сегодня стали общеупотребительными, хотя у некоторых из них изменилось значение – они употребляются не в том значении, что раньше, а некоторые вернулись в активный словарь в том же значении, что обозначали раньше.

Так как многие историзмы, одновременно, являются и реалиями, некоторые из них мы рассматриваем как реалии

Перевод историзмов сравнительно легче перевода архаизмов, так как они в основном имеют свои соответствия в ПЯ. При чтении романа сразу бросается в глаза большое наличие в нем военных историзмов и реалий общественно-политической жизни (նիզակ, տեգ, գեղարդ, աղեղ, վահան, սաղափաւ). В основном, они у обоих переводчиков переведены – копья, пики, дротик ..., хотя иногда встречаются обобщения: «и другие боеприпасы».

При переводе названий общественно-политической жизни переводчики пользуются эквивалентами:

Արքայազն - царевич, հռնաց կայսր – император

ներքինի – евнух, ներքինապետ – главный евнух,

ՀայոցՏիկին– армянская царица, արքայիցարք - царь царей

встречаются и случаи, когда один и тот же историзм переводчики переводят по-разному. Например:

Տիկնանց Տիկին - И. Кусикьян переводит как «госпожа над госпожами», а Н. Хачатурян говорит также «главная жена», и становится понятно, что она главная жена в гареме, а в переводе И. Кусикьяна кажется, что она, говоря современными словами – Первая леди.

Многие историзмы имеют свои эквиваленты. Например:

սոսրհանդակ – у обоих переводчиков – гонец

սոսրհանդակ – вдовья дома (т. е. дома для вдов, оставшихся без кормильца).

В некоторых случаях встречается и различие переводов, хотя смысл, значение слова оригинала при этом не изменяется.

Սոսրհանդակ- у Хачатурян– дома презрения, у Кусикьяна - дома для нищих.

Չսոսրհանդակ – у Хачатурян– императорская порфира, здесь тоже у Хачатурян слово порфира устаревшее, у Кусикьяна – императорский пурпур.

Интересно, что многие историзмы стали бывшими историзмами, и сегодня они как отметили выше, вновь активно употребляются в современной речи. Но значение чуть изменилось.

Например: սոսրհանդակ (սոսրհանդակ) - в актуальной речи употребляется сейчас в другом значении, как староста района, но в романе это слово употреблено в значении “элита”, дворяне.

Սոսրհանդակ - вельможа, наследственно владевший областями Армении.

Сегодня употребляется в значении “министр”, который руководит делами какой-либо сферы, например: экономики, обороны и т.д.

А вот «սոսրհանդակ» сегодня является историзмом. Сегодня есть слово «բյուջե» (бюджет) близкое по значению.

Как мы убедились при сравнительном анализе, при переводе историзмов у переводчиков мало расхождений. Во многих случаях слова имели свои эквиваленты, чего нельзя сказать о значащих топонимах и антропонимах.

Что касается архаизмов, то у Хачатурян чаще встречаются устаревшие слова, чем у Кусикьяна и у Дубровиной.

«Переводчики классических произведений не всегда ограничиваются одним только отказом от применения специфически современных слов и фразеологических оборотов. В той или иной мере они пользуются и архаизмами – словарными и синтаксическими (главным образом инверсиями)»³¹.

Например: в главе IV Мушег цитирует текст проповеди Католикоса Вртаннеса, сына Просветителя, на похоронах Ваче Мамиконяна, своего деда, в ней есть устаревшие фразы и слова:

³¹ А.В.Федоров Основы общей теории перевода. М. Высшая школа, 1983, стр.288

«Մի իրար վեցեք Քրիստոսով, դամեռով, բայցյուրմահվամբ անմահացավ: Որովհետև նայուրան ձրգոհեցմերաշխարհի, մերեկեղեցիներին մերաստվածագործկրոնի համար: Դամեռով, որպեսզի մերաշխարհը գերիդառնալով չքանդվի, որպեսզի յուրեկեղեցիները զարգրչխանգարվի, և մերտաճարների սրբությունները անորենների ձեռքը չընկնեն: Եթե մերթշնամիները տիրելու լինեին մերաշխարհին, անշուշտ իրանց անաստված կրոնը կհաստատեին այստեղ: Իսկ այդբարեպաշտնահատակը՝ դրահամարպատերազմեց, որչարությունը հալածե, հեռացնե մերաշխարհից, և դրահամարսամեռով, որ մերաստվածասեր կրոնման օրինությունը մուտք չգործե...»:

А.Н. Дубровина и И.К. Кусикьян

Н.А. Хачатурян

“Утештесь во Христе. Он умер, но смертью своей он обессмертил себя. Ибо он принес себя в жертву нашей стране, нашим храмам и нашей богом данной вере. Он умер ради того, чтобы наша страна не подверглась опустошению захватчиками, чтобы не был нарушен чин наших храмов, чтобы наши святыни не попали в руки неверных. Если бы враги наши завладели нашей страной, они утвердили бы в ней свою нечестивую веру. Этот боголюбивый мученик сражался за то, чтобы изгнать, исторгнуть зло из нашей страны, и он умер ради того, чтобы в нашу благочестивую страну не проникло беззаконие...”

“Утешьтесь во Христе! Он ушел из жизни, но смертью своей стяжал бессмертие, ибо пожертвовал собою во имя отчизны нашей, святых христианских храмов наших и ниспосланной нам господом веры нашей. Он пал, дабы не оскудела земля наша под игом позорного плена, дабы не нарушился обряд христианских церквей наших и дабы святыни наших храмов не оказались в руках нечестивцев. Когда бы враги завладели страной, они утвердили бы в ней свою ложную религию. Почивший благочестивый мученик не щадил живота своего, дабы покарать зло и изгнать его из нашей земли, и пал на поле брани, дабы не проникла в нашу богобоязненную страну скверна нечестивости...”

Интересен также перевод названий глав, где тоже встречается ряд различий у переводчиков.

Оригинал

Перевод И. Кусикьяна и А.
Дубровиной

Перевод Н. Хачатурян

Գուժկան

Зловещатель

Вестник беды

Չնշխորհուրդր

Совет женщины

Совет жены

Խշր

Угрызение

Муки совести

Таким образом, сопоставление двух подходов при передаче национального и исторического колорита армянского текста – романа «Самвел» на русском языке показало два разных подхода, которые, как нам кажется, кроются, в конечном итоге, в самом взгляде на назначение исторического романа. Историк И. Кусикьян видел в романе Раффи прежде всего иллюстрацию к древнеармянской истории и поэтому совершенно упускал из виду эстетический фактор (отсюда подчеркнутое внимание к сохранению всех реалий оригинала в переводе и подробное разъяснение их в сносках). Главным для него было дать читателю максимум терминологии и обеспечить тем самым научную точность. Примечание тоже должно быть функциональным, и, следовательно, не останавливаться на всех сторонах разъясняемого предмета, а, только (или, во всяком случае – в основном) на тех его сторонах, которые обязательны для понимания текста.

«Подстрочные примечания ... не пригодны не только потому, что нарушается процесс чтения, но и по гораздо более важной причине: семантическая единица, органический компонент произведения, выносится таким образом за его пределы, попадает в издательский аппарат книги. Гораздо меньшим уроном грозит произведению пояснение в самом тексте ... хотя при пояснении прибавляется слово, отсутствующее в подлиннике, но это вызвано необходимостью передать двумя словами то, что для автора и читателя оригинала содержится в одном», - пишет И. Левый.

Переводчики чаще всего в таких случаях пользуются примечаниями и значительно реже приемом объяснительного перевода, который обладает органическим преимуществом – не отвлекает и не рассеивает внимания читателя, однако вместе с тем требует большого такта и мастерства. Современная теория художественного перевода утверждает чрезвычайную важность эстетических критериев, т.е. воздвигает на первый план эстетическую адекватность перевода подлиннику, а переводчика рассматривает как художника слова. «В процессе перевода, - пишет И. Левый, - материал одного языка замещается материалом другого, и, стало быть, все художественные средства языкового порядка переводчик создает сам, на родном языке, заново; таким образом, в области языка перевод подлинное оригинальное творчество.

Перевод как произведение - художественная репродукция, художественное воспроизведение, перевод как процесс – подлинное творчество, перевод как вид искусства – промежуточная категория между исполнительским искусством и оригинальным творчеством»³².

Список литературы:

- Абызов Ю.О.* О культуре перевода // Мастерство перевода. М., 1963 г.
Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М., МГУ, 1978 г.
Влахос С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., Высшая школа, 1986 г.
Левый И. Искусство перевода. М., 1986 г.
Мкртчян Л. Если бы в Вавилоне были переводчики. Ереван, Советакан грох, 1987 г.
Раффи Самвел. М., изд. Художественная литература, 1985г. пер. с армянского А. А. Дубровиной И. И. Кусикьяна
Раффи Самвел пер. Н. Н. Хачатурян Ереван, Советакан грох, 1988 г.
Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М., Высшая школа, 1983 г.

³² И. Левый. «Искусство перевода», стр.90, курсив автора.

Пономарева А.В.
Университет Саутгемптона и Имперский колледж в Лондоне
(Соединённое Королевство)

Ponomareva Anna
University of Southampton and Imperial College London
(United Kingdom)

ОФИЦИАЛЬНАЯ ВСТРЕЧА СЭРА ЧАРЛЬЗА С ОНЕГИНЫМ

SIR CHARLES' APPOINTMENT WITH ONEGIN

Статья посвящена истории создания перевода «Евгения Онегина» на английский язык, переводчиком, вышедшим в отставку, дипломатом сэром Чарльзом Джонстоном (1912-1986). Текст статьи базируется на материалах воспоминаний самого переводчика, которые не были опубликованы ранее и хранятся в специальном фонде Джонстона в Little Hart Centre при военном архиве библиотеки Королевского колледжа Лондона в Соединённом Королевстве. Эти мемуары – уникальный документ, который позволяет заглянуть в суть самого процесса творческой работы над «Онегиным» и знакомит читателей с сокровенными мыслями, желаниями и возможностями переводчика. Эта рукопись предоставляет возможность сделать заключение о том, что Джонстон, переводчик пушкинского романа в стихах и дипломат в отставке, выработал свой стиль работы, в котором гармонически сочетается его опыт, как литературной работы, так и службы Его Величеству за рубежом.

The focus of my article is the translation of Alexander Pushkin's novel in verse *Eugene Onegin* into English made by Sir Charles Johnston (1912-1986), a retired diplomat and translator. The article is based on Johnston's memoirs *My Appointment with Onegin*; they have not been published yet; the manuscript is kept at Little Hart Centre in the Military Archive of King's College Library. *My Appointment with Onegin* is a unique document which provides chances to look inside and find out how Johnston, a retired diplomat and a translator of the Pushkin novel, has managed to create his unique translation style using his experience in the Foreign Office and in literature.

Ключевые слова: перевод, русская литература, международные отношения, история дипломатии.

Key words: translation, literature, international relations, diplomatic history.

1. Долгий путь Джонстона к «Евгению Онегину»

Рассказ о том, как британский дипломат высокого ранга столкнулся с необходимостью перевести «Евгения Онегина» на английский язык, имеет свою историю, в которой есть много неожиданностей и непредвиденных поворотов. Сам Джонстон считает, что перевод «Онегина» был ему предписан свыше: «Кажется, присутствует какая-то любопытная фатальность в том, как шаг за шагом судьба втягивает меня в этот великий поэтический роман Пушкина, в обескураживающую задачу попытки его перевода» [AnAppointment..., p.5]. Вне всякого сомнения, это был проект всей его жизни.

Вероятно, будет правильным предположить, что начало работы над этим проектом совпало с началом дипломатической карьеры Джонстона: просто невозможно представить, что он смог бы сделать свой перевод «Онегина», не имея тех знаний и возможностей, которые предоставила ему работа в Министерстве иностранных дел.

Дипломатическая карьера Джонстона началась на службе Его Величеству в 1936 году. В 1939 году он был командирован в Японию, где в течение трёх лет выполнял работу третьего секретаря в Посольстве Великобритании в Токио. В эти годы он был вовлечён в подготовку к изданию и редактирование «Escape» («Побег»), приложению к недельному обозрению-журналу, выходящему регулярно в британском посольстве. В первом выпуске приложения, в своём редакторском предисловии, озаглавленном «Escape and Reality» («Побег и Реальность»), Джонстон пишет: «В нереальном, зазеркальном мире, в который мы временно помещены, задачей «Escape» является (неважно как скромно и неадекватно) сделать отверстие, с помощью которого мы в состоянии напоминать себе о существовании реального мира на правильной стороне зеркала» [Escape, p.2]³³.

В этой программной статье Джонстон также пишет о своём писательском и личном интересе, связанном с развитием литературы. Говоря о названии сборника, он подчёркивает положительные свойства эскапизма, в частности для него он является лекарством от реальности и в то же время его необходимым компонентом.

Требования работы, а не побег от реальности, лежат в его стремлении изучать иностранные языки. Джонстон говорит в своих мемуарах о том, что в обязанности третьего секретаря британского посольства в Токио входило изучение японского языка. Он также описывает неожиданный поворот в учёбе и переключение с японского языка на русский, который произошёл в тот момент, когда Япония присоединилась к военным действиям на фронтах второй мировой войны. Это случилось в тот промежуток времени, когда британское посольство было закрыто в Токио, а он вместе со своими коллегами-дипломатами находился там под арестом и ждал отправки на родину [An Appointment..., p. 1a].

Изучение русского языка имело большие последствия и привело к изменениям в личной жизни Джонстона. После службы в Токио он получил назначение в Каир, где встретил княжну Наталью Багратион-Мухранскую (1914-1984), принадлежащую к грузинской царской фамилии и являющейся близкой родственницей, через свою мать,

³³ «Escape's object, in the unreal, through-the-looking-glass world in which we are temporary enclosed, is (however modestly and inadequately) to pierce a loophole through which we can remind ourselves of the real world on the right side of the mirror» (*перевод мой* – А.П.).

русской царской семьи. В 1944 году они поженились. В качестве свадебного подарка жена подарила ему книгу: это был роман Пушкина в стихах «Евгений Онегин». Джонстон указывает на значимость и символизм этого подарка в своих мемуарах: «Дедушка моей жены был русский поэт, друг Тургенева и Чайковского, поклонник Пушкина: он назвал свою дочь, мать моей жены, Татьяной, в честь пушкинской героини, и моя жена росла и воспитывалась в пушкинской атмосфере. Когда мы поженились, она мне подарила томик «Евгения Онегина» на русском языке. С её помощью и со словарём я смог познакомиться с текстом и подумал, какая это потрясающая поэма, найдётся ли кто-то, кто переведёт её на английский язык» [An Appointment..., p. 1a]³⁴.

Эти признания Джонстона свидетельствуют о том, что когда он впервые читал роман в оригинале, он не подозревал о существовании его четырёх английских переводов: первый был сделан, как уже указывалось, Спалдингом в 1881 году, потом, в 1936 году, появился перевод Дойтч, год спустя, в 1937 году, вышла работа Доротеи Радин и Джоржа Патрика, и в том же году появился перевод Элтона³⁵. Необходимо отметить, что Джонстону пришлось потратить совсем немного времени, чтобы ознакомиться с этими изданиями, но ему потребовалось около 30 лет, чтобы прийти к мысли о том, что можно попробовать перевести этот роман самому. К этому времени Джонстон уже знал, на какое конкурентное поприще он собирается вступить. Прежде всего, оно было оккупировано Набоковым, который произвёл на свет своего «Онегина» в 1964 году³⁶. Набоков относился с удивительной враждебностью ко всем сделанным до него переводам пушкинского романа, в особенности к работе Арндта, который смог победить Набокова в гонке, и издал свой перевод на год раньше него. Более того, за свою работу над «Онегиным» Арндт был удостоен высочайшей награды в области поэтического перевода – Буллинген премии 1963 года.

³⁴ «My wife's grandfather had been a Russian poet, a friend of Turgenev and Tchaikovsky, and an admirer of Pushkin: he had christened his daughter, my wife's mother, Tatyana, like Pushkin's heroine, and my wife had been brought up in a Pushkinian atmosphere. When we got married, she presented me with the Russian text of *Eugene Onegin*. With her help, and with a dictionary, I spelt my way through this, and thought, what a marvellous poem: if only somebody would one day translate it into English» (*перевод мой – А.П.*)

³⁵ Alexander Pushkin, *Eugene Onéguine: A romance of Russian life*. Translated from the Russian by Lieut.-Col. [Henry] Spalding, London: Macmillan and Co. 1881. *Eugene Onegin, a novel in verse* [translated by Babette Deutsch] in *The Poems, Prose and Plays of Alexander Pushkin*. Selected and Edited, with an Introduction by Avraham Yarmolinsky. New York: Random House 1936. *Eugene Onegin*. Translated from the Russian of Alexander Pushkin by Dorothea Prall Radin and George Patrick. Berkeley, CA: University of California Press 1937. Alexander Pushkin, *Evgeny Onegin* by A.S. Pushkin; translated by Oliver Elton and illustrated by M.V. Dobujinsky; with a foreword by Desmond MacCarthy. London: The Pushkin Press, 1937.

³⁶ *Eugene Onegin*. A novel in verse by Aleksandr Pushkin. Translated from the Russian with a Commentary by Vladimir Nabokov. London: Routledge & Kegan Paul, 1964.

Вне всякого сомнения, желание Джонстона предложить читателям свою версию «Онегина» на английском языке объясняется глубокими культурными корнями его семьи и, в целом, семейными обстоятельствами. Он начал задумываться о начале работы над переводом пушкинского романа в 1974 году, в год 30-летней годовщины свадьбы. Об этом есть специальная запись в мемуарах [An Appointment..., p.9].

По признанию самого Джонстона, он уже пробовал использовать онегинскую строфу, в частности после того, как закончил свою работу над «Towards Mozambique and Other Poems» («По направлению к Мозамбику и другие поэмы»), когда планировал написать ряд эпических поэм, “в которых будет возможно изложить свои впечатления, полученные в Японии, Египте и других странах, и попытаться как-то их философски осмыслить” [An Appointment..., c.5a]. Эти планы не осуществились, и Джонстон возвратился к своему онегинскому проекту только когда вышел в отставку. В мемуарах Джонстон пишет, что одним из его новогодних зарок на 1975 год, была идея начать работу над переводом «Евгения Онегина» [An Appointment..., p.9].

3. Перевод

Согласно свидетельству самого Джонстона, ему потребовалось два года, чтобы сделать перевод. Эти годы, 1974-1976, были очень трудными для Джонстона: после ухода на пенсию надо было как-то приспособиться к новой жизни, к тому, что не надо ходить на службу. Вновь, как и в первые годы его работы в Министерстве иностранных дел, идеология эскапизма пришла на помощь. В этот раз это был побег из повседневности в мир перевода, в котором, как он считал, можно будет восстановить и продолжить дипломатическую карьеру.

Клив Джеймс, автор рецензии перевода «Онегина» Джонстона, которая озаглавлена «Catacomb Graffiti» («Надписи и рисунки на стенах катакомб») подчёркивает особую важность протокола, свода дипломатических правил, который существует со времён Вавилона, когда стал осуществляться обмен посланниками между этим и другими царствами. Джеймс также утверждает, что выполнение протокольных правил было различным и зависело от того, где это происходило: на публике или в личной жизни. Он пишет: «Но все, что он [Джонстон – прим. переводчика] говорил, говорилось под шляпами со страусовыми перьями. Озеро “Чузенжи” – там, где сочинялись его первые стихи – было местом отдыха и развлечений иностранных дипломатических корпусов. Они устраивали там регаты, организовывая порядок соревнований так, что только руководитель протокольного отдела знал, как нужно спланировать безупречную гонку. Изящные адюльтеры совершались в укромных местечках на берегу озера. Человек с сознанием Джонстона, совершенно не

важно, как хорошо он мог приспособиться к обстоятельствам благодаря своему воспитанию, должен был иногда подвергать сомнению правомерность своего поведения. В конце концов, он был двойной агент: верноподданное официальное лицо и в то же время вселенский наблюдатель» [James, 1979, p.18]³⁷.

В этих словах Джеймса содержится оправдание литературной и переводческой деятельности Джонстона. Он считает, что в ней нашли выход его сомнения и, возможно, некоторое недовольство дипломатической службой. Наряду с этим, приведённая выше цитата читается так, что Джеймсу трудно представить, что для кого-то может быть просто естественным следовать протоколу. В качестве поддержки моего аргумента об эскапизме, что находится в некотором противоречии с высказыванием Джеймса о шляпах со страусовыми перьями, предлагаю заглянуть в дневники А.М. Коллонтай (1872-1952), первой посла-женщины в истории дипломатической службы, феминистки и революционерки, примыкавшей к узкому кругу соратников Ленина. Для неё вообще не существовало обстоятельств рассматривать изменения протокола как такового. В восьмой тетради её дневников есть следующая запись, датированная 1 мая 1931 года: «Весь мир может обновиться, границы стран, политические режимы народов – всё может измениться, но незыблемым и неизменным должен остаться дипломатический протокол» [Коллонтай, 2001, с.25].

Джонстон следует протокольным правилам, перевода «Онегина». Прежде всего, обращает на себя внимание его отношение к работе, в особенности: рациональный подход, скрупулёзное планирование, подготовка многочисленных вариантов и их редактирование. Джонстон пишет об этом в своих мемуарах. Так, он сравнивает работу над первым вариантом перевода с процессом прокладки железнодорожных путей. Описание процесса перевода даётся во всех подробностях и, в некоторой степени, напоминает инструкции для инженеров и рабочих, которые вовлечены в строительство новых транспортных магистралей. Однако, несмотря на обилие технических терминов в описаниях процесса перевода, инструкции Джонстона больше похожи на написание меморандумов или планирование государственных визитов: поражает огромное количество разных вариантов, постоянное шлифование аргументов, проверка и предложение альтернативных решений. В целом, все подчинено точности, и соблюдается изысканный стиль в изложении материала: учтены особые обстоятельства,

³⁷ «But everything he (*Johnston – AP*) was saying was said under a plumed hat. The Lake Chuzénji of his early poems was the playground of the foreign diplomats. They raced their boats on it, giving way to each other in such elaborate order of precedence that only a *Chef de Protocole* knew how to steer a perfect race. They committed genteel adultery around its edges. A man of Johnston's mentality, no matter how well he fitted in by breeding, must sometimes have doubted the validity of his role. He was, after all, a double agent, both loyal functionary and universal observer». (*перевод мой –А.П.*)

которые могут возникнуть при необходимости включения ‘случайных’ слов для поддержания ритмического рисунка онегинских строф.

Совсем не случайно Джонстон посылает свой черновой перевод другому дипломату сэру Джону Балфору (1894-1989), старшему коллеге по возрасту и рангу. Более того, выбор первого читателя и редактора, помимо своей супруги, объясняется ещё и в терминах профессионального знания сэра Джона: он служил в России и хорошо знал русский язык. В своих мемуарах Джонстон называет его Джок Балфор и описывает рукопись, которую тот возвратил ему после прочтения, следующим образом: «Джок Балфор подверг рукопись тщательному рассмотрению; это очень похоже на то, как посол вносит правку в документ, подготовленный консулом. Он приложил много усилий и внёс десятки поправок: некоторые из них безупречны (он принадлежит к старой школе дипломатии, известной своим талантом ‘попадать в яблочко’) (*подчёркнуто автором – прим. переводчика*); некоторые нельзя принять как таковые, но они являются значимыми замечаниями, т.к. обращают моё внимание на недостатки в тексте и вынуждают меня исправить мои собственные ошибки» [AnAppointment..., p.12].

Несмотря на то, что здесь речь идёт о литературной работе, переводе, а не о дипломатическом документе, Джонстон использует жаргон Министерства иностранных дел, чтобы в точности передать ответ Балфора. Например, часто употребляются такие слова, как: посол, консульский набросок, etc. Весьма вероятно, что даже будучи в отставке, Джонстон продолжал воспринимать мир как арену для дипломатической деятельности.

4. Публикация

Скоро настало время подумать, как опубликовать его перевод. Джонстон принимает решение распространить эту работу только среди своих друзей. Возможно, это обстоятельство является ещё одним показателем того, что Джонстон был не готов предстать перед миром в качестве переводчика и не сумел смириться со своим новым положением пенсионера, дипломата в отставке. Он печатает перевод в частном порядке и дарит его друзьям на Рождество. Успех был ошеломляющим, и Джонстона сразу же просят напечатать его работу ещё раз в большом издательстве. Экземпляры второго издания расходятся быстро, за этим следует публикация перевода в Нью-Йорке в 1979 году.

Питер Леви (1931-2000), профессор Оксфорда, выдающийся исследователь поэтических произведений, эссеист и критик, опубликовал свою рецензию «Онегина» Джонстона в *The Sunday Times*, популярной британской воскресной газете. Она

озаглавлена как «Пушкин пересекает лингвистический барьер» («Pushkin Crosses the Language Barrier») [AnAppointment..., p.17a]. Не требуется большого воображения, чтобы прочитать этот заголовок как «Пушкин пересекает границу Соединённого Королевства». Используя эскапистический подход, в котором всегда присутствует элемент выбора между службой Его Величеству и литературной карьерой, Джонстон смог представить пушкинский роман в стихах англоязычным читателям; его «Онегин» одет по всем правилам протокола. Более того, выбор этих ‘одежд’ может быть оправдан личностью переводчика и в то же время соответствовать, в большой степени, стереотипным образам, существующих на Западе, о русских культурных традициях.

Прежде всего, Джонстон посвящает свой перевод Высокопреподобной Матери Тамаре, бывшей настоятельнице монастыря на Елеонской горе в Иерусалиме. Тем самым он не только выражает своё глубокое почтение матери жены, но и всей русской царской семье, которая стояла во главе российского государства во времена Пушкина. Во-вторых, эмблема на титульном листе издания его перевода, напечатанного в ScholarPress, достаточно символична. Джонстон следующим образом объясняет этот выбор: «Я принял решение использовать эскиз Храма Дружбы, ротонду Камерона с колоннами, из парка в Павловске. Я выбрал это потому, что дружба занимала особое место в жизни Пушкина, и, в то же время, это объясняется более личными причинами: дворец в Павловске принадлежал дедушке моей жены, и там она проживала в раннем детстве, только за несколько лет до революции 1917 года» [AnAppointment..., p.16]³⁸.

Эти два примера дают представление о том, что ‘одежды’ «Онегина» не случайны: в них нашли своё отражение идеи Джонстона о службе отечеству и семье. В своём переводе романа Пушкина в стихах Джонстон достигнул того, о чем только может мечтать любой дипломат: он организовал *государственный визит* первого русского поэта сначала в Великобританию, а потом и в Соединённые Штаты Америки. За этим визитом последовала *встреча на высшем уровне*, на которой Пушкин говорил на своём языке и его понимали ‘все делегаты’ – читатели, представители культурной элиты – этих англо-язычных стран. Тем самым переводческая работа Джонстона способствовала развитию взаимоотношений между его страной и Родиной его супруги.

6. Заключение

³⁸ «I settled for an outline of the Temple of Friendship – Cameron’s colonnaded rotunda – in the park of Pavlovsk. I chose this because of the supreme importance of friendship in Pushkin’s life – and, more personally, because the palace of Pavlovsk had belonged to my wife’s grandfather, and she herself had lived there as a small child in the years immediately before the Revolution of 1917». (*перевод мой – А.П.*)

За всю свою почти 40-летнюю карьеру в Министерстве иностранных дел Джонстон никогда не работал ни в одной дипломатической миссии в СССР. Его же перевод «Онегина» свидетельствуют об обратном, о его службе в России. Уход Джонстона из жизни в 1986 году совпал с 50-летием его службы Отечеству в двух ипостасях, как дипломата и как автора-переводчика. В конце его жизни, в отставке, было просто невозможно их разделить. Эти полвека были также временем, которое он посвятил служению русской культуре, в особенности это относится к его работе над «Онегиным». В этом контексте заголовок неопубликованных мемуаров – «Встреча с Онегиным» – не случаен: Джонстона, переводя этот шедевр русской литературы на английский язык, всё ещё видит себя на дипломатическом посту. Он сам назначает себя на службу Его Величеству, чтобы подготовить и провести визит первого поэта России на Западе для англоязычной аудитории.

В мировой истории были и другие примеры переводчиков-дипломатов; в этом смысле Джонстон – только один из них. Между тем, он уникален, так как в его личности, как ни в какой другой, наблюдалось исключительно гармоничное существование её двух частей и их взаимное обогащение. Глубокое знание культуры, языка и истории, взращённое на благодатной почве семейных связей, было значимым для Джонстона-дипломата. В то же самое время, опыт работы за рубежом в различных дипломатических миссиях, с присущими им уникальными условиями и требованиями, позволил сделать перевод высочайшего класса. Немного перефразировав описание пишущей ручки переводчика, предложенного Жа, поэтом и переводчиком «Онегина» на мандарин, один из китайских языков, можно представить, что перо Джонстона, очевидно, было больше маленькой деревянной лодочки, держащейся на плаву в штормящем море³⁹. Джонстон был ‘бывалый моряк’ и смог предусмотреть всё, чтобы предотвратить стихийное бедствие. Все его действия, имеющие отношение к переводу, которые он тщательно планировал, помогли ему контролировать ситуацию и быть уверенным, что очередная огромная волна не накроет его лодку-писательское перо.

Список литературы

- Коллонтай А.М.* Дипломатические дневники 1922-1940 в 2-х томах. М.: Академия, 2001.
- Левин Ю.Д.* Новый перевод «Евгения Онегина» / Русская литература 1, 1981. С. 219-228.
- Пушкин А.С.* Евгений Онегин [1831]. London: Bristol Classical Press, 1991.

³⁹*Alexander Pushkin.* Ougen Aoniejin [In Mandarin]. Translated by Liangzheng Zha, Shanghai: Pingming Publishing, 1954.

'An Appointment with Eugene Onegin. Memoirs of a Translator' – 'Johnston 5/13/2 1986 Mar 7 – Apr 22', Liddell Hart Centre for Military Archives, King's College London.

'Escape'. Literary magazine produced at the British Embassy, Tokyo and edited by Charles (Hepburn) Johnston. Includes some of his poems and other writings. Johnston 2/9/1-16 1941 Feb 7-1942 Apr 13, Liddell Hart Centre for Military Archives, King's College London.

Eugene Onegin, a novel in verse [translated by Babette Deutsch] in *The Poems, Prose and Plays of Alexander Pushkin*. Selected and Edited, with an Introduction by Avraham Yarmolinsky. New York: Random House, 1936.

Eugene Onegin. Translated from the Russian of Alexander Pushkin by Dorothea Prall Radin and George Patrick. Berkeley, CA: University of California Press 1937.

Eugene Onegin. A novel in verse by Aleksandr Pushkin. Translated from the Russian with a Commentary by Vladimir Nabokov. London: Routledge & Kegan Paul, 1964.

James, C. 'Catacomb Graffiti', *London Review of Books*. Vol.1, N5 (1979), P. 18-19.

Johnston, C. (Written under Pseudonym Charles Hepburn), *Towards Mozambique and Other Poems*. London: Cresset Press, 1947.

Pushkin, Alexander, *Eugene Onéguine: A romance of Russian life*. Translated from the Russian by Lieut.-Col. [Henry] Spalding, London: Macmillan and Co, 1881.

Pushkin, Alexander *Evgeny Onegin* by A.S. Pushkin; translated by Oliver Elton and illustrated by M.V. Dobujinsky; with a foreword by Desmond MacCarthy. London: The Pushkin Press, 1937.

Pushkin, Alexander, *Eugene Onegin: A novel in verse*. The Bollingen prize translation in the Onegin Stanza by Walter Arndt . Critical Essays by Roman Jakobson, D.J. Richards, J. Thomas Shaw and Sona Stephan Hoisington. New York, NY: Dutton, 1963.

Pushkin, Alexander, *Eugene Onegin*. Translated by [Sir] Charles [Hepburn-] Johnston. London: Scolar Press, 1977.

Pushkin, Alexander, *Ougen Aoniejin* [In Mandarin]. Translated by Liangzheng Zha, Shanghai: Pingming Publishing, 1954.

Pushkin, Alexander, *Eugene Onegin: A Novel in Verse*. Translated and with an introduction by James E. Falen. Oxford and New York: Oxford University Press, 1990.

Tarvi, Ljuba, 'Comparative Translation Assessment: Quantifying Quality'. Helsinki: University of Helsinki, 2004.

Сотникова Е.С.
Челябинский государственный университет
г. Челябинск (Россия)

Sotnikova Yelizaveta
Linguistics and Translation, CSU
Chelyabinsk (Russia)

*СТИЛИСТИЧЕСКИЕ НЕСООТВЕТСТВИЯ ПЕРЕВОДОВ РУССКОЯЗЫЧНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «МЫ»*

Е.ЗАМЯТИНА

*STYLISTIC DIFFERENCES BETWEEN RUSSIAN LITERATURE AND ITS ENGLISH
TRANSLATION (BASED ON NOVEL “WE” BY E. ZAMYATIN)*

В данной статье автор на примере романа «Мы» Евгения Замятина и его англоязычного перевода рассматривает стилистические несоответствия, возникающие в результате перевода из-за структурных различий в языках оригинала и перевода.

This article deals with the stylistic differences occurring as a result of translation due to the structural differences of the languages. The article is based on the analysis of a roman “We” by Yevgueni Zamyatin and its English version.

Ключевые слова: перевод, стилистика, стилистические несоответствия, метафора, литература.

Key words: stylistics, stylistic differences, metaphor, literature.

Оригинал или перевод – вот в чем вопрос. Утверждение, что книги нужно читать в оригинале, всегда оспаривалось и обсуждалось. Для незнающих язык людей перевод становится единственной возможностью прочесть книги иностранного автора, но из-за различий в структуре языков возникают ситуации, когда переводчик не может полностью передать смысл фразы.

Особые изменения при переводе претерпевают произведения, написанные на языках со свободным порядком слов. Так, русская литература ставит перед переводчиками непосильную задачу перевода того или иного оборота с сохранением первоначального смысла и коннотаций. К сожалению, такое не всегда возможно, поскольку восприятие языковых средств носителем языка более глубокое, нежели у тех, кто этот язык изучает.

Роман Евгения Замятина «Мы» и стиль автора очень интересны с точки зрения стилистики, ведь Замятин использует большое количество неполных предложений и определений, которые расшифровываются скорее на уровне ощущений и восприятия, чем грамматически и по смыслу. Разумеется, наиболее любопытно будет проследить то, как это отразилось на переводах романа. Рассмотрим первое издание данной книги, опубликованное на английском языке в 1924 г., в сравнении с русскоязычным оригиналом текста.

В первую очередь необходимо выделить основные стилистические особенности русскоязычного текста. К ним относится частое использование терминологии, обилие неполных предложений, капитализация, эпитеты, внутренние монологи героев, оксюмороны, повествование от первого лица и своеобразные метафоры. Литературный критик Вольфганг Казак отмечал, что «Замятин – блестящий стилист, оказавший сильное влияние на многих русских писателей. Он писал в стиле «орнаментальной прозы» А. Ремизова, доведя её до сатирического, часто гротескного сюрреализма, который называл неореализмом. В стремлении Замятина к ясным повествовательным структурам и математическим метафорам сказывается его инженерное образование» [Литература, Эл. ресурс].

Для проведения сравнительного анализа нами были отобраны случайные фрагменты текста оригинала, опубликованного в 1989 году, и найдены соответствующие им фрагменты текста перевода от 1924 года. Данное несоответствие дат вызвано запретом на публикацию данного произведения на территории СССР, именно поэтому книга была сначала переведена на европейские языки и опубликована в Европе и США, и лишь спустя полвека её увидела российская аудитория.

Рассмотрим первый пример:

Через 120 дней заканчивается постройка ИНТЕГРАЛА (стр.307).	In another hundred and twenty days the building of the <i>Integral</i> will be completed (p. 3).
---	--

Уже в первых предложениях романа можно наткнуться на стилистические несоответствия. В оригинальном тексте использовано числительное «120», написанное цифрами, текст перевода же предлагает версию «Hundred and twenty». Для обоих литературных языков (русского и английского) характерно написание числительных словами, но Замятин не случайно использует именно такую запись, с самого начала настраивая читателей на грядущее обилие математических терминов и вообще на строго логический характер мышления персонажей.

Ещё одно стилистическое несоответствие – это манера выделения слова «Интеграл». «Интеграл» в данной книге – это космический корабль, чьей миссией станет изучение и покорение других планет, подчинение «благодетельному игу разума» неведомых существ, пребывающих, быть может, «в диком состоянии свободы». Неслучайно герой книги в самой первой своей записи пишет это священное для него название заглавными буквами, тем самым подчёркивая его исключительную важность, однако в переводе тип выделения изменён с капитализации на курсив. Курсив является типичным способом выделения названий в английском языке, из-за чего первоначальный смысл выделения теряется, и «Интеграл» перестаёт быть важным, становясь ничем не примечательным названием.

В следующем примере явным различием является выбор пунктуации:

– Где... где вы достали этот... этот яд? (с. 344)	"Where, where did you get this poison?" (p.54)
---	--

Использование многоточий, указывающих на прерывистость речь героя, в английском переводе встречается очень редко. Вместо этого переводчик использует запятые, либо вообще избегает повтора слова, что значительно меняет интонацию произнесения фразы, делая её более энергичной и целостной.

Как уже отмечалось выше, одной из характерных особенностей стиля автора является использование коротких простых предложений. В случае если предложение сложное, оно, скорее всего, бессоюзное и содержит большое количество необычной пунктуации. Следующий пример является ярким подтверждением этому факту.

Уж не знаю как – I выскользнула. И вот – глаза задёрнуты этой проклятой непроницаемой шторой – она стояла, прислонившись спиной к шкафу, и слушала меня (с.345).	I do not remember how, but I-330 slipped away and I saw her straighten, her head raised high, her eyes overlaid by that cursed, impenetrable curtain. She stood leaning with her back against the closet door and listening to me (p.54).
---	---

В данном фрагменте можно также видеть, что в тексте перевода добавлены подробности, которых нет в тексте оригинала: «... and I saw her straighten, her head raised high...». Ещё один приём, широко используемый Замятиным – это обособление при помощи тире, которое в англоязычном тексте представлено либо при помощи запятых, либо скобок, либо не используется вообще.

Особую проблему для переводчиков всегда составляют лакуны или концепты, уникальные для той или иной культуры. В таком случае не всегда ясно, как поступить со словом или выражением: воспользоваться описательным переводом, сделать примечание, изобрести неологизм или просто опустить информацию.

<p>Душа? Это странное, древнее, давно забытое слово. Мы говорили иногда «душа в душу», «равнодушно», «душегуб», но душа – Это... очень опасно, – пролепетал я. – Неизлечимо, – отрезали ножницы (с.365).</p>	<p>A soul? That strange, ancient word that was forgotten long ago. "Is it... v-very dangerous?" I stuttered. "Incurable," was the cut of the scissors (p.84).</p>
--	---

Первое, что бросается в глаза – отсутствие целого предложения. В данном случае проблема гораздо глубже, нежели просто несоответствие стилистики. Здесь речь идёт уже о концептах и о различии значений слов «душа» и «soul». В английском языке просто не существует слов с корнем «soul», которые можно считать эквивалентами словами «душегуб» или «душа в душу». Наиболее близкие выражения в английском языке – это «murderer» и «live in (perfect) harmony», использование которых было бы явным нарушением стилистической задумки автора.

Другое различие двух текстов заключается в разнице семантики слов «лепетать» и «stutter». Лепетать – значит говорить тихо, несвязно и неразборчиво, а stutter имеет значение «заикаться, запинаться». Использование графона «v-very» таким образом лишь подчёркивает значение использованного глагола и отдаляет смысл перевода от оригинальной задумки автора.

Е. Замятин, как уже отмечалось, использует большое количество метафор, как стандартных, так и необычных. Метафоры не всегда возможно дословно перевести с одного языка на другой, поскольку те ассоциации, на которых они построены, базируются на уникальных культурных концептах.

<p>Я ещё крепче вцепился в тончайшую руку: мне жутко было потерять спасательный круг (с.366).</p>	<p>I pressed the thin hand; I was afraid to loosen the safety belt (p. 85).</p>
---	---

Упомянутые метафорический «спасательный круг» и аналогичная метафора «safety belt» в английской версии в данном случае не вносят особенных различий в стилистику фрагментов. Однако рассмотрим другой пример использования метафоры.

– Да, чудесно. Весна, – розово улыбнулась мне О-90 (с.309).	“Yes, wonderful. Spring!” she replied, with a rosy smile (p. 159).
---	--

В русскоязычной версии героиня О-90 «розово улыбнулась», а в английской версии она «ответила с розовой улыбкой». «Розово улыбнуться» – это метафора, выраженная в форме эпитета, она подчёркивает всю сущность героини, а в английской версии данная метафора потеряна.

Ещё одно различие, встречающееся в данном фрагменте и во всем переводе в целом, – замена имён личными местоимениями. Замятин регулярно использует имена героев, возможно, слегка излишне, но этим он вновь и вновь подчёркивает математический склад всего описываемого общества. Кроме того, в тексте практически нет прямых описаний внешности персонажей, они описываются через эпитеты и метафоры, но их математические имена-коды, несмотря на кажущуюся простоту, тоже являются косвенными описаниями их внешности и характеров. Так, розово улыбающаяся О-90 соответствует своей букве «О» – такая же круглая, удивлённая и округлая. Другая героиня, I-330, такая же тонкая и острая, как и называющая её буква, а главный герой, Д-503, мужчина, широкий и сильный, как и буква «Д».

Следующий отрывок представляет собой один из лучших примеров того, насколько различия в пунктуации меняют восприятие текста.

Да, эпилепсия – душевная болезнь – боль... Медленная, сладкая боль – укус – и чтобы ещё глубже, ещё больше. И вот, медленно – солнце. Не наше, не это голубовато- хрустальное и равномерное сквозь стеклянные кирпичи – нет: дикое, несущееся, опаляющее солнце – долой всё с себя – все в мелкие клочья (с.318).	Yes, epilepsy, a mental disease, a pain. A slow, sweet pain, bite, and it goes deeper and becomes sharper. And then, slowly, sunshine – not our sunshine, not crystalline, bluish, and soft, coming through the glass bricks. No, a wild sunshine, rushing and burning, tearing everything into small bits...(p. 18).
--	---

В переводе тире заменены на запятые, что превращает обособление в перечисление. Таким образом, эпилепсия перестаёт быть душевной болезнью, а сладкая боль – это уже не укус, а два параллельных явления, существующих независимо друг от друга. В этом фрагменте встречается также семантическое несоответствие слов

«солнце» и «sunshine». В тексте оригинала автор упоминает солнце как звезду, которая движется по небу, в то время как слово «sunshine» сопоставимо с русским выражением «солнечный свет».

Как уже упоминалось в начале статьи, исследователи отмечают частое использование оксюморонов. Перевод данного стилистического приёма не вызывает сложностей, и это иллюстрируется целым рядом примеров: «дикое состояние свободы» – «wild state of freedom», «наш долг заставить их быть счастливыми» – «our duty will be to force them to be happy», «благодетельное иго разума» – «grateful yoke of reason», «благодетельные тенеты счастья» – «salutary net of happiness».

Как видно из приведённых выше цитат, возникновение различий между оригиналом и переводом неизбежно из-за несоответствий в грамматиках языков. Основная особенность русского языка, и в частности языка Е.Замятина, это обилие неполных предложений, дословный перевод которых влечёт за собой потерю смысла. То, что носителю языка понятно интуитивно, всегда требует раскрытия при переводе. Порядок слов в русском языке играет намного более важную смысловую роль, чем в английском или французском, где места членов предложения практически неизменны. Многозначность слов английского языка также затрудняет понимание, ведь зачастую два-три значения могут удачно «вписаться» в контекст, передавая общую идею, но авторский смысл будет утерян.

Таким образом, можно сделать вывод, что основной особенностью русскоязычных текстов является необычайная точность используемых в них слов и конструкций, оттенок которых улавливается только носителями языка. Это, разумеется, создаёт определённые преграды, как для переводчиков, так и для иностранных читателей русской литературы. Как сказал однажды французский философ и лексикограф Пьер Буаст, «перевод есть не более чем гравюра; колорит неподражаем».

Список литературы

Замятин Е. Мы // Избранное М.: «Правда», 1989. С. 307-462.

Литература [Электронный ресурс] / 2010. – Режим доступа: <http://zamyatin.lit-info.ru/review/zamyatin/001/78.htm>

Zamiatin, E. We / перевод с русского Gregory Zilboorg. NY: Dutton, 1924. 218 p.

Томашева И.В.

Ковалевич Е.П.

Армавирская государственная педагогическая академия
г. Армавир (Россия)

Tomasheva Irina

Kovalevich Elena

Armavir State Pedagogical Academy
Armavir (Russia)

ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ НАИМЕНОВАНИЙ ПРОФЕССИЙ

В АНГЛИЙСКОМ, ИСПАНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

POLITICALLY CORRECT NAMES OF JOBS IN ENGLISH, SPANISH AND RUSSIAN

В статье рассматривается политкорректный аспект номинации непрестижных профессий в английском, испанском и русском языках. На основе анализа точек зрения на суть политкорректности как культурного и языкового феномена выявляется эвфемистичный характер её реализации. Обращается внимание на когнитивный механизм употребления эвфемизмов для номинации непрестижных профессий. Эвфемизация происходит на основе генерализации значения слова, утраты пейоративных сем и замены их на мелиоративные. Действие семантического механизма заключается в перегруппировке семантических признаков и устранению некоторых из них. При этом наблюдается расширение объёма семантики слова. Политкорректность наименований профессий в английском и испанском языках имеет общие черты и проявляется в создании новых перифрастических комбинаций с использованием в лексических единицах корневых морфем латинского происхождения. Политическая корректность стремится не только смягчить истинный смысл происходящего, но и защитить средствами языка людей, вынужденных заниматься неквалифицированным монотонным трудом.

In the article, politically correct aspects of workplace nomination in the English, Spanish and Russian languages are considered. Its euphemistic character is revealed due to the analysis of political correctness as a cultural and language phenomenon. The cognitive mechanism of name-changing for second-rate jobs by means of euphemisms is highlighted. The euphemistic process is realized through generalization of the word meaning, loss of pejorative semes and their replacement by meliorative ones. The mechanism consists in re-grouping of semantic attributes and removing some of them, which leads to broadening of the word meaning. There are some common features for the process of making job titles politically correct in English and Spanish: new word combinations of periphrastic character with root lexemes of Latin origin are used. Politically correct job titles are aimed at showing concern for those who have to do these jobs and make them feel a better person.

Ключевые слова: политкорректность, непрестижные профессии, эвфемизация, когнитивный механизм, семантические признаки, генерализация.

Key words: political correctness, second-rate jobs, euphemistic process, cognitive mechanism, semantic attributes, generalization.

В настоящее время мы являемся свидетелями тому, как русский язык подвергается воздействию английского языка в его американском варианте. Учёные справедливо замечают, что этому процессу оказываются подвержены «многие давно

сложившиеся языки и культуры, носители которых могут относиться к происходящему по-разному, однако процесс этот, похоже, не слишком зависит от воли и мнения отдельных людей и носит вполне объективный характер» [Полубиченко, 2003]. Особенно активно в последние годы разворачивается процесс внедрения в русскую культуру идеологии политкорректности и политкорректных терминов: как через прямое заимствование из английского языка, так и посредством создания соответствующих слов по аналогии, на основе соответствующих ресурсов русского языка. Всё чаще употребляются политкорректные слова – в повседневной жизни, в политическом, экономическом, медийном дискурсе. Используя политкорректный язык и заменяя слова, дискриминирующие определённые социальные группы, говорящий демонстрирует толерантное к ним отношение. В ходе развития этого процесса само понятие политической корректности постепенно меняется и наполняется новым содержанием.

Обратимся к истории возникновения понятия. Термин «политическая корректность», или «политкорректность» (англ. *political correctness*, исп. *LPC – lenguaje políticamente correcto*) впервые появился в конце XX века в США, а затем в других странах мира. Определить точное время употребления этого выражения не представляется возможным. Полагают, что термин стал использоваться в начале 90-х годов XX века. Импульсом к возникновению данного явления послужила работа А. Мазруи «Политическая социология английского языка» [Тер-Минасова, 2000, с. 24-25]. Есть мнение, что появлению словосочетания «политическая корректность» предшествовало выражение «правильное (корректное) мышление» (англ. *correct thinking*) [Safire, 1981, p. 43]. Следует подчеркнуть, что большинство работ, исследующих политкорректность, касается в основном английского и русского языков, в то время как в зарубежной и отечественной испанистике относительно данной проблемы встречаются лишь отдельные замечания и наблюдения [Якушкина, 2009; Busquet, 2006].

По мнению ряда специалистов, «политкорректность – утвердившееся в США понятие-лозунг, демонстрирующее либеральную направленность американской политики. Политкорректность имеет дело не столько с содержанием, сколько с символическими образами и корректировкой языкового кода. Речь декодируется знаками антирасизма, экологизма, терпимого отношения к национальным и сексуальным меньшинствам, борьбы со СПИДом. Терпимость манифестируется в смягчённых выражениях» [Комлев, 2006, с. 279-280].

Составители лингвострановедческого словаря «Американа» интерпретируют термин *politically correct* как «общественно приемлемый», то есть такой, который «относится к формулировкам, отобранным с целью не оскорбить и не задеть представителей какой-либо этнической, социальной и т.п. группы». Подобными, например, считаются языковые единицы *African-American, financially challenged, hearing impaired, senior* в отличие от неприемлемых *Negro (black), poor, deaf, old, etc.* [Американа, 1996, с. 750]. Аналогичная ситуация наблюдается и в испанском языке: *personas mayores, personas de la tercera edad en vez de viejos* (пожилые люди, или люди в возрасте вместо старые), *países subdesarrollados o tercermundistas en vez de pobres* (неразвитые страны, или страны третьего мира вместо бедные), *persona con una minusvalía visual en vez de ciego* (люди с дефектом зрения вместо слепые), *institución penitenciaria en vez de cárcel* (исправительный институт вместо тюрьма).

Исследователи расходятся во мнениях по поводу толкования понятия «политическая корректность». Последняя трактуется как особая идеологическая реалья, языковое движение, культурно-поведенческая и языковая тенденция, языковая толерантность и др. В известной книге профессора С.Г. Тер-Минасовой содержится наиболее ёмкое и адекватное определение термина: «Политическая корректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п.» [Тер-Минасова, 2000, с. 216]. Обращает на себя внимание тот факт, что речь идёт о политической корректности языка, но совершенно очевидна неразрывная связь этого явления с культурой общества, на данном языке говорящего. Ведь «язык является носителем культурного знания, орудием культуры: в основном с помощью языка, через язык мы познаем мир и самих себя, поскольку язык называет, выражает знание и познание». Вместе с тем автор находит термин «политическая корректность» не совсем удачным, так как слово «политическая» подчёркивает выбор по политическим, а значит неискренним мотивам в противоположность искренней заботе о человеческих чувствах, стремлению к тактичности, к языковому проявлению хорошего отношения к людям» [там же, с. 215]. Взамен С.Г. Тер-Минасова предлагает термин «языковой такт» (*linguistic tact*). В испанистике использование термина относится в основном к сфере языка – *lenguaje políticamente correcto, palabra (vocabulario) políticamente correcta*.

Продолжая разговор о сути явления, одни исследователи полагают, что политическую корректность можно определить как «поведенческий и языковой феномен, отражающий стремление носителей языка преодолеть существующую в обществе и осознаваемую обществом дискриминацию в отношении различных членов этого общества» [Цурикова, 2001, с. 94]. По мнению других, политкорректность представляет собой «запрещение обсуждать негативные стороны собеседника и его группы самоидентификации» [Шульгин, 2003, с. 56].

А.Г. Стихин считает, что применительно к языковым явлениям более подходящим может стать термин «коммуникативная корректность», тогда как политическая корректность подразумевает комплекс проблем не только лингвистического, но и этического и философского характера» [Стихин, 1995, с. 138]. Сходное мнение высказывает Ю.Л. Гуманова, говоря о политической корректности как о «нормировании коммуникативных процессов определённым образом» [Гуманова, 1999, с. 7].

И.А. Стернин причисляет политическую корректность к лакунарным или эндемичным коммуникативным категориям, характерным для англоязычного западного мира [Стернин, 2003, с.335-336]. Искомое понятие действительно можно рассматривать как совокупность норм, установок языкового общения, которая включает как информационно-содержательный, так и прескрипционный аспекты. Тем не менее, если анализировать политическую корректность во всем многообразии её значений, можно сделать вывод о том, что она выходит за рамки коммуникации, охватывая широкий спектр культурных, идеологических и социальных проблем.

Наконец, политическая корректность может трактоваться и как совокупность культурных установок, реализация которых происходит через критическое переосмысление господствующих социокультурных стереотипов и пересмотр общепринятых поведенческих и языковых норм вплоть до сознательного отказа от них в пользу новых, призванных в большей степени соответствовать духу времени [Палажченко, 2004].

Исходя из вышеперечисленных определений, можно говорить о многогранности, многоаспектности понятия «политическая корректность». Тем не менее, если обобщить эти определения, то представляется возможным выделить два существенных момента. Первое, политическая корректность рассматривается как культурно-поведенческий феномен, тесно связанный с идеологией и политикой. Второе, некоторые исследователи выделяют языковой аспект политической корректности, который проявляется в поиске новых средств языкового выражения и

корректировке языкового кода. Культурно-поведенческий аспект политической корректности, по мнению ряда исследователей, является доминирующим.

В России политкорректность стала рассматриваться в качестве предмета научного анализа лишь в конце 90-х годов прошлого столетия. Первые исследования в этой области затрагивали социолингвистические аспекты и описывали её как сложный социокультурный феномен. Отечественные исследователи политической корректности всегда употребляли сам термин в кавычках, возможно, в силу того, что не могли до конца определиться со своим отношением к этому культурному феномену. Сегодня термин «политическая корректность» употребляется преимущественно без кавычек. Такое положение дел свидетельствует о том, что за данным явлением признано право на существование, хотя едва ли принципы и идеи политкорректности сделаются популярными в нашей стране в ближайшем будущем.

Известно, что различия в языковых нормах вежливости проистекают из различий в культурах. Большинство западных культур (в частности, англоязычные, испанская) являются по своей сути индивидуалистскими, в то время как русская принадлежит к культурам коллективистским. По мнению лингвистов, истоки непопулярности данного явления берут своё начало в самом русском языке. С.Г. Тер-Минасова полагает, что английский язык в целом более вежлив, более чуток по отношению к чувствам отдельной личности, чем русский, и объясняет это историческими и социальными причинами. Для английской ментальности всегда было свойственно бережное отношение к личности, уважение её интересов, чувств и переживаний. Неудивительно поэтому, что именно английский язык стал той благодатной почвой, на которой возник и возделывается феномен политической корректности.

Политическая корректность представляет собой не только систему теоретических воззрений, но и находит практическое применение, прежде всего, в стремлении изменить традиционные нормы словоупотребления современном английском языке. Попытки реформировать язык основываются на гипотезе лингвистической относительности, согласно которой, язык является важнейшим орудием мышления и восприятия действительности, и, в конечном итоге, мышление члена некоторой этнической и культурной общности зависит от языка и только от него [Safire, 1981, p. 124-125]. Таким образом, сторонники политической корректности полагают, что, изменив язык, можно коренным образом поменять формы мышления. По мнению специалистов, течение политической корректности использует лингвистику для поиска тех черт обыденного языка и речевого поведения, которые сложились под

влиянием традиционной культуры и навязывают современным носителям языка различные представления, связанные с неравенством и несправедливостью [Палажченко, 2004, с. 81-82].

Российские ученые, занимающиеся проблемой политической корректности, полагают, что по своим функциям политически корректные слова и выражения однотипны с эвфемизмами. Для анализа эвфемизмов в аспекте политической корректности необходимо ещё раз вернуться к главной цели политической корректности – преодолению различных видов дискриминации, в том числе:

1) расовой и этнической; 2) половой принадлежности; 3) по социальному статусу (людей с низкими доходами или не престижной работой); 4) возрастной; 5) по состоянию здоровья (в основном людей с физическими или умственными отклонениями); 6) по внешнему виду [Панин, 2004].

В нашей статье мы сосредоточим внимание на третьей группе эвфемизмов, поскольку именно они представляют собой языковое проявление политической корректности в сфере наименований непрестижных профессий. Люди часто бессознательно разделяют профессии на престижные и не престижные, хотя в разных социумах «престиж» понимается по-разному и меняется со временем, вследствие чего эвфемизация наименований непрестижных профессий представляется интересным в социокультурном аспекте процессом. В первую очередь, это касается области неквалифицированного монотонного труда, не требующего особой длительной подготовки и творческого подхода. Так, примерами эвфемистических замен мало-престижных профессий могут служить следующие словосочетания: *mobile nutritional dispatch agent* (мобильный агент по доставке питания) вместо *pizza delivery boy*, *logistics officer* (сотрудник логистики) вместо *lorry driver*, *modality manager* (специалист по воздействию) вместо *nurse*.

О социальной функции эвфемизмов пишет в своей работе Хоан Бускет: “*El eufemismo cumple, pues, la función social de designar un objeto insoportable o enojoso y los efectos desagradables o molestos de este objeto sin nombrarlos expresivamente*” [Busquet, 2006, p.79]. Так обозначаются профессии и род занятий: *El jefe de los camareros* (старший над официантами) – *maitre* (метродотель), *el cocinero* (повар) – *el chef*, *el azafato* (стюард) – *el auxiliary del vuelo*, *el perito* (эксперт) – *el ingeniero técnico*, *el médico* – *el doctor*.

Эвфемизация реализуется за счёт генерализации значения слова, утраты пейоративных сем и их замены на мелиоративные. Что касается схемы действия семантического механизма, то она в основном сводится к перегруппировке семантических признаков и устранению некоторых из них. Механизм, действующий

при создании политкорректных единиц, можно назвать механизмом когнитивной адаптации опыта, так как именно опыт взаимодействия с окружающим миром даёт возможность построения определённых категорий и классификаций объектов и явлений. Например, раньше стюардессами работали только девушки, и в испанском языке существовало только слово *azafata* (стюардесса), а сегодня, когда стало много молодых людей стюардов, а слово *azafata*, которое по-прежнему звучит странно, заменяется нейтральным *auxiliar de vuelo* (бортпроводник) [Перес, 2013].

Группа наименований непрестижных профессий подлежит замене по причине «неприятной» мотивировки внутренней формы, что объясняется наличием эмоциональных коннотаций. Тем не менее, во всех странах существует потребность в рабочей силе, которая должна выполнять тяжёлую работу, малопривлекательную для местных граждан. Как правило – это сезонный труд в сельском хозяйстве: сбор урожая и проч. (*crop harvester*), в перерабатывающей промышленности (*process operative*) или в сфере обслуживания (*sale assistant*). Поскольку общество не может обойтись без данных профессий, то единственный способ придать им вес и значимость – это заменить названия некоторых должностей более благозвучными. Поэтому место уборщиц в гостиницах (*hotel cleaning lady*) занимают сотрудники гостевого сервиса (*hospitality executive*), регистраторов в отелях (*receptionist*) именуют принимающими представителями и телефонными посредниками (*welcoming agent and telephone intermediary*), а заправщики на автостоянках (*petrol pump assistant*) превращаются в инженеров по передаче топлива (*petroleum transfer engineer =fuel injection engineer*).

В испанском языке применительно к сфере обслуживания используются следующие замены. В сфере услуг: уборщица – *limpiadora*, *barrendera* – *mujer de la limpieza*, *personal de la limpieza*, *operario de servicios generales*; санитарка – *enfermera*, *sanitario* – *asistente de hospital*, *auxiliar de aseo*, *personal especializado en el sector sanitario*; домработница – *sirvienta*, *doméstica* – *asistentita*, *empleada en el hogar*; массажист – *masajista* – *técnico en salud hostilica*; сантехник – *fontanero*, *plomero* – *personal de mantenimiento e instalación de descacificadores domésticos*, *operario en fontanería*. В сферестроительства: разнорабочий – *trabajador manual* – *obrero no especializado*, *peón*; сварщик – *soldador* – *operario de maquinaria*, *montador mecánico industrial*. В сфересельского хозяйства и животноводства: садовник – *hortelano*, *jardinero* – *especialista en jardinería*, *peón agrícola*, *personal de jardinería*; пастух – *pastor* – *socio para ganado*, *persona que sepa llevar cabras por montaña*, *trabajador para explotación ganadera*; конюх – *novio* – *mozo de cuadra*, *peón para mantenimiento de granja*.

Как видим, когнитивные механизмы, лежащие в основе переосмысления действительности, и семантические механизмы, используемые языком, чтобы зафиксировать изменения в категориальных схемах и классификациях объектов, заключаются в расширении объёма семантики слова, в том числе за счёт увеличения экстенционала.

В испанском языке для этого используются следующие лексические единицы: **auxiliary** (Dellat. *auxiliāris*). **4.com.** En los ministerios y otras dependencias del Estado, funcionario técnico o administrativo de categoría subalterna. ~ **de vuelo. 1.com.** Persona destinada en los aviones a la atención de los pasajeros y de la tripulación. ~ **técnico, ca sanitario, ria. 1.com.** Profesional titulado que, siguiendo las instrucciones de un médico, asiste a los enfermos, y que está autorizado para realizar ciertas intervenciones de cirugía menor; **empleado, da.** (Del part. de *emplear*). **1.m. yf.** Persona que desempeña un destino o empleo. ~ **de hogar. 1.m. yf.** Persona que por un salario o sueldo desempeña los trabajos domésticos o ayuda en ellos. **personal.** (Del lat. *personālis*). **3.m.** Conjunto de las personas que trabajan en un mismo organismo, dependencia, fábrica, taller, etc. **5. m.** Conjunto de personas, gente. **operario, ria.** (Del lat. *operariŭs*). **1.m. yf.** obrero (|| trabajador manual). **técnico, ca.** (Del lat. *technicus*,). **7. f.** Habilidad para ejecutar cualquier cosa, o para conseguir algo. **socio, cia.** (Del lat. *sociŭs*). **1.m. yf.** Persona asociada con otra u otras para algún fin. **trabajador, ra.** **3.m. yf.** Jornalero, obrero. **encargado, da.** (Del part. de *encargar*). **1.adj.** Que ha recibido un encargo. **mozo², za.** (De or. inc.). **5.m.** Hombre que sirve en las casas o al público en oficios humildes. **peón¹.** (Del lat. *pedo*, *-ōnis*). **1. m.** Jornalero que trabaja en cosas materiales que no requieren arte ni habilidad. **7. m.** Persona que actúa subordinada a los proyectos e intereses de otra. ~ **camintero. 1. m.** Obrero destinado a la conservación y reparación de los caminos públicos. ~ **de mano. 1. m.** *Constr.* Operario que ayuda al oficial de albañil para emplear los materiales. **asistente.** (Del lat. *assistens*, *-entis*, del ant. part. act. de *asistir*). **3. m.** Funcionario público que en ciertas villas y ciudades españolas, como Marchena, Santiago y Sevilla, tenía las mismas atribuciones que el corregidor en otras partes. ~ **social. 1.com.** Persona titulada, cuya profesión es allanar o prevenir dificultades de orden social o personal en casos particulares o a grupos de individuos, por medio de consejo, gestiones, informes, ayuda financiera, sanitaria, moral, etc.) [DRAE, 2001].

Эвфемистичные замены, будучи эмоционально нейтральными лексическими единицами, употребляются вместо прямых наименований, которые представляются говорящим непривлекательными и не вызывающими желания заниматься этим трудом.

Политкорректность наименований профессий в английском и испанском языках имеет общие черты и проявляется в создании новых перифрастических комбинаций на

основе использования лексических единиц с корневыми морфемами латинского происхождения: *assistant* – *asistente*; *operative* – *operario*; *personnel* – *personal*, *specialist* – *especialista*; *technician* – *técnico*.

Процесс генерализации снижает пейоративность наименований и смягчает отрицательную эмоциональную коннотацию, изменяет прагматику, повышая статус профессии. Таким образом, политическая корректность стремится не просто смягчить истинный смысл происходящего, а защитить средствами языка людей, вынужденных работать в сфере непрестижных профессий. Языковые изменения призваны исправить реальную или предполагаемую дискриминацию в социуме.

Список литературы

- Гуманова Ю.Л. Политическая корректность как социокультурный процесс (на примере США). М: МГУ имени М.В. Ломоносова, 1999. 36 с.
- Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М.: ЭКСМО Пресс, 2006. 672 с.
- Палажченко М.Ю. К вопросу о политической корректности, настоящей и мнимой, и политике двойных стандартов / Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2004. № 1. С. 81-89.
- Панин В.В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория. Тюмень, 2004. 217 с.
- Перес К. Блог об Испании, Латинской Америке и испанском языке. [Электрон. ресурс] / К. Перес. 2013. – Режим доступа: <http://blog.centroadelante.ru/lpc>
- Полубиченко Л.В. Новые аспекты англо-американского влияния на русский язык и культуру / Теория перевода. Межкультурная коммуникация. Сопост. лингвистика. 2003.
- Стернин И.А. Коммуникативное и когнитивное сознание (С любовью к языку). [Электрон. ресурс] / И.А. Стернин. 2002. – Режим доступа: <http://www.philology.ru>
- Стихин А.Г. Лингвистический аспект коммуникативной корректности. Язык и этнический менталитет. Петрозаводск, 1995. С. 138-142.
- Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 264 с.
- Цурикова Л.В. Политкорректность как социокультурный прагмалингвистический феномен // Эссе о социальной власти языка. Воронеж: ВГУ. 2001. С. 94-102.
- Шульгин Н.Н. За горизонтами политкорректности / Вопросы философии. 2003, № 6. С. 54-68.
- Якушкина К.В. Лексико-грамматические средства эвфемии в языке газет Испании. С.-Пб., 2009. 206 с.
- Americana English-Russian Encyclopedic Dictionary / Под ред. проф. Г.В. Чернова. М.: Полиграмма, 1996. 1208 с.
- Busquet Joan La utilización del lenguaje para enmascarar la realidad (¿Hay que cambiar las palabras para cambiar las cosas?). Intercanvis de psicoanàlisi 19. [Электрон. ресурс] / JoanBusquet. 2006. – Режим доступа: http://intercanvis.es/autor/joan_busquet.html
- Diccionario de la Real Academia Española (DRAE). [Электрон. ресурс] / Diccionario de la Real Academia Española. 2001. – Режим доступа: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>
- Safire, W. On Language / W. Safire. TimesBooks, 1981. 331 p.

Ундрицова М. В.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва (Россия)

Undritsova Maria
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

*МЕНЮ КАК ТЕКСТОВАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
И ОСОБЕННОСТИ ИХ РЕГИОНАЛЬНО-ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ*

*MENU AS A TEXTUAL VARIETY OF GASTRONOMIC DISCOURSE AND PECULIARITIES
OF ITS TRANSLATION AND REGIONAL ADAPTATION*

В настоящей статье рассматриваются особенности реализации и воплощения гастрономического дискурса в текстах, отражающих быт, нравы и культуру народов. Под гастрономическим дискурсом понимается особый вид вербально-социального дискурса, целью которого становится достижение глоттонической коммуникации. Объектами данного вида дискурса являются тексты различной функциональной спецификации, среди которых одно из важных мест занимает меню, обладающее своими специфическими лингвокультурологическими характеристиками. Уделяется внимание прагматической функции языка меню, созданного для оптимизации положительного восприятия. Анализируются лингвокультурологические особенности наименований блюд, изменяющихся в зависимости от локализации ресторана и интенций рестораторов. Исследуются стилистические, грамматические и лексические особенности текстов описаний блюд. Разбираются варианты переводов наименований блюд и их описаний, а также трудности, с которыми сталкивается переводчик при работе с текстами на русском, английском и французском языках.

The article deals with strategies, methods and techniques in the translation of texts representing life and customs of different peoples. Gastronomic discourse is a special kind of verbal and social discourse, the aim of which is to achieve a gastronomic communication. Objects of this type of discourse include texts of different functional specification, among which menu occupies an important place and has its own special lingvo cultural characteristics. Special attention is paid to the pragmatic function of a menu language designed to create a favorable impression on the restaurant visitors. The author also analyses lingvo cultural features, which vary according to the restaurant location and restaurateurs intentions. Stylistic, grammatical and lexical features of dishes descriptions are studied. Different variants of translations of the names of the dishes and their descriptions, as well as difficulties which translator faces while working with texts in Russian, English and French are analysed.

Ключевые слова: глоттонический (гастрономический) дискурс; перевод меню; прагматическая функции; языковые игры; метафора

Keywords: gastronomic discourse; translation of the menu; pragmatic function; language games; metaphor

1. К определению понятия. Глуттонический (гастрономический) дискурс, будучи одним из самых употребляемых, занимает важное место в социальной коммуникации. Под гастрономическим дискурсом мы понимаем особый вид вербально-социального дискурса, целью которого является достижение глуттонической коммуникации. Это фрагмент текста или речи, связанный с процессом питания, при котором учитываются участники, условия, способы общения, среда, в которой протекает разговор, место и время коммуникации, цели и мотивы, а также жанр и стиль речи.

Объектами данного вида дискурса являются тексты различной функциональной спецификации: кулинарные книги, фрагменты художественных произведений, гастрономическая реклама, кулинарные передачи, меню и т.д.

В настоящей статье рассматривается такой вид гастрономического текста, как меню. Меню является особым типом глуттонического дискурса, который обладает своими специфическими особенностями. Рецепиентом, погруженным в гастрономический дискурс, в данном случае выступает лицо, знакомящееся с меню, в то время как адресатом становится работник кафе, ресторана, бара. Хроносом в этом случае является момент, близкий к принятию пищи. Место осуществления дискурса - объекты общественного питания.

Язык меню, как правило, создан для того, чтобы произвести благоприятное впечатление на посетителя ресторана, кафе, бара и т.д. И чем диковинней и красивей название и его описание, тем больше возникает желание попробовать невиданное новшество. «Меню создаются для того, чтобы соблазнить клиента и привлечь его внимание к определенному блюду» (перевод мой – М.У.) [Fisher, 1983, p.13]. Каждое название является своего рода рекламой.

Под «меню» в русском языке понимается «(от франц.) подбор блюд для завтрака, обеда и т.д.; листок с перечнем блюд (в ресторане, столовой и т.д.)» [БИСИС, 2003, с. 478] В отличие от русского языка, во французской культуре существуют два понятия («меню» и «карта»). Под русским «меню» во Франции понимается «карта», в то время как французское «меню» - это комбинация блюд, которую можно получить за определенную стоимость. Английское понятие сходно с русским: «Menu – a list of all the kinds of food that are available for meal, especially in a restaurant» (Меню – перечень всех видов блюд, доступных для приема пищи, в особенности в ресторане) [LDCE, 2001, p. 895]

Текст меню является достаточно простым. Каждый раздел данного вида текста состоит из списка блюд, которые дополняются его описанием, то есть перечислением

ингредиентов. Зачастую список сопровождается картинками.

Составителями меню учитываются многие психологические факторы, однако если говорить о лингвистической особенности текстов меню, то можно отметить, что все направлено на продажу блюда. Заглавие и описание представляются такими, чтобы пробудить живые и необычные картины в воображении читателя. Вместе с тем важна лаконичность, чтобы долгое чтение не тормозило процесс заказа.

В меню наиболее ярко проявляются языковые игры, которые направлены на создание благоприятного представления о блюде. Под языковыми играми мы понимаем не только способы достижения комического эффекта (как определяют этот термин многие отечественные исследователи), но и средства эстетического (поэтического/ неординарного) использования языка. К языковым играм относятся каламбуры, остроты, различные виды тропов и фигур речи: метафора, метонимия, сравнение, аллюзия и т.д. Вообще понятие «языковая игра» может использоваться для «обозначения целостных и законченных систем коммуникации, подчиняющихся собственным внутренним правилам, нарушение которых приводит к выходу за пределы конкретной «игры», т.е. определенного речевого акта». [Мишкурин, 2012, с. 7]

Название придумывается таким образом, чтобы подчеркнуть уникальность выбранного блюда: способ приготовления, происхождение, состав, свойства вкуса и запаха. Описание является не менее важным фактором в представлении блюда, поскольку именно здесь раскрываются ингредиенты, которые входят в состав приобретаемого продукта. Нередко описание дополняется комментариями для придания блюду более притягательного характера. Если говорить о меню как о тексте, следует отметить, что каждое название блюда не является предложением в полном смысле этого слова, однако имеет смысловую законченность.

В отличие от заглавий кулинарных книг, названия блюд в меню отличаются большей «эмоциональностью», они могут быть длиннее. При этом авторы меню, как правило, пытаются охарактеризовать блюда с различных сторон. С лексической точки зрения, классификация наименований блюд в рецептах и меню совпадает, что касается морфологических особенностей, то для заглавий в русскоязычных меню прежде всего характерно:

1. Обилие прилагательных и причастий, выступающих в качестве определения предмета, при этом зачастую одновременно используются качественные и относительные прилагательные: *«Теплый яблочный пирог со сливочно-малиновым соусом»;*

2. Использование существительных в качестве дополнения с предлогом «с»,

показывающее либо состав блюда, либо продукт, с которым подается продукт: *«Борщ стрелецкий с говядиной и малиной»*, *«Солянка пряная с мясом»*;

3. Использование существительных в качестве дополнения с предлогом «из», характеризующее состав блюда: *«Крем-суп из свежей тыквы»*. Зачастую оба приема используются одновременно: *«Блинчики с начинкой из телятины со сметаной»*;

4. Использование наречий с частицей «по», характеризующее способ приготовления блюда: *«Котлета по-пожарски»*, *«Осетрина по-московски»*, *«Томленая говядина»*.

Особенность наименований блюд проявляется в обильном использовании эпитетов, метафор. Данные тропы применяются значительно чаще, чем в наименованиях в рецептах. Наряду с этими приемами в меню частотно встречаются заглавия с топонимами (*«Семга дальневосточная»*). Метафорический перенос основывается на сходстве формы, качества, цвета, состава и свойства блюда. При этом названия зачастую приобретают лирический характер: *«салат Болдинская осень»*, *«Везувий на Монблане»*.

Для привлечения клиентов рестораны, выбирая свою ориентацию, зачастую опираются на литературные произведения, кинематограф или исторические события, вследствие чего в названиях блюд в качестве языковой игры используются аллюзии. Так, например, ресторан, ссылающийся на творчество Булгакова, использует такие названия: *«салат «Мозги Берлиоза»»*, *«закуска «Глазки Берлиоза»»*, *«Суматоха в канцелярии»*.

Языковые игры здесь проявляются на уровне концепта, вокруг которого строится специализация ресторана. Метафоры создаются не просто на основе схожести блюда с сравниваемым объектом, они должны быть близки выбранной ориентации. Так в ресторане, похожем на пожарную станцию, можно найти такие блюда: *«Искры из глаз»*, *«Закуска диспетчера»*, *«Ожог третьей степени»*. Или в заведении, где все должно говорить о Марсе будущего, названия ссылаются на космическое: *«Magellan Mozzarella Sticks»*, *«Celestial Chicken Club»*. Русскоязычные меню являются одними из наиболее метафоричных, поскольку данная направленность закрепились в ресторанной культуре нашей страны. Французские меню обладают большей конкретикой, однако это не касается отдельных ресторанов, которые стремятся к большей индивидуализации. Что касается англоязычных ресторанов, то здесь стараются придерживаться «золотой середины», создавая достаточно конкретные, но в то же время интересные по своему наполнению меню.

В сравнении с русскоязычными меню, французские и английские – обычно более

лаконичны. Следует отметить, что длина названия зависит от наличия комментария после него. Если такового не имеется, то количество лексических единиц в заголовке увеличивается.

II. Особенности перевода наименований блюд

Перевод меню, как и перевод кулинарных книг, является непростой задачей. Произведенное нами исследование показало, что во многих ресторанах меню не переводится, а создается заново, для того чтобы текст смог произвести нужный эффект. Большинство сетевых ресторанов, находящихся в разных частях света, используют лишь название блюда, однако состав блюда, как правило, различен. Несмотря на разнообразие, присущее написанию меню, первая и сама важная часть, с которой приходится иметь дело переводчику и посетителю ресторана – заголовок или название блюда.

Из проанализированных нами меню мы сделали вывод, что большинство переводчиков пользуются транскрипцией или транслитерацией, считая, что таким образом сохранится подлинность и колорит кухни, а особенности блюда будут понятны при помощи пояснений. «Транскрипция и транслитерация - это способы перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее формы с помощью букв ПЯ. При транскрипции воспроизводится звуковая форма иноязычного слова, а при транслитерации его графическая форма (буквенный состав)». [Комиссаров, 1990, с. 173] Таким образом, большая часть меню нагромождена иностранными названиями. При этом стоит отметить, что при переводе с русского на иностранный, процентное соотношение транскрипций резко снижается. Причем транскрибироваться/транслитироваться могут разные части названия:

1. Название полностью;

Название может транскрибироваться полностью в том случае, если ингредиенты перечислены отдельно от названия: «*Croque monsieur* - Крок-месье», «*Chausson* – Шоссон», «*Chicken Stripes* - Чикен Страйнс», «Голубцы – *Golubtsi* (фр.)– *Golubtsy* (англ.)»

Во многих случаях транскрипция используется неоправданно, поскольку данное блюдо может быть хорошо известно под другим названием или иметь свой аналог. К примеру: «*Pommes frites*» передано как «Пом фриит», хотя в России более известна картошка фри. Или «*Zefir*» передается как «Зефир», хотя во французском языке существует свой аналог этому блюду «*Guimauve*».

2. Название при использовании описательного перевода.

Данный прием обычно используется в кратких меню, где может не перечисляться список ингредиентов, входящих в состав блюда. Этот способ также часто применяется при переводе меню в русских ресторанах за границей: «*Тэфтели - Tefтели (boulettes de viande e dans la sauce blanche*», «*Борщ - Borsch (Beetroot soup)*»).

3. Название при переводе дополнительных ингредиентов или отдельных частей наименования: В данном случае транскрибируется или транслитируется лишь основная часть блюда, в то время как дополнительные ингредиенты переводятся отдельно. За подобным названием может следовать или не следовать описание: «*Аши Пармантье с уткой- Nachis Parmentier avec du canard*», «*Lamb burger - Бургер с бараниной*».

5. Транскрипция или транслитерация части ингредиента: В данном случае в наименовании может присутствовать какая-либо часть ингредиента, к примеру может упоминаться часть мяса, рыбы и т.д.: «*Жиго ягнёнка - Gigot d'agneau*», «*Tenderloin steak – Тендерлойн стейк*».

6. Транскрипция или транслитерация топонима

Следует отметить, что топоним в названии блюда зачастую используется либо для обозначения места происхождения данного блюда, либо для уточнения способа его приготовления. Топонимы могут быть переданы транскрипцией или транслитерацией вслед за остальными ингредиентами или в отдельности, при этом данная транскрипция может не соответствовать принятому в русском языке переводу: «*Quiche Lorraine - Кичи Лоррен*» (вместо по-лотарингски или лотарингский, хотя в некоторых меню можно найти и такие варианты); «*Яйца Паризьен - Œufs à la parisienne*», «*Buffalo wings – крылышки Баффало*» (в русской традиции город называется Буффало).

Зачастую транскрипции используются лишь для поддержания образа и колорита ресторана, хотя в действительности такие транскрипции лишь путают посетителя. Многие из транскрибированных вариантов можно было бы передать при помощи других приемов.

Следует отметить, что в ресторанах Москвы с русской традиционной кухней переводчики, переводя на иностранный язык, зачастую отказываются от транскрипций и непонятных слов, максимально упрощая текст: «*Лукоморье – рыбное ассорти – Assorted fish plate*»

Все остальные приемы являются менее распространенными, но, тем не менее, встречаются в большинстве изучаемых нами меню. Данные приемы используются в тех случаях, когда использование транскрипции или транслитерации будет неуместно, а

также тогда, когда составитель меню стремится донести смысл названия блюда до посетителя. Одним из наиболее распространенных приемов при передаче является калькирование.

1. Калькирование

Под калькированием понимается «способ перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей - морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний) - их лексическими соответствиями в переводном языке». [Комиссаров, 1990, с. 247] К примеру, «*Осетрина каспийская подкопченная - Caspian smoked sturgeon*», «*Филе сельди с картофелем - Filet de harengs aux pommes de terre*»;

2. Описательный перевод предполагает наименование основных ингредиентов блюда при опущении его названия: «*Nachis Parmentier - Картофельный пирог с мясом*»; «*Щи - Cabbage soup*», «*Ростовская уха - Rostov's fish soup*»;

3. Генерализация. «Генерализацией называется трансформационная операция, в ходе которой переводчик, следуя по цепочке обобщения, заменяет понятие с более ограниченным объемом и более сложным содержанием <...> понятием с более широким объемом, но менее сложным, менее конкретным содержанием» [Гарбовский, 2004, с. 425-426]: «*Курник - pie*», «*Домашний морс - Boisson rafraîchissante maison*»;

4. Конкретизация. «Конкретизацией называется трансформационная операция, в ходе которой переводчик, следуя по цепочке обобщения, заменяет понятие с более широким объемом и менее сложным содержанием <...> понятием с более ограниченным объемом, но сложным, более конкретным содержанием». [Гарбовский, 2004, с. 433]: «*Salade de Poisson - Салат из селедки*»;

5. Адаптация: «*Пирожки - Sponge cakes*», «*Пельмени - Dumplings*»;

6. Применение адаптации на основе иностранных реалий с использованием транскрипции или транслитерации: «*Gâteau au fromage - Чизкейк*».

7. Замена названия на основе смежности предметов: «*Salade fermière - Крестьянский*», «*Salade montagnard - Альпийский*»;

8. Опущение

При переводе названий блюд могут встречаться опущения разных лексем: опущение части ингредиента, способа приготовления и т.д. К примеру, в данных случаях мы можем наблюдать опущение способа приготовления: «*Toasted American Club Sandwich - Американский Клуб Сэндвич*», «*Hickory Smoked Chicken Wings - Куриные Крылышки*».

9. Добавление. Наряду с опущениями в названиях блюд могут встречаться и

добавления. Добавления, как правило, используются для пояснения, для создания эстетического эффекта или могут быть обусловлены грамматикой языка: «*Zakouska - Закуска "Московская"*», «*Солянка - Meat Solyanka*»;

Это далеко не полный список приемов, используемых при переводе. Большинство приемов, применяемых при переводе названий, также связано с грамматическими особенностями языков. Подобно перечислению ингредиентов в рецептах, в меню частотны перестановки. Перестановки, в основном, встречаются при переводе с английского языка. Это объясняется тем, что конструкция, приемлемая для английского языка (комплекс определений, стоящий перед определяемым словом) не характерен для русского языка: «*Начос Чили - Chilli nachos*», «*Крылья Табаско - Tabasco wings*».

В переводе с французского языка или на французский - можно также выделить наличие грамматических трансформаций. Как мы уже говорили ранее, во французских меню частотно употребление предлогов «à» и «de», что предполагает следование за ними дополнений. При переводе на русский язык данное дополнение обычно передается определением: «*Magret de canard aux endives glacés, aux épinards - Утиная грудка с глазированной цикорием, шпинатом*»; «*Fondue à la viande – Мясное фондю*».

III. Особенности перевода описаний блюд.

Описание блюда также занимает важное место в меню, поскольку это следующий этап, на котором останавливается взгляд потенциального покупателя. Как мы уже говорили ранее, основные ингредиенты могут входить в состав названия, дополнительные ингредиенты могут перечисляться в скобках. К данному описанию может быть приписан текст, восхваляющий изысканный вкус и особенности приготовления блюда.

С точки зрения стилистики, в русских меню, в отличие от иностранных, больше употребляются прилагательные в превосходной степени, все лексические средства направлены на отражение положительных качеств продукта: «*Fresh corn tortilla chips layered with homemade queso... - Свежайшие кукурузные чипсы тортилья, политые домашним Кесо соусом...*». Как мы видим, в данном случае в русском языке, в отличие от английского, была использована превосходная степень для привлечения внимания клиента к наилучшему вкусу продукта.

С морфологической точки зрения в английском языке частотно использование причастий прошедшего времени, которые в русском передаются причастиями совершенного вида и пассивным залогом. В русском языке также добавляется определяемое слово, которое обычно не употребляется в английском языке. Сравните:

«*Basted with our special Hickory Bar-B-Que sauce... - Бургер, приготовленный с нашим фирменным соусом «Барбекю»...*»

С синтаксической точки зрения, предложения при переводе зачастую разбиваются на две и более частей для более легкого восприятия текста русским читателем. «*Famous the world over: topped with seasoned bacon, two slices of Cheddar cheese, a crisp fried onion ring, lettuce, tomato, and pickles. - Знаменитый во всем мире бургер со специями, беконом, двумя ломтиками сыра «Чеддер» и луковым колечком. Подается с листом салата, томатом и маринованными огурчиками.*»

Что касается франкоязычных меню, то здесь описания, как правило, входят в название блюда. При переводе с русского языка на французский и наоборот переводчики обычно повторяют стилистику. «*Салат «Нисуаз» со свежим тунцом, перепелиными яйцами, таджарскими оливками, заправленный дижонским соусом - Salade « Niçoise » du thon frais aux oeufs de caille, aux olives tajarski à la sauce dijonnaise.*»

С морфологической точки зрения, переводчику, прежде всего, следует обращать внимание на частотное употребление в меню предлога «de» (для), который на русский язык может обозначать принадлежность, местонахождение, состав и т.д., за которым следуют, существительные. На русский язык данные словосочетания будут также передаваться существительными или прилагательными. Однако в случае повтора данной структуры в одном предложении, в русском языке, в отличие от французского будет предпочтительно использования как существительных, так и прилагательных: «*Salade de foie de poulet à la sauce au fromage Conte - Салат с куриной печенью под сырным соусом «Конте»*»

Что касается синтаксиса, при переводе названий-описаний также может применяться разбиение предложения: «*Традиционный луковый суп по старинному французскому рецепту с альпийскими травами. - Soupe à l'oignon traditionnelle. D'après une recette ancienne française aux herbes alpines.*»

Что касается лексической стороны (в данном случае мы принимали во внимание все рассмотренные нами меню, а также лексемы, встречающиеся в названиях), здесь можно выделить следующие проблемы перевода:

1. Перевод названия ингредиента;
2. Перевод части ингредиента;
3. Перевод меры измерения;
4. Перевод кулинарной лексики;

Следует сразу отметить, что для всех этих лексем (и даже ингредиентов) очень

часто используется прием опущения. Основную проблему для перевода составляют названия не существующих в других культурах ингредиентов, к которым могут относиться травы, соусы, сыры и т.д. Такие экзотические ингредиенты обычно транслитерируются и транскрибируются согласно нормам языка, из которого они произошли. К примеру: «*la sauce «Blue cheese» - соус «Блю Чиз»*», «*la sauce Osterkron – соус Остеркрон*».

Еще одной проблемой является перевод части ингредиента, поскольку те или иные наименования части могут быть неизвестны на языке перевода. К счастью, в отличие от текста рецепта, таковых встречается немного. Так же, как и в текстах рецептов, довольно трудно передавать названия части говядины, свинины, птицы и т.д. при разделке. Такие лексемы встречаются как в перечислении блюд, так и в названиях. К примеру, в меню находим такое описание «*Tupelo chicken tenders*». В данном случае данная часть переводится, как «филе». Здесь блюдо будет готовиться из малой грудной мышцы животного, то есть верхней части грудки (в русском понимании), в русской традиции разделки туши курицы филе и грудка – одно и то же, поэтому представление будет неверным.

Наряду с переводом частей ингредиента, важную роль занимают перевод кулинарных лексем, обозначающих способы приготовления. Некоторые из кулинарных лексем совпадают с теми, что часто употребляются в рецептах, однако способы передачи несколько различаются. Среди распространенных приемов, используемых для перевода подобных слов, применяются: эквиваленция (использование зафиксированных форм в словаре); генерализация; опущение и транскрибирование.

Зачастую в пределах одного меню могут быть использованы практически все приемы для передачи одной и той же лексической единицы. К примеру, в меню одного из ресторанов можно найти такое описание: «*A New York strip steak grilled to your liking - Strip стейк, обжаренный на гриле на Ваш вкус*». В данном случае нам встречается причастие «grilled» - жаренный, запеченный [БАРС, 1987, с. 709]. Как мы можем видеть, переводчик использовал словарный эквивалент для передачи данной единицы.

Другое дело обстоит при описании такого блюда: «*A grilled chicken breast Куриная грудка-гриль*». В данном случае переводчик использует транскрипцию, однако не используемого в оригинале причастия, а однокоренного существительного «a grill» - рапшер; жаренные на рапшере мясо или рыба [БАРС, 1987, с. 709]. В данном случае можно считать прием оправданным, поскольку русскому читателю хорошо известна эта лексема.

Наряду с этим в другом меню можно встретить такой ингредиент:

«*Grilled veal loin - Корейка молочного тельенка на углях*». В данном случае мы видим, что способ приготовления был частично изменен, поскольку жаренное на гриле блюдо может вовсе не предполагать использование углей. Здесь возможно допустить, что переводчик был знаком с особенностями приготовления блюда, и подобный перевод вызовет представление о здоровой пище.

При переводе описаний блюд достаточно часто используется прием опущений. «*Topped with three thick slices of your choice of cheeses. - Большой бургер с тремя толстыми ломтика сыра на Ваш выбор*». В данном случае опускается причастие topped (to top - покрывать, быть вершиной), однако в противовес добавляется уточнение о внешнем виде блюда.

Помимо опущений при переводе кулинарных лексем, может использоваться прием генерализации. К примеру, в одном из описаний можно встретить: «*Smothered with sautéed mushrooms and topped with two slices of Swiss cheese. Большой бургер с обжаренными грибочками и двумя домиками Швейцарского сыра*».

В данном случае наше внимание привлекло наречие «sautéed», образованное от французского глагола «sauter» (жарить на сковороде под крышкой). В русском языке подобной лексемы не существует, а описательный перевод затруднил бы прочтение меню, поэтому переводчик решает генерализовать значение и выбирает слово «жареный».

IV. Ошибки при переводе меню. Ошибки и неточности, встречающиеся в меню, могут быть как лингвистическими, так и культурологическими. Это касается тех случаев, когда в ресторанах, якобы подающих блюда определенной местности, встречаются блюда другой области или яства, выдуманные самими поварами, что, как правило, сбивает с толку человека, знакомого с данной культурой. Так, например, в одном из французских ресторанов в Москве можно отведать такое блюдо, как «*Французский макарон*» миндальное пирожное со свежей малиной и ванильным кремом «*Патисьер*». Переводчик, перепутав данное блюдо с макаронами, передает его на французский как «*Pasta française*» *Gâteau aux amandes avec des framboises fraîches à la crème vanille «Pâtisserie»*, при этом все-таки уточнив, что это пирог.

Таким образом, перевод меню предполагает схожий уровень сложности, что и перевод рецептов. Для перевода меню необходимо быть знакомым как с кулинарией языка перевода и оригинала, традицией написания меню на языке перевода, лексическими и грамматическими особенностями его написания, а также с культурой питания в этих странах. Особую сложность составляет перевод названий блюд, а также перевод гастрономических лексических единиц, входящих как в состав наименований,

так и описаний. Незнание реалий могут порождать неточности и дальнейшее непонимание, а также вызвать неблагоприятное впечатление у посетителя ресторана.

На сегодняшний день переводу меню в России, к сожалению, не отводится должное внимание, многие меню переводят отнюдь не переводчики, а работники ресторана, а сам перевод осуществляется лишь на английский язык и изредка на другие. Меню зачастую становятся нагромождением непонятных иностранных слов, которые кулинары вводят в обиход. Данный анализ показал, что транскрипция и транслитерация являются основными приемами, которые используются для перевода иностранных блюд.

Список литературы:

Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник / Н.К. Гарбовский. М.: Изд-во Московского университета, 2004. 544 с

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты)/ В.Н. Комиссаров. М.: Изд-во Высшая школа, 1990. 253с.

Мишкуроев Э.Н. Язык, языковые игры и перевод в современном лингвофилософском и лингвокультурологическом осмыслении // Вестник Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2012, № 1.- С. 5–15.

Fisher, M. F. K. *The Anatomy of a Recipe*// *In With Bold Knife and Fork*, 1983.

Словари:

Большой англо-русский словарь / И.Р. Гальперин, Э.М. Медникова. – 4-е изд., исправленное с доп. М.: Русский язык, 1988. 1688 с.

Большой иллюстрированный словарь иностранных слов / П. Джеймс, Д. Мартин. М.: Астрель, Русские словари, АСТ, 2003. 957 с.

Французско-русский словарь активного типа/ В.Г. Гак, Ж. Триомф, Г.Г. Соколова [и др.]. – 7-е изд., стереотип. – М.: Рус. Яз. – Медиа, 2006. 1055 с.

Longman Dictionary of Contemporary English/ Lord Quirck. Pearson Education Limited,

2001

Урсо Шнайдер Г.
Университет Сан-Паулу
г. Сан-Паулу (Бразилия)

Urso Schneider Graziela
University of São Paulo
São Paulo(Brasil)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕВОД С РУССКОГО В БРАЗИЛИИ: СЛУЧАЙ НАБОКОВА

RUSSIAN LITERARY TRANSLATION IN BRAZIL: THE CASE OF NABOKOV

По прошествии нескольких лет после защиты моей магистерской диссертации “Русское лицо Набокова: Поэтика и перевод”, имевшей место в 2010 году в Университете Сан-Паулу, под руководством проф. Елены Васиной, стало очевидно, что в Бразилии сохраняется пробел в исследовании жизни и творчества Владимира Набокова в целом, и, к сожалению, лишь очень немногие знакомы с той огромной и важной его частью, которая была создана на русском языке. Исходя из того, что эта вселенная по-прежнему остается неизведанной – в Бразилии опубликован только один перевод русского Набокова (“Весна в Фиальте”, 1936)⁴⁰ – я решила перевести “Другие берега” (1954). Снабжённый комментариями, перевод русского текста автобиографии, а также разбор его версий, являются отправной точкой для анализа литературных переводов с русского языка в Бразилии и рассмотрения вопросов поэтики Набокова.

Some years after developing my Master research, which resulted in the dissertation “The Russian Face of Nabokov: Poetics and Translation”, defended in 2010 at the University of São Paulo, under the supervision of professor Elena N. Vassina, there is still a the gap in studies about the work and life of Vladimir Nabokov in general in Brazil and especially there are only a few people who are aware of his vast and important work in Russian.

Given this still unexplored universe – there is only a translation of the Russian Nabokov published in Brazil (“Spring in Fialta”, 1936) – I decided to translate “Other Shores” (1954), from Russian into Brazilian Portuguese. The annotated translation of the Russian text of the autobiography and the analysis of its versions serve as a starting point for making an inventory of literary translation from Russian in Brazil and developing issues of Nabokovian poetics.

Ключевые слова: литературный перевод; русская литература; литература эмиграции; русский язык; Владимир Набоков; восприятие; Бразилия.

Key words: Literary translation; Russian literature; Émigré literature; Russian language; Vladimir Nabokov; reception; Brazil

Данный доклад является частью проекта подготовки кандидатской диссертации “Набоковские версии” под руководством проф. Елены Васиной (Программа “Русская

⁴⁰ “Весна в Фиальте” была включена в “Новую антологию русских рассказов” “Эдитора” 34, 2011 [Издательство 34]. Это не только первый опубликованный в Бразилии перевод написанного на русском произведения Набокова, но и первая публикация Набокова в антологии русских рассказов в нашей стране. Семь других рассказов одноименного сборника были переведены на бразильский португальский в моей диссертации, но до сих пор не опубликованы из-за неразрешённых вопросов авторского права.

литература и культура", отделения восточной филологии факультета философии, филологии и гуманитарных наук Университета Сан-Паулу).

Исследование затрагивает две области: первая, включающая в себя и вторую, посвящена истории и историографии изучения и практики литературного перевода с русского в Бразилии и представляет собой историю литературного перевода русскоязычных текстов на бразильский португальский и, в частности, вклад бразильских переводчиков, преподавателей, критиков и теоретиков перевода; вторая же, находящаяся в рамках этого контекста, более конкретна и представляет уникальный перевод на бразильский португальский "Других берегов" (1954) Владимира Набокова (1899-1977).

Первая сфера рассматривает историю перевода русскоязычных произведений в Бразилии, в которой можно выделить следующие этапы: основание бразильской русистики, начало прямых переводов, разные поколения переводчиков (Борис Шнайдерман, Татьяна Белинки; Пауло Безерра, Аврора Форнони Бернадини, Омеро Фрейтас де Андраде, Арлете Кавалере; Денизе Салес, Фатима Бьянки, Нивалдо Сантос, Рубенс Фигейредо; Анастасия Быценко, Сесилия Розас, Даниэла Моунтиан, Екатерина Волкова Америко, Иринеу Франко Перпетуо, Лукас Симоне, Марио Рамос Франциско, и т. д.), его трудности и особенности, а также анализ ключевых теоретических текстов по вопросам, непосредственно связанным с переводом с русского на бразильский португальский.

Вторая сфера, помимо самого перевода, включает в себя связанные с ним проблемы, дилеммы и решения, с которыми приходится сталкиваться на предварительной стадии, в самом процессе перевода, а также после его окончания, как в том, что касается перевода с русского на бразильский португальский в целом, так и в более конкретном случае – перевода набоковского текста.

Литературный перевод русскоязычных текстов в Бразилии

Хотя первые переводы появились до Бориса Соломоновича Шнайдермана⁴¹, не будет преувеличением сказать, перефразируя знаменитую фразу Достоевского, что все мы вышли из "шинели" Бориса Шнайдермана, как и то, что история литературного перевода с русского в Бразилии состоит из двух этапов: *до* и *после* проф. Бориса Шнайдермана.

⁴¹ Основатель первого курса русского языка в Бразилии, в Университете Сан-Пауло, в 1960 году; переводчик-новатор, почётный профессор и, бесспорно, блестящий исследователь.

Несмотря на то, что первые прямые переводы с русского в Бразилии принадлежат не ему, профессор Борис Шнайдерман сыграл решающую роль в основании бразильской русистики в процессе перехода от опосредованных переводов⁴² к прямым, а также в консолидации русских литературных переводов и распространению русской культуры.

Переводчиков, передающих “сообщение” (текст) русской литературы на бразильский португальский, можно разделить на “поколения”. Приведём лишь некоторые из многих выдающихся имен: на первом этапе – Жорж Селзофф, Иван Эмилианович и Эвандро Пекено; затем основатели школы литературного перевода с русского Борис Шнайдерман и Татьяна Белинки; прямые “наследники” Бориса Шнайдермана – Аврора Форнони Бернардини, Пауло Безерра; позднее Омеро Фрейтас де Андраде, Арлете Кавалере; Денизе Салес, Фатима Бьянки, Нивалдо Сантос, Рубенс Фигейредо; и, наконец, совсем недавно появившееся новое поколение переводчиков – Анастасия Быценко, Сесилия Росас, Даниэла Моунтиан, Екатерина Волкова Америко, Иринеу Франко Перпетуо, Лукас Симоне, Марио Рамос Франциско, и т.д.

Нельзя не упомянуть и о том, что постоянно расширяется круг издательств, которые не только публикуют отдельные произведения, но и целенаправленно издают качественные переводы русской литературы. Здесь можно отметить блестящую работу “Эдitora 34” и “Козак & Наиф”, а также некоторых других издательств, таких как “Мартинс Фонте/Сэло Мартинс”, “Глобо”, “Сиа дас Летрас”, “Эдра”, “Алфагуара”, “Труа” и т.д. Особой тщательностью отличается работа издательства “Калинка”, специализирующегося на русскоязычной и восточноевропейской литературе.

Наряду с работой некоторых исследователей, о которой мы скажем ниже, тексты по истории и историографии литературного перевода с русского в Бразилии встречаются в многочисленных предисловиях, введениях, интервью, примечаниях переводчиков, рецензиях, газетных статьях, и послесловиях⁴³, которые еще не были собраны, организованы в отдельное издание.

⁴²Несмотря на то, что тема опосредованных переводов занимает важное место в истории русско-бразильских переводов и, как мы надеемся, ей ещё будут посвящены сравнительные исследования, в данном докладе она затронута не будет.

⁴³Среди прочего, можно выделить “Наша русская тройка”, Паулы Скарпин (<http://revistapiaui.estadao.com.br/edicao-47/questoes-literarias/nossos-tres-russos>); интервью профессора Гутенберга Медейроса с Борисом Соломоновичем Шнайдерманом (<http://www.usp.br/revistausp/75/09-gutenberg.pdf>); интервью исследователя Даниэлы Моунтиан с профессором Бруно Гомиде для “Диарио да Руссия” (<http://www.diariodarussia.com.br/daniela-mountian/noticias/2012/07/05/e-o-romance-russo-nasce-no-brasil/>); статью журналистки Марины Дармарос для “Российской газеты” (http://br.rbth.com/articles/2011/11/25/uma_epopeia_na_traducao_direta_dos_russos_12823.html).

Профессор Университета Сан-Паулу Бруно Гомиде занимается исследованием истории литературного перевода русскоязычных текстов в Бразилии, начало которому было положено в его кандидатской диссертации, опубликованной в книге “От степи к каатинге, русский роман в Бразилии (1887-1936)” [Гомиде, 2012]. “В книге Бруно (...) мы прослеживаем тот момент в конце девятнадцатого века, когда русская литература начала приобретать известность, которой она славится и сегодня. (...) Несмотря на очевидность французского влияния в ту эпоху, в его книге выделяются особенности бразильского восприятия.” [Моунтиан, 2012]. Этой же теме была посвящена его лекция “Русская литература в Бразилии – история переводов”, состоявшаяся 2012 году в Университете Сан-Паулу. Также под редакцией Гомиде недавно вышли две антологии, которые занимают особое место в истории литературных переводов с русского в Бразилии: “Новая антология русского рассказа” (2011) и “Антология русской критической мысли” (2013). Обе вышли в свет в издательстве “Эдитора 34”.

Заслуживает особого внимания фундаментальный и единственный в своем роде проект, разрабатываемый переводчиком и исследователем Денизе Боттманн, доступный на данный момент только в электронном формате. В её блоге “*Не люблю плагиата*” (“*não gosto de plágio*”) три страницы посвящены конкретной информации о переводах А. Пушкина, Ф. Достоевского и Л. Толстого в Бразилии, а четвёртая – русской литературе в Бразилии⁴⁴. Кроме того, в своей статье “Жорж Селзофф, хроника”, об издательстве “Культура” Жоржа Селзоффа и его сборнике под названием “Библиотека дэ Ауторэс руссос”⁴⁵ [Боттманн, 2013, с. 209], она обращается к первому прямому переводу с русского в Бразилии в 1930 году.

В статье “Наша русская тройка”⁴⁶, Паула Скарпин также упоминает Селзоффа (или Зелцова): “у русского предпринимателя, друга родителей Шнайдермана в Бразилии, был проект прямого перевода с русского. Юрий Зелцов – предпочитавший подписываться как Жорж Селзофф, считая этот офранцузенный вариант более элегантным, – основал издательство под названием “Библиотека дэ Ауторэс руссос”. Так как Зелцов не владел португальским, он объединил свои усилия с двумя начинающими бразильскими писателями: Брито Броккой и Ориженесом Лэссой. “Он читал русский текст на своём нетвёрдом португальском, а они перелагали его на

⁴⁴ См. <http://naogostodeplagio.blogspot.com.br/2013/10/bibliografia-russa-no-brasil-1900-1950.html>;
<http://naogostodeplagio.blogspot.com.br/search/label/p%C3%BAchkin>;
<http://naogostodeplagio.blogspot.com.br/search/label/dostoi%C3%A9vski> и
<http://naogostodeplagio.blogspot.com.br/search/label/tolst%C3%B3i>

⁴⁵ По-португальски, в старой орфографии, “BibliothecadeAuctoresRussos” – “Библиотека русских писателей”.

⁴⁶ См. <http://revistapiaui.estadao.com.br/edicao-47/questoes-literarias/nossos-tres-russos>

португальский литературный,” (...). В букинистических магазинах трудно найти эти самодельные издания Зельцова, с приклеенным на обложку названием и неровно сшитыми страницами”. [Скарпин, 2010].

Карвальо в своей книге “Рубен Брага: цыган, воздушный земледелец”, подчёркивает роль Браги в проекте: “Брага руководил изданием международной антологии рассказов для издательства, выпустившего немногим ранее сборник “Старые и современные русские”, предисловие к которому написал Ганнибал Машадо; в этой книге впервые вышли непосредственно переведённые с русскогорассказы – ранее произведения Достоевского, Гоголя, Чехова и Толстого в Бразилии читались во французских и английских переводах. Брага, создатель, координатор и ведущий серии хотел, чтобы все рассказы пришли к читателю непосредственно в переводе с оригинала – рассчитывая в этом на поддержку Эвандро Пэкэно, одного из немногих бразильцев, знавшего славянский язык – но здесь было одно препятствие: было невозможно найти тексты на русском языке. Таким образом, только два рассказа, “Шинель” Гоголя и “Рассказ о семи повешенных” Андреева, действительно были переведены с оригинала” [Карвальо, 2007, с. 310-311]⁴⁷.

Несмотря на то, что Сан-Пауло – единственный в Латинской Америке город, в котором есть отделение русского языка и аспирантура в области русской литературы и культуры, и в других регионах Бразилии наблюдается огромный интерес к русистике, этой теме посвящаются научные исследования, особенно в федеральных университетах Рио-де-Жанейро (UFRJ) и Порто-Алегре (UFRGS), Кампинаса (Unicamp) и других. Что же касается Латинской Америки вообще, по словам профессора Бруно Гомиде, “в других странах есть очень хорошие курсы и кафедры, связанные с самыми разными аспирантскими программами, такими, как теория литературы, но ни одна из них не предлагает аспирантуру в области русистики”⁴⁸.

Таким образом, для углубления и систематизации проведённых исследований необходимы мероприятия, посвящённые русистике. Важной вехой в изучении литературного перевода с русского в Бразилии стал симпозиум “Панорама перевода текстов с русского языка в Бразилии”, состоявшийся в рамках XI Международного конгресса Абрапт и V Международного конгресса переводчиков, в 2013 г. В истории Международного конгресса Абрапт этот симпозиум стал первым, посвящённым

⁴⁷ Карвальо, Марко Антонио дэ. “Рубен Брага: цыган, воздушный земледелец”. Сан-Паулу: Глобо, 2007 г., стр. 310 и 311. (CARVALHO, MarcoAntoniode.RubenBraga: umciganofazendeiro do ar. São Paulo: Globo, 2007, pp. 310 e 311).

⁴⁸ См. http://portuguese.ruvr.ru/2014_05_05/Pensamento-critico-russo-provoca-paralelos-sugestivos-com-o-Brasil-1713/

исключительно переводам с русского, и о нем очень положительно отзывались как организаторы конгресса Абрапт, так и сами участники. Ещё одним важнейшим событием являются “Русские литературные встречи”, проведённые при поддержке Центра Марии Антонии и Эдитора 34 в течение месяца, в 2012 году, с участием преподавателей, переводчиков, редакторов и слушателей, которые собирались раз в неделю для обсуждения русской литературы и её перевода на бразильский португальский.

Можно сказать, что литературный перевод с русского в Бразилии является относительно недавним процессом, которому, несмотря на значительный прогресс за последние годы, ещё предстоит открыть новые и неизведанные территории. Еще нет групп, которые занимались бы вопросами истории и историографии литературного перевода с русского в Бразилии систематически, несмотря на наличие отдельных исследований в этой области в разных регионах страны.

В этом процессе прямого перевода с русского на бразильский португальский, который зародился в начале XX века, наблюдается несколько подъемов, а с 2000-х годов значительно возросло число переведенных писателей и произведений, причем некоторые из них никогда ранее не публиковались в Бразилии или же были заново переведены или переизданы с исправлениями; журналистка Марина Дармарос, в своей статье “Эпическая поэма в прямом переводе с русского” пишет: “21-ое столетие оказывается не веком одного или другого писателя, а веком русской литературы в Бразилии” [Дармарос, 2011]. Таким образом, наше исследование ставит перед собой целью сбор литературы по истории и историографии литературного перевода с русского в Бразилии. Это касается не только самих переводов, но и очерков, статей, интервью, научной литературы, независимых исследователей, связанных с этой темой; обзора положения русистики в изучении и практике литературного перевода с русского; главных событий в этой области, а также истории издательств, которые стремятся публиковать русскую литературу, и самих изданий.

Случай Набокова в Бразилии

Спустя несколько лет после защиты моей магистерской диссертации “Русское лицо Набокова: Поэтика и перевод”, имевшей место в 2010 году в Университете Сан-Паулу, под руководством проф. Елены Васиной, стало очевидно, что в Бразилии сохраняется пробел в исследовании жизни и творчества Владимира Набокова в целом, и, к сожалению, лишь очень немногие знакомы с той огромной и важной его частью, которая была создана на русском языке.

Исходя из того, что эта вселенная по-прежнему остается неизведанной – в Бразилии опубликован только один перевод русского Набокова (“Весна в Фиальте”, 1936) – я решила перевести “Другие берега” (1954). Снабжённый комментариями, перевод русского текста автобиографии, а также разбор его версий, являются отправной точкой для анализа литературных переводов с русского языка в Бразилии и рассмотрения вопросов поэтики Набокова. Несмотря на то, что творчество писателя Владимира Набокова широко читается и изучается во всем мире, в Бразилии, да и в Латинской Америке, он по-прежнему остается знаменитым незнакомцем.

Автобиография Набокова, считающаяся одной из лучших в своем жанре и входящая в различные сборники и антологии, имеет сложную и полную лингвистических нюансов историю: в её основе лежит рассказ-эссе на французском языке, “*Mademoiselle O*” (1936), который затем был переписан и переведён на английский, став первой книжной версией мемуаров “*Conclusive Evidence: A Memoir*” или “*Speak, Memory: A Memoir*” (1951, США и Англия, соответственно), переработан и переведён на русский как “*Другие берега*” (1954), после чего переделан в “итоговую” автобиографическую версию, “*Speak, Memory: An Autobiography Revisited*” (1966).

Исследование ставит своей целью привлечь внимание к необходимости публикации переводов русской версии, так как это, по сути, разные тексты. И, хотя проблема здесь не в “прямом” или “опосредованном” переводе, следует подчеркнуть, что эта работа расширяет кругозор, как широкого читателя, так и читателя-специалиста, раскрывая лингвистические тонкости каждого из текстов. На основе сопоставления русской и английской версий, а также планирующегося выделения и анализа отрывков, в которых различия и особенности каждого из текстов особенно заметны, становится очевидно, что, несмотря на схожесть образной семантики, каждый из вариантов является уникальным.

Кроме того, данное произведение Набокова заставляет задуматься о жанровой принадлежности: его нельзя отнести ни исключительно к роману, ни к автобиографии – это набор эссе, “псевдорассказы”, автобиографические фрагменты. Термины могут различаться в роде, числе и степени, но они отнюдь не являются решением этой запутанной головоломки стилей, языков и набоковских художественных приёмов.

Таким образом, подтверждается необходимость продолжения исследования творчества Набокова в Бразилии, в частности, его русскоязычных произведений, всегда в сопоставлении с текстами на английском или французском языках.

Основными задачами исследования являются:

- ✓ Перевод “Других берегов” (1954), русской версии автобиографии Набокова;
- ✓ Рассмотрение её амбивалентного положения: ведь это не “оригинал” и не перевод: “*Mademoiselle O*” (1936) -> “*Conclusive Evidence/Speak Memory: A Memoir*” (1951) -> “*Другие берега*” (1954) -> и, наконец, “*Speak, Memory: An Autobiography Revisited*” (1966) -> и, если возможно, также “Память, говори” (перевод на русский: С. Ильин);
- ✓ Анализ таких тем, как: тексты о себе; документальная литература; обсуждение гибридного жанра произведения (сборник рассказов, эссе, мемуары или автобиография, роман)⁴⁹;
- ✓ Поиск типичных для творчества Набокова черт: выделение отличительных особенностей его стиля в русском и английском языках.

В ходе исследования появились новые направления и цели, на которых мы остановимся ниже.

Так, ситуация с набоковскими исследованиями в Бразилии в частности и его восприятием в Латинской Америке в целом привлекла мое внимание, когда мой доклад был принят на *Nabokov Conference* и мне написали, что я первый участник конференции из Южной Америки. И хотя принять участие в конференции не удалось, этот факт меня заинтриговал: почему, если Набоков является одним из самых читаемых и изучаемых писателей в мире, многим он неизвестен, и почему его не читают и не изучают именно в этой части земного шара?

Кроме того, в процессе чтения текста на русском, стала очевидной необходимость исследования художественных образов и приёмов, использованных при создании этого произведения, которые можно назвать набоковским паратекстом, и которые профессор Андрей Кофман называет нюансами обрамления текста.

Наконец, когда появилась возможность принять участие в XIV конференции *Interescuelas*, в Аргентине, я задумалась о том, насколько важно было бы изучить, какименно исторические образы и воспоминания включены в произведение или же наоборот исключены из него.

Недавнее исследование показало, что в целом существует относительно мало литературы на тему истории в автобиографических версиях Набокова, причём, не только в бразильских библиотеках нет ни одного текста на эту тему (USP, PUC-RJ, UNICAMP), но и в Интернете крайне мало таких материалов. В книгах, где

⁴⁹ Так как эта часть работы находится в стадии подготовки и сбора специализированной литературы, она не будет включена в данный доклад.

автобиография отмечена в указателе, тема “История” не упоминается и не рассматривается. Таким образом, данная часть работы является первой попыткой поставить вопрос о сопряжении и удалении истории и памяти в произведениях *Другие берега/Speak, Memory*.

Таким образом, в ходе исследования были выявлены следующие дополнительные задачи:

- ✓ Изучение восприятия и обсуждения произведений Набокова (газеты, журналы) и набоковских исследований в контексте Латинской Америки в целом и Бразилии в частности; описание истории опубликованных в Бразилии переводов / изданий Набокова;
- ✓ Выявление набоковского паратекста (его использование в прологах, предисловиях, примечаниях, комментариях и указателях, и, в частности, идеализация, концепция и создание книги, одержимость оформлением обложек и графическим дизайном: как Набоков настаивал на своих требованиях, каков его образ в сознании читателей);
- ✓ Выделение образов истории и памяти на протяжении всего произведения.

Наряду с работой в библиотеках, институтах, университетах (Университет Сан-Паулу, Российская национальная библиотека, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Санкт-Петербургский государственный университет т.д.) и на специализированных веб-сайтах, в рамках проекта проводятся интервью с людьми, так или иначе вовлечёнными в набоковские исследования в Бразилии (переводчики его произведений с английского языка Жорио Даустер, Сержио Флакман, Жозе Рубенс Сикейра, Рубенс Фигейредо, Самуэль Титан; переводчики и профессора Борис Шнайдерман и Аврора Форнони Бернадини, профессор Элиане Роберт Мораес, писатель Лиля Азам Зангане, писатель, переводчик и профессор Жозе Луис Пассос, редактор, писатель и переводчик Марсело Феррони т.д.).

Исходные данные исследования

Набоков является одним из самых читаемых и изучаемых писателей во всем мире, его творчество – тема разнообразных университетских курсов. Существуют международные ассоциации, такие как *International Vladimir Nabokov Society* и *Japan Nabokov Society*; издания, среди которых *Nabokov Studies*, *The Nabokovian*, *Nabokov Online Journal*; сайты – *Zembla*, а также проводятся такие мероприятия, как

“Набоковские чтения” в Музее В.В. Набокова, и конференции, посвященные исключительно писателю и его творчеству, но в Латинской Америке в целом он остаётся знаменитым незнакомцем.

Можно назвать несколько причин, по которым Набокова не знают, не читают, не переводят и не изучают в Латинской Америке. Одна из гипотез состоит в том, что эта общая незаинтересованность может быть связана с вопросами перевода и распространения его произведений в учебных заведениях, на издательском рынке и в культурном контексте как таковом.

Но на основе вышедших в последнее время книг, таких как “Читая Лолиту в Тегеране” Азара Нафиси (Жирафа, 2004), посмертной книги “Оригинал Лауры” (Алфагуара, 2009), “Дома с Набоковым” Лесли Дэниелса (Лейа, 2011), и, особенно “Волшебник: Набоков и счастье” Лилы Азам Зангане (Алфагуара, 2013), и “Сборника рассказов” (Алфагуара, 2013), можно сказать, что постепенно начинается процесс восприятия творчества писателя бразильской общественностью.

Во всяком случае, эта часть работы еще находится на ранней стадии, и до настоящего момента в Латинской Америке были обнаружены следующие материалы:

- ✓ В Аргентине: вышла единственная найденная в Латинской Америке на настоящий момент критическая работа о творчестве Набокова: “Владимир Набоков. Реальность в кавычках”, Кристины Фернандес Барраган, издательство "Альмахесто";
- ✓ В Мексике: есть несколько работ, таких как “Слово и образ в Лолите Владимира Набокова” Розы Мельбы; “Набоков, Лолита и изгнанники” Хуана Виллоро (мексиканский писатель и журналист), "Картины изгнания" Марго Гланц и другие;
- ✓ Другие страны: работы, которые, так или иначе, связаны с Набоковым; -> Одна из книг трилогии кубинского писателя Хозе Мануэля Прието (“Ливадия”); пьеса Сантьяго Гарсии, колумбийского актера, драматурга, режиссера и педагога (“Манда Патибулария” на основе “Приглашения на казнь”); *Holy smoke*, Гильермо Кабреры Инфанте и многое другое.

И в Бразилии:

- ✓ рецензии, статьи в журналах, газетах, периодических изданиях и в Интернете, а также тексты в блогах; В частности, можно выделить работы

Ауроры Форнони Бернардини, Рубенса Фигейредо; Брайана Бойда (в журналах *Sэрротэ* и *RUS*) т.д.;

- ✓ некоторые научные работы, такие как: “Размышления о рассказе “*Terror*” Владимира Набокова с точки зрения Хайдеггера” Жоао Родриго Оливейры и Силвы, 2001; “Лолита Рамздэля и Голливудские Лолиты: анализ романа Владимира Набокова и экранизаций Стэнли Кубрика и Адриана Лэйна” Фернанды Кристины Араужо Батисты, UPM, 2010;
- ✓ глава магистерской диссертации: “Уважение к оригиналу: анализ автоперевода в связи с творчеством Жоао Убальдо Рибейры”, Мария Алисе Гонсалвис Антунэс; Puc-RJ, 2007;
- ✓ магистерская диссертация в области социологии: “Мифический эротизм нимфетки” Линдинэс Гомес де Баррос, 2007;
- ✓ магистерские диссертации в области филологии: “Уроки русской литературы – Ф.М. Достоевский Н. Набокова: Почему нужно снять Достоевского с пьедестала?”, Фабио Брассолин Абдулмасих, USP, 2010; и моя “Русское лицо Набокова: поэтика и перевод”, USP, 2010.

Что касается бразильских переводов, по предварительным данным, имеется следующая информация об издательствах и произведениях⁵⁰:

- ✓ Сивилизасао Бразилэйра (“Лолита”, 1959);
- ✓ Жозе Олимпью (“O Olho Vigilante” [“Бдительное око”], из “*The eye*”, 1967);
- ✓ Сага (“Память, говори”, из “*Speak, Memory*” в 1966 или 68);
- ✓ О Крузейро (“Rei, Valete, Dama” [“Король, валет, дама”], из “*King, Queen, Knave*”, 1969);
- ✓ Седибра (“Transparências”, из “*Transparent Things*” 1973);
- ✓ Лабор (Смехвтемноте, из “*Laughter in the Dark*”, 1976);
- ✓ Абрилкултурал (“Лолита”, 1981);
- ✓ Ф. Алвес (“Подлинная жизнь Себастьяна Найта”, 1981);
- ✓ Рэкорд (“Мари”, из “*Mary*”, 1970; “Лолита”, 1982; [“Мы все арлекины”], из “*LookattheHarlequins!*”);
- ✓ Сиркуло до Ливро (“Лолита”, 1983, 1984; “Бледный огонь”, 1989);
- ✓ Эдитора Гуанабара (“Бледный огонь”, 1985);
- ✓ Л & ПМ (“Защита: роман”, из “*TheDefense*”, 1986);

⁵⁰За исключением последнего, все в переводе с английского.

- ✓ Нова Фронтейра (“Волшебник”, 1987; “Смех в темноте”, из “*Laughter in the Dark*”, 1988);
- ✓ Имаго (“Прозрачные вещи”, 1992);
- ✓ Арс Поэтика (“Николай Гоголь: Биография”, 1994);
- ✓ Сиа дас Летрас (“Лолита”, 1994 и некоторые другие произведения);
- ✓ Сиа дас Летрас (рассказ, включённый в антологию “Мэстрэ-дэ-Армас”, 2007);
- ✓ 7 Летрас (рассказ включён в журнале “Фиксоэнс”, 1999);
- ✓ Библиотека Фолья; Библиотека О Глобо (“Лолита”, 2007);
- ✓ Алфагуара (“Лаура и её оригинал”, 2009; “Жизнь Себастьяна Найта”, из “*The Real Life of Sebastian Knight*”, 2010; “Лолита”, 2011; “Глаз”, из “*The eye*” 2011; “Сборник рассказов”, 2013);
- ✓ “Эдитора 34” (рассказ включён в “Новую антологию русского рассказа”, 2011).

Таким образом, на основе собранного материала, который ещё необходимо подробно проанализировать, в ходе исследования были сделаны следующие предварительные выводы:

Восприятие

- ✓ Восприятие Набокова в Латинской Америке в целом и в Бразилии в частности практически равно нулю или отрицательно и почти всегда связано с обобщённым и стилизованным образом Лолиты; егообраз может находиться под влиянием культуры;
- ✓ Распространено мнение, что произведения Набокова “герметичны”;
- ✓ Очевидно отсутствие “местных” переводов в испаноязычных странах (за исключением самой Испании и Мексики (переводы Серхио Питоля); в Бразилии есть только переводы произведений, написанных на английском или же переводы русскоязычных текстов, опубликованных на английском языке; хотя большая часть является автопереводами или переводами в соавторстве с его сыном Дмитрием или женой Верой, таким образом, эти переводы – не косвенные. Было бы интересно увидеть больше переводов на основе версий на русском языке (переводы Бренно Силвейры, Луиса Карлоса Долабелы Шагаса; Жорио Даустера, Сержио Флаксмана; Рубенса Хосе Сикейры, Рубенса Фигейредо (“*The Thunderstorm*”, вышедшая в журнале Фиксоес, номер 4, во 2-й половине 1999 года) и Самуила Титана Жр. (“*An Affair of Honor*” в сборнике “Мэстрэ-де-Армас”, 2007). Исключением является один рассказ, который я

- перевела в рамках диссертации, “Весна в Фиальте”. Как уже было сказано выше, это первое русскоязычное набоковское произведение, опубликованное в Бразилии, вошло в “Новую антологию русского рассказа” “Эдитора 34”, 2011;
- ✓ Рост количества прямых переводов с русского представляет собой относительно новое и ещё не полностью конкретизировавшееся в Бразилии явление; в целом, есть мнение, что существует канонический, "официальный", вечный перевод определённых произведений (Достоевский Бориса Шнайдермана или Пауло Безерры, например, Толстой Рубенса Фигейредо, и так далее); тогда как в других странах имеются различные переводы и издания одного и того же произведения, что может быть очень продуктивно и полезно;
 - ✓ Трудность, связанная с определением места автора: интригуют изгнание, странствующая жизнь и трилингвизм: в США я видела его книги на полках с пометкой “Иностранная литература”; в России существует единодушное мнение о его принадлежности; в Бразилии же многие считают его североамериканцем и “автором-только-Лолиты”;
 - ✓ за исключением Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро и Рио-Гранди-ду-Сул, в Латинской Америке, как кажется, отсутствуют консолидированные центры русистики и специалисты по творчеству Набокова; нет посвящённых ему мероприятий, за исключением выступлений его главного биографа Брайана Бойда в 2009 году (в Бразильской Академии филологии и Университете Сан-Паулу) и состоявшихся совсем недавно лекций писателя Лилы Азам Зангане (Литературный фестиваль ФЛИП, книжные магазины *Livraria da Travessa*, *Livraria Cultura* т.д.), которая не так давно выпустила книгу “Волшебник: Набоков и счастье”, приглашая тем самым к знакомству с творчеством этого автора.

Список литературы

- Bottmann, Denise*. “Georges Selzoff, uma crônica”. São Paulo: Tradução em Revista 14, 2013/1, p. 209.
- Carvalho, Marco Antonio de*. “Ruben Braga: um cigano fazendeiro do ar”. São Paulo: Globo, 2007, pp. 310 e 311.
- Darmaros, Marina*. “Uma epopéia na tradução direta dos russos”, *Gazeta Russa*, 25/11/2011, http://br.rbth.com/articles/2011/11/25/uma_epopeia_na_traducao_direta_dos_russos_12823.html.
- Kulygin, Vladimir*. “Pensamento crítico russo provoca paralelos sugestivos com o Brasil”, *Voz da Rússia*, entrevista com Bruno Gomide, 05/05/2014, http://portuguese.ruvr.ru/2014_05_05/Pensamento-critico-russo-provoca-paralelos-sugestivos-com-o-Brasil-1713/

Moultian, Daniela. Entrevista com o professor Bruno Gomide para o Diário da Rússia, 05/07/2012, <http://www.diariodarussia.com.br/daniela-mountian/noticias/2012/07/05/e-o-romance-russo-nasce-no-brasil/>

Scarpin, Paula. “Nossos três russos”, Revista Piauí, edição 47, agosto de 2010, <http://revistapiaui.estadao.com.br/edicao-47/questoes-literarias/nossos-tres-russos>.

Чугунова Е. Д.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Минеев К. В.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Chuginova Elena
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

Mineev Konstantin
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

*ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПРАВОВОЙ
ДОКУМЕНТАЦИИ*

LINGUOCULTURAL FEATURES OF TRANSLATION OF LEGAL DOCUMENTS

В данной статье рассматриваются вопросы перевода правовой документации. Юридический перевод и перевод правовых документов в частности являются одним из наиболее востребованных видов перевода на данный момент, постоянно растет спрос на услуги переводчиков, специализирующихся именно в этой области. Юридический перевод предъявляет специфические требования к переводчику: знаний юридической терминологии не достаточно, требуется особая компетентность в законах и постановлениях, культуре, обычаях и традициях. Выявленные стилистические особенности правовых документов рассмотрены с точки зрения их перевода. Проанализированы основные способы перевода в случае отсутствия лексических эквивалентов.

This article discusses the translation of legal documents. Legal translation and translation of legal documents in particular are one of the most popular types of translation at the moment. Legal translation has specific requirements for the translator. The knowledge of legal terminology is not enough. The translator should be a special competence in laws and regulations, culture, customs and traditions. The article analyzed the main methods of translation in the absence of lexical equivalents.

Ключевые слова: правовой документ, юридическая терминология, межкультурная коммуникация, культурное взаимодействие, теория перевода.

Keywords: legal documents, legal terminology, intercultural communication, cultural interaction, theory of translation.

В глазах отражается душа. В языке отражается общество.

Жюль Ренар

С давних пор особенности взаимосвязи языка и права интересуют лингвистов и правоведов. Диалог этих научных сфер начался в Германии ещё в начале XIX века. В 70-х годах XX века укреплению сотрудничества правоведения и лингвистики

значительно способствовало требованию общества создать понятный гражданам язык ведомственных учреждений.

За последние десятилетия произошли значительные изменения в сфере политических и экономических международных отношений. Правовая гармонизация в Европейском Союзе в последние годы стала причиной особого внимания к вопросам межъязыковой коммуникации в сфере права. Этим обуславливается актуальность вопросов методологии и практики перевода правовой и деловой документации. На сегодняшний день особое внимание лингвистов и переводчиков привлекает юриспруденция, что обусловлено развитием контактов стран в разных сферах деятельности.

Рассмотрим особенности языка правовой документации с точки зрения их перевода на иностранный язык. Необходимо отметить, что с помощью языка правовой и деловой документации «удовлетворяется потребность общества в документальном оформлении разных актов государственной, общественной, политической, экономической жизни, деловых отношений между государством и организациями, а также между членами общества в официальной сфере общения» [Веденская, Павлова, Кашаева, 2014, с. 30]. На первое место встает следующая особенность языка правовой и деловой документации: точность изложения, которая не допускает возможность иного толкования. Учитывая особенности правовых текстов, особой точности требует их перевод. Переводимый документ во всех случаях организован в соответствии с правовой системой страны, в которой он был составлен. Таким образом, для адекватной передачи информации, изложенной в исходном тексте правового документа, перевод должен быть абсолютно ясным, точным и максимально достоверным. Следовательно, переводчик сталкивается с важнейшей задачей: адекватно передать содержание юридического текста, сформулированного в соответствии с принципами, действующими в соответствующей правовой системе, и с использованием присущих такой системе юридических терминов и формулировок. Подводя итог, укажем, что переводимый документ предназначен для использования в другой стране с характерными именно для нее юридическими формулировками, и их перевод должен быть выполнен максимально точно. Для обеспечения точности изложения в юриспруденции применяется достаточно сложная система юридических терминов, значение которых, может быть в полной мере понятно только профильным специалистам. Это требует от переводчика наличия глубоких терминологических и юридических знаний. Переводчику необходимо одинаково хорошо разбираться в юридическом праве своей страны и страны, которая является носителем

иностранного для переводчика языка. Не стоит забывать, что «немалая доля переводческих ошибок происходит именно в силу неполного или искаженного понимания оригинального текста» [Гарбовский, 2007, с.514]. Итак, юридический перевод предъявляет особые требования к переводчику: знаний юридической терминологии и особая компетентность в законах и постановлениях, культуре, обычаях и традициях.

К общим чертам официально-деловой речи также следует добавить строгость выражения мысли, объективность и логичность. Чтобы в переводе выстроить предложения в логически связанный текст без противоречий и недопонимания, переводчику необходимо иметь глубокие познания в исследуемой области и разбираться в деталях.

Даже незначительные ошибки и неточности в переводе могут привести к неправильному толкованию смысла текста. В особых случаях ошибка переводчика может стать причиной предъявления судебного иска. Подчеркнем, что юридические переводы выполняют преимущественно профессионалы, имеющие образование в области юридического права. Относительно высокая стоимость таких переводов среди других, в том числе и узкоспециализированных, объясняется тем, что юридическая область требует от переводчиков особой точности, глубоких знаний и является для них одной из самых сложных.

С точки зрения лексических особенностей необходимо уделить внимание вопросу перевода специальной терминологии в текстах данной области. Юридические формулировки и специфические термины также отражают особенности своей правовой системы. Для переводчика это может стать сложной задачей, так как полностью соответствующие оригиналу лексические эквиваленты иногда просто отсутствуют. Как отмечает В.М. Нестерович, основные трудности при переводе юридических терминов связаны с проблемами передачи содержания обозначаемых ими правовых понятий, отсутствующих в правовой системе языка перевода, что может вызывать затруднения в восприятии среди носителей этого языка [Нестерович, 2011, с.77].

Возвращаясь к вопросу о компетенции переводчика в области права, отмечаем, что «словарный эквивалент на языке перевода оказывается наделенным для переводчика определенным смыслом лишь тогда, когда у переводчика достаточно знаний о предмете, описываемом в тексте оригинала» [Н.К. Гарбовский, 2007, с.546]. Многие ошибочно полагают, что для успешного перевода достаточно в совершенстве знать терминологию той или иной тематики. Например, переводчик, осведомленный в юридической терминологии, с легкостью переведет такие сочетания, как *therapy, peace*

officer, profiling, которые в юридическом тексте имеют значения *перевоспитание, офицер полиции, психологическое тестирование заключенных*. Однако не всегда легко найти эквивалент встретившемуся в юридической сфере термину. Как отмечалось выше, в языке перевода могут отсутствовать словесные конструкции, которые достаточно точно могли бы описать термины исходного языка. Таким образом, для переводчиков правовых текстов большой интерес представляет перевод безэквивалентной лексики и проблема эквивалентности. Задача, с которой сталкивается переводчик в данном случае: правильная передача названия предметов реальной действительности в их взаимосвязи с прямыми и косвенными значениями и правильная передача представлений автора о значениях предметов и их взаимосвязях.

Возвращаясь к обсуждению переводческих ошибок, отметим, что трудности в переводе правового документа также может вызвать неоправданное использование заимствованных слов. Немотивированное употребление иноязычных слов исходного языка вместо уже существующих в переводящем языке является наиболее типичной переводческой ошибкой. Например, для обозначения привычного понятия «реклама» перевод «паблисити», «эксклюзивный» вместо «исключительный». Отметим, что в документах не должны употребляться слова и выражения, вышедшие из употребления (архаизмы и историзмы), хотя это присуще английским текстам юридической тематики.

Представив основные особенности языка правовых документов с точки зрения теории перевода, мы делаем вывод, что при переводе правовой документации обычных навыков переводчика явно недостаточно. Без определенных познаний в соответствующей области права, без знания специфики конкретного вида правоотношений верный перевод невозможен. Переводчику необходимо ориентироваться в действующем законодательстве, владеть специальной лексикой и учитывать особенности использования иностранной юридической терминологии в конкретном контексте. Отметим, что в случае письменного перевода текста, окончательный перевод всегда выверяется с консультантом-юристом.

Необходимо выделить основные требования к содержанию перевода правовых документов.

1. Однозначность используемых слов и терминов. Слово в тексте документа должно употребляться только в значении, принятом в юридической практике. В связи с этим затруднения в употреблении могут вызывать слова–паронимы (слова, близкие по звучанию, родственные, однокоренные слова, различающиеся значением).

2. Нейтральный тон изложения. Языковые средства, нейтральные по своей стилистической окраске. Использование разговорных, просторечных, диалектных и

других слов и фразеологических оборотов в юридической речи недопустимо. Нейтральный тон изложения является нормой делового этикета.

3. Смысловая достаточность и лаконичность текста. Сжатость изложения.

Невыполнение этих требований, с одной стороны, затрудняет работу с документами, а с другой – лишает или снижает их юридическую и практическую значимость.

При переводе правовых документов нужно учитывать, что текстовые конвенции в языке оригинала часто зависят от культурных и ментальных особенностей и иногда, при буквальном переводе, полностью теряют вложенный в них смысл. В последнее время актуальными стали исследования языка в плане его взаимодействия с культурой.

«*A different language is a different vision of life*» Federico Fellini. «Другой язык – это другое видение жизни» Федерико Феллини. Смело можно утверждать, что именно перевод является посредником в процессе постижения и понимания разных культур, в осуществлении контактов и общении между ними. Согласно утверждению И.И. Халеевой, перевод означает не только переход от одного языка к другому, сколько переход от одной культуры к другой [Халеева, 1989, с. 203]. Рассмотрение факторов перевода текста в условиях межкультурной коммуникации строится с учетом основных особенностей языковой культуры. Главенствующую роль в этой связи играет не только обладание переводчиком социальными знаниями правовых норм, юридической терминологии, судебной-процессуальных систем, но и личностные качества переводчика, поскольку перевод любого текста предполагает взаимодействие суверенных национальных языков и культурных концептов. По мнению чешских лингвистов В. Матезиуса и В. Прохазки, перевод – это не только замена языка, но и функциональная замена элементов культуры. Отметим, что понятие «взаимодействия культур» подразумевает наличие общих элементов, и несовпадений/совпадений, которое позволяет отличить одну лингвокультурную общность от другой. Подчеркнем, что разные страны имеют свои различные юридические системы и язык каждой нации содержит собственные юридические термины. Лингвистическая эквивалентность юридических понятий часто не достижима. При выполнении перевода правовых документов особое внимание должно уделяться лексической безэквивалентности, так как во всех языках существуют слова и устойчивые словосочетания иностранного языка, не имеющие более или менее полных соответствий в виде лексических единиц. Например, большинству русскоязычных не известны такие явления, как *primaries* (англ.) – *предварительные выборы, определяющие кандидатов в президенты от двух политических партий в США*:

This gives him the right of participating **in primaries**. *Это дает ему право принять участие в предварительных выборах.*

Или, например, *Viordire* (англ.) – *допрос присяжных для выявления их возможной предубежденности:*

The prospective jurors are generally subject to further interrogation about their possible biases. This examination is known as **viordire**. *Предполагаемые присяжные обычно подвергаются дальнейшему допросу на предмет их возможной предубежденности. Эта процедура носит название viordire.*

Рассмотрим перевод словосочетаний, обозначающих реалии, не существующие в практике русской судебно-правовой системы. **Limited divorce, indeterminate sentence, Department of the Interior, Index crimes, Crime index, sensibility training, verbal judo**. Во всех представленных ниже случаях, переводчику необходимо компенсировать объективную неточность перевода культурологическим комментарием.

Так, **limited divorce**- это *раздельное проживание супругов по решению суда,*

Indeterminate sentence- *это приговор суда с неопределенным сроком тюремного заключения, когда реальный срок пребывания в тюрьме определяется тюремной администрацией или специальной комиссией, принимающими во внимание поведение заключенного, состояние его здоровья и другие обстоятельства.*

Department of the Interior, переводимое как *Департамент (Министерство) внутренних дел*, обязательно «предполагает уточнение, что в США и России - это федеральные органы, наделенные разными полномочиями: в США Департамент внутренних дел отвечает за состояние дорог, охрану окружающей среды, соблюдение экологических законов и потому не является силовым правоохранительным ведомством».

Crime Index - это список из 8 наиболее тяжких преступлений, среди которых 4 типа преступлений против личности (*murder, sexual assault, robbery, aggravated assault*) и 4 - против собственности (*burglary, larceny, car theft, arson*). Соответственно, **Index crimes**- это перечисленные выше типы преступлений. Данный пример интересен тем, что наглядно демонстрирует несовпадение некоторых норм уголовного правосудия в США и России. Так, при переводе юридических текстов у специалистов возникает недоумение, почему такие тяжкие с точки зрения российского законодательства преступления, как *kidnapping of children*(похищение детей), *all drug offenses*(все преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков), *unlawful use of weapons* (незаконное применение оружия), не входят в число так называемых “индексных” (то есть, наиболее тяжких) преступлений.

Sensibility training- это курс обучения общению полицейского с различными группами людей в кризисных ситуациях (ведение переговоров с террористами; опрос потерпевших, находящихся в состоянии психологической травмы, и т.д.).

Verbal Judo, часто переводимое как *словесное дзюдо*, требует уточнения, типа “методика применения определенных языковых средств с целью достижения полицейским результатов в общении с людьми”. Таким образом, эквивалентный перевод таких словосочетаний, как *sensibility training* или *verbal judo* требуют от переводчика не только лингвистической компетенции, но и особого проникновения в сферу профессиональной культуры полиции.

На основе данных примеров, можно утверждать, что безусловный интерес представляют терминологические словосочетания, которые обозначают реалии, несвойственные русскоязычной юридической практике, но представляющие определенный интерес для специалистов и потому активно дискутируемых в профессиональной среде юристов. Рассмотрим пример перевода словосочетаний *plea/charge bargaining, plea bargain*, которые переводятся на русский язык как *судебный торг*. Однако такой перевод требует переводческого комментария-пояснения: *судебный торг - это своего рода досудебный процесс переговоров между судьей, адвокатами обвиняемого и потерпевшего о том, что в случае признания своей вины в совершении преступления обвиняемый может рассчитывать на более мягкий приговор суда или вообще избежать судебного преследования*. Часто при переводе этого словосочетания переводчики дают неполный вариант - *мировое соглашение*, что существенно сужает суть американской правовой реалии. Как отмечает Н.А. Давыдова, реалии для переводчика представляют существенную сложность, поскольку для перевода таких языковых единиц необходимо провести исследование по теме, приобрести фоновые знания о культуре и традициях страны [Давыдова, с.150]. Одним из наиболее ярких примеров является перевод текстов, связанных с судебной системой Великобритании.

В.В. Муравьев помимо реалий выделяет так называемые ассоциативные лакуны - отсутствие в переводе дополнительных ассоциаций, с которыми связывается такое исходное слово в сознании носителя языка, или несовпадение таких ассоциаций при совпадении референциального значения слова. [Муравьев, 1975, с.213].

Как отмечает В.М. Нестерович, каждая правовая система содержит только ей присущие термины, возникновение которых обусловлено историко-культурной спецификой развития данной правовой системы, и не используемые в других правовых системах. По мнению В.М. Нестеровича, перевод таких юридических терминов предусматривает поиск эквивалентного

юридического термина. Приведем примеры основных способов перевода юридических терминов. «Для осуществления перевода термина необходимо, чтобы в ПЯ существовал термин-эквивалент и переводчик знал не только факт его наличия, но и точную форму. Термин-эквивалент на ПЯ должен полностью соответствовать термину на ИЯ в отношении его предметного содержания и употребления в том же значении в данной области науки» [Влахов, Флорин, 1980, с.278]. Однако при обращении к словарям не всегда можно найти универсальную замену переводимому слову. Для установления эквивалентности слов переводчик вынужден прибегать к лексическим (структура и форма слова, звуковое и графическое выражение слова на письме) и лексико-семантическим (касаются значения слов) трансформациям. Пример фонетической имитации исходного слова: *moneyval* (англ.) – *манивал*. Данный прием является примером переводческой транскрипции, при которой происходит пофонемное воссоздание исходной лексической единицы с помощью фонем переводящего языка. При переводе терминов часто используется прием *транслитерации* - формальное буквенное воссоздание исходной лексической единицы с помощью алфавита переводящего языка: *fatf* - *фатф*. Таким образом, можно наблюдать значительное пополнение русской юридической терминологической системы посредством данного приема: *arbitrage* – «арбитраж», *defamation* – «диффамация», *discrimination* – «дискриминация».

Калькирование применяется для языковых единиц, которые. В случае, когда языковые единицы не имеют непосредственного соответствия в ПЯ, применяется метод калькирования, т.е. с сохранением исходной структуры. Приведем следующие примеры:

According to law – «в соответствии с законом» [Большой англо-русский и русско-английский словарь]; *actual possession* – «фактическое владение» [Универсальный русско-английский словарь]; *adjustment of debts* – «улаживание долгов» [Большой новый Англо-Русский словарь]; *alienation of property* – «отчуждение имущества» [Универсальный русско-английский словарь].

В случае отсутствия соответствующего значения термина в языке перевода может быть также использован метод описательного перевода. Например *coroner* (англ.) – «следователь по делам, связанным с насильственной и скоропостижной смертью», *annuity* (англ.) - регулярно поступающие платежи; ежегодная рента [Англо-русский юридический словарь].

Данный прием широко использовался ранее для объяснения отдельных юридических аспектов, которые отсутствовали в русском законодательстве.

Необходимо отметить, что в последние годы, взаимопроникновение терминов терминологические юридические системы обеих стран приводит к резкому сокращению случаев использования данного способа перевода.

Исходя из вышеизложенного, утверждаем, что переводчик, осуществляя перевод правового документа, намеренно отступает от структурного и смыслового соответствия между двумя сторонами коммуникации в пользу их равноценности в плане воздействия. Так, юридический текст – одна из важнейших жизненных форм выражения права.

Рассматривая перевод правовых документов как разновидность специального перевода можно сделать следующие выводы. Перевод правовых документов, как объектов юридического перевода, представляет собой сложный процесс, в котором необходимо применение особых подходов при переводе. Для успешного перевода юридических текстов и текстов правовых документов в частности недостаточно совершенных знаний терминологии присущей данного рода текстам, необходима также осведомленность в самой сфере применения юридических текстов, что позволит переводчику наиболее точно подобрать эквивалент какому-либо фиксированному сочетанию или встретившемуся термину. На примере юридического перевода можно совершенно точно утверждать, что необходимо ещё и досконально разбираться в культурных особенностях носителей исходного языка, в специфических конструкциях, присущих только им. Правовой документ, либо иной письменный носитель переводной юридической информации, имеет текстовые особенности, своеобразное языковое выражение.

Список литературы:

- Алимов В.В. Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации: Учебное пособие / В.В. Алимов. - М., 2004. – с.13.
- Алимов В.В. Юридический перевод: практический курс. Английский язык: Учебное пособие. Изд. 3-е, стереотипное. - М.: Ком Книга, 2005. - 160 с.
- Введенская Л.А., Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю. Русский язык. Культура речи. Деловое общение. Изд. 2-е. –М.: КНОРУС, 2014. - 424с.
- Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. - М.: Международные отношения, 1980. - 342 с.
- Власенко С. В. Перевод юридического текста: когнитивные особенности номинации и реалии-профессионализмы в языковой паре английский-русский//Филологические науки в МГИМО. Сборник научных трудов № 21 (37). М.: МГИМО, 2005
- Гарбовский Н.К. Теория перевода. - М.: Изд-во МГУ, 2004.
- Гринев С.В. Введение в терминографию. - М.: Наука, 1995. – 158 с.
- Муравьев В.Л. Лексические лакуны. – Владимир: Изд-во ВГУ, 1975. – 20 с.

Нестерович В.М. Проблемы перевода юридических терминов // Право и управление. XXI век. - 2011. - № 2. - С. 77-79.

Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков). – М.: Высшая школа, 1989. – 240 с.

Англо-русский юридический словарь [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://law_en_ru.academic.ru.

Большой англо-русский и русско-английский словарь [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/eng_rus/405538/according.

Большой юридический энциклопедический словарь / Под ред. А.Б. Барихина. - М., 2004. – с.683.

**Швайко Я.В.
Юсупова Ю.Р.**

Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы
г. Уфа (Respublika Bashkortostan)

**Shvayko Yaroslav
Yusupova Yulia**

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla
Ufa (Bashkortostan)

*КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ АНГЛИЙСКИХ
ГЛАГОЛОВ ОБУЧЕНИЯ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ*

*COGNITIVE BASIS OF REPRESENTATION OF ENGLISH "TEACHING" VERBS'
MEANING IN DICTIONARIES*

В настоящей статье на примере английских глаголов обучения (*teach, instruct, direct, guide, inform, improve, convince, train, educate, qualify*) демонстрируется механизм выявления когнитивных оснований представления значения языковых единиц в лексикографических источниках. Анализ дефиниций глаголов обучения, представленных в современных лексикографических источниках, показал, что зачастую указанные словные единицы трактуются через синонимы либо через гетерогенные понятия, требующие дальнейшего трактования.

Инструментарий гипотетико-дедуктивного метода позволяет выдвигать предположения о присутствии того или иного дифференциального семантического признака в составе семантической роли левостороннего или правостороннего актанта денотативной ситуации, номинируемой лексической единицей. Выдвигаемые гипотезы проходят верификацию с использованием специальной системы тестирования.

Для получения более исчерпывающей картины значения английских глаголов обучения помимо моделирования ролевой семантики устанавливаются типы предикатов с точки зрения степени локализации/абстракции денотата предиката на/от оси времени.

На основе полученных результатов, а именно установленных когнитивных оснований, формулируются семантические модели значения глаголов обучения с использованием специального метаязыка.

The present article demonstrates the methodology of detection of cognitive basis of representation of lexical units' meaning in lexicographic sources through the example of English "teaching" verbs (*teach, instruct, direct, guide, inform, improve, convince, train, educate, qualify*). A pre-research analysis of "teaching" verbs' definitions in the present-day lexicographic sources revealed that the given lexemes are frequently defined through synonyms or through heterogenic concepts, requiring further interpretation.

The "toolkit" of hypothetical-deductive method allows putting forward assumptions about availability or certain differential feature in the semantic role of left-hand or right-hand actant of situation, denoted by the lexeme. All hypotheses made therefore have passed verification through a tailor-made testing system.

In order to create a complete model of meaning of English "teaching" verbs, it is not enough to disclose the actant roles, but also to state the types of predicates from the point of view of degree of localization/abstraction of predicate denotatum on/from the time axis.

Thus disclosed cognitive bases allow building up semantic models of English "teaching" verbs utilizing a proprietary metalanguage.

Ключевые слова: номинация (область номинации, номинационное поле), лексическая единица, синонимическая группа, лексико-семантический вариант, семантическая информация, лексикографический источник, когнитивное основание, денотат (денотативная ситуация,

локализация/актуализация денотата предиката на оси времени, степень абстрагированности денотата предиката от оси времени), дифференциальная семасиология, интегральный семантический признак, дифференциальный семантический признак, семантическая роль, актанта, моногенный предикат, гетерогенный предикат, гештальт, прототипическое значение, ментальное пространство, метаязыковая модель, концептуализация.

Key words: nomination (field/area of nomination), lexical unit, synonymic row, lexical-semantic variant, semantic data, lexicographic source, cognitive basis, denotatum (denotative situation, localization of predicate denotatum on the time axis, degree of abstraction of predicate denotatum from the time axis), differential semasiology, integral semantic feature, differential semantic feature, semantic role, actant, monogenic predicate, heterogenic predicate, gestalt, prototypic meaning, mental space, metalinguistic model, conceptualization.

Исследования, направленные на изучение значения языковых единиц, всегда являлись одним из ключевых направлений в лингвистике и остаются актуальными и по сей день. Системный анализ лексикографических источников показал, что информация, представленная в большинстве толковых словарей, зачастую не позволяет точно определить значение той или иной языковой единицы. Особенно это касается слов близких по значению, входящих в одну синонимическую группу. В связи с этим в современной лингвистике чётко обозначилось особое направление, суть которого сводится к уточнению области номинации близких по значению языковых единиц.

Объектом отдельного исследования стали английские глаголы сферы образования. В ходе анализа англоязычных синонимических словарей было выявлено 48 глаголов со значением “обучения” и тяготеющих к ним единиц. В дальнейшем было отобрано 10 глаголов, которые являются наиболее частотными и наглядно иллюстрируют специфику данного пласта лексики. Сюда вошли глаголы *teach, instruct, direct, guide, inform, improve, convince, train, educate, qualify*. Анализ словарных статей данных глаголов, представленных в современных аутентичных толковых, а также англо-русских и русско-английских словарях отечественных авторов показал, что информация, имеющаяся в них, не позволяет чётко обозначить область номинации каждого глагола и выделить его на фоне остальных, схожих по значению единиц, т.к. зачастую одна лексическая единица трактуется через другие, например:

<i>teach</i>	1. if you teach someone something you give them instructions so that they know about it or how to do it [BBCED].
<i>instruct</i>	1. to communicate knowledge to; teach; educate [WNWCD].
<i>train</i>	1. to instruct so as to make proficient or qualified [WNWCD].
<i>educate</i>	1. to teach or train through formal instruction at school or college... [LDELIC].

Как мы видим, глагол *instruct* определяется через *teach*; *train* через *instruct*, и *qualify*, а *educate* через *train* и тот же *teach*.

Ч. Филлмор и ряд других авторов, говоря о способах представления семантической информации в лексикографических источниках, считают данный принцип ошибочным. Сам Ч. Филлмор говорит по этому поводу буквально следующее: “неправильно вводить в словарь максимальное количество перекрёстных ссылок, т.е. использовать в толкованиях одних лексем другие лексемы естественного языка, уже истолкованные в данном словаре, это” по мнению Ч. Филлмора ”вынуждает нас (людей пользующихся словарями) принимать произвольные решения” [Филлмор, 1983, с. 26-30].

Новейшие исследования, как отечественных, так и зарубежных лингвистов, в области конструирования значения лингвистических единиц, наглядно продемонстрировали, что для эффективного и результативного решения подобной задачи необходимо осуществить идентификацию когнитивных оснований, лежащих в основании языкового знака. Под “когнитивными основаниями” понимаются мыслительные категории и конструкции, а также параметры денотативной ситуации, свойства актантов, дифференциальные семантические признаки, степень абстрагирования денотата предиката от оси времени. Именно эти параметры, по мнению когнитивистов, составляют номинационное поле языковой единицы. [Лакофф, 1981; Чейф, 1975; Jackendoff, 1993; Кубрякова, 1992; Селиверстова, 2004; Шабанова, 1998, Амирова, 2002; Сулейманова 2004].

Для установления когнитивных оснований представления значения языковых единиц в лексикографических источниках и, как следствие, условий их употребления, представляется целесообразным применять структурный подход, который предполагает трактовку значения как совокупности наиболее существенных признаков. Л.М. Васильев, отмечая достоинства такого метода, писал, что “дискретность является одним из обязательных свойств языкового значения, определяющих системный характер языка” [Васильев, 1981, с. 5-6]

В рамках структурной лингвистики, а точнее такого её направления, как дифференциальная семасиология, трактовка значения лексических единиц осуществляется через набор интегральных и дифференциальных семантических признаков. В данное направление в разное время внесли существенный вклад такие отечественные и зарубежные лингвисты как Лакофф, Вендлер, Чейф, Джекендофф, Кук, Андерсон, Даути, Дик, Круз, Фрид, Лайонз, Вежбицкая, Апресян, Васильев, Кубрякова, Селиверстова, Шабанова, Амирова, Сулейманова, Швайко, Шерсткова и др.

[Лакофф, 1981; Vendler, 1967; Чейф, 1975; Jackendoff, 1993; Cook, 1979; Anderson 1977; Dowty, 1991; Dik, 1979; Cruse, 2004; Freed, 1979; Lyons, 1996; Вежбицкая, 1983; Апресян, 1995; Васильев, 1990, Кубрякова, 1992; Селиверстова, 2004; Шабанова, 1998; Амирова, 2002; Сулейманова, 2004; Швайко, 2012; Шерсткова, 2009].

Интегральные признаки – это те признаки, которые определяют принадлежность того или иного слова к конкретному пласту лексики, единой синонимической группе. Применительно к исследуемым глаголам сферы образования интегральным признаком будет “передача информации от субъекта к объекту, который в результате качественного изменения становится её носителем”. Дифференциальные же признаки у каждого глагола будут индивидуальными. Они помогают противопоставлять одну лексическую единицу другой, тем самым, ограничивая значение каждой. Применительно к глаголу *instruct* дифференциальным признаком будет “передаваемая от субъекта к объекту информация представляет собой алгоритм выполнения определённой деятельности или поведения”.

Анализ семантической структуры предикатов сферы образования осуществлялся нами по двум направлениям, а именно:

1) в соответствии с семантическими ролями, которыми предикат наделяет актанты предикативной ситуации (субъект и объект). По данному принципу каждая семантическая роль трактовалась на базе семантических признаков, входящих в её состав.

2) по характеру соотношения денотата предиката с осью времени. В соответствии с данным принципом предикаты классифицировались на те, денотаты которых локализируются на оси времени и те, чьи денотаты оказываются в той или иной степени абстрагированными от неё. Здесь выделяются т.н. моногенные и гетерогенные предикаты, т.е. обозначающие одиночные разовые конкретные действия – денотаты данных предикатов локализируются на оси времени в виде точек, либо отрезков различной длины, и предикаты, обозначающие сложные многоузловые действия, состоящие из набора простых и не имеющие точной локализации на оси времени.

Для объяснения гетерогенной природы предиката Дж. Лакофф пользуется понятием гештальта, родоначальниками которого были представители немецкой классической философии Иоган Вольфганг фон Гёте и Иммануил Кант. Гештальт трактуется ими как “некое сложное понятие, состоящее из набора простых, элементарных частиц” [Лакофф, 1981, с. 350-368]. При этом отмечается, что значение гештальта не выводится из значений отдельных частей, входящих в его состав.

Анализ денотатов предикатов в соотношении с осью времени показал, что все из исследуемых единиц, в той или иной степени, относятся к предикатам гетерогенного типа, за исключением тех случаев, когда под влиянием ряда семантических процессов в определённых лексико-семантических вариантах глаголы сферы образования переходят в разряд разовых моногенных конкретных действий, актуализированных в определённый момент времени. Что касается анализа по семантическим ролям, то при помощи системы тестов, разработанной специально для исследуемого пласта лексики, был выявлен набор компонентов, составляющих каждую из семантических ролей соответствующих актантов.

В ходе исследования глагола *teach* было установлено, что в своём ключевом (прототипическом) значении, которое составляет около 97% всех его употреблений, для *teach* характерна следующая семантика (О прототипическом значении языковых единиц см. [Филлмор, 1983; Вежбицкая, 1983]). Субъект, являясь носителем определённой системы ценностей, передаёт её в виде информации объекту, который, претерпевая качественное изменение, также становится её носителем. В данном случае мы имеем дело с т.н. “субъективными знаниями”. Однако анализ языкового материала показывает, что подобная информация может носить и объективный характер. В данном случае субъект также прививает объекту определённую систему ценностей, однако на этот раз она является универсальной для всего человечества, не зависящей от субъекта. Истинность данных положений наглядно иллюстрируется при помощи системы тестов:

I was spoilt by my parents, who taught me to be selfish and overbearing. – J. Austen

I was spoilt by my parents, who taught me to be selfish and overbearing, what was absolutely unacceptable in other families.

Нормативность подобной трансформации свидетельствует о том, что прививаемая субъектами объекту система ценностей является субъективной, т.е. характерной для определённой социальной группы (семьи), а не всего общества в целом.

White-headed old gentleman, who lived near the little church, taught him to read and to write. – Ch. Dickens

**White-headed old gentleman, who lived near the little church, taught him to read and to write according to the standards of their town.*

Ненормативность подобной трансформации подтверждает тот факт, что информация, передаваемая от субъекта к объекту в данной конкретной ситуации, носит объективный характер, т.е. не зависит от взглядов и установок субъекта.

Таким образом, мы имеем дело с двумя вариантами значения глагола *teach*, семантическая структура которых может быть сформулирована следующим образом:

teach 1

RS Семантическая роль субъекта: Деятель

Приложение силы: +

Контроль приложения силы: +

Контроль субъекта за качественным изменением объекта: +

O₁ Характер передаваемой информации: субъективные знания

O₂ Семантическая роль объекта: Качественный Аффект

Семантический тип предиката: действие

teach 2

RS Семантическая роль субъекта: Деятель

Приложение силы: +

Контроль приложения силы: +

Контроль субъекта за качественным изменением объекта: +

O₁ Характер передаваемой информации: объективные знания

O₂ Семантическая роль объекта: Качественный Аффект

Семантический тип предиката: действие

Как мы видим, метаязыковые модели **teach 1** и **teach 2** совпадают по всем параметрам за исключением одного – “характер передаваемой информации” (ХИ). В первом случае мы имеем дело с субъективной системой ценностей, во втором, с объективной. Данный семантический компонент является дифференциальным и определяет существование двух вариантов значения глагола *teach*.

Для глагола *teach* характерно наличие, как Деятеля, так и Агентива в семантической роли субъекта. Отличие между ними заключается в том, что семантическая роль Деятеля включает такой компонент как “контроль субъекта за качественным изменением объекта” (К_КИ), что на денотативном уровне выражается как контроль субъекта за тем, какие результаты будут достигнуты объектом в процессе обучения. Что касается семантической роли Агентива, то в её структуре данный семантический компонент отсутствует, т.е. качественное изменение объекта не контролируется субъектом. Доказательством данного положения могут служить следующие трансформации:

1. Mrs. Hale's extended harangues upon the subjects of wealth and position taught her to distinguish between degrees of wealth. – Th. Dreiser

Mrs. Hale's extended harangues upon the subjects of wealth and position unintentionally taught her to distinguish between degrees of wealth.

2. *Going out, the same Broadway taught her a sharper lesson. – Th. Dreiser*

Going out, the same Broadway unexpectedly taught her a sharper lesson.

3. *She knew how to cook. I taught her myself. – S. Maugham*

**She knew how to cook. I taught her myself accidentally.*

Нормативность первых двух трансформаций, а именно, сочетаемость глагола *teach* с обстоятельствами, выражающими случайность, *unintentionally* (невольно) и *unexpectedly* (случайно), при субъекте в семантической роли Агентива доказывает тот факт, что такой компонент как “контроль субъекта за качественным изменением объекта” (К_КИ) отсутствует в данной семантической роли. Что касается третьей трансформации, где субъект выступает в семантической роли Деятель, то она звучит ненормативно с обстоятельством *accidentally*, из чего мы делаем вывод о том, что в семантике субъекта присутствует компонент К_КИ, а действие носит контролируемый и предсказуемый характер. Таким образом, мы формулируем третий вариант значения глагола *teach* с компонентом К_КИ в качестве дифференциального. Что же касается такого параметра семантической роли как “характер передаваемой информации” (ХИ), то она будет объективной, так как в семантической роли субъекта отсутствует такой параметр как “контроль приложения силы” (К_ПС), а следовательно и К_КИ.

teach 3

RS Семантическая роль субъекта: Агентив

Приложение силы: +

Контроль приложения силы: -

Контроль субъекта за качественным изменением объекта: -

O₁ Характер передаваемой информации: объективная

O₂ Семантическая роль объекта: Качественный Аффект

Семантический тип предиката: процесс

Особой семантикой обладает глагол *direct*. Его первоначальное значение заключается в “сообщении субъектом объекту траектории движения в пространстве от исходной точки до пункта назначения”.

He stood at the top of the stairs and directed people to the departments they wanted. – S. Maugham

В данном предложении субъект *he* воздействует на объект *people*, который в результате меняет своё положение в пространстве. Таким образом, в семантической

структуре объекта мы выделяем такой компонент как “изменение положения в пространстве” (ИП), а саму семантическую роль объекта определяем как **Пространственный Аффект**. В данном значении глагол *direct* относится к лексико-семантической группе глаголов “управления” или же “влияния” нежели к глаголам обучения. Однако в результате определённых изменений, которым подвергается семантическая структура глагола *direct*, он может переходить в разряд глаголов обучения, получая соответствующее значение.

God keep you from harm and wrong, direct you, solace you. – Ch. Bronte

В данной примере категория “пространства” в результате метафорического переосмысления трансформируется из физического трёхмерного в некое ментальное. Где в качестве “пунктов назначения” выступают не географические места, а некие “категории”. В данном случае в семантической роли объекта появляется такой компонент как “качественное изменение” (КИ), а сама семантическая роль определяется как **Качественный Аффект**.

Таким образом, оба значения глагола **direct** можно представить в виде метаязыковых моделей с соответствующим набором семантических признаков:

direct 1

RS Семантическая роль субъекта: Деятель, Агентив

Приложение силы: +

Контроль приложения силы: + (-)

O₁ Характер передаваемой информации: траектория движения

O₂ Семантическая роль объекта: Пространственный Аффект

Изменение положения в пространстве: +

Характер изменения: временное

Семантический тип предиката: действие, процесс

direct 2

RS Семантическая роль субъекта: Деятель, Агентив

Приложение силы: +

Контроль приложения силы: + (-)

O₁ Характер передаваемой информации: ценностный ориентир

O₂ Семантическая роль объекта: Качественный Аффект

Качественное изменение: +

Характер изменения: временное

Семантический тип предиката: действие, процесс

Как уже отмечалось выше, с точки зрения своей структуры все исследуемые глаголы относятся к предикатам гетерогенного типа, денотаты которых абстрагируются от оси времени, причём степень подобного абстрагирования различна для каждого предиката. Данный факт подтверждается полученными статистическими данными, которые показывают долю прогрессивных форм, выраженную в процентах, от всех употреблений глагола (*teach* – 12%; *instruct* – 28%; *direct* – 14%; *guide* – 10%; *inform* – 27%; *improve* – 17%; *convince* – 3%; *train* – 16%; *educate* – 42%; *qualify* – 17%). Причиной данных ограничений является “отсутствие таких компонентов как “временная локализованность”, “фазовость” и “приложение силы” в семантической структуре предиката. Семантический компонент “фазовости” заключается в том, что денотат предиката, являясь локализованным на оси времени, состоит из определённого набора частей, непрерывно сменяющих друг друга” [Шабанова, 1998, с. 96-97].

Тем не менее, под влиянием определённых семантических механизмов данные ограничения могут сниматься. К таким механизмам относятся: 1) концептуализация пофазового изменения самого временного отрезка, в течение которого имела место денотативная ситуация; 2) переход предиката из разряда абстрагированных в разряд разовых конкретных действий, актуализированных в определённый момент времени; 3) смешанный механизм, объединяющий в себе особенности первого и второго.

В качестве иллюстрации первого механизма можно привести следующий пример:
Moqtada al-Sadr has reportedly been instructing his militia, the Mahdi Army, to keep the peace in Shia areas during the election. – USA Today

В данном предложении действие глагола *instruct* “локализуется на оси времени” и отличается “фазовостью” при сохранении параметра “приложение силы”. Субъект *Moqtada al-Sadr*, выступая в семантической роли Деятеля, сообщает объекту *Mahdi Army* определённый алгоритм поведения на период времени, ограниченный чёткими временными рамками, *during the election*.

Принадлежность ко второму типу проверяться при помощи субституции, предполагающей замену гетерогенного предиката на конкретное разовое действие, например:

1. *Mr. Collins was carefully instructing them in what they were to expect. – J. Austen*
Mr. Collins was carefully telling them what they were to expect.
2. *Bonamy broke off and pushed Sanders into the arm-chair, and said Mr. Sanders had smashed the coffee-pot and he was teaching Mr. Sanders. – V. Woolf*
- and he was yelling at Mr. Sanders.

- and he was scolding Mr. Sanders.
- and he was beating Mr. Sanders.

3. *They went along under the trees of the highroad. He was constantly informing her, but she was not interested.* – D. Lawrence

They went along under the trees of the highroad. He was constantly narrating something to her, but she was not interested.

Как мы видим из данных примеров, нормативность всех трёх предложений сохраняется после замены гетерогенных глаголов *instruct*, *teach/inform*, являющихся абстрактным по своей природе, на конкретные разовые *tell*, *yell*, *scold*, *beat* и *narrate*. Это означает, что в данных лексико-семантических вариантах под влиянием ряда семантических процессов имеет место переход глаголов из разряда абстрактных в разряд конкретных, чьи денотаты актуализируются на оси времени в виде отрезков с чёткоопределёнными границами.

Иллюстрацией третьего механизма может служить следующее предложение:

Maggie was instructing the gypsies with a view toward achieving a royal position among them. – G. Eliot

В данном предложении имеется обстоятельство, выражающее манеру поведения субъекта в определённый момент времени, *with a view toward achieving a royal position among them*, подтверждающее тот факт, что актуализируется некий отрезок времени, в течение которого имеет место действие, обозначаемое глаголом *instruct*. То же обстоятельство может выступать в качестве характеристики конкретного действия субъекта. Данный факт подтверждается нормативностью ситуации после замены *instruct* на другой глагол, выражающий конкретное разовое одноузловое действие, например:

Maggie was speaking to the gypsies with a view toward achieving a royal position among them.

Объяснение данного лингвистического феномена кроется в степени гетерогенности глагола *instruct* по сравнению с остальными лексическими единицами, относящимися к глаголам обучения. По сравнению с *teach* и *educate*, которые также относятся к разряду гетерогенных предикатов, *instruct* включает гораздо меньшее количество элементарных действий, входящих в состав некоего “алгоритма”. Все эти действия поддаются идентификации путём чисто логических размышлений. Что же касается *teach* и *educate*, то невозможно определить все простые действия, входящие в состав данных сложных конструкторов. Очевидно, что для этого требуется привлечение достаточно сложной системы тестирования. Таким образом, мы делаем вывод о том, что глагол *instruct*, характеризуется более низкой степенью гетерогенности по сравнению с

остальными глаголами обучения, и его денотат оказывается в меньшей степени абстрагирован от оси времени, что обуславливает большую гибкость употребления данного глагола в прогрессивных формах.

В ходе исследования были проанализированы все отобранные глаголы, входящие в синонимическую группу глаголов обучения. Были установлены параметры ситуации, в которых используется та или иная лексическая единица и сформулированы метаязыковые модели с соответствующим набором семантических признаков, что позволило уточнить область номинации каждого глагола и, как следствие определить когнитивные основания представления значения глаголов обучения в лексикографических источниках. Кроме того, были установлены механизмы снятия ограничения на употребление прогрессива с глаголами обучения. Полученные в ходе исследования данные, а именно параметры ситуации употребления глаголов *teach, instruct, direct, guide, inform, improve, convince, train, educate* и *qualify*, могут быть использованы при формулировании словарных статей указанных лексических единиц.

Список литературы

- Амирова О.Г.* Семантическая модель английских глаголов управления (на материале английских глаголов *govern, rule, manage, run*). Самара, 2002. 180 с.
- Апресян Ю.Д.* Избранные труды: в 2 т. М.: Школа. Языки русской культуры, 1995. Т. 1. Лексическая семантика. 472 с.
- Васильев Л.М.* Современная лингвистическая семантика. М.: Высш. шк., 1990. 176 с.
- Вежбицкая А.* Семантические примитивы // Семиотика. М., 1983. С. 225-252.
- Кубрякова Е.С.* Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка: Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 84-90.
- Лакофф Дж.* Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1981. Вып X: Лингвистическая семантика. С. 350-368.
- Селиверстова О.Н.* Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 960 с.
- Сулейманова Д.М.* Семантическая модель снятия ограничения на употребление прогрессивного разряда (на материале английских глаголов статального характера). Уфа, 2004.
- Филлмор Ч.* Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. М: Прогресс, 1983.
- Чейф У.* Значение и структура языка. М.: Наука, 1975. 432 с.
- Шабанова Т.Д.* Семантическая модель английских глаголов зрения (Теоретико-экспериментальное исследование). М.: ИЯ РАН – Уфа, 1998. 199 с.
- Швайко Я.В.* От семантики к когнитивистике: конструирование семантической модели английских глаголов обучения: монография [Текст]. Уфа: Изд-во БГПУ, 2012. 111 с.
- Anderson, J.M.* On case grammar: Prologema to a theory of grammatical relations. London, 1977. 313 p.
- Cook, W.A.* Case Grammar: Development of the Matrix Model. Washington: Georgetown Univ. Press, 1979. 223 p.

- Cruse, A.* Meaning in Language. An Introduction to Semantics and Pragmatics. Second Edition. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004. 441 p.
- Dik, S.C.* Functional Grammar. – Amsterdam, etc.: North Holland Publ. CO., 1979. 230 p.
- Dowty, D.* Thematic Roles and Argument Selection // *Language*. 1991. Vol. 67. № 3. P. 547-613.
- Freed, A.F.* The Semantics of English Aspectual Complementation. Dordrecht; London, 1979. 172 p.
- Jackendoff, R.* Semantics and Cognition. Cambridge: The MIT Press, 1993. 283 p.
- Lakoff, G.* Linguistic Gestalts // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М: Прогресс, 1981.
- Lyons, J.* Linguistic Semantics: An Introduction. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996. 376 p.
- Vendler, Z.* Linguistics in Philosophy. Ithaca, 1967. 204 p.

Словари

- CCELD – Collins Cobuild English Language Dictionary. – by William Collins Sons & Co Ltd. London, 1990.
- BBCED – BBC English Dictionary. – by John Sinclair. BBC English and HarperCollins Publishers Ltd., 1992.
- WNWCD – Webster's New World College Dictionary. Forth Edition. – by Michael Agnes. IDGBooksWorldwide, Inc., 2001.

**КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Аллахвердиева Ф.Ш. гызы
Бакинский славянский университет
г. Баку (Азербайджан)

Allahverdiyeva Fidan
Baku Slavic University
Baku (Azerbaijan)

*КОНЦЕПТ «ЖИВОТНОЕ» – КАК ПРЕДМЕТ СОПОСТАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВ В
ЭТНОКУЛЬТУРАХ*

*CONCEPT "ANIMAL" – SUBJECT OF COMPARISON OF IMAGES IN THE
ETHNOCULTURE*

Исследование посвящено сопоставлению паремий связанных с понятием «животное» и зооморфическими образами. Это одной из наиболее значимых и интересных направлений в этнокультурах.

Вместе с тем, в переводоведении эта направление нуждается в последовательном изучении.

В настоящей статье в сопоставительном плане раскрывается процесс адаптации пословиц, поговорок при переводе их с одного языка на другой – в данном случае с греческого на русский и азербайджанский языки.

Благодаря переводу, мы можем сравнивать одни языки с другими, находить в них то, что их объединяет или различает, и судить, насколько схожи они или специфичны в выражении чувств и мыслей. В мире много языков и каждый обладает сложной природой и специфическим механизмом функционирования. Они построены по принципу: многоизодного.

Research is devoted to the comparison of proverbs related to the concept of "animal" and zoomorphic images. This is one of the most significant and interesting destinations in ethnoculture.

However, in translation this problem needs consecutive study. All the research devoted to the comparative analysis, also to the adaptation of proverbs when translating them from one language to another. For examples were given translations of proverbs from Greek into Russian and Azerbaijani languages.

In translation, we can compare one with the other languages and try to judge how similar or specific in terms of feelings and thoughts. Many languages in the world and each has a complex nature the specific mechanism of functioning. They are built on the principle: many of one.

Ключевые слова: зооморфизм, животное, маска, образ, метафора, этнокультура.

Key words: zoomorphism, animal, mask, image, metaphor, ethnoculture.

Слово «маска» известно всем народам мира. В большинстве европейских языков даже звучит одинаково и имеет один и тот же корень. Наша цель заключается ни в толковании и «преследованиях» этого слова с лингвистической точки зрения, а в раскрытии понятия, отражающее существенные свойства, связи и отношения предметов и явлений в их противоречии и развитии в разных этнокультурах.

Человек – это Он. «Он» – с греческого языка означает «существо». Живое существо, создание, вылепленное, оформленное – это «πλάσμα». В физике «плазма» это ионизованный газ, в котором концентрации положительных и отрицательных зарядов равны; астрофизика – в состоянии плазмы находится подавляющая часть вещества Вселенной: звезды, галактические туманности и межзвёздная среда; в медицине – жидкая, полупрозрачная часть крови.

В Коране, переведённом на греческий язык, в известной 112-й суре Аль-Ихлас, во втором стихе используется слово «πλάσμα» –

2. АЛЛАХ, ο Αιώνιος, ο Απόλυτος
(απ' τον ολοίον όλα τα πλάσματα έχουν
ανάγκη).

Дословно: Аллах, «αιώνιος» вечный, «απόλυτος» безусловный; абсолютный, (в Ком нуждаются все *создания*).

Человеку, как любому живому созданию, свойственно надевать маску: будь то первобытный человек, выходящий с маской зверя на охоту, или аборигены, надевавшие ритуальные маски для устрашения злых духов, будь то любители дорогостоящих венецианских костюмированных карнавалов с изящными масками или же современный пользователь киберпространства, сидящий в социальных сетях не под своим именем и кошкой на аватарке.

Современное слово, сленг «аватарка», «аватар», более известное пользователям интернета, как изображение персонального профиля (аккаунта), небольшое статичное или анимированное изображение пользователя, представляющее его в блогах, чатах и т. п., как не странно имеет прямое отношение к понятию «маска», а также имеет более древние корни. «Аватара» – अवतार *avatāra* санскр. «нисхождение» (бога), в индуизме воплощение, инкарнация бога Вишну в облике героев Кришны, Рамы, вепря, карлика, рыбы и пр., совершающих подвиги на земле. В мифах наиболее известны десять аватар Вишну.

Всем известна поговорка «волк в овечьей шкуре» – греч.: «λύκος μέ προβιά αρνίου» – из Библии: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» (Матф. 7:15). Все единогласно трактуют её так: лицемер, человек, скрывающий свои дурные намерения, действия под *маской* добродетели. Корни этого выражения можно найти в «Одиссее» Гомера, глава «Одиссей на острове циклопов. Полифем»: о том, как главный герой Одиссей, перехитрил циклопа: «...чтобы спасти товарищей, я связал по три барана и под среднего привязал по одному из своих товарищей. Сам же я, вцепившись руками в густую шерсть

громადного барана, любимца Полифема, повис под ним». Как известно для хитрости нужен острый склад ума, а Одиссей был потомком Гермеса – бога торговли, скорости и хитрости, почитавшийся не только как покровитель скотоводов и пастухов, дорог, путников, купцов, мореплавателей, но и воров.

С другой стороны, каждый по-своему может трактовать выражение «волк в овечьей шкуре» и оценивать образ волка и овцы: волк в овечьей маске или овца-оборотень, паршивая овца или Валаамова ослица?

Понятия добра и зла относительно, но понятия хищник и жертва – вечны. Всем известно, что после укусов бешеных волков, лисиц, шакалов домашний скот уничтожается. А если вдруг остаётся такая, к примеру, овца, то её называют паршивой, бешеной. Парша – это инфекционная болезнь волосистой части головы, реде кожи и ногтей, характеризующаяся очагами облысения и появлением гнойных струпуев. После заражения овца может прожить от трёх до пяти дней, но проявляет изрядную агрессию. Проявляется волчий нор и перевоплощается в овцу – волк в овечьей шкуре. Но только волк может оставаться волком до конца своих дней, овце этого не дано, поэтому она превращается в паршивую. «Ο λύκος κί αν εγέρασε κί άσπρισε το μαλλί του, ούτε τη γνώμη άλλαξε ούτε τη κεφαλή του» – волк по жизни остаётся волком – дословно: хоть и волк состарился, и шерсть его поседела, но мыслей в своей голове не изменил. Как бы прискорбно не звучало – это единственная, мгновенная возможность проявить «овце», как и кротким людям, своего затаившегося зверя, ценой иногда даже собственной жизни, как Валаамова ослица. Согласно древнееврейскому мифу (сохранённому в библейской книге Чисел), ослица прорицателя Валаама, на которой он ехал к царю государства Моав Валаку, чтобы проклясть израильтян, ведших войну с Моавом, и обеспечить моавитянам победу. Валаамова ослица вдруг заговорила, увидев трижды преграждавшего ей путь ангела с обнажённым мечом, а Валаам, прибыв к Валаку, вместо проклятия израильтянам, благословил их. В переносном значении – молчаливый, забытый человек, вдруг произнёсший что-либо достойное внимания. В последнее время в русском языке употребляется преимущественно в ироническом смысле – о молчаливом человеке, неожиданно заговорившем и произнёсшем что-то очень глупое.

Языковая картина мира является интерпретацией отображения мира, специфичной для каждого языка, соответственно и литературы. Понятие «животное» в паремиологическом фонде новогреческого, русского и азербайджанского языков, рассматривается посредством пословиц и поговорок, как отражение системы ценностей и средство хранения культурно-исторической информации. Мы предлагаем исследовать

понятия «животное», «птица», «насекомое» как этнокультурный концепт, который соотносится, с одной стороны, с мировоззренческим восприятием человека, а с другой – с миром культуры, что находит своё место в языке, литературе.

Паремий, связанных с концептом «животное» много. И первой, которая всегда приходит на ум, это – «κομίξει γλαυκά εις Ἀθήνας» – везти сову в Афины – латинский вариант: «Ululam Athenas ferre» – означает «в Тулу со своим самоваром», сюда также подходит «в чужой монастырь со своим указом». Это не значит что, Афины были мировым центром или заповедником по разведению сов в прямом смысле, здесь больше каламбура, игры слов, и поэтому нуждается в пояснении.

Афина Паллада, в древнегреческой мифологии одно из главных божеств, богиня-девственница; почиталась как богиня войны и победы, мудрости, знаний, искусств и ремёсел. Согласно мифу, Афина вышла из головы Зевса при полной амуниции: «В полном вооружении, в блестящем шлеме, с копьём и щитом предстала она пред изумлёнными очами богов-олимпийцев. Афина считалась покровительницей Афин: «Поднял колебатель земли Посейдон свой трезубец, ударил им в скалу, и хлынул солёный источник из бесплодной скалы. А Афина в шлеме, с щитом и в эгиде потрясла своим копьём и глубоко вонзила его в землю. Из земли выросла священная олива. Боги присудили победу Афине, признав её дар Аттике за более ценный»; в честь неё справлялся праздник Панафинеи. В древнеримской мифологии Афина отождествлялась с Минервой. Символом богини Афины была сова, одним из эпитетов был – *Γλαυκώπις* (γλαυκός+ ωψ) – совоокая. Этот эпитет использовался у в основном у Гомера.

Каламбур заключается в том, что слова «сова» и «софос – σοφός – мудрый, мудрец», «софия – σοφία – мудрость» связаны с Афиной: сова – символ мудрости, эпитет «совоокая» значит «с мудрыми глазами», а Афины – центр философии. Соответственно выражение «везти сову в Афины» значит: «прибыть в Афины со своим мудрецом».

Следующий рассматриваемый объект – человеческий недостаток – лень в зооморфическом образе спящей лисы. Если человек ленится, то ему ни успеха, ни благополучия не добиться. У того, кто ленится, средств к существованию или материального достатка не бывает; существование человека оказывается проблематичным. Для более полного раскрытия понятия приведём несколько примеров:

- Η αλεπού που κοιμάται, όρνιθες δεν πιάνει: «Лиса, которая спит, кур не ловит» (перевод мой — Ф. А.).

- Tənbəl yatağan olar (1.509).
- Μετάξι από τον σκόληκα, απ' το μελίτσι μέλι, απ' το κουνούπι τσίμπημα, τίποτε απ' τον τεμπέλη – дословно: «От гусеницы – шелк, от пчелы – мед, от комара – укус, а от лентяя – ничего» (*перевод мой – Ф. А.*).
- Ondan kor şeytan da xeyir görməyib (1.444).

Отметим, что в русских пословицах лентяя сравнивают с самцами домашних животных, т.е. с быком и козлом, от которых не взять ни шерсти, ни молока.

В азербайджанской пословице «Təkədən pendir tutmaq olmaz» говорится о том, что козлёнок – «təkə» не может дать ни молока и соответственно, ни сыра.

Лентяи мало результативны и медлительны в работе. Поскольку лентяй любит отдыхать, поесть, попить, погулять, поспать, но только не работать, то и толк от его труда невелик:

- Μ' απρόθυμο λαγώνικό δε γίνεται καλό κυνήγι: «С ленивой легавой не будет хорошей охоты» (*перевод мой – Ф. А.*).
- Три дня молот, в полтора съел (2.311).

Построенный нами фрейм понятия «животное», представляет собой сложную структуру сознания и является универсальной категорией, объединяющей человека и животное. А главное, включает в себя основную информацию, отражённую в русских, греческих и азербайджанских поговорках, связанную с указанным концептом, и охватывает все признаки, которые в рассматриваемых этнокультурных сообществах, ассоциируются с данным концептом и содержатся в единицах паремиологического фонда. Нами анализируется и интерпретируется фреймовое представление концепта «животное» в ценностных моделях нескольких этносов, проводится сравнительно-сопоставительный анализ данного концепта. Сопоставительный анализ помогает выявить дополнительные прагматические характеристики изучаемого концепта.

Актуальность сопоставительного анализа определяется потребностями изучения фоновых знаний и культурных ассоциаций носителей языка и культуры.

Национально-культурная специфика языковой картины мира зависит во многом от того, какие фрагменты человеческого опыта были лексически зафиксированы и с какой степенью детализации представлены данные фрагменты в каждом из рассматриваемых языков в виде образов, символов и ценностных приоритетов, заложенных в единицах паремиологического фонда.

Проанализировав структуру модели понятия «животное» в русском, новогреческом и азербайджанском языках, мы обнаружили универсальные и

уникальные элементы фрейма: к содержанию претензий нет, но в паремиях практически отсутствуют объединяющие логемы. И в русских, и в греческих, и в азербайджанских паремиях в первую очередь подчёркивается ассоциация человека с животным. Через пословицы, где используются зооморфические образы, человек выражал своё отношение к другому человеку, образу его жизни, пословицы учили как правильно поступить в любой ситуации.

Следующий пример: метафора – для того, чтобы жить, человек должен брать пример с животного. Как птицы, животные едят то, что добудут, так и человек кормится своим трудом:

- Η γκαμήλα, για να φάει τα γαϊδουράγκαθα, τεντώνει το λαιμό της: «Верблюд, чтоб съесть колючку, тянет свою шею» (*перевод мой – Ф. А.*).
- Всякая птица своим носом сыта / кормится (2.318).
- Qurd öz örgüşündə ac qalmaz(1.404).

В азербайджанской паремии «damadama göl olar» легко нажитое сравнивается с водой, а в греческой с фасолью. Для более доступного восприятия используется природный образ капитала:

- Φασούλι το φασούλι γεμίζει το σακκούλι: «Фасоль к фасоли, наполняет мешочек» (*перевод мой – Ф. А.*).
- Покапельке море, по зёрнышку ворох.

В каждом из языков звучит определённая рекомендация: хочешь хорошо жить, не нужно ничего бояться. Здесь используется зооморфный образ трудностей:

- Αν αγαπάς το μέλι, μη φοβάσαι τις μέλισσες / τη μέλισσα: «Если любишь мёд, не бойся пчёл» (*перевод мой – Ф. А.*).
- Zəhmətsiz bal yeməzlər (1.578).

Только благодаря переводу мы можем сравнивать одни языки с другими, находить в них то, что объединяет и отдаляет их друг от друга, и понять насколько схожи или специфичны они в выражении чувств и мыслей.

Список литературы

- Гамидов И.Г. Азербайджанско-русский словарь пословиц и поговорок / И.Г. Гамидов. Баку: ОКА Ofset, 2004. 585 с.
- Даль В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. М.: ЭКСМО, 2002. 614 с.
- Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. М.: Советская энциклопедия, 1966. 535 с.
- Комиссаров В.Н. Теория перевода. М.: Высшая школа, 1990. 251 с.

Хориков И.П., Малеев М.Г. Новогреческо-русский словарь. М.: Культура и традиции, 1993. 856 с.

Большая Советская Энциклопедия. Электронная версия: «The Great Soviet Encyclopedia», 1970-1977.

Кун Н. Легенды и мифы Древней Греции. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://royallib.ru/>

Иманбердиева С.К.
Международная академия бизнеса
г. Алматы (Казахстан)

Imanberdiyeva Saule
International Akademy of Business
Almaty (Kazakhstan)

*ПЕРЕДАЧА КАЗАХСКИХ СЛОВ-РЕАЛИЙ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ КАЗАХСТАНСКИХ ГАЗЕТ)*

*TRANSFER OF THE KAZAKH WORDS REALIAS INTO RUSSIAN (ON A MATERIAL OF
THE KAZAKHSTAN NEWSPAPERS)*

В данной статье рассматриваются передача казахских слов-реалий на русском языке (на основе материале казахстанских газет). Казахский язык очень богат географическими и этнографическими реалиями, которые передают исторические и национальные своеобразия. Авторы газетных статей для воздействия на сознание читателя используют все приемы перевода реалий, что всегда вызывает интерес для исследования данного материала. Безусловно, для правильного перевода реалия необходимо иметь соответствующее фоновое знание. Язык газеты отличается от художественной литературы, соответственно своей основной функции автор может использовать и прецедентный феномен, и пословицы и поговорки для раскрытия значения реалия.

In this article are considered transfer of the Kazakh words realities in Russian (on a basis a material of the Kazakhstan newspapers). The Kazakh language is very rich with geographical and ethnographic realities which transfer historical and national originalities. Authors of newspaper articles for impact on consciousness of the reader use all receptions of transfer of realities that always causes interest for research of this material. Certainly, for a correct translation a reality it is necessary to have respective background knowledge. Language of the newspaper differs from fiction, according to the main function the author can use both a case phenomenon, and proverbs and sayings for value disclosure a reality.

Ключевые слова: слова-реалия, безэквивалентная лексика, газетные заголовки, географические и этнографические реалий, коннотация.

Key words: words realities, bezekvivalentny lexicon, newspaper headings, geographical and ethnographic realities, connotation.

Наш век отличается развитием информационной культуры, это связано с достижениями в области информационной технологии, общедоступностью Интернета.

Объектом данной статьи является передача казахских слов-реалий в текстах, заголовках статей казахстанских газет, которые публикуют свои материалы на русском языке. В научной литературе для передачи сугубо национально-культурных понятия используются разные термины: фоновая лексика, культурно-маркированные слова, национально-маркированные лексические единицы, фоновая информация, реалии. Мы решили использовать последний термин. В лингвистике даётся много определении

слов-реалий, к примеру, Швейцер А.Д. под реалиями понимает «единицы национального языка, обозначающие уникальные референты, свойственные данной лингвокультуре и отсутствующие в сопоставляемой лингвокультурной общности» [Швейцер, 1973, с. 251].

Для анализа заголовков, текстов газетных статей нужно учитывать отношение автора к тому, что отражается в статье, где адресатом выступает масса читателей. Заголовки отличаются своей спецификой, тем, что привлекают повышенное внимание при первом знакомстве со статьёй. В связи с этим заголовки газетных статей должны быть лёгкими для восприятия, информативными и интригующими, т.е. должны вызывать интерес у читателей.

Для создания таких заголовков автор может прибегнуть к любым источникам, т.е.: «ради красного словца» ничего не жалко, но для понимания заголовка обязательно нужно иметь фоновое знание. Употребление в заголовке стереотипного, понятного для собеседника изречения является сигналом принадлежности к данному социуму, связи с его культурой и традициями.

Представляя значительную сложность при переводе, реалии занимают важное место в отражении национально-культурной специфики текста.

Реалии характерны для подъязыка художественной литературы и средств массовой информации, неразрывно связаны с культурой определённого народа.

Приёмы перевода слов-реалий различны: транслитерация, транскрипция, описательный перевод, уподобление, калькирование, трансформационный перевод. Авторы газетных статей используют транскрипцию, так, как значение казахских слов-реалий для русскоязычных казахов известно.

Казахский язык очень богат географическими и этнографическими реалиями, которые передают исторические и национальные своеобразия. Авторы газетных статей для воздействия на сознание читателя используют все приёмы перевода реалий, что всегда вызывает интерес для исследования данного материала. Безусловно, для правильного перевода реалия необходимо иметь соответствующее фоновое знание. Язык газеты отличается от художественной литературы, соответственно своей основной функции автор может использовать и прецедентный феномен, и пословицы и поговорки для раскрытия значения реалия.

На сегодняшний день нет единой классификации культурно-маркированных единиц, и исследователи предлагают различные классификации реалий, основываясь на тех или иных принципах.

Исследователи из общей массы ономастической лексики выделяют ономастические реалии, которые, в отличие от обычных имён собственных, являются всегда национально окрашенными.

Имя собственное – всегда реалия. В речи оно называет действительно существующий или выдуманный объект мысли, лицо или место, единственное в своём роде и неповторимое. В каждом таком имени обычно содержится информация о локальной и национальной принадлежности обозначаемого им объекта, т.е. происходит идентификация этого объекта по отношению к лицу, к месту, к нации, к культуре и т.д.

В целях систематизации необходимо основываться на экстралингвистическом факторе – тематических ассоциациях, так как основным критерием их выделения является фактор семантический, выявляемый в сопоставлении с лексико-семантической системой другого языка. Поскольку, отличительными чертами реалии являются характер её содержания (связь обозначаемого предмета с определённой страной, народностью, социальной общностью) и принадлежность её к определённому периоду времени, то на основе этих признаков исследователями были предложены предметная, временная и местная классификация реалий.

Согласно содержанию фоновой информации охватывает, прежде всего, специфические факты истории и государственного устройства национальной общности, особенности географической среды, характерные предметы материальной культуры прошлого и настоящего, этнографические и фольклорные понятия и т.п. – т.е. всё то, что в теории перевода обычно именуют реалиями. Запас лексических единиц, передающих исследуемую фоновую информацию, по собранным материалам можно разделить на несколько тематических групп:

- *Народные праздники, игры:* Нурсултан Назарбаев поздравил жителей Казахстана с праздником *Курбан айт* (Время, 15.10.2013); *Курбан-айт* (Голос Республики, 02.11.12); Валютная *байга* (Литер, 19.11.09). Русскоязычным читателям Казахстана Курбан айт известен как религиозный праздник мусульман, так как этот день считается выходным, и все казахстанцы в этот день отдыхают.

Байга считается национальной игрой, всем казахстанцам известно, что в праздничные дни могут устроить скачки, в зависимости от расстояния состязания байга делится на подвиды.

- *Административные единицы и государственные институты:* Депутаты *мажилиса* приняли поправки в госбюджет; Возвращение блудного сына в *Акорду* (Голос Республики, 02.11.12); Непринятые «Арома» ты *акимата* (Трибуна, 07.11.12); Как *жолтол* погорел (Время, 20.03.2014); *Жолтол* не будет (Мегаполис, 18.01.2012).

Если для американцев Белый дом – дом Правительства, то для казахстанцев домом Правительства является *Акорда*. Если мажилис – нижняя палата Парламента Республики Казахстан, то акимат – региональный исполнительный орган в Казахстане. Всеми этими реалиями каждый казахстанец сталкивается каждый день, т.е. использует в речи или же их широкому распространению способствуют СМИ. В любом общении собеседники творчески взаимодействуют. Слушающий, получая информацию от говорящего, создаёт свою мысль. Собеседники понимают друг друга, «прикасясь к одним и тем же клавишам инструмента своего духа» [Гумбольдт, 1984, с. 165] в результате в сознании каждого возникают соответствующие понятия. Слова с особыми культурными специфическими значениями отражают не только образ жизни, характерный для языкового коллектива, но и образ мышления.

Не случайно говорят, что любое общение представляет собой взаимодействие «говорящих сознаний» [Бахтин, 1998, с. 361]. Воспринимая слово, человек стремится его осознать, включить в свою картину мира, сделать частью своей системы мировидения.

Совершенно новым для казахстанцев является слово жолпол, которое возникло путём слияния двух слов – жол (дорога) и полиция, т.е. аббревиатура. В заголовке «Как *жолпол* погорел» (Время, 20.03.2014) автор использовал информацию о том, что в результате пожара в подвале дорожной полиции Павлодара сгорели стеллажи с документами экзаменационно-регистрационной службы: результаты экзаменов на получение водительского удостоверения и данные. По датам газетных материалов мы видим, как укрепились эти реалии в СМИ, например, *Жолпол* не будет (Мегаполис, 18.01.2012).

- *Лексика, называющая нейтральные реалии: «Береке»* каждому! (Береке берсин – благополучие для каждого) (Аргументы и факты, 7-13.11.12). Русскоязычные казахстанцы знают, что береке – это благополучие, это усиливается тем, что в скобках автор даёт смысловой перевод: Береке берсин – благополучие каждому.

С чем боролись, на то и наступили Избирателям – на *казы* (Время, 20.03.2014). Казахстан как поликультурное государство представляет собой коммуникативное пространство взаимодействия различных этнических, социальных и культурных сообществ и характеризуется непрерывными контактами этнических групп. Являясь средством человеческой коммуникации и потому социальным и национальным по своей природе, язык не может не нести на себе отпечатки особенности мировоззрения, этнических и культурных ценностей, а также норм поведения, характерных для данного

языкового сообщества [Турумбетова, 2008]. Поэтому пицца сугубо национальная как *казы* стало любимым блюдом для всех казахстанцев.

Алга (вперёд), Казахстан! (Время, 12.02.2014) – это лексика используется в спортивных соревнованиях, поэтому это реалия часто встречается в спортивном блоке.

Ой-бай, Wi-Fi! (Время, 20.03.2014) – автор данной статьи использовал междометие казахского языка ойбай (ой) для выражения удивления, восторга от Wi-Fi. У кого *дастархан* богаче (Время, 20.03.2014) – автор использовал широко известное слово-реалия для передачи информации о потреблении основных продуктов питания в различных регионах Казахстана (в среднем на 1 человека в месяц).

Довели *казан* до «без ручки» (Мегаполис, 03.04.2012), т.е. *Тайказан* стоимость 4,9 млн. тенге, установленный к *Наурузу* на главной площади *Семя*, уже требует реставрации. Для каждого казахстанца Тайказан (огромный казан) символизируется с образом жизни кочевников, тем более они могут увидеть своими глазами этот казан в городе Туркестане и оценить объём.

- *Антропонимы*: Академик *Сатпаев* является мировым рекордсменом по числу открытых им в Центральном Казахстане месторождений и проявлений меди (Аргументы и факты, 7-13.11.12);

- *Топонимы*: *Аркан Керген* (Трибуна, 07.11.12); *Сырдарьинские закаты*(Аргументы и факты,7-13.11.12); *Казахстанский гамбит* (Литер, 7.12.11);

- *Этнонимы*: «Убить Билла» *по-казахски*; *Уснуг казахами*, японцами не проснёмся (Время, 6.12.11); *Нуротановцы за развитие казакша* курес (В Астане народно-демократическая партия «Нур Отан» и фонд развития казакша курес «Казахстан барысы» подписали меморандум о сотрудничестве) (Литер., 06.11.12).

- *Этнические репатрианты*:Оралманам (дословный перевод с казахского: «возвращенец») помогут информацией (Мегаполис, 15.03.2011). Оралманы – этнические казахи-репатрианты, переселяющиеся в Казахстан из соседних стран (Китай, Монголия, Узбекистан, Россия, Киргизия, Иран, Афганистан, Пакистан др.). Автор статьи информирует о том, что в Астане открылся центр информационной поддержки оралманов, где организатором выступило республиканское общественное объединение оралманов «Асар».

- *Титул, должность*: ...нашим *бастыкам* стыдно признаться в том, что не выполнили поручение президента (Мегаполис, 29.12.10); В *имама* стреляли в тот момент, когда он выходил из дома, куда был приглашён на *ауызашар* (трапезу после дневного поста и собирался садиться в машину (Курс, 21.12.2000); *Пейзулла-хаджи* прочитал несколько сур из *Корана*, а *Марат-ага* благословил присутствующих и сам

фестиваль (Литер., 22.02.2014); Где лошади, бастык? (Мегаполис, 15.03.2011) – автор данной статьи информирует о том, как два десятка жителей села Караколь Павлодарской области после кражи очередного табуна лошадей отправились на незапланированный приём к своему районному акиму.

- *Собрание, сбор:* Дискуссия стала своего рода предшественником *медиакуралтая...* (МК в К., 25.11.09);

- *Инструменты и оружие:* В Кокшетау появится единственная в стране академия вокала и *домбры* (Литер, 07.11.12); Кольчуга известного батыра и жырау Ақтамберды 80 лет значилась безымянной в музее Семей (Литер., 27.02.2014).

- *Родственное отношение:* Плюс *токализация* всей страны (Аргументы и факты, 14.03.07). Токал – вторая жена. Заботливый *агашка* (Мегаполис, 18.12.2011) – в Алматинской области громкий земельный скандал. Высокопоставленный чиновник содействовал незаконному захвату лакомого кусочка земли в водоохраной зоне.; Весело живётся нашим «*Кудалар*»! (Мегаполис, 08.04.2013)– этой весной на телеканале КТК начинается показ нового телевизионного сериала «*Кудалар*» (сваты). *Ажешки* на бис (Время, 20.03.2014) – у нас есть свои поющие бабушки, покруче бурановских будут! *Ак-мама* (Время, 20.03.2014) –Кунуш Ахмедовой прямо в Наурыз, 22 марта, исполнится ровно 100 лет! Бабушка помнит наизусть номера сотовых телефонов всех своих близких и имена своих первых учителей помнит. У казахов мама – это самое чистый, близкий человек, который днём и ночью заботится о тебе и опекает. Автор использовал ак-мама – это реалия состоит из двух слов разных языков: ак – белый и мама. В казахском языке есть песня, говорится, что есть человек, ближе которого никого нет – это ак мама.

Заблудившийся в метели 74-летний *аксакал* прошёл пешком 25 километров (Время, 27.01.2014) и др. Аксакал – раньше у казахов уважаемый старец мог принимать участие в решении проблем односельчан, к речи, которого прислушивались.

- *Название танца:* Свобода и независимость подкара *жорга*! Автор информирует читателя о том, что 16 декабря астанчане отметили двадцатилетие независимости, исполняя ритмичный народный танец кара жорга в ТРЦ «Мега». Этот танец за последние пять лет широко распространился, что все казахстанцы (в том числе и русскоязычные) умеют танцевать этот танец.

Общение же представителей, принадлежащих разным лингвокультурным сообществам, представляет собой «общение носителей разных национальных сознаний», «образов разных культур в рамках одного сознания» [Тарасов, 1996, с. 9].

В процессе заимствования особенно глубоко проникают в язык слова, которые отражают элементы языкового сознания носителей лингвокультуры.

Как мы видим, анализируемые единицы очень широко распространены и не вызывают дискомфорта в понимании текста, а слабо адаптированные казахские единицы в русских текстах семантизируются.

Список литературы

Бахтин М.М. Тетралогия. М., 1998.

Гумбольдт В. Фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с.

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая парадигма анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 7-22.

Турумбетова Л.А. Роль межкультурной коммуникации в подготовке переводчиков// Полилингвизм: Язык – Сознание – Культура: Международная конференция Ахановские чтения» под эгидой МАПРЯЛ / Отв. ред. Э.Д. Сулейменова. Алматы: Казах университета, 2008. Т. 1. 299 с.

Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М., 1973. 212 с.

Мартинович Е.А.

Шабанова Т.Д.

Башкирский государственный педагогический университет имени М.

Акмуллы

г. Уфа (Республика Башкортостан)

Martinovich Elena

Shabanova Tatiana

M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University

Ufa (Respublika Bashkortostan)

*КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ МОДУЛЯЦИЙ В
ИМПЕРАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНОВ*

*COGNITIVE NATURE OF SEMANTIC VARIABILITY IN IMPERATIVE ADVERTISING
SLOGANS*

В данной статье рассматриваются причины модификации значения глаголов в императивных конструкциях английских коммерческих рекламных слоганов под влиянием когнитивной структуры. Императивная конструкция по своей морфологической природе является глагольной, и, таким образом, рассматривается авторами на основании таких понятий, как семантический тип предиката, фазовое членение предиката, семантическая роль предиката. Слоган представляется как некая когнитивная предикативная конструкция, в которой присутствуют различные фазы предикатов. В структуру каждого предиката входят следующие фазы: предшествующая стадия, ядро и последующая стадия. Рассмотрение структуры слогана через призму теории семантического типа предиката и теории фазовости предиката в рамках когнитивного подхода позволяет объяснить то, что в императивных конструкциях рекламных слоганов используются такие глаголы, которые в своём прототипическом значении имеют запрет или ограничение на использование в императиве. Ограничения на использование таких глаголов могут сниматься, если во фреймовую семантику фазы коды всего слогана в целом входит этап, или фаза, предполагающая снятие препятствий для реализации коды. Имплицитно эта фаза представлена в виде таких предикатов как *BUY, GET, DO* в паре с предикатами коды: *BUY AND ENJOY, BUY AND LOVE, BUY AND LIVE, GO AND SEE* и т.д. Эксплицитно же этот этап выражается только второй частью: *ENJOY, LOVE, LIVE, SEE* и др.

This article deals with the reasons of the meaning variability of the verbs in imperative sentences of advertising commercial slogans. Imperative construction according to its morphological structure is a verbal one, so it can be viewed through such notions as semantic type of predicate, phasal structure of predicate, semantic role of predicate. Slogan is understood here as a special cognitive predicative structure that has different predicate phases. The structure of each predicate consists of the following phases: onset, nucleus, coda. After considering advertising slogan under the characteristics of the following terms: semantic type of predicate, phasal structure of predicate and cognitive science, we saw that we may find in imperative structures such verbs that in their prototypical meaning have restrictions or limitations for usage in imperative sentences. These restrictions may be eliminated if the frame structure of the coda of the whole slogan has the special phase. This phase is responsible for eliminating the restrictions. Implicitly the given phase is represented by such predicates as *BUY, GET, DO* together with the coda predicates: *BUY AND ENJOY, BUY AND LOVE, BUY AND LIVE, GO AND SEE, etc.* Explicitly this phase is represented only through the second part: *ENJOY, LOVE, LIVE, SEE, etc.*

Ключевые слова: рекламный слоган, императивная конструкция, семантический тип предиката, теория фазовости предиката, фрейм, когнитивистика.

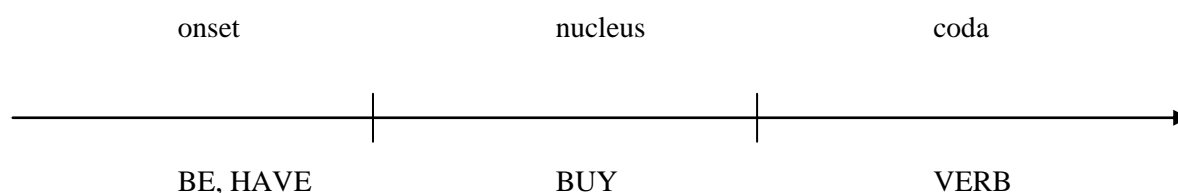
Key words: advertising slogan, imperative construction, semantic type of predicate, theory of predicate phases, frame, cognitive science.

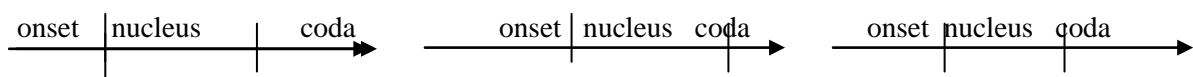
В условиях современного общества рекламные тексты все чаще становятся объектом исследования. Слоган является особым видом рекламного текста и обладает определёнными специфическими особенностями. Слоган – это девиз или лозунг фирмы-производителя, отражающий её философию и политику. Ведущими конструкциями в слоганах нами выделяются односоставная номинативная и императивная конструкции. Нормативной конструкцией в языке является традиционная двусоставная структура, выражающая отношения между Субъектом и Предикатом [Бархударов, 1966, с. 25]. Таким образом, употребление односоставных предложений (как номинативных, так и вербальных) является в определённой мере нарушением языковой нормы, во всяком случае, девиантным явлением, что в свою очередь определяет эмоциональный потенциал структуры, является сильным стилистическим средством воздействия на реципиента информации.

В нашем исследовании мы подробно останавливаемся именно на императивных конструкциях, так как они, являясь вербальными по своей морфологической природе, могут быть охарактеризованы с позиции такого теоретического ракурса, как семантический тип предиката и соответствующие ему дополнительные черты: пофазовое членение предиката, структура семантических ролей в составе предиката, изменение семантического типа предиката под влиянием контекста, т. е. той когнитивной конструкции, которая является определяющей для смысла текста.

Глагол является той центральной частью речи, который позволяет раскрыть когнитивные процессы, происходящие в речевом акте, именно глагол выражает динамическую силу воздействия на реципиента – получателя рекламного сообщения в аспекте иллокутивной и перлокутивной сил. Номинативные конструкции зачастую входят в сценарий рекламного слогана, где ядром является глагол, содержащийся в императивной конструкции.

Слоган рассматривается нами как особая **когнитивная предикативная конструкция**, в которой присутствуют различные фазы предикатов, входящих в его структуру. Схематично предикативную конструкцию любого слогана можно представить в следующем виде:

Семантика любого предиката характеризуется его фазовостью. В структуру каждого предиката входят следующие фазы: предшествующая стадия (onset), ядро (nucleus), последующая стадия (coda) [Freed, 1979, p. 30-35]. Таким образом, при рассмотрении фазовости текста рекламного слогана мы также выделяем в нем наличие трёх фаз, каждая из которых в свою очередь характеризуется наличием своего предиката со своими фазами. Так, в структуру предшествующей стадии предиката слогана входят предикаты *BE* и *HAVE*. В денотативной ситуации каждого слогана присутствует именование компании, которая обладает рекламируемым товаром: *THERE IS A COMPANY THAT HAS A PRODUCT*. На когнитивном уровне предикативность этой фразы характеризуется семантическим типом предикатом нахождения в пространстве [Селиверстова, 1982, с. 89]. Эксплицитно эта фаза когнитивной структуры слогана может быть выражена при помощи односоставного номинативного предложения, включающего в себя название компании-производителя. Следует отметить, что, даже если подобное языковое выражение отсутствует непосредственно в самом тексте слогана, оно всегда присутствует эксплицитно через логотип, изображение или иные визуальные средства, которые используются в рекламных сообщениях.

Рекламодатель, который связан с рекламируемым товаром (Объект O^1) через предикаты *BE/HAVE*, прилагая различные силы инициирует желание реципиента (Объект O^2) приобрести данный товар. Данный процесс каузации находит своё отражение в ядре предикативной конструкции слогана через гетерогенный предикат действия *BUY*. Зачастую данная фаза структуру слогана не находит своего языкового воплощения в структуре текста слогана, однако она всегда присутствует в его когнитивной структуре.

Кода слогана имеет свой собственный фрейм, реализуемый через различные предикаты, используемые непосредственно в тексте слогана. В коде слогана, таким образом, актуализируется все то, что будет реципиент чувствовать и испытывать после приобретения объекта O^1 .

Рассмотрение структуры слогана через призму теории семантического типа предиката и теории разовости предиката в рамках когнитивного подхода позволяет объяснить то, что в императивных конструкциях рекламных слоганов используются такие глаголы, которые в своём прототипическом значении имеют запрет или ограничение на использование в императиве.

Императивная конструкция является тестом, позволяющим определить, что субъект при глаголе контролирует приложение силы, и это означает, что глагол относится к семантическому типу предиката Действия. При исследовании фактического материала мы получили, что императив показывает не только то, что субъект может контролировать приложение силы по устранению причин, мешающих субъекту находиться в неком

состоянии или же в некотором процессе (получения удовольствия, пребывания в некоем приятном для субъекта состоянии). Таким образом, можно сделать вывод, что ограничения на использование экспериенциальных, бенефактивных глаголов, глаголов состояния и т.п., обычно имеющих ограничения на употребление в императивных конструкциях, могут сниматься, если во фреймовую семантику фазы коды всего слогана в целом входит этап, или фаза, предполагающая снятие препятствий для реализации коды.

Имплицитно эта фаза представлена в виде таких предикатов как *BUY, GET, DO* в паре с предикатами коды: *BUY AND ENJOY, BUY AND LOVE, BUY AND LIVE, GO AND SEE* и т.д. Эксплицитно же этот этап выражается только второй частью: *ENJOY, LOVE, LIVE, SEE* и др.

Таким образом, отсутствие ограничений на употребление глаголов экспериментальной семантики, семантики состояния снимается не за счёт смены семантического типа предиката, а за счёт осмысления в когнитивной структуре слогана фазы *BUY* в компонентной структуре типа *BUY AND ENJOY*. При этом предикат сохраняет своё прототипическое значение, но расширяет его за счёт более сложной фазовой структуры предиката.

Рассмотрим процесс модуляции значения в глаголах на ряде примеров. Самым частотным из всех глаголов, встреченных нами среди слоганов в императивной конструкции является глагол *live*. В словаре Oxford Dictionaries Online мы нашли следующие определения глагола *live*: *Live*¹ – *be alive*; *Live*² – *make one's home in a particular place or with a particular person*.

В прототипической ситуации данного глагола можно выделить Субъект, существующий в определённом абстрактном (*be alive*) или конкретном (*make one's home in a particular place or with a particular person*) состоянии или пространстве. Таким образом, можно определить тип предиката данного глагола как предикат процесса, поскольку предикат, являясь динамическим типом предиката не характеризуется контролируемостью на начальной стадии предиката.

*For many years she **lived** a life that was disordered and uncertain.* (Paul Park. «Ghosts Doing the Orange Dance»)

Субъект *she* в данном случае на протяжении определённого временного периода *for many years* существует в определённом абстрактном состоянии, который характеризуется такими качествами как *disordered* и *uncertain*. Предложения типа **Live your life disordered* и **Live your life uncertain* были отмечены информантами как ненормативные. Субъект в данном случае не контролирует приложение силы, и, следовательно, можно говорить об определённом ограничении на употребление данного глагола в императивной конструкции. Однако анализ фактического материала выявил механизмы снятия данного ограничения. Рассмотрим эти механизмы на примерах.

(1) *Evian. Live young.* (Evian, natural spring water)

В данном примере мы наблюдаем использование процессуального глагола *live* в императивной конструкции. Сценарий данного рекламного слогана выглядит следующим образом: *THERE IS A COMPANY EVIAN THAT HAS NATURAL SPRING WATER AND IF YOU BUY THIS WATER YOU WILL BE HEALTHY AND YOU WILL ENJOY YOUR LIFE AND LIVE LONG.*

Таким образом, фреймовая структура данного текста состоит из следующих фаз: 1) предшествующая фаза, выраженная фреймом *THERE IS A COMPANY EVIAN THAT HAS NATURAL SPRING WATER*, и в структуру которой входят фазы предикатов *BE/HAVE*; 2) фрейм ядра в виде *IF YOU BUY THIS WATER*, который характеризуется стадиями предиката *BUY*; 3) фаза коды, выражаемая структурой *YOU WILL BE HEALTHY AND YOU WILL ENJOY YOUR LIFE AND LIVE LONG*, состоящая из предикатов *BE*, *ENJOY* и *LIVE*.

Субъектом S, таким образом, в данном тексте выступает компания *Evian*, а Объектом O² – потенциальные покупатели продукции данной компании – натуральной родниковой воды (Объект O¹).

Предшествующая стадия когнитивной структуры данного текста слогана, выражаемая через предикаты *BE/HAVE*, репрезентует взаимоотношения между Субъектом S и Объектом O¹. В языковой структуре рекламного слогана эта фаза представлена через односоставное номинативное предложение: *Evian*. В ядре данной когнитивной предикативной структуры происходит каузация Субъектом S объекта O² к конкретным действиям по преодолению препятствий к обладанию Объектом O¹, что выражается при помощи предиката действия *BUY*. Таким образом, после совершения искомого действия реципиент сможет войти в то состояние, в котором он будет в состоянии оценить все положительные качества Объекта O¹ и будет наслаждаться процессом его использования. В когнитивной предикативной структуре данного слогана этот процесс находит своё выражение в фазе коды, в которой происходит актуализация предикатов *BE*, *ENJOY* и *LIVE*. С точки зрения теории речевых актов эта фаза предикативной структуры слогана является выражением его перлокутивной силы. На языковом уровне репрезентация данного состояния происходит через использование глагола *live*.

Таким образом, оставаясь процессуальным глаголом, обладающим признаком приложения силы, глагол *live* приобретает признак *контролируемости* за приложением силы, что позволяет **снять** ограничения на употребление его в императивной конструкции. Иными словами, благодаря тому, что глагол *live* входит в код когнитивной предикативной конструкции слогана, он получает возможность расширить свою семантику и приобрести свойства предиката **действия**.

Рассмотрим далее ещё один пример использования глагола *live* в слогане с императивной конструкцией:

(2) *Live free and play!* (Whirlygigs toy shop, New Hampshire, USA)

В данном случае мы также наблюдаем трёхфазовое членение когнитивной предикативной структуры. В сценарий данного слогана входит следующая предикативная структура: *THERE IS A COMPANY WHIRLYGIGS THAT HAS A TOY SHOP AND IF YOU BUY THE TOYS FROM THIS SHOP YOU WILL FEEL FREEDOM AND WILL BE ABLE TO PLAY AND LIVE THE WAY YOU LIKE*. Таким образом, все три фазы предикативной структуры слогана присутствуют в его сценарии, при этом в языковой структуре данного слогана эксплицируется только его кода, как то состояние радости, свободы и удовольствия, в которое войдёт реципиент после совершения каузируемых действия по покупке рекламируемого товара. Предшествующая стадия и ядро предикативной структуры слогана в данном примере не реализуются в языковой структуре слогана. Следовательно, под влиянием попадания в коду когнитивной конструкции слогана, а также благодаря воздействию на него предиката действия *play*, глагол *live* меняет свою семантическую структуру, и, оставаясь процессом, приобретает контекстуальные признаки действия, что выражается через наличие в нем таких семантических падежей как приложение силы и контролируемость за приложением силы.

В ходе исследования фактического материала нами были встречены довольно интересные примеры слоганов с императивной конструкцией. Предикатами в данном случае выступили существительные, преобразованные в глаголы путём конверсии:

(3) *Weis. Berry yourself.* (Weis ice cream brand. For Raspberry bar)

(4) *Jeans your skin.* (Meltin' Pot jeans brand)

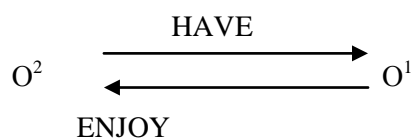
В примере (3) сценарий слогана выглядит следующим образом: *THERE IS A COMPANY WEIS THAT HAS A RASBERRY ICE-CREAM AND IF YOU BUY IT YOU WILL ENJOY THE PROCESS OF EATING IT AND WILL TASTE THE REAL BERRIES*. По аналогии с другими примерами мы выделяем следующие фазы когнитивного предикативного сценария данного слогана:

1)onset– *THERE IS A COMPANY WEIS THAT HAS A RASBERRY ICE-CREAM;*

2)nucleus – *IF YOU BUY IT;*

3)coda – *YOU WILL ENJOY THE PROCESS OF EATING IT AND WILL TASTE THE REAL BERRIES.*

После совершения каузируемого Субъектом S (компания Weis) действия по покупке Объекта O¹ (мороженое) Объект O² вступает в отношения посессивности с O¹, что схематично можно выразить следующим образом:

Таким образом, фаза коды в данном примере представляет собой сложный процесс, O¹ вызывает у O² определённые вкусовые чувства, которые позволяют ему войти в состояние удовольствия. Глагол *berry* в данном примере может быть охарактеризован как

эксперинциальный тип предиката, который, попадая в семантику коды когнитивной предикативной структуры слогана, получает определённые признаки предиката действия, и соответственно получает возможность использования в императивной конструкции.

Примерно те же процессы нами были выявлены и в примере (4). В данном случае изменения на когнитивном уровне происходят в глаголе *jeans*. Данный глагол, также как и в предыдущем случае, входит в код предикативной структуры когнитивного сценария слогана, которую можно выразить через следующую трёхфазовую структуру: *THERE IS A COMPANY MELTIN' POT THAT HAS JEANS AND IF YOU BUY THEM YOU WILL FEEL SO MUCH COMFORTABLE THAT THESE JEANS WILL BECOME YOUR SECOND SKIN*.

Рекламодатель, находящийся в *BE/HAVE* отношениях с рекламируемым товаром, каузирует реципиента к приобретению данного товара. Данный процесс каузации сосредотачивается в предикате *BUY*. После совершения искомого действия, реципиент входит в состояние высокого уровня физического комфорта, что в коде данного слогана выражается через предикаты *FEEL* и *BECOME*. На языковом уровне, благодаря процессу конверсии, фаза коды эксплицируется в предикате *jeans*, который под влиянием концепта *FEEL*, рассматривается нами как экспериенциальный тип предиката. В данном случае процесс использования рекламируемого товара вызывает у Объекта O^2 определённые приятные физические чувства. Ограничение же на использования экспериенциальных глаголов в императивной конструкции также снимается благодаря влиянию семантики коды, находящейся под воздействием предиката действия *BUY*, являющегося выражением фазы ядра в когнитивном сценарии предикативной структуры слогана.

Таким образом, значение глаголов, употребляемых в императивных конструкциях слоганов определяется общей когнитивной структурой сценария слогана, его пофазовой структурой, которые будучи каузативными по своему типу, влияют на прототипическое значение глагола.

Список литературы

- Бархударов Л.С.* Структура простого предложения современного английского языка. М.: Высшая школа, 1966. 199 с.
- Селиверстова О.Н.* Семантические типы предикатов в английском языке. М.: Наука, 1982. С. 86-216.
- Freed, M.* The Semantics of English Aspectual Complementation. Dordrecht – London, 1979. 172 p.

Махнёва А.И.
Челябинский государственный университет
г. Челябинск (Россия)

Makhneva Alena
Chelyabinsk State University
Chelyabinsk (Russia)

*ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С РЕЛИГИОЗНЫМ КОМПОНЕНТОМ КАК ОТРАЖЕНИЕ
НАИВНОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)*

*PHRASES WITH THE RELIGIOUS COMPONENT REFLECTING NAIVE PICTURE OF THE
WORLD (EXEMPLIFIED BY MATERIALS OF GERMAN LANGUAGE)*

Статья рассматривает особенности наивной картины мира католичества на основе анализа фразеологизмов с религиозным компонентом Gott/Herr и Kirche. Тем самым в рамках данного исследования нами были поставлены следующие задачи: отобрать и проанализировать фразеологические единицы, в составе которых присутствуют компоненты Gott/Herr или Kirche, разделить фразеологизмы на группы на основе реализуемого содержания того или иного концепта. Результаты данного исследования могут быть применены в рамках концептуального анализа, исследования наивной картины мира немецкого языка, фразеологическом исследовании.

The article examines the features of the catholic naive picture of the world based on analysis of phraseology with religious components Gott / Herr and Kirche. Thereby there are the following tasks to extract: first selecting and analyzing the phraseological units including elements Gott / Herr or Kirche, next dividing phrases into groups based on each concept content implemented. The study's outcomes can be applied in concept analysis, researching of naive picture of the world in German language, phraseological researches.

Ключевые слова: концепт, языковая картина мира, фразеологическая единица, ядро концепта, периферия концепта.

Key words: concept, lingual picture of the world, phraseological unit, concept kernel, concept periphery.

Современный мир находится на пике глобализации и глобального сознания. Вследствие диалога культур и неограниченных возможностей горизонтальной мобильности – также и на международном уровне – с большой интенсивностью проходит процесс слияния культур. Однако этот процесс охватывает не только явный факт общения людей разных национальностей, но и скрытое влияние, взаимодействие одной культуры на другую. Результатом влияния и взаимодействия могут являться, например, изменения культурных клише, культурного мышления и схем поведения каждого из участников межкультурного общения. Вопросами особенностей культур и

установления эффективного диалога между ними занимается дисциплина под названием межкультурная коммуникация.

В свете происходящих в мире слияний культур, ведущих к столкновениям различных религиозных конфессий, для нас открывается новая точка соприкосновения культур – религиозная. Продуктом произошедшего процесса глобализации стало столкновение людей разных религиозных течений в рамках межнациональных проектов, а также внутри одного государства. На примере происходящего взаимодействия различных конфессий и его порой трагических последствий, таких как конфликты на религиозной почве, мы видим, что каждая отдельная религия обладает своей собственной, отличительной картиной мира, ровно так же, как и каждая отдельная культура. Поэтому столкновение разных религиозных течений может иметь, так же как и коммуникация, положительный, либо отрицательный исход.

Актуальность исследования определяется возрастающей необходимостью в эффективности и успехе диалога различных религиозных конфессий в развивающемся процессе ассимиляции культур. Новизну нашему исследованию придает малая изученность концептов *Gott/Herr* и *Kirche* в рамках наивной картины мира немецкого языка.

Цель нашего исследования заключается в определении особенностей наивной картины мира католичества на материале немецких фразеологизмов.

На этапе сбора материала методом сплошной выборки были отобраны фразеологизмы с религиозным компонентом. На следующем этапе мы проанализировали ФЕ с последующим разделением фразеологизмов на подгруппы в зависимости от реализации рассматриваемого концепта. Таким образом, мы получили особенности языковой картины мира немецкого языка.

Лингвистика как наука, изучающая одну из составляющих культуры – язык, поставляет широкий и разнообразный материал, который помогает установить особенности каждой конкретной языковой картины мира. Само понятие картины мира строится на изучении представлений о мире. Как замечает В.А. Маслова, если мир – это человек и среда в их взаимодействии, то картина мира – результат переработки информации о среде и человеке. Исходя из этого, по её мнению, представители когнитивистики справедливо утверждают, что наша концептуальная система, отображенная в виде языковой картины мира, зависит от физического и культурного опыта и непосредственно связана с ним [Маслова, 2001]. Термин «языковая картина мира» исходит к идеям о взаимосвязи языка и культуры, изложенным ещё В. фон

Гумбольдтом. Часто наравне с понятием языковой картины мира говорится о понятии наивной картины мира, сформулированном Ю.Д. Апресяном. Поясняя суть наивной картины мира, он говорит следующее: «Наивная – не означает примитивная, за «наивностью» ЯКМ стоит опыт десятков поколений, таким образом, «наивность» связана с отражением бытового, обыденного восприятия вещей в противоположность научному их пониманию и объяснению» [Апресян, 1995]. В дополнении к мыслям Ю.Д. Апресяна, В.А. Маслова замечает, что «поскольку познание мира человеком не свободно от ошибок и заблуждений, его *концептуальная картина мира* постоянно меняется, «перерисовывается», тогда, как *языковая картина мира* ещё долгое время хранит следы этих ошибок и заблуждений. Характерным свойством каждого естественного языка является отражение определённых способов восприятия и организации мира. Значения, выражаемые в языке, складываются в некую единую систему взглядов, или так называемую коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Маслова, 2001].

Ключевым термином современной когнитивной науки является «концепт», который достаточно широко используется в современной научной литературе, не смотря на различную интерпретацию. Многочисленные определения понятия выделяют С.А. Аскольдов-Алексеев, В.В. Красных, Д.С. Лихачёв, А. Вежбицкая, В.Н. Телия, С.Ю. Степанов и др. В рамках данной статьи мы используем определение, приведённое В.В. Красных. По её мнению, концепт – это самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью» [Красных, 1998].

Наличие валентных связей характеризует концепт как особую организованную национально-культурную единицу, хотя его организованность может представляться различными схемами. Наиболее известное описание схемы концепта это представление его структуры в виде *ядра* и *периферии*. Ядро концепта определяется на основе изучения ключевого слова, именующего концепт в совокупности всех своих значений (этимологических и современных). Периферию же образуют разные текстовые источники: как прецедентные (поговорки, пословицы, и т.д.), так и индивидуально-авторские тексты, и ассоциативные эксперименты. И.А. Стернин характеризует следующим образом периферию любого концепта: «в совокупности периферия составляет *интерпретационный слой* концепта, изучение которого позволяет выявить «такие семантические признаки, которых может не быть в семантике ключевого слова, именующего концепт» [Стернин, 1996].

Тем самым, особую роль в создании языковой картины мира играют *фразеологизмы* или *фразеологические единицы (ФЕ)*. Как часть языковой системы фразеологизмы отмечают основные вехи развития языка во времени, как лингвокультурологический феномен они являются ключом к познанию истории, культуры и быта народа. Как утверждает В.Н.Телия, фразеологизмы выполняют роль эталонов, стереотипов культурно-национального мировидения, или, указывая на их символичный характер, выступают как языковые экспоненты (носители) культурных знаков [Виноградов, 1997]. Диахроническое исследование и этимологический анализ фразеологизмов стоял в центре внимания таких отечественных и зарубежных лингвистов, как В.В. Виноградов, В.Н. Телия, И.И.Чернышев, Н. Burger, R. Eckert, J. Korhonen и W. Mieder. Кроме того анализом фразеологических единиц с компонентом «ксенофобия» в рамках теории межкультурной коммуникации занимается С.Г. Тер-Минасова, анализом ФЕ в рамках переводоведения занимается В.С. Виноградов.

Предметом нашего научного исследования являются фразеологизмы с религиозным компонентом *Kirche (церковь)* и дериваты, *Gott (бог)* со всеми дериватами и *Herr (господь)*. Под фразеологизмами с религиозным компонентом мы понимаем ФЕ, которые содержат в качестве одного из компонентов реалии, восходящие к христианской религии. В качестве примера можно отметить такие фразеологические единицы, как *sicher, wie das Amen in der Kirche, den Teufel an die Wand malen, mein Herrgott!, die Kirche im Dorf lassen* и т. п.

Лингвистами и филологами были разработаны достаточно разнообразные классификации фразеологизмов. Самой известной является классификацией ФЕ по В.В. Виноградову, где выделяют:

- а) Фразеологические сочетания – относительно устойчивые, полусвободные, словосочетания, из которых только один из компонентов ограничен в своем употреблении;
- б) Фразеологические единства – это устойчивые сочетания, в которых значение целого в какой-то степени мотивировано и может быть выведено из значений его компонентов;
- в) Фразеологические сращения (идиомы) – это обороты с абсолютной семантической спаянностью, значение которых не выводится из значений составляющих их компонентов;
- г) Фразеологические выражения - устойчивые сочетания со свободным значением, и так называемые крылатые слова, афоризмы, поговорки [Виноградов, 1997].

В рамках переводоведения, например, классификацией фразеологизмов занимался В.С. Виноградов, выделяя следующие группы:

- а) Лексические фразеологизмы. Они семантически соотносимы со словами, понятийно аналогичны им;
- б) Предикативные фразеологизмы. Это, как правило, законченные предложения, закрепившиеся в языке в виде устойчивых формул;
- в) Компаративные фразеологизмы, которые закрепились в языке как устойчивые сравнения и т.д. [Виноградов, 2001].

В поле зрения нашего исследования попадают лексические, предикативные и компаративные фразеологизмы с такими компонентами как *Kirche/kirchl*-и дериваты, *Gott/göttl*- со всеми дериватами и *Herr*. Материал исследования был взят из словарного издания Duden Redewendungen и интернет-портала Redensarten-Index. В ходе исследования нами были насчитаны 103 немецкие ФЕ с интересующими нас компонентами.

Прежде рассмотрим фразеологизмы с компонентом *Kirch*-. На их материале можно выделить два основных компонента концепта *Kirche*:

- ***Центр или важный религиозный институт любого человеческого сообщества:***

к данной группе фразеологизмов относится *die Kirche ums Dorf tragen; mit der Kirche ums Dorf fahren* или абсолютно синонимичный австрийский вариант пословицы *die Kirche ums Kreuz tragen; mit der Kirche ums Kreuz gehen / fahren*, что в переводе означает (усложнять дело, ходить окольными путями), т.е. долго не оставлять вещь там, чьей неотъемлемой частью она является, в данном случае церковь.

Следующий фразеологизм *Georgelt haben, bevor die Kirche angegangen ist* (уст.иметь половую связь до свадьбы), который иронично указывает на неверный порядок вещей, т.к. орган появлялся после строительства церкви, а не наоборот.

- ***Религиозный институт и его основные составляющие:***

В данную подгруппу мы отнесли следующие ФЕ, как предикативный фразеологизм *kein großes Kirchenlicht/ keinen Stern der Kirche/ keine Sonne der Kirche sein* (не блистать талантом, не быть большим талантом, не пользоваться особой известностью). Портал Redensart-Index приводит следующий комментарий к данному фразеологизму: «...калькированный перевод с латинского. Вслед за Цицероном, который называет известных людей *lumina civitatis*, Августин называл их *lumen ecclesiae* (свет церкви)» (пер. авт.)

Следующий предикативный фразеологизм этой группы *So sicher wie das Amen in der Kirche* (с абсолютной уверенностью), дословно «уверенно как «аминь» в церкви», ссылается на известную в христианстве завершающую формулу «аминь», которой всегда завершаются богослужения, молитвы, псалмы.

В последующем мы рассмотрим ФЕ с компонентами *Gott/göttl-* и *Herr-*. Данная категория представлена многочисленными фразеологизмами, которые мы разделили на следующие подгруппы в соответствии с их выражением концепта *Gott/Herr*. В немецких ФЕ отражается:

– **вера в Божественное провидение** (*Gott bewahr!*, *zum Gotterbarmen, wenn / so Gott will, Gottes Mühlen mahlen langsam, aber stetig / trefflich fein*);

– **всемогущество Бога** (напр. *dem lieben Gott den Tag / die Zeit stehlen, Hopfen und Malz, Gott erhalt's!*, *die Herren der Schöpfung, Herr, wirf Hirn vom Himmel!*, *Gott sei's getrommelt und gepfiffen!*, *so wahr mir Gott helfe*). Все представленные фразеологизмы отражают подчинение природных явлений, живой природы и времени божьей власти. В эту категорию мы также отнесли лексический фразеологизм *Grüß Gott!* – приветствие характерное для регионов южной Германии, Австрии и Южного Тироля – так как несмотря на неоднозначную выраженность компоненты «Бог как всемогущий» на первый взгляд, его этимология раскрывает содержательный аспект фразеологизма. Как пишет др. Вольфганг Незер [Dr. Wolfgang Näser, 2000], фразеологизм имеет смысл «Господь приветствует тебя!» и означает ничто иное, как «Бог тебя благослови!» (пер. автора);

– **карающая функция Бога** (напр. *Gottverdammich!*, *jemanden hat Gott im Zorn erschaffen*);

– **совершенство, безупречность Бога** (напр. *etwas wie ein (junger) Gott tun, wie ein junger Gott sein*). Необходимо заметить также, что понятие *Gott* непременно сопровождается атрибутом *jung*, что указывает на сына божьего - Иисуса Христа. Кроме того прилагательное *jung* (молодой) очеловечивает образ;

– **подобный человеку**

Наравне с упомянутыми выше компаративными фразеологизмами концепт *Gott/Herr* как человекоподобное существо реализуется так же и в следующих ФЕ:

den Herrgott einen guten Mann sein lassen;

den lieben Gott einen guten Mann sein lassen;

leben wie Gott in Frankreich (жить на широкую ногу, наслаждаться роскошью),

которая предположительно ссылается к периоду французской революции, когда так

называемая «культура здравого смысла» сменила религию. Таким образом, Франция стала рассматриваться как страной беззаботного Бога.

Кроме того мы отнесли в данную подгруппу лексический фразеологизм *leider Gottes*, что дословно можно перевести «к божьему сожалению/ страданию». Присущее человеческой натуре понятие «страдание» метафорически переносится на идеальный образ Бога, которому, казалось бы, не о чем страдать – образ Бога очеловечивается.

– **«защищающая»/ «помогающая» функция Бога** (напр. *Bei Gott, Gnade dir Gott!, Gott sei mit Dir!, Gott behüte!, so wahr mir Gott helfe, (Großer) Gott, steh uns bei!*);

Довольно интересным, по нашему мнению, является фразеологизм *den Seinen gibt's der Herr im Schlaf*, который применяется, когда к кому-то незаслуженно приходит счастье. Появление фразеологизма имеет библейские истоки (псалма 127/1-2). Здесь образ Бога не только получает человеческое обличие, но и приобретает смысловой оттенок «Бог-друг», который «своим» воздаёт даже во сне.

– **Бог, как противоположность мирскому обществу** (напр. *Gott und die Welt* и *Gott und die Welt kennen*). Примечание к фразеологизмам с портала Redensart-Index гласит, что «выражение прежде имело смысл «Бог и люди» или в социальном смысле «Бог и общественный устрой при дворе» (пер. авт.)

– **«любимый» Бог** (напр. *O du liabs Herrgöttle von Biberach/Biberbach! Ach herrje / herrjemine!, Mein lieber Herr Gesangsverein/Gesangsverein!*).

Таким образом, нами была выделена и проанализирована периферия концептов *Kirche* и *Gott/Herr* на основе фразеологизмов. Этимология всех проанализированных фразеологизмов за исключением лексического фразеологизма *großes Kirchenlicht/ keinen Stern der Kirche/ keine Sonne der Kirche sein*, который восходит к словам Цицерона, имеет связь с христианством, которое повлияло на внешний вид наивной картины мира немецкого языка. Периферия представлена довольно объёмным содержанием анализируемых смыслов, не входящих в ядро концепта, как, например, Бог карающий, Бог как человекоподобное существо или церковь, как важная составляющая любого общества и т.д. Это значительно увеличивает содержание концептов. Проведённый нами анализ периферии концептов *Kirche* и *Gott/Herr* является лишь частью исследования религиозных концептов. В дальнейшем мы планируем провести полный концептуальный анализ структуры данных понятий.

Список литературы

- Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного анализа//Вопросы языкознания. 1995. №1.
- Виноградов В.В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 140-161.
- Виноградов В.С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001.
- Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек, сознание, коммуникация. М., 1998.
- Маслова В.* Лингвокультурология: М., 2001. 208с.
- Стернин И.А.* Коммуникативное поведение в структуре национальной культуре// Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.
- Телия В.Н.* Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический: М., 1996. 516 с.
- Пак Сон Гу.* Фразеорефлексы с компонентом Бог в русском языке//Язык, сознание, коммуникация: сб. статей: М., 1999. 160 с.
- Duden - Redewendungen: Wörterbuch der deutschen Idiomatik; Bd. 2: Dudenverl., 2002. S. 995.*
- Redensarten-Index:* [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.redensarten-index.de/suche.php> (дата обращения 09.12.2013).
- Dr. Wolfgang Näser* Warum sagt man in Bayern "Grüß Gott"? Marburg, 2000.
[Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://staff-www.uni-marburg.de/~naeser/gruss.htm> (дата обращения 10.12.2013).

Мусатаева М.Ш.

Казахский национальный университет имени Абая
г. Алматы (Казахстан)

Есенова П.С.

Кзылординский государственного университета им. Коркыт-Ата
г. Кызылорда (Казахстан)

Mussatayeva Manatkul

Abai Kazakh National Pedagogical University
Almaty (Kazakhstan)

Esenova Pernekul

Kyzylordinskij State University. Korkyt-ATA
Kyzylorda (Kazakhstan)

*ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОСТАВЛЕНИЯ ДВУЯЗЫЧНОГО СЛОВАРЯ
НАИМЕНОВАНИЙ КОНЦЕПТОВ*

*THEORETICAL BASIS FOR PREPARATION OF A BILINGUAL DICTIONARY OF
CONCEPTS*

Очевидно, что ни слово, ни вся совокупность языковых средств, репрезентирующих концепт, не дают полной картины концепта. И в то же время путь через язык – самый легкий и доступный к раскрытию содержания концепта. В связи с этим необходимо изучить особенности семантической структуры языковых единиц, прагматический потенциал, синтагматические связи с другими словами и парадигматические отношения друг с другом, необходимо рассмотреть присущую им внутреннюю форму и механизмы кодирования ими культурной информации. По нашему мнению, все полученные и накопленные знания должны быть систематизированы и описаны в словаре наименований концептов. Таким образом, словарь, с одной стороны, обобщит данные разрабатываемых вопросов в области семантики, стилистики, словообразования, истории языка и т.д. и, с другой стороны, явится источником и базой дальнейших практических и теоретических исследований, поскольку в нем будут собраны, систематизированы, обобщены и комплексно представлены все сведения о репрезентантах концепта.

В данной статье обосновывается необходимость создания нового типа двуязычного словаря – двуязычного словаря наименований концептов. В связи с этим дается определение впервые вводимого нами типа двуязычного словаря и предлагаются рекомендации по его составлению.

It is obvious that neither the word, nor the language means representing a concept, don't give a full picture of a concept. And at the same time the way through the language – the easiest and available to disclosure of the maintenance of a concept. In this regard it is necessary to study features of semantic structure of language units, the pragmatical potential, syntagmatic communications with the other words and paradigmatic relations with each other, it is necessary to consider an internal form inherent in them and mechanisms of coding cultural information by them.

In our opinion, all gained and accumulated knowledge has to be systematized and described in the dictionary of concepts' names. So, the dictionary, by the one side, will generalize data of developed questions in the field of semantics, stylistics, word formations, language's history, etc. and, on the other side, it will be the source and base of further practical and theoretical researches. In it all the data about concepts will be collected, systematized, generalized and submitted complexly.

In this article the need of creation of a new type of dictionary (the bilingual dictionary of concepts' names) is proved. So the definition for this type of dictionary is given and the recommendations about its packing are offered.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, двуязычный словарь, концепт, вербализация, репрезентант концепта.

Key words: Cognitive Linguistics, bilingual dictionary, verbalization, concept, representing a concept.

В системе когнитивных наук лингвистике отводится особая роль, поскольку именно она соотносит языковой материал с данными о мыслительных процессах, о структурах человеческого мышления и выявляет способы упорядочивания информации в памяти носителей языка.

В круг проблем когнитивной лингвистики, получающих когнитивное освещение, входит исследование процессов категоризации и концептуализации мира, репрезентации языковых знаний в сознании человека, вербализации формируемых человеком структур знания и др.

В настоящее время когнитивная лингвистика представлена в мире несколькими направлениями, каждое из которых имеет свои установки, методы и процедуры анализа (теория прототипов и категориальная семантика Э. Рош, теория концептуальной метафоры и структурирования непредметного мира Дж. Лакоффа – М. Джонсона, теория этнокультурной семантики ключевых культурных концептов А. Вежбицкой, теория структурирования пространства и фонообразования Л. Талми, «ролевая» когнитивная грамматика Р. Лангакера и др.). Однако, несмотря на различия в концепциях данных школ и направлений, их объединяет стремление соотнести языковые факты и категории с их ментальными репрезентациями, дать объяснение вопросам отражения реального мира в сознании субъекта и фиксирования его в языке в виде структур знания.

Безусловно, представители этих школ, расходясь в понимании концептов, методах и приёмах их использования, единодушны в определении концепта как основной единицы сознания, вербализующейся языковыми средствами. Так, с целью определения структуры и содержания концепта в концептосфере подвергается тщательному анализу совокупность языковых средств, объективирующих концепт. Очевидно, что любой концепт, будучи единицей сознания, имеет как вербализованную, так и невербализованную часть содержания. Поэтому, каким бы тщательным ни был анализ языковых средств, достичь полного описания концепта

невозможно. Тем не менее, на сегодняшний день лингвистическое описание является наиболее достоверным.

В настоящее время исследователи занимаются не только теоретическими разработками категории концепта, но и дают конкретное описание тех или иных концептов. Ими рассматриваются лексические, фразеологические, синтаксические концепты и их объединения: анализ универсальных (время, пространство, долг и др.) и национальных (подвиг, воля, зимняя ночь и др.) концептов, присущих русской культуре, с использованием различных способов описания: словарные толкования, подбор и анализ пословиц и поговорок по теме анализируемого концепта, анализ художественного текста, содержащего данный концепт и т.д. (В.А. Маслова); концепты из интеллектуальной и эмоциональной сферы жизни человека (*любовь, счастье, удивление, презрение, безразличие*) путём сопоставления паремий русского и испанского языков (С.Г. Воркачев); формирование и развитие концепта «джентльмен» в английском национальном сознании на материале романа Ч. Диккенса «Большие надежды» (С.В. Кончакова); выявление специфики эмоционального концепта в немецкой лингвокультуре («Zorn» – «гнев») и определение лингвистических методов исследования данной концептосферы (Н.А. Красавский); анализ многочисленных языковых средств (семантической структуры слова; парадигматики, синтагматики, этимологии слова; деривационных сетей слова; частеречных реализаций ключевых слов концепта, их частотности и т.д.), репрезентирующих концепт «трудовая деятельность», и установление его особенностей в русском сознании [Токарев, 2000, с. 12 -15].

На основе вышеизложенного можно заключить об отсутствии единой схемы описания концепта, представляющего собой сложное динамическое функциональное образование.

Круг исследуемых концептов постоянно расширяется. Многие концепты разрабатываются неоднократно, при этом исследователи используют новые источники или другие методы анализа. Например, концепт «судьба» привлекала и продолжает привлекать к себе внимание исследователей различного направления. В связи с этим следует отметить появление ряда интересных работ, объектом анализа которых является концепт «судьба»: коллективная монография под редакцией Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 1991], в которой данное концептуальное поле рассматривается на материале разносистемных языков, в контексте различных культур, в разных философских и религиозных системах; Л.О. Чернейко и В.А. Долинский [Чернейко, Долинский, 1996], представляя имя *судьба* как имя концепта

обыденного сознания и как ядро смыслового поля ассоциативно связанных слов, рассматривают гештальт-структуры имени *судьба* (по Дж. Лакоффу); Л.Б. Савенкова [Савенкова, 1998] эксплицирует концепт «судьба» путём анализа русских пословиц и поговорок.

Исследователи изучают не только отдельные концепты, но и целые группы взаимосвязанных концептов, составляющих единое концептуальное поле. Ряд исследователей при рассмотрении языкового выражения концепта выходят на уровни синонимического ряда, тематической группы, деривационного гнезда, лексико-семантического и ассоциативного полей (О.Ю. Лукашкова, В.А. Лукин, А.В. Рудакова, А.Д. Шмелев, Е.С. Яковлева и др.

В казахстанской лингвистике развитие когнитивного направления началось сравнительно недавно. Однако нужно отметить, что в настоящее время уже накоплен богатый опыт в исследовании основных категорий когнитивной лингвистики. Предпосылки формирования когнитивной лингвистики в Казахстане существовали и раньше, хотя в исследованиях отсутствовали собственно когнитивные термины и понятия. Проблемы языка и мышления, роли человеческого фактора в языке, участия языка в познавательной деятельности человека были в центре внимания учёных всегда. В настоящее время работы предстают в новом освещении – когнитивном.

Каждый подход в зарубежной, российской и казахстанской лингвокогнитологии имеет свою интерпретацию термина *концепт*, свои собственные методы и приёмы (определение внутренней формы концепта, теория гештальтов, метод «семантических примитивов», метод «анализаторов», приём интерпретации, семантическое описание концептов, контрастивный анализ и т.д.), вносит свой вклад в решение проблемы. Объединяет все подходы то, что они имеют единый предмет изучения – *концепт* и общую цель исследования – выявление национально-культурных особенностей концептосфер того или иного этноса.

Все богатство лексического фонда русского языка находится на уровне концептов (А. Вежбицка, Ю.С. Степанов и др.) и концептосфер (Д.С. Лихачев). Когнитивная лингвистика достигла огромных успехов в своём развитии и располагает большим арсеналом научных исследований, посвящённых вербализации концептов, результаты которых должны найти обобщение в специальных лексикографических источниках. Очевидно, что лексика разных национальных языков включает в себе специфические черты, выполняющие доминантную роль в формировании национального характера и национального менталитета. Выявление

национальной специфики языковых картин мира носителей разных языков и культур не представляется возможным без проведения сопоставительных исследований, основанных на материале специальных двуязычных лексикографических источников. Это обстоятельство актуализирует создание специальных двуязычных словарей наименований концептов, в правой части которых могут выступать как близкородственные, так и типологически разные языки. Только данный тип двуязычных словарей может представить объем информации в когнитивной проекции (в нужном формате), позволяющий делать достоверные выводы о том, что один и тот же фрагмент картины мира может по-разному члениться логико-понятийным компонентом разных языковых сознаний. Выявление национальной специфики языковых картин мира носителей разных языков и культур не представляется возможным без проведения сопоставительных исследований, основанных на материале специальных двуязычных лексикографических источников. Осуществление данной задачи невозможно без разработки макро- и микроструктуры словарей, посвящённых вербализации концептов с лингвистических позиций. Это обстоятельство способствует возникновению нового направления – двуязычной концептографии, представляющей собою «квинтэссенцию» достижений современной двуязычной лексикографии и концептологии.

Изучение вопросов теории и практики составления данного типа словаря будет способствовать созданию качественных двуязычных словарей наименований концептов, в которых должна быть представлена лексика двух языков как материализация национального мировидения.

Для этого необходимо разработать ключевые теоретические проблемы составления двуязычного словаря наименований концептов (ДСНК) и практические рекомендации по лексикографическому описанию. В рамках настоящей статьи определяются:

- собственные теоретические позиции на основе критического обзора работ, посвященных исследованию *концепта и концептосфер* в лингвистике;
- дается определение дефиниции термина *двуязычная концептография*;
- предлагается определение двуязычного словаря наименований концептов, впервые вводимого нами типа двуязычного словаря, и принципов его составления;
- выявляется специфика формирования словника ДСНК путем мониторинга словарных статей с заглавным словом-наименованием концепта и его

репрезентантами в словарях различной типологии, в том числе описание семантической структуры многозначного слова с целью выделения наиболее значимого смысла для данного концепта;

- определяется структура словарной статьи ДСНК;
- даются рекомендации по лексикографическому описанию наименований концептов.

Разработка этих проблем расширяет перспективы развития современной лексикографии, вносит вклад в разработку проблем типологии, макро- и микроструктуры двуязычного словаря нового типа, которые станут прерогативой нового направления – двуязычной концептографии.

1. Двуязычная концептография – новый раздел в современной двуязычной лексикографии, цель которой заключается в разработке теории и практики составления двуязычных словарей наименований концептов в соответствии с целями и задачами когнитивистики.

2. Двуязычный словарь наименований концептов – аналитический словарь нового типа, представляющий лексику двух языков в качестве национального специфического видения мира и ориентированный на перцепцию. В нем лексикографическое описание заглавного слова-наименования концепта производится с учетом всех лексикографических параметров и основополагающих принципов составления лингвистических словарей: *преemptивности*, *современности* и *своевременности*, *системности* описания лексики в словаре, *нормативности* языкового факта и *комплексности*, основанной на трёх осях семантического пространства двух языков: парадигматике, синтагматике и дериватике.

3. При отборе *словника* ДСНК необходимо руководствоваться полевым принципом, при котором учитываются как ядерные, так и периферийные репрезентанты. В качестве лемм должны выступать репрезентанты концепта, имеющие набор концептуальных признаков. Языковая единица, объективирующая концепт, выражая определённый его смысл, должна входить в единое концептуальное поле. Модель концепта может быть построена на основе фрейма, в центре которого образ человека.

4. Структура *словарной статьи* ДСНК может быть представлена следующим образом: лемма; её фонетические, орфоэпические, грамматические, стилистические, прагматические характеристики; наиболее полная семантизация лексического значения; валентные (сочетаемостные) свойства леммы; ромбовая часть,

включающая фразеологические и паремиологические единицы; иллюстративный материал; синонимы, антонимы и словообразовательные парадигмы, демонстрирующие внутрисистемные связи заглавного слова.

Опираясь на достижения современной лексикографии и концептологии, а также на проведенное нами исследование, предлагаем следующие *рекомендации*:

I. Тип словаря

1. ДСНК относится к аналитическому типу словарей, обеспечивающих максимальный объем информации о семантической структуре слова и внутрисистемных отношениях леммы.

2. Предлагаемый тип словаря может рассматриваться как лексикографическое произведение, имеющее два входа (русский и казахский) и два выхода (казахский и русский), адресованный как носителю русского языка (Я-1), так и носителю казахского языка (Я-2), поскольку его левая и правая части содержат исчерпывающую информацию о наименовании концепта и его репрезентантах, позволяющую выявить универсальное и уникальное в русской и в казахской языковых картинах мира.

3. Владение лексическим запасом языка можно определить на уровне концепта-минимум и концепта-максимум (по А. Вежбицкой). Условно уровню концепта-минимум могут соответствовать однотомные словари. То, что ранее соответствовало уровню концепта-максимум (БАС, МАС и др.), сегодня, как нам представляется, подходит больше концепту-медиум. Концепту-максимум должны соответствовать словари нового типа, аккумулирующие в себе мельчайшие нюансы ранее неучтенных значений слова в словаре, к которым можно отнести предлагаемый нами тип словаря.

II. Отбор словника ДСНК

При отборе словника ДСНК целесообразна опора на полевой принцип организации лексического материала, благодаря чему можно представить структура поля ключевого слова, которая выглядит следующим образом: а) ядро поля представлено гиперсемой, вокруг которого разворачивается семантическое поле; б) в центр поля входят единицы, имеющие интегральное, общее с ядром, и дифференциальное значения; в) периферию поля составляют единицы, удаленные от ядра, общее родовое понятие отнесено в разряд потенциальных или вероятностных сем, т.е. они отражают семантику ключевого слова за счет контекста

III. Формирование словарной статьи

1. Орфографическая, акцентологическая, орфоэпическая параметризация леммы-наименования концепта заключается в написании, ударении и в фонетической транскрипции слова (в трудных случаях произношения).

2. Грамматическая характеристика проявляется в указании на частеречную принадлежность и категориальные признаки леммы. Для ДСНК особо актуальна грамматическая характеристика существительных, поскольку леммы представлены наименованиями концептов.

3. Стилистическая параметризация заглавного слова заключается в определении его отнесенности к тому или иному функциональному стилю. Рассмотренные нами наименования концептов представлены общеупотребительной лексикой, поэтому их в равной степени можно отнести к публицистическому, художественному и разговорному стилям.

4. Прагматическая характеристика заключается в отнесенности к эмотивной лексике. В нашем случае все леммы представлены нейтральной лексикой.

5. Заромбовая часть должна быть представлена богатым набором ФЕ, пословиц и поговорок, а также крылатых слов и выражений, обладающих кумулятивной функцией, передающих из поколения в поколение информацию о системе ценностей, традициях, обычаях и представлениях о мире того или иного общества, являющихся активными средствами вербализации концепта.

Представляется, что вышеизложенные выводы и рекомендации будут способствовать созданию качественных ДСНК, а также дальнейшей разработке теории и практики составления словарей данного типа. В перспективе в круг рассматриваемых вопросов могут быть включены материалы диалектных словарей, словарей заимствованных слов и др., которые послужат надежной базой для выявления национальной специфики языковой картины мира носителей разных языков в сопоставительных исследованиях.

Список литературы

Арутюнова Н.Д. Истина: фон и коннотации // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 21-30.

Савенкова Л.Б. Концепт «судьба» и его реализация в русских пословицах // Язык и национальное сознание. Воронеж, 1998. С. 45-46.

Токарев Г.В. Проблемы лингвокультурологического описания концепта (на примере концепта «трудовая деятельность»). Тула: Изд-во ТГПУ, 2000. 92 с.

Чернейко Л.О., Долинский В.А. Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник Московского университета. Сер. 9 Филология, № 6. Москва, 1996, С. 20-41.

Мусатаева М.Ш.

Ташдемир О.П.

Казахский национального университета имени Абая
г. Алматы (Республика Казахстан)

Mussatayeva Manatkul

Tashdemir Oksana

Abai Kazakh National Pedagogical University
Almaty (Kazakhstan)

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

CVETOOVOZNAČENÍÁ AS AN OBJECT OF RESEARCH IN FOREIGN LINGUISTICS

Одним из базовых универсальных понятий в национальных языковых картинах мира является цвет, сквозь призму которого выражаются мировосприятие и мироощущение этноса. Как известно, цвет представляет собой особый психический феномен восприятия световых волн человеком. В связи с этим когнитивно-ориентированное изучение языковых явлений цветовой проблематики, в частности исследования вербализация концепта *цвет*, вызывает интерес ученых-лингвистов.

Восприятие различных цветовых диапазонов, обусловленное физическими способностями, влияет на формирование различного опыта взаимодействия с окружающей средой и, следовательно, специфического видения мира. Очевидно, что физическая способность восприятия цветового спектра отражена в естественном языке.

Западные лингвисты при исследовании семантики применяют энциклопедический подход, основанный на ряде исходных положений. Так, исследователи, работающие в сфере когнитивной семантики, считают, что не существует принципиального различия между семантикой и прагматикой. Эта точка зрения подразумевает отказ от четкой демаркации между ядром лексического значения и прагматическим, социальным, культурным компонентами значения. Один из ведущих принципов гласит о том, что энциклопедическое знание динамично, так как постоянно модифицируется вследствие дополнения новыми знаниями об объекте, и в то же время структурировано в виде сети взаимосвязанных компонентов.

Наше предположение о том, что концепт *белый* цвет представляет собой прототип и теплой, и холодной гаммы цветового спектра верхней полусферы шкалы *белый-черный* основывается на результатах исследований Б. Берлина и П. Кея; П. Кея и Ч.К. МакДаниэла; Э. Рош; Р. МакЛаури; нейрофизических исследований Р. Де Валуа, Г. Якобса и др.

Colour is one of basic universal concepts of national worldview, which is seeing as a kind of prism to express the world perception by an ethnos. It is known that colour is a psychological phenomenon of light wave perception. That is why scientists are interested in cognitive oriented linguistic researches, which are related to colour vocabulary issues, particularly in researches of verbalization the *colour* concepts.

Perception of different colour diapasons, which depends on physical abilities, affects the gained experience of environment interaction, and consequently, the specific worldview. Obviously, the physical ability to perceive the colour spectrum is reflected in a language.

Western linguists use encyclopedic approach for semantic researches, which is based on a set of premises. Thus, cognitive semanticists reject the idea that there is a principled distinction between semantics and pragmatics. This idea denies the clear demarcation between 'core' of lexical meaning and pragmatic, social or cultural components of the meaning. One of the guiding principles asserts that the encyclopedic knowledge is dynamic one on the one hand, due to the constant modifications by additional knowledge related to the object and it is structured like a network of interconnected components on the other.

Our assumption that the concept *white colour* represents the prototype for warm as well as cold range of the upper semi sphere of *white-black* scale is based on the results of researches fulfilled by B. Berlin & P.

Key, P. Key & C. K. McDaniel, E. Rosch, R.E. McLaury and neurophysiologic researches done by R.L. DeValois, H.G. Jacobs, and others.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, вербализация, концепт, цвет, белый.

Key words: cognitive linguistics, verbalization, concept, colour, white.

При изучении основных принципов, характеризующих когнитивный подход к семантике и исследовании концепта как «кванта знания», располагающей собственной структурой единицы концептуальной сферы, возникающей в результате получения/передачи и обработки информации, составляют основные положения ведущих лингвокогнитологов, в той или иной степени исследующих цветообозначения. Так, исходя из выводов исследований категории цветообозначения Б. Берлина, П. Кея, Э. Рош, Ч.К. МакДаниэла, Р.Е. МакЛаури, можно предположить, что концепт *белый* цвет представляет собой прототип теплой гаммы цветового спектра. Наше предположение основывается на:

а) результатах исследования Б. Берлина и П. Кея о том, что белый и чёрный цвета являются первичными базовыми цветообозначениями, составляющими первую стадию последовательного развития систем цветообозначений и входящими в каждую последующую стадию эволюции колоративов;

б) результатах исследования Ч.К. МакДаниэла, П. Кея, Э. Рош, доказавших наличие нескольких центров (фокусов) категории цветообозначения, выраженных в прогрессирующей дифференциации цветовых категорий, а также уточнивших понимание категорий цветообозначения как недискретных функций, обусловленных нейрофизиологическими процессами;

в) результатах исследований Р. МакЛаури, выявившего варьирование теоретико-множественных функций размытых множеств, определённых П.Кейем – Ч.К. МакДаниэлом в разных культурах;

г) принадлежности базовых категорий *чёрного* и *белого* цвета к категориям *яркости*, а не к категориям хроматических цветов, согласно результатам нейрофизических исследований Р. Де Валуа, Г. Якобса и др.

Основные принципы, характеризующие когнитивный подход к семантике заключаются в следующем:

1) специфическое понимание мира человеком обусловлено его физиологией. Осознание физической реальности «представляется нам столь осязаемым, конкретным и реальным, что мы обычно верим в то, что мир должен существовать именно в том виде, в каком мы его воспринимаем, либо в крайнем случае в то, что наше восприятие

лишь немного не соответствует реальности» [Шиффман, 2003, с. 23]. Однако это не совсем так. Пример иллюзии Ф. Мюллера-Лайера показывает, что две совершенно одинаковые вертикальные линии кажутся не равными по длине, если добавить к каждой из них по два угла, направленных в разные стороны. Как отмечает Ж. Фоконье, «мысль и язык воплощены. Концептуальная структура возникает вследствие сенсомоторного опыта и нейтральных структур, дающих им начало» [Фоконье, 2003, с. 2] Так, Р. Джеккендофф утверждает: «Никто не сможет обнаружить разницу в *цвете*, если разум не обеспечит концептуальное измерение, посредством которого различия в цвете могут быть ментально репрезентованы» [Jackendoff, 1983, p. 17]. Иллюстрируя этот принцип в отношении концептуализации и вербализации концепта *цвет*, отметим известный научный факт: тогда как зрительная система человека включает три вида фоторецепторов (цветовые каналы), охватывающие зрительный спектр [Варела и др.,:1991; Боннардел, Варела, 2003], у других живых существ это число варьируется. Так, у белок, кроликов, котов их два, серебристого карася, голубя – четыре, гремучая змея может видеть в инфракрасном диапазоне и т.д. [Evans, Bergen, Zinken, 2007, p. 7]. А.Вежбицкая утверждает, что вопрос о физиологии восприятия не имеет большого значения в цветовой концептуализации, так как «цветовое восприятие является одним для всех людей» [Вежбицкая, 1996, с. 238], но «языковая концептуализация различна в разных культурах, хотя и здесь есть поразительные элементы сходства» [там же]. Аргументируя свою позицию тем, что происходящее в сетчатке и мозгу человека не отражается непосредственно в языке, так как «язык отражает происходящее в сознании, а не мозгу» [там же], а «сознание формируется, в частности, и под воздействием окружающей нас культуры» (там же), Вежбицкая, тем не менее, не отрицает тот «факт, что некоторые элементы наших цветовых концептов могут в существенной степени зависеть от нашей общей человеческой природы и что культура находится во взаимодействии с нашим биологическим устройством при формировании цветовых понятий» [там же]. Эта точка зрения соответствует выводу П. Кея и Ч.К. МакДаниэла о том, что «семантика базовых цветовых категорий во всех языках непосредственно отображает наличие присущих всем людям категорий нейрофизиологических реакций» [KayP., McDaniel, 1978, p. 621]. Как отмечает Б. Саундерс, преобразование лингвистического соответствия цветовой системы Манселла в физические величины привело к созданию наиболее используемого аппарата психологических исследований [Джеймсон, д'Андрад, 1997], ориентированных на то, что «четкий ментальный образ цветовых отношений *должен* быть в основе любого разумного группирования их тонов в лучших уровнях силы и света, которое наилучшим образом производится при

использовании сферы для *представления мира цвета* [Биррен, 1969]. Б.Саундерс обращает внимание на наличие долженствования, что не представляет специфическую гипотезу, которую необходимо объяснять, доказывать, проверять или опровергать, а, напротив, берет начало в картезианской метафизике и законах механики Ньютона. Это принято *a priori*, так как предполагается, что каждый человек имеет способность *видеть цвет*. Саундерс подчёркивает: «Система не эмпирична, но основана на *petitio principii* (возникновение вопроса о цвете предполагает начальную точку)» [Saunders, 2000, p.83].

Согласно второму принципу, семантическая структура является концептуальной структурой: «язык, скорее, соотносится с концептами в сознании говорящего, нежели непосредственно с реальными объектами, существующими в объективной реальности» [Evans, Bergen, Zinken, 2007, p. 7], что уравнивает семантическую структуру, понимаемую как значения, конвенционально ассоциируемые со словами и лингвистическими единицами, с концептуальной структурой, т.е. концептами. Такое равенство не представляет идентичность. Так, лингвисты, занимающиеся исследованиями в сфере когнитивной семантики, считают, что «значения, ассоциируемые с лингвистическими единицами, такими как слова, например, формируют только подсистему возможных концептов» [ibid, p. 8], так как существует великое множество мыслей, идей, чувств, образов, которые человек может конвенционально кодировать в языке. Пример Р. Лангакера о наличии концепта, но отсутствии слова в английском языке для обозначения места на лице, где растут усы, считается классическим при объяснении этого утверждения.

Третий принцип когнитивного подхода к семантике гласит, что репрезентация значения энциклопедична, т.е. концепт представляет не просто лексикологическое значение, а, как отмечал Р. Лангакер, служит доступом к более обширному информационному архиву, относящемуся к данному концепту. Как указывают В. Эванс, Б. Берген, Й. Цинкен, лингвисты считают, что «конвенциональное значение, ассоциируемое с определённой языковой единицей, является лишь *подсказкой* в процессе образования значения: *выбором* подходящей интерпретации контекста выражения» [ibid] Ж. Фоконье отмечает: «Язык не «репрезентует» значение, он подсказывает образование значения в определённом контексте с определёнными моделями культуры и когнитивными ресурсами» [Fauconnier, 2003, p. 2]. Так, в русском языке прилагательное *белый* и существительное *платье* образуют словосочетание, значение которого можно интерпретировать как праздничная одежда, в одном случае, и как платье невесты, в другом, где *белый* цвет символизирует чистоту,

невинность и ассоциируется с белой одеждой ангелов, с верой, святостью, духовными ценностями, или же, как атрибуты, символизирующие смерть. Словосочетание *белый человек* относится к человеку со светлой кожей, а на территории, относившейся когда-то к Российской Империи, *белым* называли ещё и человека, воевавшего за восстановление законной власти в России. *Белым танцем* называют танец, когда дамы приглашают кавалеров, *белые стихи* – это стихи без рифм, *белые ночи* – ночи на севере, когда сумерки не переходят в темноту, *белое вино* – вино из светлых сортов винограда и др. Для того, чтобы понять значение сказанного, человек обращается к своим знаниям о *белом* цвете, с одной стороны, и к тому, что ему известно об истории, религии, искусстве и т.д., с другой.

Следуя этому принципу, западные лингвисты при исследовании семантики применяют энциклопедический подход, основанный на ряде исходных положений. Так, исследователи, работающие в сфере когнитивной семантики, считают, что не существует принципиального различия между семантикой и прагматикой. Эта точка зрения подразумевает отказ от чёткой демаркации между ядром лексического значения и прагматическим, социальным, культурным компонентами значения. Выдвинуто положение о том, что энциклопедическое знание динамично, так как постоянно модифицируется вследствие дополнения новыми знаниями об объекте, и в то же время структурировано в виде сети взаимосвязанных компонентов. Согласно следующему предположению, энциклопедическое значение появляется в контексте, значение слова «руководствуется» контекстом и образуется в процессе когнитивных операций, являясь результатом контекстуальной информации. Значение слова «выбирается и образуется из энциклопедических знаний, которые называют семантическим потенциалом [Эванс: 2006] или содержанием [Круз, 2004; Круз, 2000] лексической единицы» [Evans, Bergen, Zinken, 2007, p. 12]. С точки зрения когнитивной семантики, лексические единицы рассматривают как точки доступа к энциклопедическому знанию. Положения энциклопедической семантики легли в основу теории семантики фреймов Ч. Филлмора (Frame Semantics Theory) и теории понятийных (семантических) полей Р. Лангакера (Theory of domains).

Согласно четвёртому принципу, образование значения является концептуализацией, т.е. язык, сам по себе, не кодирует значение, напротив, слова являются своего рода указанием, «подсказкой» к формированию значения. Соответственно, значение создаётся на концептуальном уровне. Как определяют В. Эванс, Б. Берген и Й. Цинкен «Образование значения приравнивается к концептуализации, процессу, при котором лингвистические единицы служат

побуждением к развёртыванию концептуальных операций и подбору фоновых знаний. Значение, скорее, представляет собою процесс, а не дискретный «объект», который может быть «упакован» языком» [Evans, Bergen, Zinken, 2007, p. 9].

Исследование цветообозначений Б. Берлина и П. Кей, проведённое на материале девяноста восьми языков, из которых данные двадцати языков анализировались экспериментально, а необходимые сведения из семидесяти восьми языков были взяты из трудов по лингвистике, считается одной из наиболее значимых работ как в сфере исследования цветообозначений, так и в области когнитивной лингвистики. Изначально исследование было спланировано в виде эксперимента для анализа постулатов гипотезы лингвистической относительности Э. Сепира – Б. Уорфа, согласно которой каждый язык налагает на восприятие индивида присущую данному языку идиосинкретическую семантическую структуру, поскольку «у каждого языка существует свой уникальный способ кодирования опыта» [Berlin, Kay, 1969, p. 2]. Из концепции гипотезы лингвистической относительности вытекает предположение, что «существующие в сознании человека системы понятий, а следовательно и существенные особенности его мышления определяются тем конкретным языком, носителем которого этот человек является» [Научная энциклопедия Кругосвет, Эл. ресурс]. В целом, концепция Э. Сепира – Б. Уорфа подчёркивает значимость относительности семантических структур различных языков и уменьшает роль лингвистических универсалий. Логический вывод о семантической относительности каждого из языков к любому другому, по мнению Б. Берлина и П. Кей, заключался в том, что поиск семантических универсалий бесполезен в принципе. Б. Берлин и П. Кей подвергли сомнению взгляд сторонников гипотезы о том, что разные языки могут кодировать, т.е. делить, трёхмерный цветовой спектр произвольными способами независимо от других языков. Сомнение вызывало и то, что слова-колоративы могут легко переводиться на типологически разные языки. Первой обнаруженной закономерностью стало наличие *базисных (базовых, основных) наименований цвета*. «Несмотря на то, что в словарном составе разных языков зафиксировано (закодировано) различное число базисных категорий цвета, существует общий универсальный перечень, включающий точно одиннадцать базисных категорий цвета, из которых одиннадцать или меньшее число наименований присутствуют в каждом языке. В одиннадцать *базисных категорий цвета* входят: *белый, чёрный, красный, зелёный, жёлтый, синий, коричневый, фиолетовый, розовый, оранжевый и серый*» [Berlin, Kay, 1969, p. 2]. В связи с тем, что «в каждом языке существует неограниченное множество выражений для обозначения восприятия цвета» [ibid, p. 5] Б. Берлин и П.

Кей определили критерии для базисных наименований цвета: 1. Наименование должно представлять собой моноксемный термин, т.е., его значение не должно вытекать из значений его частей. По этому критерию исключаются такие наименования, как *bluish* – *синеватый*, *lemon-colored* – *цвета лимона* и др. 2. Цвет, обозначенный таким наименованием, не должен содержаться в любом другом термине. Например, *crimson* – *малиновый цвет, ярко-алый цвет, темно-красный цвет, кармазин*. 3. Его приложение не должно быть ограничено небольшим количеством объектов. Например, *blond* – *белокурый, светлый*. 4. Наименование должно иметь психологическую значимость для информанта, что включает а) тенденцию к появлению слова в начале выявленного списка наименований цвета, б) устойчивость в обращении к нему информантов и случаев использования, в) распространение в идиолектах всех информантов. Этот критерий исключает *crimson* – *малиновый цвет, ярко-алый цвет, scarlet* – *багряный цвет, ярко-красный цвет* и др. 5. Подвергаемые сомнению формы должны иметь такой же дистрибуционный потенциал, как и базисные термины, образованные ранее. Например, *whitish* – *беловатый, белесый, бледный, светлый*; *reddish* – *красноватый, рыжеватый, бурый* и др. 6. Сомнению подвергаются наименования цвета, являющиеся, в то же время и наименованиями объектов: *gold* – *золото (золотой)*, *silver* – *серебро, (серебряный)*, *ash* – *пепел (пепельный)*. По дополнительному критерию *оранжевый* цвет был бы исключен в английском языке, если бы он попадал в категорию, вызывающую сомнение. 7. Сомнению могут подвергаться заимствования, появившиеся недавно. 8. В случаях, при которых лексемный статус не достигается, морфологическая комплексность оценивается по дополнительным критериям. По таким критериям *синезеленый* цвет может быть элиминирован. Таким образом, согласно критериям Б. Берлина и П. Кей, наименование *белый* цвет входит в ряд базисных наименований цвета.

Универсальность базисных наименований цвета была доказана выбором подобных *лучших образцов* участниками эксперимента, владеющими разными языками, что, по мнению Б. Берлина и П. Кей, указывает на недостатки гипотезы лингвистической относительности и приводит к выводу о том, что «категоризация цвета не произвольна, а фокусы (центры) базисных наименований цвета подобны во всех языках» [Berlin, Kay, 1969, p. 10]. Открытие центральных (фокусных) цветов позволило обнаружить еще одну закономерность категорий цвета, состоящую в том, что людям «легче определить центральный (фокусный) цвет категории, чем её границы или её общую сферу» [ibid, p. 13].

Вторая закономерность относится к строгим ограничениям кодирования категорий цвета, в случае, если язык фиксирует (кодирует) менее одиннадцати категорий, образующим определённую иерархию. «Дистрибуционными ограничениями наименований цвета в языках являются: 1. Во всех языках есть наименования для *белого* и *чёрного* цвета. 2. Если в языке есть три наименования, то он включает наименование для *красного* цвета. 3. Если в языке четыре наименования цвета, то это наименование для *зелёного* или *жёлтого* (но не для обеих). 4. Если язык имеет пять наименований, то это *зелёный* и *жёлтый*. 5. Если в языке присутствуют шесть наименований, то он включает наименование для *синего* цвета. 6. Если язык содержит семь наименований, то это наименование *коричневого* цвета. 7. Если же в языке существуют восемь и более наименований, то они включают *фиолетовый, розовый, оранжевый, серый* и некоторые комбинации этих цветов» [ibid, p. 2-3]. По итогам данных эксперимента было выведено правило: [*белый, чёрный*] < [*красный*] < [*зелёный, жёлтый*] < [*синий*] < [*коричневый*] < [*фиолетовый, розовый, оранжевый, серый*], в котором представлено не только изложение дистрибуционных данных в современных языках, но и хронологический порядок лексического кодирования базисных наименований цвета в каждом исследуемом языке. При этом хронологический порядок интерпретируется как последовательность эволюционных стадий. Б. Берлин и П. Кей, сравнивая первую и последнюю стадии эволюции классов по вышеуказанному правилу, обращают внимание на отсутствие одного наименования цвета в системе наименований колоративов в любом языке на первой стадии. Так, если существует наименование для *белого* цвета, то есть и наименование для *чёрного* цвета. Выводы Б. Берлина и П. Кея были подтверждены результатами исследований К.Ф. Коха, Брумли (1967 г.) на материале языков народов Новой Гвинеи, Тернера (1966) на материале языков Бенуэ-Конго, Е. Огана, изучавшего цветообозначения Насией на острове Бугенвиль др. Дополнительно отмечено, что первая стадия эволюции классов базисных наименований цвета состоит из *чёрного цвета и его оттенков* и *белого цвета и его оттенков*, а их непрерывный спектр тянется через все последующие стадии, проявляясь в тёмных и светлых оттенках других цветов спектра. Таким образом, *белый* и *чёрный* цвет присутствуют во всех стадиях иерархии классов базисных наименований цвета. Как определяют исследователи, *серый* цвет представляет собой кодирование яркости нейтральных оттенков между *чёрным* и *белым* цветом.

Вызывает интерес соотнесение стадий образования лексики для обозначения цвета с данными теории развития фонологической системы языка. Тогда как Р. Якобсон и М. Халле рассматривают развитие фонологической системы в онтогенезе, Б.

Берлин и П. Кей описывают последовательность образования цветовых категорий как ««филогенетическую», где «phylo» «понимается скорее как культурная, а не биологическая (составляющая)» [Berlin, Kay, 1969, p, 105].

Б. Берлин и П. Кей пришли к выводу о том, что всем языкам присуща универсальная система базовых (основных) категорий, выраженная в наименованиях цвета, образованных в результате вербализации.

Исследования Б. Берлина и П. Кея были продолжены П. Кейем и Ч.К. МакДаниэлом, доказавшим, что универсальные базовые категории образуются в результате функционирования нейрофизиологического и когнитивного механизмов. Работа П. Кея – Ч.К. МакДаниэла позволила по-новому взглянуть на процессы категоризации в целом и понимание концептов *цвета*, в частности.

Изучение закономерностей, обнаруженных в процессе исследований цветообозначений как универсальных базисных наименований и их цветовых категорий Б. Берлина и П. Кея, получило дальнейшее развитие в работах П. Кея и Ч.К. МакДаниэла, основывающихся на нейрофизиологических исследованиях способности восприятия цвета Р. Де Валуа, И. Абрамова, Г. Якобса, теории размытых множеств Л. Заде, а также трудах Дж. Аткинса, Б. Берлина, Дж. Доферти, С. Томпсона и др. П. Кей и Ч. МакДаниэл разделяли мнение о существовании семантических универсалий в сфере цветообозначений, определённых ограничениями типов возможных базисных наименований цвета. Возникновение ограничений, по мнению ученых, обусловлено структурой и функционированием визуальной системы человека. Доказательства, полученные в ходе исследования, также противоречили теории лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа, по крайней мере, в отношении цветообозначений. Как отмечают П.Кей и Ч.К. МакДаниэл, «скорее не язык определяет восприятие, а восприятие определяет язык» [Кей, МакДаниэл, 1978, с. 610]. Более того, Ч.К. МакДаниэл выдвинул предположение о том, что универсалии вытекают из особенностей восприятия цвета человеком, так как восприятие цвета является результатом функционирования «совокупности нейрофизиологических процессов», разделяемых всеми людьми. По мнению лингвиста, именно эти процессы лежат в основе универсалий в отношении значений базовых наименований цвета. Выражая несогласие с идеями приверженцев теории лингвистической относительности, П. Кей и Ч.К. МакДаниэл утверждают, что лексическая сегментация цветового спектра, т.е. вербальная дифференциация цветовых категорий, отличающаяся в разных языках, объясняется особенностями восприятия и осознания цвета человеком. В результате

возникла идея об ограничениях использования теории лингвистической относительности.

Таким образом, результаты исследований Р.Е. МакЛаури подтвердили точку зрения, согласно которой каждый язык делит цветовой спектр присущим ему уникальным способом, соответствующим восприятию цвета, т.е., осмыслению, систематизации, интерпретации полученной информации, отличающимся в разных культурах, в то же время, цветовое познание не является произвольно различным во всех культурах, так как системы категорий цвета разных языков имеют общие, универсальные черты. характеристики. Дж. Лакофф указывает, что «возможные цветовые области ограничены параметрами внутри когнитивного механизма» [Лакофф, 2011, с. 52].

Список литературы

- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996. 411с.
- Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Гнозис, 2011. 512 с.
- Шиффман Х.Р.* Ощущение и восприятие. 5-е изд. СПб.: Питер, 2003. 928 с. (Серия «Мастера психологии»).
- Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия «Энциклопедия Кругосвет».* [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru>
- Berlin, B., Kay, P.* BasicColorTerms. University of California Press, Berkeley, Los Angeles, Oxford, 1969. 110 p.
- Croft, W. & Cruse, D.A.* Cognitive linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 357 p.
- Evans, V., Bergen, B., Zinken, J.* The Cognitive Linguistics Reader. London, Equinox, Oakville, 2007. 974 p.
- Kay, P., McDaniel, C.K.* The Linguistic Significance of the Meaning of Basic Color Terms / Language, Vol. 54.No.3 / Linguistic Society of America, 1978. P. 610-646.
- Saunders, B.* Revisiting basic color terms/ University of Leuven, Belgium/ The Journal of the Royal Anthropological Institute Vol. VI № 1 March, 2000.P.81-101.
- Varela, F., Thompson, E., Rosch, E.* The embodied mind: Cognitive Science and Human Experience. Cambridge, MA: MIT Press. 1992. 299 p.
- Fauconnier, G.* Cognitive Linguistics. Encyclopedia of Cognitive Science. London, Macmillan, 2003. 14 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.fias.uni-frankfurt.de
- Jackendoff, R.* Semantics and cognition. The Massachusetts Institute of Technology, 1983 [Электронный ресурс] – Режим доступа www.books.google.com

Папулова Ю.К.
ООО «Институт инновационных технологий»
г. Москва (Россия)

Papulova Yuliya
Institute of Innovative Technologies, LLC
Moscow (Russia)

О МОДЕЛИ ПЕРЕВОДА В РАМКАХ ТЕОРИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

INTERTEXTUALMODELOFTRANSLATION

В докладе представлена одна из возможных моделей перевода, построенная исходя из положений теории интертекстуальности. Модель основана на понимании культур, в которых рождаются текст оригинала и текст перевода, как интертекстуальных пространств, вобравших в себя все существующие тексты той или иной культуры. Согласно этому представлению, текст оригинала неразрывно связан с текстами пространства, в которое он вписан, как со своими предтекстами. При переводе на другой язык текст переносится из одного интертекстуального пространства в другое, и теряет связь с частью своих предтекстов, образуя при этом новые связи с текстами принимающего интертекстуального пространства, что ведет к частичной потере изначально заложенных в тексте смыслов и приращению новых.

This paper describes a model of translation based on the postulates of intertextual theory. The model represents source and target cultures as intertextual spaces (networks of interconnected texts). From this perspective, the process of translation can be seen as the transfer of a text from one intertextual space into another resulting in a loss of some intertextual references and implicit meanings and a gaining of new ones.

Ключевые слова: перевод, интертекстуальное пространство, прецедентный текст, имплицитный смысл, переводческие факторы

Key words: translation, intertextual space, precedent text, implicit meaning, translation factors

К настоящему моменту появилось уже немало исследований, посвященных рассмотрению перевода в рамках теории интертекстуальности. В частности, наиболее известны работы исследователей Н.А. Кузьминой, И.С. Алексеевой, Г.В. Денисовой, Н.М. Нестеровой, В. Natim и I. Mason.

Особый интерес представляет работа Н.М. Нестеровой «Текст и перевод в зеркале современных философских парадигм», в которой исследовательница предлагает интертекстуальную модель перевода, основанную на понимании мира «как многомерного интертекстового пространства, в котором любой «новый» текст возникает как отклик (реплика) на другой текст. Это значит, что любой текст обретает свою смысловую полноту не только благодаря своей референциальности, но и в силу своей взаимной соотнесённости с другими текстами, находящимися в данном

интертекстовом пространстве. Перевод в таком контексте понимается как «семиотический мост», связывающий два пространства: пространство, где рождается оригинал, и пространство, в которое он «трансплантируется» в форме текста перевода» [Нестерова, 2005, с. 510] (см. рис.1).

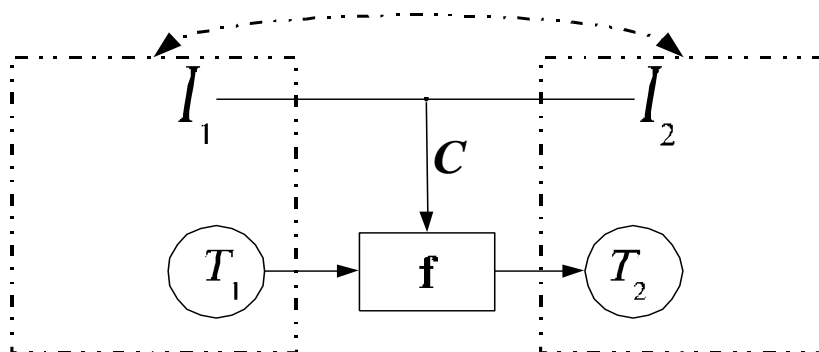

Рис.1. Интертекстуальная модель перевода Н.М. Нестеровой

Взяв предложенную Н.М. Нестеровой модель за основу, мы попытались дополнить её с учётом модели порождения вторичного текста А.И. Новикова и Н.Л. Сунцовой (см. рис.2), модели порождения вторичного текста Н.М. Нестеровой (см. рис.3), модели художественного текста «Цветок Лотмана» В.А. Копчика (см. рис.4).

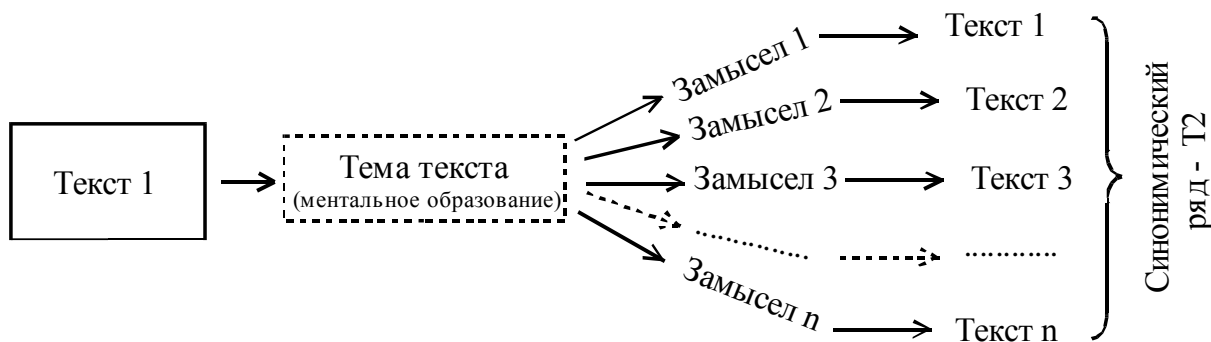

Рис.2. Модель порождения вторичного текста А.И. Новикова и Н.Л. Сунцовой

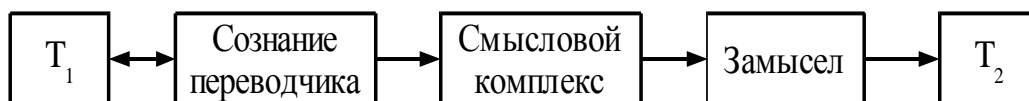

Рис.3. Модель порождения перевода как вторичного текста Н.М. Нестеровой

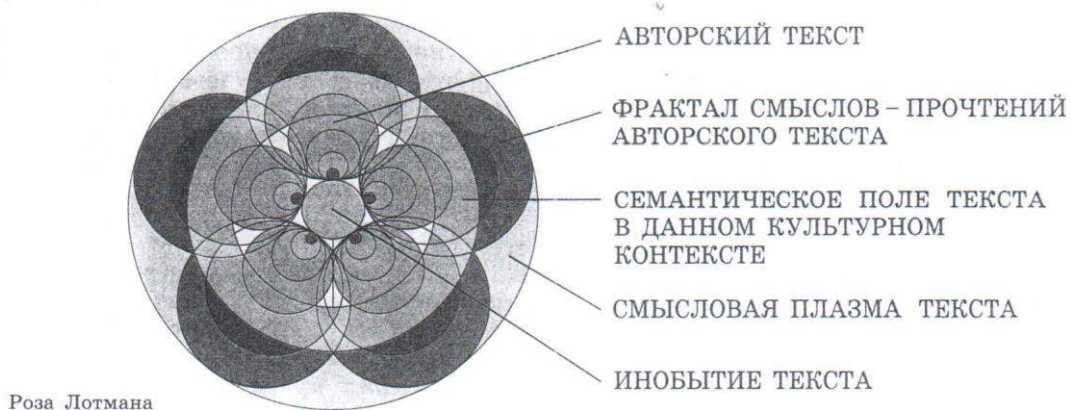

Рис.4. Модель художественного текста «Цветок Лотмана» В.А. Копчика

Прокомментируем построенную нами модель (см. рис.5).

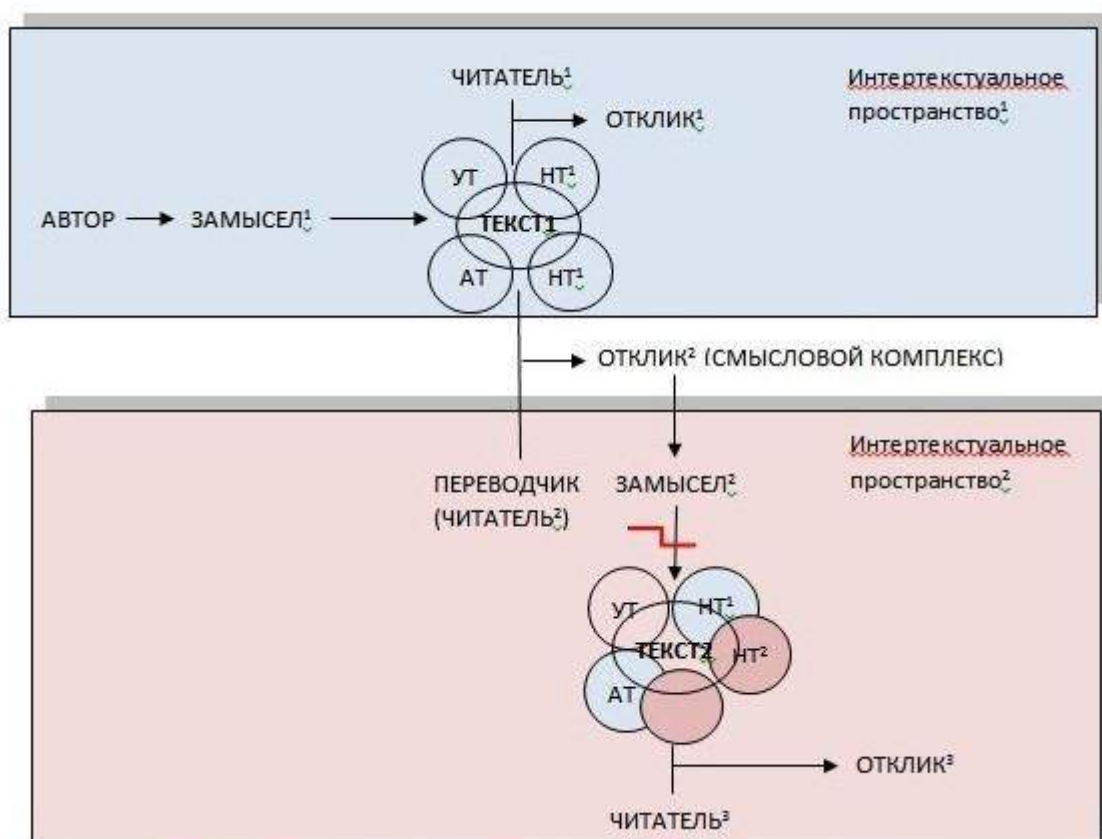

Рис.5. Интертекстуальная модель перевода художественного текста

Итак, говоря о межъязыковом (межкультурном) переводе, мы имеем дело с двумя интертекстуальными пространствами, соответствующими исходящей и принимающей культурам (на рис. Интертекстуальное пространство¹ и Интертекстуальное пространство² соответственно). Текст оригинала (Текст¹), его автор, а также последующие интерпретаторы и читатели, являющиеся носителями

культуры и языка автора (Читатель¹), погружены в интертекстуальное пространство¹. Данное пространство служит для автора источником прецедентных текстов. Из них он выбирает те, которые затем войдут в его произведение (на рисунке прецедентные тексты, ставшие предтекстами, обозначены кругами УТ, НТ¹, АТ¹, пересекающимися с Текстом¹). В рамках интертекстуального пространства¹ у автора рождается замысел (Замысел¹), который затем находит своё воплощение в тексте (Текст¹). Замысел и текст не эквивалентны, поскольку в ходе осмысления и «языковлечения» замысел автора претерпевает изменения. Осмысливая, уточняя свою идею, автор тем самым подвергает её коррекции. Замысел подвергается дальнейшим изменениям в ходе его вербализации «в угоду» грамматическому и лексическому узусу и лингвистическим нормам, диктующим свои способы выражения мысли. Данная проблема языка и мышления подробно рассматривается в рамках герменевтики.

Появившись, текст постоянно трансформируется, по словам Ю. Кристевой, текст – это бесконечный процесс, динамика, продуктивность [Пьеге-Гро, 2008, с. 51]. При каждом новом прочтении текста в нем актуализируются разные смыслы, поэтому каждый читатель воспринимает текст по-своему. Текст, будучи вписанным в некое интертекстуальное пространство, является для читателя своего рода проводником, он связывает читателя с другими принадлежащими этому пространству текстами. В интертекстуальное пространство текста читатель проникает ровно настолько, насколько ему позволяет это сделать его читательский опыт, насколько для него очевидны другие тексты, эксплицитно или имплицитно представленные в читаемом тексте.

Если автор и читатель принадлежат одному интертекстуальному, культурному пространству и говорят на одном языке, возможно достаточно полное понимание и адекватное восприятие текста (Отклик¹). Иначе дело обстоит в случае прочтения текста носителем иной культуры и языка, владеющим языком оригинального текста (Переводчик (Читатель²)). Очевидно, что в таком случае читатель принадлежит иному национальному интертекстуальному пространству (Интертекстуальное пространство²). Однако его отклик на текст окажется как бы в межпространстве, поскольку, с одной стороны, читатель будет достаточно сильно ощущать на себе влияние текста оригинала и языка, на котором тот написан, с другой стороны, на восприятие читателем текста будут накладываться отпечаток его жизненный опыт и читательская компетентность, культурные ценности и установки, особенности родного языка, которые неминуемо вступят в конфликт с оригинальным текстом.

На основе отклика читателя-переводчика на текст или точнее на основе сформированного в сознании переводчика ментального образования при восприятии текста оригинала (Отклик²(смысловой комплекс)) рождается замысел нового текста (Замысел²), который затем находит воплощение в тексте перевода (Текст²). Текст перевода является уже полнокровным элементом культуры переводчика и соответственно нового национального интертекстуального пространства (Интертекстуальное пространство²). При его прочтении у нового читателя (Читатель³), носителя общей с переводчиком культуры/ языка, возникнет новый отклик (Отклик³), который также окажется вписанным в интертекстуальное пространство². Таким образом, за счёт текста перевода текст оригинала способен расширить пространственные и временные границы своего интертекстуального пространства. Очевидно, что отклик читателя на текст оригинала (Отклик¹) и отклик читателя на текст перевода (Отклик³) будут различаться между собой не меньше, чем текст оригинала (Текст¹) и текст перевода (Текст²). На рисунке мы видим, какой путь приходится преодолеть оригинальному тексту прежде, чем он перевоплотится в текст перевода, и как далеки друг от друга отклики читателей разных культур на, казалось бы, один и тот же текст.

Почему текст перевода невозможно свести к тексту оригинала? Одна из причин – смена авторства (если рассматривать переводчика как автора текста перевода), другая – принудительный характер языка перевода. Вследствие смены авторства текст меняется, поскольку он, в отличие от текста оригинала, является воплощением не замысла автора, а замысла переводчика, как сказано выше, результатом развёртывания того ментального образования, которое возникло у читателя-переводчика в ходе восприятия текста оригинала. Таким ментальным образованием в случае восприятия художественного текста выступает смысловой комплекс, подробно описанный в работе Н.М. Нестеровой. Авторская мысль переосмысливается переводчиком и обретает новые оттенки смысла. Очевидно, что замыслы автора и переводчика не равнозначны, поэтому на их основе возникают неравнозначные тексты. Вдобавок, как уже говорилось выше, язык навязывает авторской мысли содержащиеся в нем дополнительные значения. Иностраный язык ещё сильнее искажает авторскую идею, а точнее её интерпретацию переводчиком, что также ведёт к ещё большему расхождению между текстом оригинала и текстом перевода.

По словам Н.М. Нестеровой, на степень расхождения между текстом оригинала и текстом перевода влияют следующие факторы: тип текста, метод перевода и личность переводчика [Нестерова, 2005, с.450] (на рисунке данные факторы

обозначены в виде зигзагообразной линии – «барьера» на пути от Замысла² к Тексту²). Под типом текста понимаются такие параметры, как «мягкость» и «жесткость» языка и текста, жанр, который задаёт языковой и индивидуальный стили текста, степень соотношения стереотипного и творческого. Что касается выбора переводческого метода, переводчик может придерживаться вольного, буквального или аналитического метода перевод. Под личностью переводчика понимается, прежде всего, тяготение переводчика к сохранению в тексте перевода авторского начала или к привнесению «своего».

Ещё одним фактором, от которого зависит степень расхождения между текстом оригинала и текстом перевода, мы считаем читательскую и переводческую компетентность переводчика, его способность распознать и адекватно отразить в тексте перевода смыслы, представленные в тексте оригинала. Если исходить из положения, что в любом тексте эксплицитно или имплицитно представлены другие тексты, мы можем предположить, что при прочтении текста оригинала могут встретиться универсальные, национальные (как широко известные, так и малоизвестные), а также авторские прецедентные тексты (на рисунке прецедентные тексты представлены в виде кругов, обозначенных УТ, НТ¹, АТ¹ соответственно, пересекающихся с авторским текстом в центре – Текст¹). Как лепестки Цветка Лотмана, эти круги символизируют смыслы, заложенные в прецедентных текстах и выходящие за границы сердцевины – авторского текста (рис. 4). Лепестки-смыслы рождают вокруг цветка некую ауру, которую Ю.М. Лотман назвал семиосферой. «Речь идёт об интегральном смысле текста, построенном совместно автором, читателем и его эпохой, включая те новые смыслы, рождение которых автор и не предполагал» [Олизько, 2002, с. 88]. Важно подчеркнуть, что переводчик, как и автор, может обращаться к прецедентным текстам и идеям, воплощённым в них как намеренно, так и бессознательно, читатель в свою очередь может распознать или пропустить прецедентные тексты при прочтении, может увидеть аллюзии на новые прецедентные тексты, которые не были заложены автором.

Переводчик, вероятнее всего, идентифицирует и адекватно переведёт универсальные прецедентные тексты (УТ), встречающиеся в тексте оригинала, поскольку такие тексты, как правило, достаточно узнаваемы, и для них в культуре и языке переводчика, скорее всего, уже существуют переводческие соответствия. Подобным образом дело обстоит с широко известными национальными прецедентными текстами (НТ¹). Если переводчик прекрасно осведомлён о творчестве автора текста оригинала, то наверняка он сможет обнаружить в тексте и авторские

прецедентные тексты (АТ¹), хотя это будет сделать сложнее. Труднее всего переводчику будет распознать и перевести малоизвестные национальные прецедентные тексты (НТ¹). Обнаружить все, как правило, является непосильной задачей. В случае, если переводчик не смог распознать прецедентные тексты в тексте оригинала, образовавшиеся смысловые пустоты он заполняет новыми смыслами, исходя из своего жизненного и читательского опыта, либо игнорирует их, и таким образом трансформирует текст оригинала (на рисунке новые смыслы представлены в виде кругов, заходящих на границы кругов, представляющих сохранившиеся в тексте перевода авторские и национальные прецедентные тексты). За счёт привнесения в текст новых смыслов, переводчик усложняет и субъективизирует текст.

Опасность субъективизации текста существует и тогда, когда переводчик раздвигает границы интертекста, как пишет М. Риффатер, «в силу того, что память образованного, эрудированного читателя, движимого желанием спроецировать на текст свои собственные референции, может быть до предела интенсифицирована; такой читатель принимает за феномен необходимой интертекстуальности то, что на деле, скорее всего, является лишь случайной реминисценцией» [Пьеге-Гро, 2008, с. 57].

Особый интерес в этой связи представляет перевод постмодернистских произведений, характерной чертой которых является сознательно маркированная интертекстуальность.

Зачастую автор намеренно нарушает линейность текста, чтобы указать читателю на интертекстуальные включения. Отчасти это может помочь переводчику обнаружить прецедентные тексты, однако вместе с тем, его задача усложняется, поскольку от переводчика требуется высокий уровень читательской компетентности, и его работа превращается в своё рода филологическое исследование.

Проследим путь, который проходит текст, от его замысла до воплощения и далее до перевода на примере романа Питера Акройда «Лондонские сочинители» (The Lambs of London).

АВТОР. «Лондонские сочинители» – это библиографический, филологический роман, написанный современным английским писателем-постмодернистом, литературоведом, историком и биографом П. Акройдом, трактующим мир как текст, а текст как языковую игру. Для его произведений свойственно обращение к прошлому Англии, интерес к персонажам английской истории и культуры, смешение реальности и вымысла, смешение жанров (фантастика, детектив, роман, биография), использование в тексте многочисленных прямых и скрытых цитат (в том числе

автоцитат), аллюзий, реминисценций, перифразов, а также пародирование и стилизация.

(ИНТЕНЦИЯ АВТОРА) ЗАМЫСЕЛ. Конечно, трудно предположить, каким мог быть изначальный замысел писателя, но как мы видим из романа, П. Акройд попытался соединить судьбы известного английского писателя, поэта, публициста и литературного критика XVIII-XIX вв. Чарльза Лэма и его сестры Мэри Лэм, авторов популярных прозаических переложений для детей шекспировских пьес, и жившего в одно с ними время фальсификатора Уильяма Айрленда, умело подделывавшего якобы доселе неизвестные рукописи У. Шекспира. Автор также населяет свой роман другими известными английскими писателями и любителями литературы XVIII-XIX вв. Все они пытаются разгадать загадку вновь обнаруженных рукописей У. Шекспира. Детективный сюжет романа сводится к истории о попытке амбициозного юноши прославиться путём обмана и о его разоблачении. При этом, автор наполняет текст множеством немаркированных цитат и аллюзий на произведения У. Шекспира, увлекая читателя на поиски следов скрытых в романе прецедентных текстов и заложенных в них смыслов.

ТЕКСТ. С одной стороны, текст рассчитан на узкий круг читателей в силу обилия в нем цитат, ссылок, реминисценций, аллюзий, парафразов из произведений мировой и чаще английской литературы, из библейских приданий, а также в силу поставленных в тексте филологических и литературоведческих проблем: бытие языка, постижение творческой личности, проблема авторства и заимствования, проблема подлинного и поддельного, проблема соотношения правды и вымысла, проблема первичности и вторичности текста. С другой стороны, благодаря детективному сюжету и доступности, яркости изложения роман также можно отнести к массовой литературе.

ПЕРЕВОДЧИК. Стоявшая перед переводчиком задача, на наш взгляд, заключалась в том, чтобы с учётом авторской интенции выполнить адекватный перевод романа, рассчитанный на тот же круг читателей, что и текст оригинала, с той лишь разницей, что читатели принадлежат другой культуре, и соответственно, другому интертекстуальному пространству, при этом сохранить своеобразие стиля автора, степень экспрессивности и эстетичности оригинала, эксплицировать цитаты, аллюзии, реминисценции и парафразы путём объяснения и комментирования, прагматически адаптировать отсутствующие в языковом коллективе читателя реалии и найти верные переводческие соответствия множества прецизионных лексических единиц, встречающихся в романе.

ТЕКСТ ПЕРЕВОДА. Как нам кажется, переводчик успешно справился с этой задачей, выполнив адекватный перевод романа, близкий к тексту оригинала, как с точки зрения семантики, так и с точки зрения стиля, выявил и опознал, если не все, то большинство цитат, аллюзий и реминисценций, «щедро рассыпанных по тексту романа». Заметим, что зачастую текст перевода превосходит текст оригинала по образности и яркости выражения, что, вероятно, можно объяснить либо влиянием субъективного фактора, т.е. особенностями переводческого стиля и личности переводчика, либо большей экспрессивностью русского языка по сравнению с «обстоятельным» английским. Сравнивая английский язык с русским, А. Вежбицкая отмечает, что «именно русский здесь выступает как язык, уделяющий эмоциям гораздо большее внимание и имеющий значительно более богатый репертуар лексических и грамматических выражений для их разграничения» [Вежбицкая, 1996, с. 33-88].

ОТКЛИКИ ЧИТАТЕЛЕЙ. Англоязычные читатели дают довольно противоречивую оценку роману. Среди достоинств автора отмечаются его изящный, лёгкий слог, захватывающий детективный сюжет, превосходное бытописание Лондона конца XVIII – начала XIX вв., интересные темы и проблемы, поднятые в произведении. Вместе с тем, практически все англоязычные читатели сетуют на чувство разочарования, оставшиеся после прочтения романа, поскольку они ожидали, что роман «The Lambs of London» (буквально «Лэмы из Лондона») будет посвящён брату и сестре Чарльзу и Мэри Лэм по аналогии с ранее написанными П. Акройдом биографическим романом «Завещание Оскара Уайлда» об Оскаре Уайлде, биографиями «Т.С. Элиот», «Диккенс», «Блейк», «Жизнь Томаса Мора», на деле же главным героем оказывается мистификатор У. Айрленд. Как отмечают многие читатели, эффект обманутого ожидания обусловлен несоответствием между заглавием романа и его содержанием [Отзывы англоязычных читателей..., Эл.ресурс].

Возможно, именно знание фоновой информации – биографических фактов из жизни семейства Лэмов и У. Айрленда и их произведений вызвало недовольство некоторых читателей-англичан, которых возмутило авторское искажение реальных фактов, однако при этом читатели нередко оговаривались, что тем П. Акройд и знаменит: он зачастую намеренно стирает границы между действительностью и вымыслом. Например, в одном из отзывов говорится, что автор не только искажил реальные факты, но и придумал поэтические строки из литературной подделки У. Айрленда «Вортингерн», которых в действительности там нет. Другой читатель предположил, что автор намеренно вводит в свой текст большое количество

неточностей и искажений, чтобы проверить эрудицию читателя и побудить его обратиться к историческим источникам [Отзывы англоязычных читателей..., Эл.ресурс].

Русскоязычные читатели, в целом, оценили роман положительно, что, во-первых, объясняется вольным переводом заголовка романа «Лондонские сочинители», в котором не упоминается фамилия Лэмы, ставшая причиной заблуждений англоязычной публики относительно содержания романа, во-вторых, меньшей осведомлённостью русскоязычных читателей о жизни и творчестве прототипов главных героев. Практически все читатели текста перевода отмечают глубокое знание автором истории Англии и творчества У. Шекспира, а также других классиков английской и мировой литературы. В текст вплетено множество цитат и аллюзий на их произведения, сопровождаемых обилием ссылок и комментариев, что одни русскоязычные читатели считают недостатком текста перевода, другие же полагают, что ссылок и комментариев в тексте приведено недостаточно. Здесь мы можем наблюдать, как читательская аудитория разделилась на читателей массовой литературы и читателей специальной литературы [Отзывы русскоязычных читателей..., Эл. ресурс].

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ. Стоит отдать должное кропотливой работе переводчика, который старательно выискивал прецедентные тексты, скрытые в романе, а затем бережно передал их в тексте перевода, снабдив многочисленными ссылками и комментариями. Как видно из отзывов русскоязычных читателей, выбрав такой метод перевода, переводчик в чем-то выиграл, а в чём-то проиграл. Достоинством переводческого комментария является экспликация скрытых интекстов и заложенных в них смыслов. Недостатком – частичная утрата эффекта, который прецедентные интексты оказывают на читателя оригинала, вызывая у него определённые ассоциации, генерируя дополнительные смыслы. В тех случаях когда носитель иной культуры незнаком с произведениями, указанными в ссылках, они не вызывают у него желаемых ассоциаций, дополнительные смыслы теряются. Кроме того, из-за графического выделения переводчиком обнаруженных им прецедентных текстов утрачивается эффект игры с читателем, когда автор намеренно запутывает следы и побуждает читателя к поиску скрытых в тексте интертекстуальных включений.

Итак, на примере романа П. Акройда «Лондонские сочинители» мы попытались продемонстрировать, как меняется изначальный смысл текста и его восприятие при переходе из одного интертекстуального пространства в другое. Как

видим, транслируемый текст теряет связь с частью своих предтекстов, в частности утрачивается фоновая информация о прототипах главных героев Чарльзе и Мэри Лэм и Уильяме Айрленде, чьи имена в исходящей культуре являются прецедентными, исчезает связь с популярными среди английской публики «Рассказами из Шекспира» Ч. и М. Лэм. Однако сохраняется связь текста с произведениями У. Шекспира, вплетёнными в ткань романа, поскольку они являются универсальными прецедентными текстами, присутствующими в культуре русскоязычного читателя. Удалось также сохранить связь текста со многими национальными прецедентными интекстами благодаря их графическому выделению в тексте перевода и переводческому комментарию. Кроме того, текст перевода вступает во взаимодействие с новыми текстами, принадлежащими принимающему интертекстуальному пространству. Например, роман П. Акройда о литературной мистификации перекликается, по нашему мнению, с такими известными вымышленными образами русской литературы, как Черубина де Габриак, созданная поэтессой Серебряного века Е. Дмитриевой, или Козьма Прутков, литературная маска, под которой выступали поэты сер. XIX в. А. Толстой и братья Жемчужниковы. Говоря о переводческих факторах, влияющих на степень расхождения между текстом оригинала и текстом перевода, следует упомянуть о таких факторах, как особенности принимающего языка, а именно его большая экспрессивность в сравнении с языком текста оригинала, а также переводческий комментарий как метод перевода, который позволил обнаружить большинство скрытых в романе интекстов и компенсировать смысловые потери при их переводе, но помешал передать языковую игру автора со скрытыми интекстами.

Процесс перевода, описанный нами как перенос текста из одного интертекстуального пространства в другое, мы попытались представить в виде интертекстуальной модели перевода, в которой отразили процесс порождения текста перевода, характер связи текста перевода с текстом оригинала, а также с текстами исходящего и принимающего интертекстуальных пространств, и показали, как эти тексты наряду с переводческими факторами влияют на интегральный смысл текста перевода, создаваемый автором текста совместно с переводчиком и читателем.

Список литературы

- Акرويد П.* Лондонские сочинители. М.: Иностранка, 2008. 272 с.
Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
Нестерова Н.М. Текст и перевод в зеркале современных философских парадигм. Пермь, 2005. 576 с.

Олизько Н.С. Интертекстуальность как системообразующая категория постмодернистского дискурса: На материале произведений Дж. Барта. Челябинск, 2002.
Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 240 с.

Отзывы англоязычных читателей романа П. Акройда The Lambs of London [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.goodreads.com/review/show/171929186>

Отзывы русскоязычных читателей романа П. Акройда Лондонские сочинители [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://inostrankabooks.ru/ru/text/4078/>

Федюнина И.Э.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
г. Белгород (Россия)

Fedyunina Inna
Belgorod National Research University
Belgorod (Russia)

*ОБЪЕКТИВАЦИЯ УСПЕХА И МАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ:
КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

*ENGLISH AND RUSSIAN IDIOMS FOR SUCCESS AND PROSPERITY: COGNITIVE-
PRAGMATIC ASPECT*

В статье рассматриваются семантика, внутренняя форма и специфика прагматического эффекта английских и русских фразеологических единиц, репрезентирующих представления носителей языков об успехе в профессионально-деловой сфере и финансовом преуспеянии. Автор использует когнитивно-прагматический подход для выявления ведущих факторов формирования прагматического эффекта исследуемых фразеологизмов в конкретных коммуникативных ситуациях. Выделяются межъязыковые фразеосемантические модели (группы), характеризующие, соответственно, ситуацию успеха и лидерства, большое количество денег и человека, обладающего крупным материальным состоянием. Уделяется внимание специфике оценочного компонента фразеологического значения, в частности, тенденции к расхождению его рационального и эмоционального аспектов. Посредством анализа дискурсивного функционирования изучаемых фразеологических единиц выявляются специфические и дополнительные семантические признаки, реализуемые в контексте и влияющие на отношение участников коммуникации к характеризуемому объекту. Раскрываются закономерности оценочного восприятия успеха и материального благосостояния носителями русской и английской лингвокультур.

The article deals with semantics, inner form and pragmatic impact of English and Russian idioms covering the semantic area of success in business and prosperity. The author applies cognitive-pragmatic approach in order to reveal the factors which affect the pragmatic impact, as well as to explain the ways the pragmatic impact works in a particular communicative situation. The author also groups the idioms under study in three semantic models which are supposed to nominate and characterize success and leadership, prosperity represented as a large amount of money and a person who has a lot of money. High priority is placed on the way the attitudinal meaning of the idioms works, including the situations where the rational and the emotional aspects of the attitudinal meaning come into conflict. The author then analyzes the way the idioms under study behave in a particular discourse in order to reveal both specific and extra semantic properties actualized in the context, since these properties affect the attitudes the communicants hold towards the person or behavior described by the idioms. The study also seeks to reveal the attitudes of native English and Russian speakers towards the phenomena of success and prosperity.

Ключевые слова: фразеологизм, успех, деньги, прагматический эффект, флуктуация, семантические признаки, коммуникативная ситуация, дискурсивное функционирование.

Key words: idiom, success, money, pragmatic impact, fluctuation, semantic properties, communicative situation, discourse functioning.

Сегодня в лингвистике общепризнана значимость фразеологических единиц (ФЕ) как единиц, обладающих высоким когнитивным потенциалом. Наиболее ценным для когнитивных исследований свойством ФЕ представляется их способность к характеризующей номинации, то есть называнию и одновременно оценочной характеристике объекта. Данное свойство и лежит в основе прагматического эффекта ФЕ, то есть их способности вызывать определённое чувство-отношение реципиента к характеризуемому объекту, будь то человек, действие или событие. Выявление факторов и механизмов реализации этой способности подразумевает необходимость «изучать то, что не вмещается в рамки денотативной информации фраземного знака» [Алефиренко, 2008, с. 116] и использовать «синтез информации, исходящей от всех макрокомпонентов фразеологизма» [Калинина, 2007, с. 117]. Специалисты, исследовавшие когнитивно-прагматические возможности ФЕ [Алефиренко 2008; Калинина 2007; Мелерович 2006; Телия 1996; Zinken 2004], убеждены в том, что ключевыми свойствами ФЕ, обеспечивающими их прагматическое воздействие, являются образность, богатый импликационал и семантическая гибкость. Также ведущим фактором формирования и трансформаций прагматического эффекта ФЕ является дискурс. Именно в дискурсивном функционировании ФЕ реализуются специфические или дополнительные смыслы, которые несут эти языковые единицы наряду с общим значением.

Ещё одним важным специфическим свойством некоторых ФЕ является способность их оценочного компонента к флуктуации при попадании ФЕ в контекст (такое свойство называется контекстуальной сензитивностью или дискурсивной зависимостью). Эта тенденция реализуется благодаря ситуативности оценки и, как следствие, гибкости значения в целом, в результате чего контекст может «актуализировать определённые стороны семантики и создавать смысловые изменения» [Мелерович, 2006, с. 211]. Говоря об оценочном компоненте значения ФЕ, следует отметить важную деталь. Специалисты выделяют два взаимосвязанных аспекта оценки, условно определяемые как рациональный и эмоциональный. Первый связан с социокультурными нормами и нравственной позицией участников коммуникации и обеспечивает оценивание по принципу «хорошо / плохо, нравственно / безнравственно» и т.п. Второй аспект «отвечает» за чувства и

эмоциональную реакцию. При этом рациональная и эмоциональная оценка одного и того же явления не всегда совпадают и довольно часто прямо противоречат друг другу [Телия, 1996, с. 112-118]. Это свойство особенно характерно для оценочного компонента ФЕ, объективирующих феномены действительности (включая различные аспекты человеческой деятельности и коммуникации), к которым носители языка испытывают неоднозначное, противоречивое отношение.

К числу таких феноменов, безусловно, относятся успех в профессионально-деловой сфере и, как правило, сопутствующее ему финансовое преуспевание. Хотя и то и другое позиционируется в современном обществе исключительно с позитивной стороны и зачастую является показателем не только профессиональной, но и личностной состоятельности, в психологическом плане восприятие успешности и финансового благополучия неоднозначно. С одной стороны, стремление к победе и успеху является одной из главных целей любой профессионально-деловой активности, а устремлённость к получению денег как источнику различных благ и удобств – неотъемлемым свойством человеческой природы. С другой стороны, стремление к максимально возможной финансовой прибыли, лидерству, доминированию нередко стимулирует развитие таких малопривлекательных качеств субъекта как агрессивность, алчность, неразборчивость в средствах и т.д. Кроме того, далеко не все члены общества разделяют общепринятые представления о роли и значимости успеха и денег. Поэтому их оценочное восприятие неоднозначно и зачастую носит ситуативно-субъективный характер.

Поскольку анализ контекстуального функционирования ФЕ помогает раскрыть «различные аспекты внутреннего мира языковой личности» [Алефиренко, 2008, с. 241], мы предположили, что сопоставительное изучение ФЕ, характеризующих успех и финансовое благополучие, позволит выявить особенности представлений носителей английского и русского языков о данных феноменах. В качестве материала для исследования использовались ФЕ, взятые из современных русских и английских фразеологических словарей, прессы и художественной литературы.

При анализе фразеологических характеристик профессионально-делового и финансового преуспеяния мы условно выделили три фразеосемантические группы (модели), объективирующие соответственно представления об успехе и доминировании, финансовой обеспеченности и человеке, обладающем большим количеством материальных благ.

Первая модель репрезентирует успех, силу и лидирующее положение субъекта. В эту группу входят глагольные и субстантивные идиомы *be ahead of the game, a winning game, be in the driving seat, a one-horse race, to corner the market, беспроигрышная ставка, набирать обороты, состязание с predetermined исходом* и др.

Легко заметить, что их образная основа восходит к домену «Спорт» и содержит ситуацию уверенного лидерства в спортивном состязании, где у соперников практически нет шансов. На первый взгляд, ФЕ, репрезентирующие абсолютный успех, должны иметь фиксированную положительную оценку, но анализ контекстов показывает иную тенденцию. На наш взгляд, именно образ силы и контроля во внутренней форме ФЕ имплицитно также агрессию, подавление и опасность, поэтому восприятие лидерства и успеха неоднозначно. Рассмотрим три группы примеров.

1) • A very extensive research and development programme ensures that we are ahead of the game [McCarthy, 2006, p. 73]. *Исход состязания между WiMAX и LTE predetermined – слишком разные весовые категории. LTE победит! В эту технологию... компании готовы вложить колоссальные средства* [Третьякова, 2011, с. 135]. В этих контекстах финансовый успех и лидирующее положение представлены как результат приложения усилий, знаний и опыта. Такие характеристики субъекта вызывают однозначное одобрение и уважение, а успех видится заслуженной наградой. Всё это обуславливает позитивный прагматический эффект.

2) • Following the bankruptcy of their main competitor, they regained their position...being ahead of the game again [Cotton, 2008, p. 118]. Данный пример эксплицитно указывает иную ситуацию: лидерство является не результатом инноваций, высокого качества продукции и т.п., а просто следствием банкротства конкурента. Это безусловно меняет отношение к лидирующей компании: его можно назвать скорее пренебрежительным.

3) • Is it not curious that we should have given an American-owned firm such a handsome subsidy, allowed them to *corner a small, but vital market...*, and sat by..? [Cowie, 2009, p. 117]. В этой ситуации актуализируются чувства гнева и досады, что придаёт коннотации ФЕ резко негативный оттенок. Контекст имплицитно указывает алчность, агрессию и потенциальную опасность субъекта, добившегося полного доминирования. Однако, с другой стороны, эксплицитно указываются слабость и пассивность проигравшей стороны, оказавшейся неспособной защитить себя. В результате негативная коннотация частично «переносится» с субъекта на самого говорящего.

Вторая группа ФЕ характеризует финансовое изобилие и представлена ФЕ-

коллокациями с общим значением «много денег» – *money to burn, be rolling in money, piles of money, денег куры не клюют, денег хоть жги, купаться в деньгах / в роскоши* и др.

Эти ФЕ также проявляют довольно высокую степень контекстуальной сензитивности. Вероятно, это во многом обусловлено двойственностью их внутренней формы, которая, несмотря на частные лексические расхождения, даёт сходные по сущности стереотипные образы в обоих языках: с одной стороны чётко актуализируется образ изобилия, с другой – признаки излишества и, как следствие, импликация некоторой неестественности, а также неспособности обладателя таких денег найти им адекватное применение. Контексты также демонстрируют неоднозначность восприятия большого количества денег. Наряду с указанием на материальную обеспеченность и комфортную жизнь субъекта часто актуализируется потенциальная опасность того или иного рода, подозрительное отношение к источнику доходов, а также перспектива стать объектом махинаций или циничного использования: • ...какого-то влюблённого племянника изображает. И боюсь, что только ради денег. А их у неё... *куры не клюют* [Телия, 2006, с. 357]. • И так, на Россию пролился *золотой дождь* западных инвестиций. Приятно, конечно, когда «с неба» падают деньги, но вот вопрос: как будем отдавать? [Телия, 2006, с. 347]. • He seems to have *money to burn* – I wonder where he gets it all from [McCarthy, 2010, p. 258].

Интересно отметить некоторые культурно-специфические аспекты отношения к обладателю больших денег. В русском языке часто актуализируется желание воспользоваться имеющимися у субъекта «излишками» или вовсе их отобрать. При этом потенциальный грабитель зачастую не испытывает угрызений совести; напротив, факт наличия у другого человека большого количества денег воспринимается им как некая несправедливость, которую нужно исправить: • Э, да у вас, гражданин, червонцев-то *куры не клюют*. Поделится бы, а? [Телия, 2006, с. 346] В английском языке откровенно неприязненное отношение обнаруживается нечасто. Хотя во многих контекстах эксплицируется наличие у богатых людей возможностей, которых нет у остальных, эта экспликация носит скорее характер констатации факта и не вовлекает эмоционально-нравственных оценок: • The only people who can afford to stay at this hotel are rich people with *money to burn* [McCarthy, 2006, p. 258].

Теперь рассмотрим небольшую группу безэквивалентных ФЕ русского языка – *дурные / шальные деньги* и *сумасшедшие / бешеные деньги*. Здесь особый интерес представляет отношение к деньгам, имплицитное первое компонентом ФЕ. Они

различны по оттенкам значения. Первая пара ФЕ характеризует способ получения и нравственный аспект («деньги, полученные благодаря случаю, удаче, часто преступным путём»); вторая – «количественный» аспект («очень большие деньги»). Однако в компонентном составе всех четырёх ФЕ очевидны одинаковые семантические признаки-интенсивы, которые можно определить как «отклонение от нормы, несоразмерность, безумие, агрессия»; они, в свою очередь, вызывают ассоциацию с опасностью и отношением презрения, отторжения. Вместе с тем прослеживается ассоциативная корреляция с богатством и удачей, что сообщает таким деньгам своеобразную притягательность. Эти ФЕ характеризуются повышенной экспрессивностью. В большинстве дискурсивных ситуаций проявляются следующие тенденции восприятия подобных доходов.

Источник денег, даже если он достоверно не известен, всегда характеризуется негативно; чётко актуализируются опасение, неодобрение, часто брезгливость. Даже у самого обладателя подобных денег они зачастую вызывают пренебрежение, не имеют для него ценности, так как в их добывание не вложен настоящий честный труд. Как следствие, у субъекта возникает настойчивое желание поскорее избавиться от денег, и в итоге способ их употребления зачастую оказывается не лучше способа получения: • «Спасибо. Мы бы пропали без тебя». – «Да не за что», – смутился Костя, – «я же их не заработал. *Шальные деньги*, неизвестного происхождения. Может, от наркобизнеса» [Токарева, 2005, с. 317]. • «Скорее всего, это деньги, полученные от фальшивой водки или от наркотиков. Иначе откуда такие *бешеные суммы* у таких молодых людей?» [там же]. Однако нужно отметить, что многие контексты наряду с негативными оценками обнаруживают сильное желание говорящего самому получать подобные деньги и зависть к тем, кто знает способы их получения.

Третья фразеосемантическая модель включает ФЕ, непосредственно номинирующие человека, обладающего большим количеством денег и прочих материальных благ. Эти ФЕ немногочисленны в обоих языках, но обладают повышенной экспрессивностью. Здесь мы рассмотрим одну из них, представляющуюся наиболее интересной в когнитивно-прагматическом аспекте – *fatcat* / *жирный кот*.

Прежде всего, отметим, что изначально эта идиома функционировала только в английском языке, откуда и была заимствована русским языком путём калькирования. Однако, будучи заимствована без изменений в компонентной структуре, в процессе функционирования в русском языке она приобрела несколько

иное концептуальное наполнение. Если в английском языке основными компонентами семантики данной ФЕ являются в равной степени богатство и влияние (последнее, безусловно, имплицитно, подразумевает силу и потенциальную опасность злоупотребления ею), то в русском языке второй компонент практически затухался. Также нужно заметить, что частотность употребления данной идиомы в английском языке значительно выше, чем в русском; кроме того, в английском языке она обнаруживает способность к конверсии и может употребляться в качестве прилагательного (например, *fat cat lawyers*).

Таким образом, хотя в обоих языках эта ФЕ несёт в целом негативную коннотацию, контексты актуализируют весьма различные дополнительные и специфические смыслы и, соответственно, различное отношение к субъекту. Англоязычные контексты в этом плане актуализируют следующие тенденции. Во-первых, представлены ситуации, в которых на первый план выдвигаются семантические признаки власти и влияния, направленных лишь на дальнейшее обогащение и бесцеремонное манипулирование окружающими. Доминирующие чувства-отношения – возмущение, гнев: • *Are the fat cats who make planes... telling us where we should go to war?* [Longman, 1998, p. 54]. Во-вторых, обладатель больших денег сам репрезентируется как объект потребления, который ни на что иное и не годится. В таких ситуациях чётко актуализируются презрение и пренебрежение: • *He had been ill-treated in his early days in show business, which was the reason he made unusual demands of the fat cats who employed him when he became a star* [Longman, 1998, p. 54]. Также встречаются контексты, в которых существование таких людей воспринимается рационально-практически, как факт, без выражения личного отношения: • *He is just another fat cat – a corporate tycoon from Boston* [McCarthy, 2006, p. 135]. В целом можно сказать, что в АЯ эмоциональный аспект оценочного компонента данной ФЕ и проявление личного отношения говорящего к субъекту задействованы в сравнительно небольшой степени. Иная тенденция наблюдается в русском языке. Коммуникативные ситуации с вовлечением ФЕ *жирный кот*, как правило, характеризуются эмоциональностью. Обладатель больших денег практически всегда представлен исключительно негативно, но преобладающими семантическими признаками, наряду с чрезмерным богатством, являются жадность, алчность, нежелание расставаться даже с малой долей денег и склонность наживаться любым путём. Кроме того, ярко проявляется уже показанная выше тенденция отобразить у субъекта излишек финансового «жира», таким путём наказав его. Прагматический эффект ФЕ часто усиливается пейоративной лексикой и

прочими негативными модификаторами, используемыми в контексте: • - Вы... сосали из Лёни кровь целых пять лет, прикидывались его друзьями... Теперь всё, дружок, малина ваша кончилась. Теперь ничего дешёвого вы на Лёне не сделаете. У него вышло двадцать шесть книг, у меня в руках – двадцать седьмая, самая дорогая. И не думай, *котик жирный*, что я тебе папку оставляю. Если...вечером... ты не скажешь, что готов заплатить столько, сколько я скажу, то завтра я предложу её другим... [Маринина, 1996, с. 57-58].

В целом исследование фразеологических номинаций успеха и материального преуспеяния позволяет сделать следующие выводы. Большинство ФЕ исследуемых языков имеют прозрачную внутреннюю форму, флукутирующую оценку и обнаруживают достаточно высокую степень дискурсивной зависимости. Именно эти свойства являются ведущими факторами, влияющими на прагматический эффект ФЕ. Для исследования были выделены три фразеосемантических модели (группы), объективирующие представления об успехе и доминировании, богатстве и человеке, обладающем большим количеством материальных благ. Анализ контекстуального функционирования изучаемых ФЕ выявил следующие тенденции. Оценочное восприятие успеха зависит от того, каким путём он был достигнут, равно как и от моральной позиции и личных обстоятельств участников коммуникации. В целом, негативная коннотация ФЕ характерна для ситуаций, акцентирующих семантические признаки цинизма, агрессии, неблагоприятных целей и причинения вреда другим людям. Актуализация семантических признаков упорного труда, опыта и продуктивной работы обеспечивает позитивный прагматический эффект. Внутренняя форма ФЕ, характеризующих большое количество денег, несёт двойственные ассоциации: с одной стороны – комфорт и изобилие, с другой – излишество, неадекватность и потенциальная опасность. Оценочное восприятие финансовой прибыли носителями исследуемых языков зависит от того, как она была получена, надёжен ли её источник, наносит ли её получение и использование вред другим людям и т.д. Национально-культурная специфика фразеологических репрезентаций и оценочного восприятия обнаруживается в следующем: 1) в русском языке имеются безэквивалентные ФЕ, объективирующие определённые виды доходов и пути их применения; 2) многие ФЕ русского языка обладают большей экспрессивностью, английские ФЕ; 3) для носителей английского языка характерна тенденция к разделению рационально-практической и эмоционально-нравственной оценки получаемых доходов независимо от их источника, а также меньшая, чем у носителей русского языка, склонность оценивать обладателя денег и его поведение с

позиций морали. Изучение дискурсивного функционирования ФЕ, непосредственно характеризующих человека, обладающего крупным состоянием, выявило, с одной стороны, общую для обоих языков пренебрежительную коннотацию, с другой – различия в спектре контекстуально реализуемых семантических признаков и превалирование у носителей русского языка эмоционального отношения к субъекту.

Таким образом, когнитивно-прагматический подход позволяет эффективно исследовать коммуникативный и эмотивный потенциал ФЕ. Дальнейшее сопоставительное изучение ФЕ на материале двух и более языков в рамках когнитивно-прагматического подхода представляется ценным и перспективным с позиций как лингвистики, так и межкультурной коммуникации.

Список литературы

- Алефиренко Н.Ф.* Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография. М.: ООО Изд-во «Эллис», 2008. 271 с.
- Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / под ред. В.Н. Телия [и др.]. 2-е изд., стер. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.*
- Калинина А.В.* Внутренняя форма идиом русского и французского языков: опыт сопоставительного анализа. М.: ИНФОМЕДИА ПАБЛИШЕРЗ, 2007. 155 с.
- Маринина А.Б.* Чужая маска: Роман. М.: Локид, 1996. 416 с.
- Мелерович А.М.* Изоморфизм между семантикой и формой фразеологической единицы и принципы построения словарных дефиниций. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 211-228.
- Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа "Языки русской культуры", 1996. 288с.
- Токарева В.С.* Птица счастья: [повести]. М.: Изд-во АСТ: ЛЮКС, 2005. 349 с.
- Третьякова И.Ю.* Оказиональная фразеология: Монография. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. 290 с.
- Cambridge Idioms Dictionary / M. McCarthy, J. Moore.* Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 505 p.
- Cotton, D.* Intermediate Business English Course Book / D. Cotton, D. Falvey, S. Kent, Harlow: Pearson Education Limited, 2008. 176 p.
- Longman Idioms Dictionary.* London: Pearson Education Limited, 1998. 398 p.
- McCarthy, M.* English Idioms in Use / M. McCarthy, F.O'Dell. Cambridge University Press, 2010. 190 p.
- Oxford Dictionary of English Idioms / A.P. Cowie, R. Mackin, I. McCaig.* Oxford: Oxford University Press, 2009. 685 p.
- Zinken, J.* Metaphors, Stereotypes and the Linguistic Picture of the World: Impulses from the Ethnolinguistic School in Lublin [Electronic Resource] /J. Zinken. 2004. Access: <http://www.metaphorik.de>.

*Хорошавина А.Г.
Сулейманова А.А.
Биккинина Л.А.*

Институт экономики, управления и права
г. Казань (Россия)

*Khoroshavina Alla
Suleymanova Anastasia
Bikkinina Leila*

The Institute of economics, management and law
Kazan (Russia)

*НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА
НА РУССКИЙ ЯЗЫК ЗАГОЛОВКОВ КИТАЙСКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ*

*SOME COMMENTS ABOUT PROBLEMS OF CHINESE PUBLICISTIC TEXT HEADINGS
TRANSLATION INTO RUSSIAN LANGUAGE*

В настоящей статье авторы обращаются к одной из наиболее актуальных проблем современного переводоведения – переводу лакун. Анализ проводится на материале русского и китайского языков. Исследование представляет полный, детализированный анализ проблемы лакуарности при переводе публицистических заголовков. Также авторы исследуют различия китайского и русского способов вёрстки статей и рассматривают особенности передачи информации. Актуальность обращения к такому материалу обусловлена отсутствием исследований, в полной мере освещающих данную проблему применительно к русскому и китайскому языкам.

In this article the authors consider the most current problem of modern translation science – translation of the publicistic headings which include lexical gaps phenomenon. The analysis is performed by the material of Russian and Chinese languages. This investigation introduces complex, detailed analysis of lacunarity problem in the course of publicistic headings translation. Also the authors study the differences of the Russian and Chinese way of leading out and cover data submission manners. The relevance of this investigation is due to the lack of researches which study this problem with regard to Russian and Chinese languages. The results of present analysis can be used in different scientific field – Linguistics, Translation science, Culturology, Social studies etc.

Ключевые слова: лакуна, заголовок, публицистика, китайско-русский перевод.

Key words: Lexical gap, heading, publicistic style, Chinese-Russian translation

Отношения стран-соседей – России и Китая – имеют давнюю и богатую историю. В последние годы они вышли на принципиально новый уровень и приобрели стремительную динамику. Увеличение культурных, экономических, социально-политических контактов между двумя странами ставят на повестку дня множество прикладных задач, решение многих из которых невозможно без соответствующей

теоретической разработки. Одной из таких проблем является проблема эффективности межъязыковой и межкультурной коммуникации на всех уровнях взаимодействия. Культурные, религиозные и лингвистические различия России и Китая значительны, что, разумеется, создаёт ряд коммуникативных препятствий. Поиск путей их преодоления и повышения эффективности коммуникативных контактов в различных сферах делает актуальным настоящее исследование.

Публицистика является зоной общественной коммуникации и представляет интерес для исследователя, поскольку достаточно часто становится объектом переводческой деятельности. Особое место в публицистическом тексте занимает заголовок, выполняющий рекламную-анонсирующую функцию. Некоторым аспектам перевода с китайского на русский язык заголовков публицистических текстов посвящена настоящая статья.

Понятие лакуны, столь актуальное для теории и практики перевода, имеет целый спектр дефиниций в отечественном и китайском переводоведении. Мнения специалистов позволяют синтезировать рабочее определение, удобное для выполнения исследования. Мы считаем, что культурный компонент лакуны является главной причиной возникновения феномена лакунарности в целом. В связи с этим, мы предлагаем следующее рабочее определение лакуны: *лакуна – это языковая единица, имеющая историко-культурное основание, отображающая национальную специфику языка и не имеющая соответствия в другом языке.*

Русский и китайский публицистические тексты весьма специфичны. Публицистика – функциональный стиль языка, освещающий общественную жизнь и вопросы внутренней и внешней политики. Тематика публицистических произведений актуальна и злободневна. Публицистика всегда тенденциозна, она всегда является продуктом той или иной идеологии. Поэтому произведения публицистического стиля нередко имеют пропагандистский и агитационный характер. Её цель – убеждение, пропаганда, призыв! Публицистический стиль выполняет функцию воздействия. Для него характерны полемичность и эмоциональность, логичность и аргументированность [Никитенко, Медведева, Ян Минбо, 2013].

При исследовании внешнего вида китайской и русской газет нами были отмечены некоторые различия. В частности, в русских изданиях распространено использование подзаголовков, расположенных под основным заголовком статьи. Они призваны уточнять основную мысль статьи и заинтересовывать читателя. В то время как в китайских газетах это практически не используется, а если используется, то подзаголовок чаще всего стоит на одной строке с основным заголовком и даётся в

скобках. Также в заголовках китайских статей распространено уточнение тематики или автора статьи. Например, в статье от 2014年03月08日 использован следующий заголовок:

核心价值观凝聚正能量(深化改革看形势)

本报记者张贺[17]

Положительная энергия накопленных ценностей

(расширение реформы)

Собкор Джанг Хэ

В данном примере мы можем видеть уточнение темы статьи в скобках (深化改革看形势), а также подзаголовок о журналисте-авторе данной статьи 本报记者张贺. Примечательно, что информация об авторе статьи всегда даётся мелким шрифтом и выделяется красным цветом.

Анализируя расположение текста на страницах русских изданий, нами было замечено, что российские газеты используют западную модель вёрстки. В российских газетах и журналах распространено визуальное выделение ярких фраз или предложений из текста, встроенных в вёрстку статьи. В китайских изданиях такой способ привлечения внимания читателей полностью отсутствует. Китайскими журналистами используется только выделение небольших подзаголовков, которые предваряют новые абзацы.

В.В. Никитенко и А.С. Медведева отмечают следующие характерные черты китайского публицистического текста: наличие имён собственных политического характера, повышенная идиоматичность, активная персональность, использование эмоционально-окрашенной лексики и вэньянизмов, упрощение синтаксиса, наличие прямого порядка слов в предложении, нормальной системы союзов, нормальной системы предлогов, активное функционирование общественно-политической и терминологической лексики [Никитенко, Медведева, Ян Минбо, 2013].

Анализ этих черт позволяет заключить, что в особенностях функционирования китайского публицистического стиля заложена лакунарность. К примеру, антропонимы и топонимы в большинстве случаев являются этнографическими лакунами. Использование фразеологии, вэньянизмов также формируют лакуны, в газетных и журнальных статьях.

Китайская публицистика отличается от русской по лексическим и стилистическим параметрам. Необходимо учитывать эти различия при создании

перевода. Также необходимо уделять внимание семантической составляющей слов и выражений, при выборе русского соответствия, чтобы избежать непонимания реципиента и каламбура в переводе.

К настоящему исследованию мы привлекли современные публицистические тексты на китайском языке, извлечённые из газеты «人民日报» – «Жэнминжэбао» [19]. Переводы, предлагаемые в настоящей статье, выполнены авторами. Следует отметить, что при создании переводов авторы использовали электронный словарь БКРС (Большой китайско-русский словарь).

Обратимся к материалу и рассмотрим пример (1),

«莫高窟被“搬”进电脑(让传统文化活起来)»

1月末正是莫高窟的旅游淡季，洞窟静静地矗立于沙漠一隅...希望人们在千百年后还能领略莫高窟的样貌。敦煌的数字化，始于敦煌研究院院长樊锦诗的一个想法：让敦煌石窟得以‘永久保存。 [18]

В пещеру Могао проникают технологии

(модернизация традиционной культуры)

Конец января – это время туристического затишья для пещеры Могао, располагающейся в пустыне провинции Ганьсу... Ректор исследовательского института г. Дуньхуан (пров. Ганьсу) Фан Цзинши придумал способ сохранения Дуньхуанских пещер, датируемых 366 г. н.э. В пещерах хранятся буддийские статуи, фрески, а также ценные рукописи. В надежде, что люди смогут любоваться красотами пещеры Магао, господин Фан Цзинши предлагает провести оцифровку пещер.

В данном примере заголовок статьи «莫高窟被“搬”进电脑(让传统文化活起来)» содержит лауну 莫高窟 [mògāokū] – пещера Могао (в уезде Дуньхуан провинции Ганьсу). Однако мы считаем, что при переводе данного заголовка целесообразнее не давать полное объяснение лауны, а лишь транскрибированный перевод и короткое объяснение в виде слова *пещера*. В последующем же предложении необходимо дать полное описание лауны, повторив перевод-транскрипцию и дополнив её географическим расположением – *пещеры Могао, располагающейся в пустыне провинции Ганьсу*. Таким образом, прочитав первое предложение статьи, реципиент будет понимать, о чем идёт речь.

Имеющаяся лакуна 莫高窟 относится к ассоциативным лакунам, так как является именем собственным. Однако мы не можем отнести данную лакуну только к ассоциативным, 莫高窟 также является и этнографической, т.к. обозначает объект, имеющий культурную и историческую ценность для китайской нации и относится к лакунам исторического наследия.

Следующие два предложения были переведены методом вольного перевода. Была изменена структура обоих предложений. В них также содержатся лакуны: 敦煌[dūnhuáng] – Дуньхуан (город в провинции Ганьсу, КНР), 樊锦诗 [fánjǐnshī] – Фан Цзинши (имя). Особый интерес представляет перевод лакуны 敦煌石窟. В БКРС даётся следующий перевод: 敦煌石窟 [dūnhuángshíkū] – the Dunhuang Caves, Gansu Province, dating from 366 A.D., containing Buddhist statues, frescoes and valuable manuscripts (Дуньхуанские пещеры, датируются 366г. н.э., в них были найдены буддийские статуи, фрески и ценные рукописи). Мы считаем, что перевод 敦煌石窟 должен быть полным, информативным, т.к. непонимание реципиентом ценности Дуньхуанских пещер приведёт к ошибочному пониманию всей статьи. В связи с этим, мы предлагаем, 敦煌石窟 перевести методом транскрипции и калькирования (敦煌[dūnhuáng] – г.Дуньхуан,石窟[shíkū] – каменная пещера), а также внести в перевод дополнительное предложение с детальным описанием Дуньхуанских пещер: *В пещерах хранятся буддийские статуи, фрески, а также ценные рукописи.*

Лакуна 敦煌石窟 сходна по своим характеристикам с ранее рассмотренной лакуной 莫高窟, она также является как ассоциативной, так и этнографической.

Лакуна 樊锦诗 [fánjǐnshī] – Фан Цзинши является антропонимом и представляет собой ассоциативную лакуну. Она переведена методом транскрипции. В тексте оригинала есть конкретизирующая информация, кем является этот человек – *ректор исследовательского института*, поэтому данная лакуна не требует дополнительного объяснения. Данное имя в представленном переводе текста встречается два раза, в связи с этим считаем необходимым для соблюдения норм вежливости, при повторном упоминании данного антропонима добавить слово *господин*.

Обратимся к примеру (2):

故宫御花园将恢复历史风貌

据新华社北京3月26日电（记者廖翊）故宫博物院院长单霁翔26日下午领着媒体记者穿行于故宫御花园的假山古树石径间，采访正在进行的御花园整治工程。

单霁翔介绍了御花园整治方案的主要内容：园内不再售卖饮食；撤除部分护栏；在坤宁宫东西两侧设立观众服务中心等。[15]

Императорскому дворцу Юйхуаюань вернут исторический облик

По данным информационного агентства Синьхуа, сообщает корреспондент «Жэньминьжибао» Лиао И, 26 марта директор музея Запретного Города в Пекине господин Дан Цзисианг провёл журналистов между деревьями и декоративными каменными горками Императорского сада Юйхуаюань и рассказал о необходимости проведения восстановительных работ Сада.

Господин Дан познакомил журналистов с основными деталями запланированных работ в Юйхуаюань: в центральную часть Сада нельзя будет проносить еду и напитки; будут убраны заграждения; в Куньнингуне, в одном из трёх главных залов Внутренних покоев Дворца будет сооружена специальная сервисная площадка и т.д.

В данном примере используется заголовок, содержащий лакуну 故宫御花园 [gùgōngyuèhuāyuán]. Лакуна 故宫 (Гугун, Запретный город (бывший императорский дворец в Пекине)) уже рассматривалась нами ранее. Лакуна 御花园 переводится как Императорский сад – Юйхуаюань – находится в Запретном городе в Пекине. Таким образом, полный перевод заголовка выглядит следующим образом: *Императорскому саду Юйхуаюань, расположенному в Запретном городе в Пекине вернут исторический облик*. Такой детальный перевод не подходит для перевода заголовков, в связи с этим мы предлагаем не включать в перевод заголовка фразу *Запретный город в Пекине*. Однако при последующем переводе статьи указать место расположение Императорского сада.

В тексте указывается автор статьи – журналист Лиао И. Отметим, что такое указание журналистов-авторов широко распространённое явление в китайских газетах. Имя автора указывается в начале статьи и даётся в скобках. В данном примере, считаем необходимым наряду с транскрибированным переводом имени журналиста, также обозначить название газеты «Жэньминьжибао». Кроме того, следует убрать скобки и включить выше обозначенные имена собственные в структуру предложения.

В примере имеется ещё один антропоним 单霁翔 [dānjìxiáng] – Дан Цзисианг (директор музея Запретного Города в Пекине). Перевод этой лакуны не представляет собой сложность, т.к. переводится методом транскрипции.

Также в представленном отрывке указывается 新华社 *Синьхуа*, которое стало основным источником для написания статьи. В переводе к транскрибированному переводу следует добавить уточнение в виде фразы *информационное агентство*.

Последней лакуной в примере является лакуна исторического характера 坤宁宫 [kūnnínggōng] – *Куньнингун*. При переводе следует дать переводческий комментарий: *один из трёх главных залов Внутренних покоев Императорского Дворца*.

Пример (3) также представляет для нас особый интерес.

“扒剧”，编剧的成功捷径？

15日，台湾作家琼瑶隔海公开举报大陆编剧于正新作《宫锁连城》抄袭其《梅花烙》。[11].

«Ворованная пьеса» – кратчайший путь к успеху?

15 апреля тайваньский писатель *ТионгаоГэхай* открыто заявил, что новое произведение сценариста из КНР под названием *«Дворец смежных городов»* списано в его пьесы *«Сухие цветы сливы»*.

Приведённый заголовок содержит в себе фразу 扒剧. Само по себе это выражение не является лакуной, однако представляет сложность для перевода. Выполним сегментацию фразы: 扒[bā] – *копать, сдирать, ухватиться*; 剧[jù] – *пьеса, представление, спектакль*. У слова 扒 нет прямого значения ‘*красть, воровать*’, но последующий анализ первого предложения статьи позволяет нам перевести фразу 扒剧, актуализируя именно такую коннотативную сему, т.е. *Ворованная пьеса*. Также можно использовать вариант *Плагиат – кратчайший путь к успеху?* Однако при таком переводе заголовка теряется то стилистическое и эмоциональное значение таинственности и скандальности, которое в него вкладывал журналист. Также следует отметить, что фраза “扒剧” написана в кавычках. Подразумевается, что данная фраза является названием пьесы. В таком случае слово *плагиат* не передаст замысла автора.

При чтении текста статьи мы сталкиваемся с фразой 15日 – 15-го числа. Такой перевод не является удовлетворительным, т.к. не уточняет конкретные временные рамки. Во избежание непонимания реципиентом, необходимо в переводе указать месяц (апрель).

Далее мы сталкиваемся с именем собственным 琼瑶隔海[Qióngyáogéhai] – *Тионгао Гэхай*, которое переведено методом транскрипции.

Следующая лакуна – 大陆[dàlù]– *материковый Китай*. Читателю перевода будет непонятна такая фраза, т.к. материковый Китай включает в себя только территорию КНР, исключая Гонконг, Макао и Тайвань. При переводе следует раскрыть эту особенность территориального устройства Китая, избегая слова *материк*. Один из возможных вариантов перевода – *из КНР*.

Последние лакуны данного примера являются названиями пьес: 《宫锁连城》[Gōngsuǒliánchéng] – «Дворец смежных городов» и 《梅花烙》[Méihuālàò] – «Сухие цветы сливы» (переведены методом калькирования).

Таким образом, нами были предложены способы перевода с китайского на русский язык заголовков, содержащих лакуны. Следует отметить, что при создании перевода переводчик может пользоваться несколькими методами перевода одновременно. Выбор переводчика определяются видом лакуны, в частности, какой языковой единицей она является (слово, фразеологизм и т.д.).

В некоторых случаях следует использовать наиболее часто употребляемый метод – метод транслитерации. Этот метод позволяет сохранить национальную окраску текста и придать переводу этнический колорит. В некоторых случаях применим способ калькирования. Однако он способствует полному исчезновению национального компонента языковой единицы.

Применительно к китайскому языку самым продуктивным способом перевода лакун является переводческий комментарий. Этот метод предполагает объяснение той или иной лакуны, что позволяет качественно и полноценно передать значение лакуны. Переводческий комментарий можно использовать в комплексе с вышеуказанными методами, при этом соблюдая допустимые объёмы перевода.

Нами был проведён сопоставительно-описательный анализ заголовков публицистических текстов на китайском и русском языках. Были выявлены особенности и характерные черты текстов публицистического стиля обоих языков.

Кроме того, были изучены особенности вёрстки и расположения статей на страницах изданий на обоих языках.

Таким образом, результаты данного исследования могут быть использованы в различных отраслях науки: в лингвистике, переводоведении, культурологии, социологии и т.д.

Также возможно рассмотрение лакун в других функциональных стилях китайского языка – в художественной литературе, в научно-технических текстах, в разговорной речи.

Рассмотренные в работе лакуны могут лечь в основу проведения лексикографического исследования, т.е. создания китайско-русского/русско-китайского словаря лакун. Такой лексикографический источник необходим переводчикам при создании переводов, т.к. перевод лакун представляет собой особую сложность. Таким образом, словарь лакун облегчит процесс китайско-русского/русско-китайского перевода.

Список литературы

- Горелов В.И.* Стилистика современного китайского языка. М.: Просвещение, 1979. С. 124, 132-133.
- Клушина Н.И.* Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: МГУ, 2003. С. 269.
- Кожина М.Н.* Стилистика русского языка: Кожина М.Н., Дускаев Л.Р., Салимовский В.А. М.: Флинта: Наука, 2008. С.368.
- Котов А.М.* О соотношении функциональных стилей китайского и русского языков // Вопросы систем организации речи. М., 1987. С. 69-78.
- Никитенко В.В., Медведева А.С., Ян Минбо.* Стилистика первого иностранного языка (китайский язык). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://pdf.znate.ru/view/22486/1>. (Дата обращения 15.12.2013).
- Солганик Г.Я* О русском литературном языке и языке СМИ на рубеже веков // От книги до Интернета. Журналистика и литература на рубеже тысячелетий. М.: МГУ, 2000. С. 263.
- Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса: монография. М.-Волгоград: Перемена, 2000. 367 с.
- Щичко В.Ф.* Китайский язык. Теория и практика перевода. М: Восток-Запад, 2004. С. 122.
- 百花迎春：凝聚五代艺术家（文化进行时）《人民日报》2014年1月16日.
- “扒剧”，编剧的成功捷径？《人民日报》2014年04月17日.
- 把群众意见当作治病良药（督导视线）《人民日报》2013年8月26日.
- 定价销售才能固本培元》《人民日报》2013年04月23日.
- 防灾减灾，打牢基础最关键（心系民生）《人民日报》2011年3月13日.
- 故宫御花园将恢复历史风貌《人民日报》2014年3月27日.

汉语成语词典/何平主编. —成都: 电子科技大学出版社, 2004. 7.

核心价值观凝聚正能量(深化改革看形势)《人民日报》2014年03月08日.

莫高窟被“搬”进电脑(让传统文化活起来)《人民日报》2014年01月29日.

人民日报[Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://paper.people.com.cn>.

提升协商民主制度化水平 (学术信息)《人民日报》2014年1月26日.

在纪念杨勇同志诞辰100周年座谈会上的讲话《人民日报》2013年10月29日.

БКРС [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://bkrs.info>

Электронное научное издание

II Международный научно-практический форум,
«Языки. Культуры. Перевод».

01 – 09 июля 2014 г.

Материалы

Подписано в печать 17.06.2014. Формат 60x90 1/8

Тираж 100 экз.

Издательство Московского университета. 125009,
Москва, ул. Б. Никитская, 5. Тел. (495) 629-50-91.

Факс: (495) 697-66-71. Тел.: (495) 9393323 (отдел реализации)

E-mail: secretary-msu-press@yandex.ru

Сайт издательства МГУ: www.msu.ru/depts/MSUPubl2005

Интернет-магазин: <http://msupublishing.ru>

Отдел реализации:

Москва, ул. Хохлова, 11 (Воробьевы горы МГУ).

E-mail: izd-mgu@yandex.ru. Тел.: (495)939-34-93